

ПЕТР

ДЕРЯБИН

**СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА**

ДЕЛО № _____

_____ год

ХРАНИТЬ _____ ЛЕТ

**ОТ ОХРАНКИ
ДО 9-го УПРАВЛЕНИЯ**

СТРАЖИ КРЕМЛЯ

Аннотация

Бывший сотрудник КГБ, оставшийся на Западе в семидесятых годах, воссоздает историю одной из самых таинственных структур государственной власти — охранной службы правителей страны (от царя Ивана Грозного до генсека Леонида Брежнева), каждый из которых стремился обезопасить себя от всевозможного заговора и создавал собственную службу безопасности, порой по жестокости превосходящую службу предшественника. О специфике и методах функционирования российских охранных структур, о причинах их создания и значении для государства и рассказывает эта книга, которая после выхода на Западе стала бестселлером.

Петр Дерябин

Стражи Кремля. От «охранки» до 9-го управления КГБ

От автора

Из врагов всего опасней враг, прикинувшийся другом.

Руставели. Витязь в тигровой шкуре

*Я считаю, что хозяин непременно должен время от времени
проходиться по рядам своей партии с щеткой в руках.*

Из речи И. В. Сталина на XIII съезде партии

*Метод отрубания и кровопускания... опасен и заразен.
Сегодня ты отрубаешь одну голову, завтра другую, а на
следующий день еще одну. Что же тогда в конце концов
останется от партии?*

И.В. Сталин. Сочинения, т. VII

Добрый десяток лет состоял я на службе в советской контрразведке и в структуре правительственной охраны. Это было в конце сталинской эпохи, когда система обеспечения безопасности высшего руководства страны достигла совершенства, до сих пор не превзойденного нигде в мире.

В течение всего периода трудной и опасной службы мои познания в области охраны национальных вождей ограничивались только советским опытом. Разумеется, мне было известно, что цари имели собственную службу безопасности и телохранителей, но доступная мне информация на подобную тему носила пропагандистский характер. «Научные» труды советских историков скорее обличали деяния самих монархов и тех, кто им служил, нежели излагали реальные факты, касающиеся профессиональной деятельности моих предшественников.

Вот почему, перебравшись на Запад, я жадно ловил всякую информацию о России, и прежде всего касающуюся работы профессионального телохранителя. Лишь эмигранты из коммунистических стран, и особенно из Советского Союза, способны по достоинству оценить возможность получения информации, которую в изобилии предоставляет свободный мир. В таком праве им отказывали на родине, где зачастую даже самые незначительные факты затуманиваются, искажаются или вовсе отрицаются по идеологическим соображениям.

Вскоре я с удивлением обнаружил, что среди потока интересующих меня книг практически отсутствовали материалы о деятельности телохранителей в России и, в частности, о той роли, какую они сыграли в установлении или свержении режимов, которым присягали на верность. Несколько сочинений, написанных бывшими начальниками царской охраны, вот и все, что удалось раздобыть по интересующей меня теме. Да и эти труды неизменно разочаровывали, так как в них шла речь скорее о недостатках охранной службы и романтизировались прошлые времена, но отсутствовала какая-либо информация, касающаяся ее структуры и функционирования.

Неприятно удивили меня и распространенные на Западе книги о сталинской охране, содержащие главным образом сведения интимного характера из жизни охранников Сталина. Эти издания изобилуют всевозможными небылицами, и к подобным опусам, конечно, невозможно относиться серьезно.

Уникальность системы охраны в России во времена царей, как и во времена комиссаров, характеризуется двумя основными особенностями. Первое: все режимы в российском государстве носили деспотический характер. Второе: охрана, какой бы мощной она ни была, успешно справлялась со своей задачей лишь тогда, когда правителем страны осуществлялся террор, причем террор самый беспощадный.

Так, именно с помощью жесточайших репрессий Иван Грозный сумел удержаться на троне, а из-за неспособности или нежелания прибегнуть к безжалостному, террору Александр II, ликвидировавший крепостное право, пал жертвой заговора. То же самое можно сказать о Николае II, который воздержался от развязывания террора, в критический момент сам оказался его жертвой. Для коммунистов же репрессивные меры являются надежным способом удержания власти начиная со времен Ленина.

Охранная служба правителей российского государства всегда выполняла двойную функцию. Она не только защищала вождя от реальных или мнимых врагов, но и уничтожала их физически, обычно самым жестоким и потому самым надежным способом. Возможно ли представить что-либо подобное в Соединенных Штатах: например, что можно убить сотрудника секретной службы или бросить в тюрьму многочисленных политических оппонентов американского президента?

Изучая деятельность охранных структур в дореволюционной России и в Советском государстве, я обнаружил любопытную аналогию. Начиная с эпохи мелких княжеств Киевской и Московской Руси и вплоть до второй четверти XIX столетия опасность для государя главным образом исходила от мятежных родственников и приближенных, стремившихся к захвату власти.

А во времена правления Николая I и царствования трех его потомков дворцовые интриги практически сошли на нет. Основная угроза для венценосной особы исходила теперь не от самой семьи самодержца, а от недовольного дворянства, интеллигенции, рабочих и крестьян.

Подобная схема развития отношений характеризует и советскую эпоху. Вплоть до правления Хрущева главную опасность для вождя представляло его ближайшее окружение. Для Ленина главную угрозу представляли оппозиционные монархическому режиму партии — в сущности, соратники большевиков по политической борьбе. Сталин боролся с реальными и воображаемыми врагами из своего же большевистского окружения, видя в них претендентов на власть, и все они, кстати, включая его главного и несомненного противника Троцкого, были устранены физически системой безопасности.

Во времена Хрущева борьба за «трон» в среде партийных бонз стала носить менее кровавый характер, что подтвердило относительно мирное смещение коммунистического лидера. Вместе с тем множество людей — писателей, художников, ученых и даже председателей колхозов, вздохнувших свободнее по окончании сталинского террора, — начали проявлять претензии к режиму, и именно с этой стороны возник основной источник угрозы для руководства государства.

На протяжении всей книги я старался строго придерживаться избранной темы — рассказывал об истории возникновения службы безопасности в России, о телохранителях, об их профессиональных успехах и неудачах, которые пытался проанализировать. Я намеренно обходил стороной проблемы исторического, экономического и социального характера, ибо считаю, что они достаточно полно исследованы квалифицированными специалистами, и касался их, лишь когда это диктовалось крайней необходимостью.

Как бывший охранник коммунистического вождя, особый упор я делал на описание служб безопасности в период советского времени. Нигде в мире не существовало, а возможно, никогда и не будет существовать охранной структуры, подобной той, какую организовал «вождь всех времен». Его

последователи конечно же имели и будут иметь свою охрану, но она не идет ни в какое сравнение со сталинской.

Смею надеяться, что эта книга восполнит существующие пробелы в отечественной Истории, поведав, как русские правители завоевывали и сохраняли власть, опираясь на свои охранные структуры, или, наоборот, лишались ее из-за неэффективной службы безопасности.

В заключение считаю своим долгом заявить, что автор несет полную ответственность за изложенные в книге суждения, фактический материал и выводы.

Петр Дерябин.

14 июня 1972 года

Часть первая

ОХРАНА РОССИЙСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Охранники князей

В давние времена восточные славяне слыли миролюбивым народом, и их вожди, Вероятно, не нуждались в телохранителях. Но по мере того как этот народ богател, соседние племена стали совершать набеги на его поселения. Тогда группа славянских этносов обратилась за помощью к более воинственным викингам, или варягам. Те посещали места расселения славян для торговли и поиска путей на юг.

Варяги совершали налеты, путешествовали и вели торговлю группами полувоенного образца. Во главе каждого отряда находился вождь. Такие вожди отличались физической силой, умением искусно владеть оружием, навыками судоходства и верховой езды, которые обеспечивали успех своим группировкам во время боевых действий.

Обычно если вождь погибал, то в самом отряде найти ему квалифицированную замену было очень сложно. А это означало, что рядовые члены обезглавленного рода либо, поглощались другими дружинами, либо оказывались в плену, а позже продавались в рабство. Чтобы предотвратить это, наиболее сильные участники отряда плыли, скакали и дрались рядом с вождем и на деле становились его телохранителями, хотя так не именовались.

Варяг Рюрик, первый правитель Древней Руси, видимо, располагал такой группой преданных спутников, когда он установил контроль над Новгородом в конце IX столетия. И он, должно быть, использовал их, чтобы подавить попытку недовольных славян и другого варяга по имени Вадим, попытавшихся свергнуть его. Как поступили с Вадимом неизвестно, его имя больше не упоминалось ни в летописях, ни в сказаниях. Похоже на то, что соратники Рюрика разделились с ним. Известно, что через несколько десятилетий — в X веке — византийские правители начали использовать варягов в качестве телохранителей, и эта практика продолжалась до завоевания турками Константинополя в 1453 году.

Можно предположить, что Олег, прямой наследник Рюрика, отбил Киев у захватчиков с помощью личной охраны. И можно также полагать, что именно охранники ликвидировали узурпаторов, когда тех удалось заманить на судно Олега. Его телохранители, вероятно, поднаторели в своем мастерстве, потому что, несмотря на свои частые набеги и битвы, Олег умер от сравнительно естественной причины — укуса змеи.

Это совсем не походило на судьбу следующего великого князя Киева сына Рюрика Игоря, правившего в X столетии. Летописное сообщение о смерти Игоря содержит первое упоминание о телохранителях правителей на Руси. В летописи говорится, что Игорь попытался два раза подряд собрать дань с древлян. Дружина охранников сопровождала его во время каждого сбора. Но во время последней роковой поездки он взял с собой их слишком мало.

При последующем правлении жены Игоря Ольги в летописях появляется совершенно четкое указание на дружину как на княжескую охрану. Именно Дружина сплотилась вокруг Ольги для того, чтобы не только, закрепить за ней власть, но и помочь ей отомстить древлянам за смерть Игоря.

При сыне Игоря Святославе дружина превратилась скорее в его личную армию, а не просто охрану. К этому времени порода варягов утратила, свою чистоту в результате смешанных браков со славянами. В

дружину Святослава входили не только варяги, но и славяне, поляки, литовцы, венгры, степные кочевники.

Похоже, такой разношерстный состав приближенных не сослужил киевскому князю добрую службу. Если бы Святослав располагал настоящими охранниками типа старых варягов, то не исключено, что они смогли бы спасти его во время засады, устроенной печенежскими кочевниками.

Дальнейшее ухудшение в постановке охраны правителя совпало — а возможно, и явилось причиной этого — с началом более чем пятисотлетнего упадка России, анархии бояр и князьков и ужасного ига татарских завоевателей. Вместо профессиональных телохранителей мелкие князьки и случавшиеся изредка достойные правители располагали в тот мрачный период всего лишь ратниками — в сущности, простыми солдатами, которые грабили и убивали беззащитных горожан и обычно не оказывали должного сопротивления, когда сталкивались с серьезным противником.

Стрельцы и опричники

Обе эти организации явились плодом задумок Ивана Грозного (годы правления — 1533–1584).

Этот царь стал первым русским правителем после князей Киевской Руси, который осознал необходимость профессиональной организации охраны. Тому способствовали нападки на него со стороны бояр до восшествия на трон и стремление защититься от них во время царствования.

Первый отряд стрельцов насчитывал примерно тысячу человек. В основном это были пехотинцы, первоначально мастера по стрельбе из лука — из элитных войск того периода, — позже они получили огнестрельное оружие. Но у некоторых из них оставались пики, секиры и мечи. Первое такое формирование в основном охраняло Московский Кремль и его хозяина. За время своей примерно стотридцатилетней истории существования у стрельцов сменилось много командиров, но вначале их единственным и настоящим командующим был сам Иван Грозный.

Стрельцы принимали участие во всех кошмарных акциях своего сумасбродного правителя — включая разорение Новгорода, — но они не были инициаторами всякого рода ужасов и жестокостей. Для таких дел существовали опричники.

Опричнина просуществовала всего семь лет (1565–1572), но она принесла России столько бедствий, что осталась в народной памяти навсегда. Сталин высоко ставил опричников, которых критиковал вместе с их хозяином только за то, что они не сумели ликвидировать еще большее число бояр и священников.

В отличие от стрельцов, опричники носили бросавшуюся в глаза униформу. Они относились к конной гвардии, одевались во все черное, включая накидку. Черной была и вся сбруя. На седлах красовались изображения метлы и волчьей пасти, которые подчеркивали главное назначение опричников — выслеживать и выметать «крамольников», то есть всех тех, кто не потрафил Ивану.

Тщательно отобранный корпус опричников насчитывал шесть тысяч человек, а по некоторым данным, достигал десяти тысяч. Это было разношерстное сборище беспринципных и циничных представителей княжеских и боярских семей, чужеземных авантюристов, воров, странствующих, не совсем нормальных проповедников. Из особо приближенных к Ивану подонков можно выделить Алексея Басманова, Малюту Скуратова-Вельского и князя Афанасия Вяземского. Сам царь писал о том, что идею опричнины подал ему некий Иван Пересветов, но нет указаний на то, что этот человек играл какую-нибудь роль в деятельности придуманной им организации.

В период их расцвета опричникам принадлежала половина царства и значительная часть Москвы. Впрочем, они контролировали и остальную часть страны. Их база располагалась в Александровской слободе, монастыре, на деле представлявшем собой крепость с водяными рвами, каменными стенами и темницами, расположенном в семидесяти милях к северо-востоку от столицы. У них была также ставка в их московском секторе.

Неудивительно, что Сталин восхищался Иваном Грозным и его опричниками. Вероятно, он завидовал им, а также, в меньшей степени, ленинской ЧК. Ведь чтобы отделаться от своих врагов — реальных и надуманных, — Сталину приходилось создавать видимость законности и проводить «судебные процессы».

Подобной щепетильностью Иван IV и его банда головорезов себя не затрудняли. Опричники получили приказ карать с крайней жестокостью. Они пользовались безусловным правом убивать, грабить, избивать, насиловать, похищать и сжигать имущество любого и каждого, кого они признавали врагами царя. Задолго до своих последователей из царской «охранки» и советских НКВД и КГБ они использовали сексотов и провокаторов и подстраивали ловушки для своих жертв, подбрасывая им фальшивые документы.

В результате, когда опричники врывались в города и селения, граждане разбегались, улицы пустели, а пойманные оговаривали своих родственников, друзей или соседей в надежде спасти собственные жизни.

Главный преступник Иван находился обычно либо в монастыре Александровская слобода, либо в своей московской резиденции. Он делил время между пытками и расправой над заключенными, наблюдая с напускным неодобрением изнасилования схваченных женщин, часто из боярских семей, пируя с опричниками, облаченными в монастырские одежды; либо постясь и молясь за свои жертвы.

Вопреки напускной религиозности, Иван Грозный являлся для церкви настоящим антихристом. Он с особенной силой обрушился именно на эту часть российской элиты, заставив опричников проводить массовое истребление священников, включая митрополитов и архиепископов. Его заклятым врагом стал московский митрополит Филипп, который открыто выступал против опричников и был, похоже, нетрусливым человеком. В 1569 году Филипп зашел так далеко, что публично отчитал Ивана и отказался благословить его в Успенском соборе. За это опричники собрали «улики» и организовали «суд» над священником — инсценировку для москвичей, горячо любивших митрополита. Прodelав это, шайка во главе с Басмановым ворвалась в собор, схватила Филиппа у алтаря, сорвала с него одежду и облачила в одеяние простого монаха. По некоторым свидетельствам, низложенного митрополита удавили в монастыре в Твери. Другие считают, что его подвесили на крюке в подвалах монастыря Александровская слобода. Но все версии сходятся на том, что палачом стал Малюта Скуратов, самый кровавый опричник.

С не меньшей злобой относился самодержец к российской знати. Несмотря на это, некоторые видные аристократы роковым образом обманулись в Иване. Последнее относится к старицкому князю Владимиру, который допустил неосторожность, заявив в тревожном 1553 году, что обладает некоторым правом на трон. Царь проявил значительную долю терпения в подготовке ликвидации конкурента, начав последовательно отстранять Владимира от его сторонников. В конечном итоге опричники схватили князя, отвезли его в монастырь и убили. Согласно большинству отчетов жертву отправили на тот свет с помощью яда.

1569 год ознаменовался не только убийством митрополита Филиппа и князя Владимира, но и стал пиковым для кровавого Ивана. Потому что именно в этом году он решил разрушить купеческий город Новгород, устроить массовое побоище его населения.

Иван повел на этот город относительно небольшое войско, примерно пятнадцать тысяч ратников и стрельцов под предводительством опричников. До расположенного не слишком далеко от Москвы Новгорода воинство добиралось целый месяц.

Задержка была вызвана грабежами, пытками и убийствами в подмосковном городе Клину; истреблением многих тысяч жителей Твери; умерщвлением всех путников, которые имели несчастье оказаться в то время на дороге, а также разграблением и разрушением монастырей, расположенных на этом пути или недалеко от него.

Достигнув Новгорода, войско установило вокруг него кордон — некоторые утверждают, что город окружили деревянной стеной, — чтобы отрезать обреченным жителям путь к бегству. Архиепископ Новгорода Пимен встретил Ивана на мосту над рекой Волхов, которая разделяет город. С типичным для него поведением царь святотатски отверг благословение священнослужителя и обозвал его всяческими словами, но позволил ему провести службу в соборе и устроить обед. Когда подали вино и кушанья, Иван подал опричникам условный знак, начались грабежи в соборе, во дворце архиепископа, во всем городе. Опричники приступили к оргиям пыток и массовым убийствам.

Ужасное побоище продолжалось пять недель. Мужей заставляли смотреть, как истязают их жен, и наоборот. Матери присутствовали при том, как увечили, рубили секирами или четвертовали их детей.

После чего сжигали или умерщвляли каким-либо иным способом самих матерей. Наиболее распространенный метод массового убийства был следующий: людей сгоняли плетями в кучи и бросали их в реку Волхов возле моста, под которым вода не замерзала. Особенно старательные опричники патрулировали вдоль берега и добивали всех, кто выплывал и проявлял признаки жизни.

Согласно свидетельствам таким ужасным образом погибло более шестидесяти тысяч новгородцев. В конце кровавой бани Иван и его приспешники сожгли, выбросили в ямы или уничтожили другими способами запасы городского питания и обрекли оставшееся в живых население на голодную смерть и на различные эпидемии, включая чуму, которые свирепствовали в то время в стране. Город остался на географической карте, но Великий Новгород, существовавший раньше, больше не возродился после бешеного приступа рехнувшегося царя.

Возвратившись в Москву, сумасшедший со своими подручными нашел новые жертвы для своей мании. Предлогом для опустошения Новгорода послужили сообщения о том, что этот город планировал договориться с одним из врагов русского государства того времени — Литвой. Предлогом для другого ужасного избиения — публичных пыток и умерщвления более ста тысяч человек в столице в середине 1570 года — послужило то, что они якобы участвовали в Новгородском плане. Для верности этих несчастных обвинили также в связях с крымскими татарами, Польшей и Турцией. Главари этих жертв объявили думного дьяка Ивана Висковатого, который занимал пост, равноценный министру иностранных дел, и Никиту Фуникова-Курцева, казначея царства. Иван воспользовался этим случаем, чтобы отделаться и от повара, возможно, чтобы тот не проболтался — ведь он годом раньше отравил князя Владимира Старицкого.

На площади установили котел с кипящей водой и восемнадцать виселиц. В назначенный час опричники согнали туда упирающихся и запуганных граждан в качестве зрителей. Туда же с шумом и лязгом заявили вооруженные до зубов Иван и тысяча всадников из его воинства, которые доставили осужденных. Большинство из них были уже изувечены во время предшествующих пыток.

Царь приказал повесить Висковатого вверх ногами. Казнь начал Малюта Скуратов, который отсек дьяку ухо. Другие опричники изрубили его, как кусок мяса. Фуникова бросили в котел с кипящей водой. Потом царь и опричники, все сразу, накинулись на остальные жертвы, рубя и пронзая их саблями, секирами и пиками. Иван отпраздновал окончание казни в доме Висковатого, где изнасиловал вдову, в то время как сын самодержца, предполагаемый наследник русского государства, поступил также со старшей дочерью казненного.

Московская кровавая оргия оказалась началом конца опричнины. В течение этого кошмарного 1570 года Иван разделался и со своими главными приспешниками. Он приказал Федору, сыну Алексея Басманова, убить собственного отца, а затем распорядился убить и сына. С князем Вяземским Иван поступил более утонченно. Он пригласил его во дворец вроде бы для дружеского совещания, а в это время верные опричники направились в дом князя, где уничтожили его сторонников и слуг. Вяземскому позволили возвратиться домой, где он наткнулся на трупы своих приближенных. Там его схватили и бросили в темницу, после чего князя больше никто не видел.

Убийство Басмановых и Вяземского послужило прелюдией к большой чистке опричников в лучших русских традициях. И проводилась она в обычной манере — под надуманными в своем большинстве предложениями. Избежал этой участи только Малюта Скуратов, необычайно коварный и изворотливый тип, но он позже пал в битве за Ливонию.

Даже после чистки в течение некоторого времени ряды опричников пополнялись теми, кто хотел занять место ликвидированных. Но большинство историков полагают, что примерно к 1572 году опричнина прекратила свое существование как действующая и массовая организация. Однако следов ее

официального роспуска Иваном не осталось. Таким образом, вполне вероятно, что некоторые опричники все еще существовали по крайней мере до конца 1577 года, когда царь атаковал ливонский город Венден. После того как некоторые граждане Вендена взорвали себя в местном замке, чтобы не попасть в руки Ивана и его негодяев, остальных жителей перебили в традиционном стиле. Но уже лет через пять — семь после смерти Ивана, происшедшей во время очередного приступа его болезни, об опричниках и не вспоминали, разве что в страшных историях и легендах.

Существует много разнообразных объяснений возникновения опричнины. Большинство авторитетных источников сходятся на том, что цель этой организации заключалась в обеспечении личной безопасности царя — то есть служба ему в качестве телохранителей. Верно, что они давили его врагов без всякой жалости, как, впрочем, и тех, которые врагами не являлись.

Правда, что правитель не умер от рук соперника. Но чего-то, проверенного наукой, недостает в описаниях Ивана и опричников — особенно в работах русских историков, — а именно исследований, почему русские аристократы, служители церкви, простые мужики или разочаровавшиеся опричники не уничтожили этого зверя в царском облачении. Ведь опричники, хотя и вызывали ужас, не были вездесущими и всевластными, какими позже стали коммунистические охранники, которые превратились в совершенную, почти неуязвимую защиту для своих правителей. Тот факт, что Иван Грозный умер своей смертью, объясняется либо везением, либо, что более вероятно, русским характером в интерпретации Достоевского. В его работе «Великий инквизитор» словами главного героя говорится о том, что русские люди воспринимают бремя свободы как слишком тягостное. Это, возможно, лучше всего объясняет не только феномен Ивана и опричников, но также и всех последующих русских правителей и их охранников — и хороших, и плохих.

Конец опричнины ознаменовал собою уход на некоторое время с исторической сцены русских телохранителей элитного типа, которые были помощниками и доверенными лицами правителя. Со смертью самодержца произошло возвращение к стрельцам, выпестованным Иваном, когда он еще находился в здравом уме. С самого начала была набрана группа примерно в тысячу человек. Общий состав стрельцов впоследствии увеличился до двадцати трех полков. Хотя численный состав этих полков точно неизвестен, каждый из них, вероятно, насчитывал до тысячи воинов.

В последние годы XVI столетия и в начале XVII, иначе говоря, при узурпаторе Борисе Годунове, стрельцы пережили еще одно падение. Царь Борис, возможно, потому, что сам когда-то служил опричником, не очень полагался на стрельцов. Он считал, что благоразумнее опираться на чужеземцев. Поэтому пригласил группу балтийских немцев на службу в качестве своих телохранителей. О такой организации, кроме факта ее существования, мало что известно. Но летописи свидетельствуют, что осуждения, пытки, убийства и надругательства над боярами и священниками продолжались и при Борисе. А поэтому резонно предположить, что его немецкие охранники действовали достаточно эффективно, хотя и не получили такую позорную славу, как опричники.

После смерти Бориса, в Смутное время (1605–1613), немецкая охрана была распущена. Но и стрельцы в этот несчастный период не выполняли какие-то конкретные функции, если не считать их участия в возведении или низложении различных претендентов и всевозможных самозванцев на трон.

Когда в 1613 Году удалось восстановить порядок с избранием первого Романова, Михаила, стрельцы вернулись к Своим обычным обязанностям охраны кремлевских ворот и внутренних помещений Кремля. Похоже, что дело обеспечения подлинной безопасности царя поручили Боярской думе, иначе говоря, лидерам аристократов, которые избрали молодого Романова. В каком-то смысле Михаил особенно и не нуждался в охране. Во-первых, он был слабовольным и неагрессивным человеком, а правление осуществлял его отец. Во-вторых, бояре так намучились в период смуты и так стремились к стабильности в

условиях законности, что и не помышляли О противодействии царю.

Боярская дума сослужила Полезную службу и во время волнений в годы правления следующего царя — Алексея. Именно Боярская дума провела расследование восстания казаков в 1670–1671 годах под руководством Стеньки Разина и осудила этого повстанца на казнь путем четвертования в Москве. Сам Алексей учредил Тайных дел приказ, который в некотором роде стал предтечей императорской тайной полиции. Однако он был упразднен после смерти монарха.

При Алексее свою роль играли также и стрельцы. Имеются описания того, как царь уезжал из дворца в карете, окруженной большим кольцом телохранителей, которые отгоняли любопытных древками секир. Эту функцию и выполняли стрельцы. Они были одеты в обмундирование ярких цветов, некоторые имели позолоченные пистолеты, а другие снабжены дубинками для разгона толпы. Существуют также указания на то, что Алексея не удовлетворяла эффективность собственной охранной службы. В начале своего царствования он едва не оказался в руках разъяренной толпы и поэтому нанял в подмогу стрельцам иностранных мушкетеров.

Своего наивысшего расцвета стрельцы достигли после смерти Алексея, когда началась борьба за власть между молодым Петром Великим и его сводной сестрой Софьей. Фактически в тот краткий период стрельцы решали скорее судьбу правителя, чем служили ему охраной.

В 1682 году, когда десятилетнего Петра провозгласили царем, отдав ему предпочтение перед его старшим, но слабоумным братом Иваном, Софья крайне возмутилась. Стрельцы по ее подстрекательству — по некоторым данным, около пятидесяти тысяч человек — совершили марш на Кремль, где находился Петр со своей матерью, Наталией. После уговоров и получения большой суммы денег, выплаченной Наталией, стрельцы ушли, но вскоре вернулись, опять по наущению Софьи. Они ворвались во дворец и изрубили сторонников Наталии. А сама Наталия вместе с Петром была отправлена в село Преображенское в окрестностях Москвы.

Софья, став регентом (1682–1689), сначала объявила амнистию стрельцам, участвовавшим в дворцовой бойне. Но вскоре она наклала на них узду, начав с ликвидации их командира, князя. Ивана Хованского, который размышлял о троне, поскольку принял участие в смещении царя. Потом Софья издала указ, запрещающий стрельцам и всем остальным впредь буйствовать в Кремле, по крайней мере, во время ее правления. В указе детально устанавливалось, кто допускается во дворец, через какие ворота, определялись лестницы и проходы, которыми надлежит пользоваться в различных частях Кремля. Полностью запрещался доступ посторонним в личные покои царствующей семьи. Это правило распространялось и на бояр. Царственные покои и кабинеты закрыли оградами и всех предупредили: «...никогда туда не входить и никого не приводить с собой, независимо от важности дела...» Запрещалось также появляться в любой части дворца с оружием. Это распространялось и на лиц, которые, согласно обычаям того времени, всегда были вооружены. Аналогичный запрет касался иностранных послов и сопровождающих их лиц.

Этот давний указ о «железном занавесе» и другие принятые Софьей меры оказались достаточными для надежного контроля над стрельцами до окончания ее правления. Однако в 1689 году один из подручных правительницы, Шакловитый, начал науськивать некоторых стрельцов отправиться в Преображенское и убить там Наталию. Но другие стрельцы сообщили Петру об этом заговоре, что позволило ему занять оборонительные позиции в близлежащем монастыре вместе с поддержавшими его друзьями детства. Вскоре большая часть стрельцов вообще переметнулась на сторону Петра.

Оказавшись наконец хозяином положения, Петр приказал казнить Шакловитого и других заговорщиков, а Софью заточил в монастырь. Запоздалая поддержка Петра со стороны стрельцов пользы им не принесла. У него еще были свежи воспоминания, когда он в десятилетнем возрасте стал свидетелем

разнузданной поножовщины в Кремле. Поэтому молодой царь отказался сохранить стрельцов в качестве своей охраны и вскоре превратил их в саперные войска, отправив на юг страны для строительства оборонительных сооружений. Лишившись своих прежних, удобных мест жительства, стрельцы взбунтовались, прервав тем самым поездку Петра по Европе. И хотя подчиненные царя подавили восстание задолго до возвращения самодержца, он решил, что со стрельцами надо кончать. Петр лично руководил проведением пыток и дознаний над огромным количеством бунтовщиков, добившись от них признания вины. Большинство мятежных офицеров казнили публично в Москве, и стрельцы как охранная организация перестали существовать.

Преображенские и Семеновские гвардейцы

Преображенский и Семеновский гвардейские полки, элитные войсковые части России вплоть до падения Дома Романовых, первоначально были сформированы из друзей детства царя, с которыми Петр проводил потешные военные игры в Преображенском, когда он находился в ссылке.

Эти юноши превратились в таких же преданных стражей Петра, какими были телохранители вождей варягов. Никогда не возникало сомнение в том, что они отдадут свою жизнь за Петра, сделают все возможное для его защиты.

Именно эти молодые люди сплотились вокруг Петра, когда он бежал в монастырь, спасаясь от заговорщиков стрельцов. Позже, когда потешные полки превратились в регулярные соединения, именно они находились рядом с царем при его первых победах на поле брани. И именно они с помощью иностранных наемников подавили восстание стрельцов во время пребывания Петра в Западной Европе.

Преображенцы с самого начала пользовались некоторым преимуществом перед семеновцами — возможно, потому, что Петр был их «командиром» во время юношеских потешных сражений. Видимо, по этой причине выходцы из Преображенского полка достигли большей известности. Среди них были князь Федор Ромодановский и любимец самодержца Александр Меншиков.

Этим можно объяснить и учреждение в 1695 году Преображенского приказа. Первоначально им руководил князь Ромодановский, а потом его сын Иван. Перед Приказом поставили разнообразные задачи, включая надзор за начавшейся в то время торговлей табаком, но очень скоро он стал ведать в основном политическими преступлениями. В своей полицейской деятельности Приказ использовал другое нововведение Петра: фискалов — широкую сеть правительственных чиновников, которые вначале предназначались для надзора за сбором налогов и предотвращения финансовых злоупотреблений, но потом стали больше специализироваться на политдоносах.

Преображенский приказ был удивительно невелик по составу, если принять во внимание масштабы поставленные перед ним задач. Помимо самого князя Ромодановского, в нем работали два ответственных сотрудника и с полдюжины помощников. Контакты с фискалами и другая работа по курьерской связи, так же как и аресты, осуществляли гвардейцы Преображенского и Семеновского полков, которые получали приказы от князя, а иногда и от самого Петра. Именно таким путем арестовывались, а потом препровождались в тюрьму или ликвидировались выявленные и потенциальные враги царя.

Наряду с Преображенским приказом и фискалами Петр учредил в последний период своего царствования третью важнейшую организацию по вопросам безопасности, Тайную канцелярию, созданную для суда над собственным сыном Алексеем, чтобы не запятнать монарха за последующую смерть предполагаемого наследника. Тайную канцелярию закрыли в 1726 году, вскоре после смерти Петра Великого. А Преображенский приказ просуществовал до смерти его начальника, князя Ивана Ромодановского, то есть до 1729 года.

С закрытием Приказа Преображенский и Семеновский гвардейские полки прекратили выполнять функции полицейского надзора. Но они сохранили еще на целое столетие свою роль основной охраны правителя. Обе эти воинские части испытали непродолжительное падение их престижа при царице Анне (1730–1740), которая создала Измайловский полк для своей охраны, целиком состоявший из прибалтийских немцев. Однако Анна использовала именно Преображенский полк, когда Нарушила соглашение, заключенное с Верховным тайным советом. Императрица Анна фактически воссоздала Преображенский приказ под другим названием — Тайная розыскных дел канцелярия, которой руководил генерал Андрей Ушаков, бывший при Петре членом Тайной канцелярии. Повсюду в стране эта организация

располагала осведомителями, арестовывала и отправляла в ссылку бесчисленное множество влиятельных бояр и членов их семей. Она также усовершенствовала традиционные приемы российских пыток, позаимствовав в Западной Европе такие новшества, как «пекинская капелница», «нюрнбергская дева» и «испанский сапог».

После смерти Анны преображенцы и семеновцы не только заняли свое прежнее место, но и стали активно вмешиваться в дела престолонаследия. Так, они отстранили от власти бывшего любовника Анны, которого она назначила регентом. Потом возвели на трон дочь Петра Великого, Елизавету, любимицу Преображенского полка. Хотя Елизавета обожала, преображенцев, она проявила достаточную осторожность, сохранив Тайную розыскных дел канцелярию, которую, по крайней мере некоторое время, продолжал возглавлять генерал Ушаков. Тот напряженно трудился, стараясь оставаться на хорошем счету у императрицы, что особенно проявилось в деле Наталии Лопухиной.

Эта привлекательная женщина впервые вызвала неудовольствие Елизаветы, когда появилась на балу точно в таком же костюме, как и сама царица. За это императрица публично изрезала платье Лопухиной в ключья, отхватив заодно целый ряд локонов несчастной женщины. Не Исклучено, что Елизавета могла бы быстро простить Лопухину и забыть о ней, если бы генерал Ушаков не воспользовался этим случаем для того, чтобы снискать расположение императрицы. Этот достойный царедворец положил конец появлениям Лопухиной при дворе, обвинив ее в заговоре с целью свержения Елизаветы. Лопухину вместе с мужем и сыном приговорили к казни колесованием. Однако Елизавета Поклялась, что не омрачит свое правление казнями, и заменила смертные приговоры на высылку в Сибирь. Но к тому времени Ушаков, уже успел как следует высечь всех троих приговоренных и отрезать им языки.

Вскоре после этого Ушакова отправили в отставку, а его место занял Александр Шувалов, дядя одного из любовников Елизаветы. Из-за отвращения императрицы к смертным приговорам деятельность Шувалова в качестве главного полицейского не отличалась большой жестокостью. Его назначение интересно тем, что оно положило начало почти непрерывной деятельности рода Шуваловых в политической полиции.

Новый начальник секретного ведомства избрал в качестве своего помощника довольно страшного человека, Степана Шешковского, который особенно отличится во время следующего царствования.

За время своего краткого правления — в полном соответствии с хорошо знакомой русской традицией новый император Петр III в секретном порядке учредил Тайную экспедицию перед тем, как публично объявить о роспуске непопулярной Тайной розыскных дел канцелярии. В дополнение к этому Петр распорядился, чтобы переименованная организация политической полиции подчинялась бы не ему, а непосредственно Сенату. Здесь надо внести ясность — этот Сенат даже отдаленно не напоминал древнеримский сенат. Он состоял из группы подхалимов, которую, возможно, правильнее было бы назвать кабинетом. Причина, по которой Петр III решил Подчинить свою политическую полицию кабинету, не ясна. Возможно, его коробило при мысли, что в противном случае ему пришлось бы постоянно общаться с таким неприятным человеком, как Шешковский, поднявшимся к тому времени до положения руководителя политической полиции. Но какие бы ни существовали причины для такого изменения, фактом остается то, что в результате дополнительной бумажной чехарды и путаницы сбившаяся с толку Тайная экспедиция не докопалась до планов дворцового переворота.

Гвардейцы низложили Петра III и возвели на трон его жену Екатерину II. Для захвата власти она обратилась вначале к измайловцам — просто из-за удобства, а не по политическим соображениям: их казармы находились ближе к ее резиденции. Да и к тому времени состоявший когда-то исключительно из прибалтийских немцев Измайловский полк основательно обрусел. Но перед тем как отправиться вскачь к своему свергнутому мужу, чтобы огорошить его этой новостью, Екатерина старательно повторила прием

Елизаветы при проведении переворота — облачилась в форму Преображенского полка. Причем надела форму преображенцев старого образца, а не прусского, навязанного Петром III.

Укрепив свою власть, Екатерина, немка по происхождению, оказалась такой же двуличной в отношении политической полиции, как и любой другой подлинно русский правитель. Она тоже объявила о роспуске Тайной розыскных дел канцелярии и тоже держала в секрете, что место канцелярии заняла Тайная экспедиция. Императрица также оставила на своей должности Шешковского, но теперь он должен был докладывать не всему составу Сената, а его руководителю, который именовался генерал-прокурором.

Единственного оставшегося законного соперника Екатерины неудачливого Ивана IV убили гвардейцы в Шлиссельбургской крепости во время попытки офицеров-заговорщиков освободить его. Шешковский, не зная о заговоре, ничего не предпринял, чтобы помешать ему, но сыграл основную роль при расследовании, которое привело к казни взбунтовавшихся военных. Он особенно был силен при допросах своих жертв, которые обычно проводились уже после совершения ими каких-либо неугодных режиму деяний. Тайная полиция при Шешковском больше полагалась на пытки, нежели на внедрение своих людей в ряды потенциальных бунтовщиков. Прикидываясь набожным человеком — как это делал до него Иван Грозный, — он украсил свои камеры для допросов иконами и там монотонно читал молитвы, чтобы заглушить крики истязаемых плетью или орудием, которое особенно нравилось русским; — кнутом. Относя себя к числу лиц благородного сословия, он лично занимался только представителями высших классов, оставляя обработку менее достойных своим подручным.

Как и в случае со шлиссельбургскими заговорщиками, Шешковский, хоть он и называл себя сторожевым псом Екатерины, заранее ничего не узнал и о двух других попытках скинуть императрицу. Правда, претензии на трон так называемой княжны Таракановой носили скорее комический характер, хотя к этой попытке в конечном счете отнеслись так, будто она представляла реальную угрозу для престолу. После того как княжну в лучшей манере КГБ похитил в Далмации Алексей Орлов, ее передали Шешковскому перед тем, как отправить в темницу Петропавловской крепости на пожизненное заключение. Знаменитый казак-бунтовщик Пугачев был также пойман не политической полицией, а армейскими отрядами и лишь после того, как его выдали товарищи, после чего он и оказался в ведомстве Шешковского. Но последующие допросы инсургента, должно быть, разочаровали главу Тайной экспедиции, поскольку Екатерина дала строгое указание, чтобы предводителя бунтовщиков не пытали. Однако можно не сомневаться в том, что Шешковский вовсю использовал иконы, молитвы и другие приемы, когда допрашивал менее значимых людей из окружения Пугачева.

Не сумел Шешковский предотвратить и почти созревший заговор единственного законного наследника Екатерины великого князя Павла против своей матери. Это сделал другой представитель семьи Орловых — Григорий, еще один из придворных вельмож, которые в большинстве своем состояли из гвардейских офицеров и, по существу, выполняли роль телохранителей императрицы. И конечно, Шешковскому теперь уже не представили возможность допросить странноватого великого князя.

Как и его предшественник, генерал Ушаков, главный политический полицмейстер Екатерины, был большим специалистом по обработке женщин, которые вызывали неудовольствие императрицы. Однажды он получил указание похитить жену армейского генерала прямо с бала, когда та вызвала раздражение Екатерины. Хорошенько отхлестав эту даму в Тайной экспедиции, потом ее со всей учтивостью возвратили на прием.

Шешковский настолько прославился своим мастерским ведением допросов, что чересчур либеральные писатели, в частности Александр Радищев и Николай Новиков, сочли более благоразумным сразу во всем сознаваться, чем подвергаться пыткам. В результате первого сослали в Сибирь, а второго посадили в Шлиссельбургскую крепость.

Конец XVIII столетия оказался самым горячим периодом для Шешковского. Французская революция и казнь на гильотине Людовика XVI и Марии-Антуанетты до смерти напугали Екатерину, и она дала своему начальнику политической полиции фактически полную свободу рук для ареста и допроса всех неблагонадежных писателей. А на деле всех, кто проявил неосторожность и вслух высказал либеральные мысли. Однако, к счастью для потенциальных жертв, блестящая карьера Шешковского прекратилась с его смертью в 1794 году.

Царь Павел стал преемником Екатерины без всяких происшествий. Он сохранил Тайную экспедицию и оставил во главе его Александра Макарова, который ранее сменил Шешковского. Хотя Макаров был почти нормальным человеком по сравнению с предшественником-психопатом, он активно принялся за дело — побросал в тюрьмы сотни людей, отправил многих других в ссылку и подавил несколько десятков крестьянских выступлений. Но, как и Шешковский, он не смог уберечь своего повелителя.

Большую часть вины за это можно возложить на самого Павла. Этот глупый царь поменял своих верных телохранителей. Вместо гатчинцев, с которыми он играл в солдатики в долгие годы ожидания престола, стал опираться на грозных гвардейцев из Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. Более того, стал обращаться с этими частями в несносной для них прусской манере. И в довершение ко всему император назначил графа Палена из Курляндии генерал-губернатором Санкт-Петербурга и поручил ему контроль над гвардией и Тайной экспедицией. Обесчестив и оскорбив таким образом свою охрану и полицию, а также передав личную безопасность в руки честолюбивого иностранца, Павел помешал Макарову предотвратить собственное убийство.

Роль Александра I в низложении отца не вызывает сомнений, хотя вряд ли можно предположить, что он соглашался на его убийство, Александр выбрал время, а конкретно — ночь, когда охрану императорского дворца нес его батальон семеновских гвардейцев. Охранники опять решили судьбу правителей, устранив одного и поставив на престол другого. Хотя небольшую группу пьянчуг, ликвидировавших Павла, вряд ли можно назвать элитными гвардейцами да и вообще чьими бы то ни было телохранителями.

Александр I поступал наудачу и непредсказуемо в решении внутренних проблем, как, впрочем, и в военных и в дипломатических вопросах. Поэтому не следует удивляться, что организация его личной безопасности осуществлялась кое-как. Вскоре после своего восшествия на престол он официально упразднил Тайную экспедицию и выпустил на свободу большинство заключенных. Однако политическую полицию отнюдь не ликвидировали. Этот склонный к обману царь создал для проведения такой работы множество организаций, которые нередко конфликтовали друг с другом. Вначале подобного рода вопросами занимался генерал-губернатор Санкт-Петербурга, который сотрудничал с Министерством внутренних дел. Однако вскоре был создан особый орган по вопросам политической безопасности, который принял на себя контроль за действиями генерал-губернатора. Этот так называемый Комитет от 13 января 1807 года на деле стал преемником Тайной экспедиции и просуществовал еще несколько лет после смерти Александра. В промежутке между 1811-м и 1819 годом деятельность в области безопасности еще больше запуталась с созданием Министерства полиции, которое подчинили Комитету. И наконец, в рамках этого министерства учредили Специальную канцелярию, которая стала заниматься политическими делами. Специальная канцелярия смогла похвастаться только одним достижением — к тому же весьма сомнительного свойства — арестом и ссылкой Михаила Сперанского в 1812 году. Министерство по делам полиции упразднили в 1819 году, а Канцелярию перевели в Министерство внутренних дел. Александр поручил реабилитированному Сперанскому, блестящему государственному деятелю, два крупных задания — подготовить кодекс законов и конституцию.

Но, пока Сперанский трудился над, выполнением этих заданий, рвение непредсказуемого Александра

к реформам остыло под влиянием нового фаворита, грубого и чрезвычайно реакционного генерала, графа Алексея Аракчеева. Он когда-то служил у Павла в Гатчине и прослыл великим специалистом по муштровке. С этого времени Аракчеев стал правой рукой царя по вопросам внутренней политики и фактически руководителем службы безопасности, хотя формально вопросами безопасности продолжали заниматься Комитет, Министерство внутренних дел и Специальная канцелярия. Но чтобы эти три ведомства держать на крючке, Аракчеев завел свою собственную сеть тайных агентов и доносчиков.

С восшествием на престол Николая I вся концепция охраны правителя и политической полиции была модернизирована. С этого времени защита лидера в России становится профессиональным делом, а разного рода охранные полки и канцелярии освобождаются от таких обязанностей. Вокруг правителя, правда, продолжают находиться различные гвардейские образования до последних дней монархии, но их функции носили скорее декоративный характер.

Николай, как и Петр Великий после стрелецкого бунта, решил лично допросить ряд заговорщиков, участвовавших в мятеже декабристов. Но, в отличие от своего предшественника, он при этом не проявлял жестокости. Николай предвосхитил приемы, которые используются и в настоящее время. Он проявил показное сочувствие и в отношении некоторых заговорщиков, что побудило тех откровенно признаться в содеянном. Но его сочувствие, как позже выяснилось, не помогло спасти жизнь лидерам декабристов.

Шумное выступление дворян против монархии оставило в тени своеобразную карьеру графа Александра Бенкендорфа, бывшего при Александре I начальником штаба гвардии. Как ни странно, этот обходительный и галантный генерал, мягкий, по свидетельствам современников, человек, стал прародителем полицейского государства. Его преемники и коллеги не только в России, но также и в других частях света были людьми совершенно иного склада.

Бенкендорф предложил воссоздать Министерство полиции и учредить жандармский инспекторат, который набирался из числа армейских жандармов, которые при Александре I выполняли функции военной полиции. Николай в принципе согласился с планом Бенкендорфа, но пожелал, чтобы функции расследования целиком находились под его личным контролем, а не под началом министерства. Император назначил Бенкендорфа командиром Отдельного корпуса жандармов после чего, в июле 1826 года, учредил отделение по дознаниям, которое стало называться Третьим отделением Собственной его императорского величества канцелярии. Шефом его царь назначил все того же Бенкендорфа.

Жандармский корпус подчинялся Третьему отделению, а впоследствии и другим ведомствам, в которые оно преобразовывалось. Корпус просуществовал весь последний Период эпохи Романовых. Как и гвардейские полки во времена Преображенского приказа, его использовала для проведения арестов политическая полиция. Жандармерия, вначале предназначавшаяся для защиты населения от администраторов, бюрократов и несовершенной юридической деятельности, носила подчеркнуто оптимистическую униформу — светло-голубую с белой оторочкой и белыми перчатками.

Бенкендорф энергично привлекал способных армейских офицеров и образованных молодых аристократов в ряды своего корпуса. Вначале, благодаря идеалистическому подходу к созданию этой организации, а также выделяющейся униформе, ему в какой-то степени удалось набрать немало приличных людей. Но вскоре, разобравшись, что к чему, те покинули ряды жандармерии. В результате корпус, несмотря на яркую форму и красивые флаги, стал набираться главным образом из второстепенных армейцев. В последнем десятилетии XIX столетия это соединение получило новое название — Специальный жандармский корпус, что, впрочем, не сказалось на его основных функциях.

В конце царствования Николая I корпус разросся за счет региональных полков и достиг общего состава примерно в восемь-девять тысяч человек, а в дальнейшем увеличился еще больше. В него включили кавалерийские части, которые использовались против бунтовщиков в городах и в качестве

мобильных отрядов в сельской местности. Россия вступила в индустриальную эпоху, поэтому некоторые отряды жандармского корпуса на постоянной основе использовались в качестве железнодорожной и портовой стражи. В соответствии с указами последних Романовых Корпусу придали дополнительные полномочия — проведения арестов, ускоренного суда и ссылки людей по политическим подозрениям. Однако, несмотря на обширные полномочия и структурную разветвленность по всей стране, это жандармское соединение не на многое оказалось способно, когда наступил решающий час. В последние периоды волнений и восстаний опорой автократии стали казаки, а не красиво обмундированный Специальный корпус.

Третье отделение не отличалось большими размерами, хотя и имело весьма важные функции. Как и у жандармов, у него был весьма привлекательный фасад. Согласно не совсем достоверным сведениям, когда Бенкендорф попросил дать ему инструкции для только что созданного. Третьего отделения, Николай протянул ему белый носовой платок со словами: «Вот мой приказ вам, берите этот платок и утрите слезы моего народа». Но такое благостное пожелание императора Бенкендорф оставил без внимания. Третье отделение унаследовало без всяких угрызений совести все приемы допросов и пыток от своих предшественников и совершенствовало их дальше. Оно продолжило также нескончаемую российскую цензуру почты и литературы. Отделение содержало секретных агентов, соглядатаев и доносчиков в дополнение к информации, собираемой более мелкими сошками такого, же рода, работавшими на жандармерию. Такие тайные агенты не ограничивались только работой внутри страны. После польского восстания 1830–1831 годов их все в большем количестве направляли за границу. Вначале агентов внедряли для сбора информации в польские группы борцов за независимость, потом сферу их деятельности расширили, они стали присматривать за путешествующими русскими и вообще за всеми лицами, которые могли иметь потенциальную угрозу для царя. Третье отделение усовершенствовало надзор, который охватывал не только местных жителей, но также и посещавших страну иностранцев. Так, один американский дипломат сообщил президенту Эндрю Джексону, что большая часть его персонала из местных жителей Санкт-Петербурга являются тайными агентами полиции. Ирония истории: Третье отделение — и его правопреемники — часто само становилось объектом слежки. Ревнивые соперники — из Министерства внутренних дел, местных полицейских департаментов и личной охраны последнего царя — всегда с недоверием относились к вышестоящим полицейским чинам и всегда, когда было можно, шпионили и следили за ними. Это порождало конфликты и неразбериху в управлении, что в конечном итоге привело к плачевному результату для последних Романовых.

При Николае I Третьему отделению повезло. Этот правитель умер в своей кровати естественной смертью. Во время его царствования не возникала и мысль об убийстве правителя или о свержении автократии.

Бенкендорф взял в качестве своего заместителя по Третьему отделению прибалтийского немца Максима фон Вока; гражданского руководителя политической полиции в Министерстве внутренних дел, а только что произведенного в генералы Леонтия Дубельта — тоже иноземного происхождения — назначил начальником штаба жандармерии. Фон Вок скончался в 1831 году — возможно, польское восстание оказалось для него чрезмерным бременем, а утонченный и проницательный Дубельт (подлинный мозговой центр Третьего отделения при Николае I) занимал вторые позиции как в жандармерии, так и в Третьем отделении вплоть до выхода в отставку по собственной просьбе в 1856 году. Сам Бенкендорф скончался в 1844 году, не дождавшись настоящей проверки на деле своего детища.

Александр Бенкендорф лично изучал доклады от растущего числа информаторов и тайных агентов Третьего отделения. Особой опеке он подверг интеллектуалов. Как многие другие шефы органов безопасности после него, добропорядочный граф искренне верил, что сможет объяснить интеллектуалам их ошибки и направить заблуждающихся на путь истинный. Он лично уделял внимание Александру

Пушкину, не только его творчеству и политическому поведению, но и частной жизни поэта, например женитьбе. Бенкендорф занимался и такими творческими личностями, как Александр Герцен, Михаил Лермонтов и Петр Чаадаев. Последнего объявили ненормальным — прием, который до сих пор используется в матушке России. После того как Творец, забрал Бенкендорфа, его труды продолжил Дубельт, затравив до смерти критика Виссариона Белинского, а Федора Достоевского отправив на каторгу. Ради порядка можно отметить, что Бенкендорфа в должности главного полицейского сменил граф Алексей Орлов, прослуживший на этом посту до своей добровольной отставки в 1856 году. Но следует также указать, что Орлов как политический назначенец не проявлял большого рвения в работе, оставляя все дела на усмотрение Дубельта.

Интересно отметить, что во времена Бенкендорфа-Дубельта никто из интеллектуалов-дворян не подвергся высшей мере наказания. Причем многие инакомыслящие выехали за границу, то есть воспользовались привилегией, которая давным-давно стала совершенно недоступной диссидентам в условиях диктатуры пролетариата. Но не следует забывать, что крестьяне и другие подданные низших сословий испытали на себе в полной мере пытки и казни за протесты против своей участи. В то время их не считали за людей. И хотя число пострадавших никто не фиксировал, можно уверенно сказать, что они не составляли и ничтожной доли миллионов мученических жертв при Сталине и его последователях. Поэтому ради справедливости отметим, что Третье отделение, хотя его и называли в то время «страшным», нынешние граждане России, без всякого сомнения, предпочли бы КГБ.

, Вскоре после восшествия на престол Александра II двойной пост шефа жандармерии и Третьего отделения был предложен Дубельту, Но тот собрался в отставку и отказался от повышения. В какой-то степени из-за нехватки желающих пойти на эту работу вакансия досталась князю Василию Долгорукову, бывшему военному министру, в сущности добропорядочному и благородному чиновнику. Но назначенный Долгоруковым заместителем по Третьему отделению граф Петр Шувалов был человеком Совершенно иного склада; он оказался наиболее подходящей для России фигурой деятеля политической полиции. Однако, к несчастью для Александра, жесткость Шувалова ограничивалась мягкотелостью и нерешительностью самого царя.

С наступлением шестидесятых годов XIX столетия и в обстановке, подогреваемой польским восстанием 1863 года, стала нарастать политическая угроза режиму со стороны формировавшейся в то время группы населения, которую стали называть интеллигенцией. Назвали неправильно, потому что эта мешанина из молодежи, аристократов, рабочих и крестьян по общему развитию интеллекта не выходила за рамки школьного образования и умения читать, писать и считать.

Молодые русские 1860-х годов и следующего десятилетия, стремясь покончить с очевидным злом своего времени, взамен обычно предлагали не лучшие системы, а такие формы организации общества, которые были еще более репрессивными и невыносимыми.

Число этих молодых радикалов стало распространяться и множиться на территории всей России, почти как раковая опухоль. Они образовали движения народников, анархистов, организаций «Земля и воля» и «Народная воля». Их вдохновители сильно отличались друг от друга, с одной стороны, подлинные интеллектуалы — Александр Герцен, Дмитрий Писарев, Николай Чернышевский, с другой — чокнутые типы вроде Сергея Нечаева.

Третье отделение, напуганное польским восстанием и крестьянскими волнениями, вместо того чтобы позволить остыть молодым крикунам, что стало бы естественным ходом развития событий, обрушились на них с суровыми и неуклюжими мерами.

Вначале оно арестовало или выслало за границу ряд радикалов. Это превратило молодежные причуды в идеологию, а ее носителей в мучеников. Дальше — больше. Из-за того, что политические

заключенные рассматривались тогда в качестве тепличной разновидности уголовников, многим из них позволили посылать на волю письма, памфлеты и даже наборы книг, которые разжигали пламя недовольства и мятежей. Наконец, Третье отделение не предприняло никаких новых усилий для охраны личности и местопребывания правителя, несмотря на то, что оно хорошо информировалось тайными агентами, двойными агентами и доносчиками практически о всех планах, вынашиваемых революционерами. И поэтому задним числом можно сказать, что разделаться с царем раньше, радикалам помешали их бестолково подготовленные операции, а не деятельность Третьего отделения.

Некоторое закручивание гаек последовало после покушения Дмитрия Каракозова на царя в 1866 году. Поскольку Третье отделение было своевременно поставлено в известность о планах убийства Александра, свободное нахождение Каракозова в Летнем дворце представляется просто невероятным. Но это покушение не осталось без последствий — Долгоруков с позором ушел в отставку.

Преемником стал Петр Шувалов. Его назначили главой как Третьего отделения, так и жандармерии. Шувалов убедил царя отправить в отставку беспечного генерал-губернатора Санкт-Петербурга и заменить его генералом Федором Треповым. Какими бы отрицательными чертами характера они ни обладали — Шувалова, например, называли Петром Четвертым, — оба государственных чиновника оказались крепкими руководителями, полными решимости защитить своего повелителя и превратить столицу в безопасное для него место.

В течение восьми лет руководства Шуваловым Третьим отделением и жандармерией не было осуществлено ни одного покушения на Александра II или какое-либо другое видное лицо. Но этот высококвалифицированный специалист, можно сказать, поплатился за собственный профессионализм.

Шувалов тщательно проверял каждого, кто входил в контакт с царем, каким бы невинным этот человек ни выглядел. Данное правило распространялось даже на любовницу императора и ее семью, некоторые члены которой занимались сомнительными операциями. Очевидно, поэтому Александр, которого больше занимали амурные дела, чем собственная безопасность, отправил Шувалова в 1874 году в почетную отставку, назначив его послом в Лондон.

На его месте оказался генерал Александр Потапов, известный в то время по кличке Куриные Мозги. Но он не успел даже нагреть кресло в своем кабинете, как был заменен генералом Николаем Мезенцовым.

А, тем временем радикалы максимально использовали ухудшение обстановки в Третьем отделении. В тот момент они сосредоточили свои усилия на попытках пробудить волнения среди крестьян, которым было, правда, наплевать на эти их усилия. Многих молодых людей арестовали. Проводились многочисленные суды, некоторые из которых превратились в массовые мероприятия. Но контроль над обществом со стороны государства настолько ослаб, что большинство арестованных освободили. Не понеся никакого наказания, они с новой энергией принялись за революционную деятельность. В январе 1878 года молодая террористка Вера Засулич совершила покушение на генерала Трепова и так серьезно его ранила, что он вынужден был подать в отставку. Этот террористический акт, а также оправдание Засулич судом присяжных и ее последующий побег за границу подогрели аппетит радикалов к насилию. На царских офицеров стали нападать и убивать их вдоль и поперек всей Российской империи. В августе 1878 года сравнительно безобидного Мезенцова зарезал кинжалом Сергей Степняк-Кравчинский, который тоже бежал за границу и засел за свои мемуары.

Назначение еще одного неэффективного руководителя Александра Дрентелна в качестве шефа Третьего отделения не привело ни к каким переменам. Террор продолжался. В феврале 1879 года застрелили губернатора Харькова. Примерно месяц спустя Лев Мирский стрелял в Дрентелна, но промахнулся. А в апреле 1878 года Александр Соловьев покушался, но тоже промахнулся, на самого императора, когда тот прогуливался по территории Зимнего дворца.

Это покушение несколько встряхнуло Александра, но он все равно не возвратил Шувалова и не стал искать для Третьего отделения руководителя аналогичного калибра. Вместо этого, поддавшись своему влечению к армии, к чему были склонны все последние Романовы, царь поручил обеспечение безопасности военным. Он поделил империю на северную, центральную и южную части, во главе которых поставил трех генералов, вменив им полицейские функции. А Дрентелна, он сохранил в качестве главы Третьего отделения, но полномочия его сократились примерно вчетверо.

На террористов, на подозреваемых в терроре и на многих совершенно невинных людей обрушились масштабные и кровавые репрессии, особенно на юге. В центральном секторе империи граф Лорис-Меликов пытался совместить жестокие санкции с более умеренными мерами воздействия, добившись некоторого успеха. У генерала, командовавшего на севере, проблем оказалось более всего, поскольку полномочия он вынужден был делить с Дрентелном, но нести за свой сектор полную ответственность должен был один.

Вскоре последовал ответ революционеров. «Народная воля» к тому времени основной орган террористов — объявила о смертном приговоре царю и посвятила остаток 1879 года безуспешным попыткам взорвать императора в его поезде.

Тем временем благодаря счастливой случайности чиновники Третьего отделения обнаружили в руках террористов схему Зимнего дворца. Получив такие сведения, Дрентелн, который, по крайней мере, не был лишен здравого смысла, хотел усилить меры безопасности в месте пребывания царя. Но в этом случае охранники, расставленные по всему дворцу, помешали бы любовным утехам Александра. А эта прихоть стояла у него на первом месте, поэтому царь отклонил предложения Дрентелна.

Последствия этой глупости не заставили себя долго ждать. По поручению «Народной воли» Степан Халтурин практически без всякого труда пронес динамит в Зимний дворец. Этот динамит взорвался вечером 5 февраля 1880 года. Царь избежал смерти благодаря чистой случайности. Запоздавший гость затянул начало ужина, к которому был приурочен этот взрыв.

На этот раз Александр основательно перепугался, но опять отказался принять даже самые элементарные меры предосторожности. Его единственной реакцией на покушение стало создание Верховной распорядительной комиссий по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Во главе ее он поставил Михаила Лорис-Меликова только потому, что этот честолюбивый армянин применял более мягкие методы в обеспечении безопасности.

Очень быстро Лорис-Меликов превратил остальных членов комиссии в своих безропотных подпевал, превратив возглавляемый им орган в то, что он называл «диктатурой сердца». Для укрепления этой диктатуры он отделался от Дрентелна и поставил Третье отделение под начало генерала Петра Чеверина, а жандармский корпус — под руководство Вячеслава Плеве. Последний, правда, обладал недюжинными способностями в вопросах полицейской безопасности, причем в большей степени, чем его новый шеф.

Эта бумажная возня и почти исключительные полномочия, возложенные на графа Лорис-Меликова, не остановили террористов. Не успел новоиспеченный диктатор вступить в должность, как 20 февраля 1880 года на него было совершено покушение. В графа стрелял украинец Ипполит Мледеский, но неудачно. После его показательной казни создалось впечатление, что с террористов несколько сбили спесь. Поэтому на протяжении остальной части 1880 года Лорис-Меликов продолжил проведение программы послаблений и реформ, которые, по его мнению, могли бы привести к провозглашению конституций. В августе 1880 года он задумал успокоить радикалов и с этой целью ликвидировал Третье отделение и создал Департамент государственной полиции, подчиненный Министерству внутренних дел, руководителем которого провозгласил самого себя. Несмотря на период кажущейся передышки, режим продолжал сурово обходиться с захваченными террористами, одних отправляя на казнь, а других ссылая в

Сибирь с бритыми головами и в кандалах.

В конце января 1881 года счастливая случайность — арест мелкого, но хорошо информированного полицейского чиновника, присоединившегося к «Народной воле», — ускорила задержание других революционеров, и возникла возможность полного провала их организации. Поэтому 13 марта 1881 года, когда главарь ячейки находился уже в руках полиции и начал давать показания, остальные террористы привели в исполнение смертный приговор Александру II.

Но вину за убийство венценосца нельзя возлагать только на Лорис-Меликова. Ликвидация императора не является также заслугой террористов, несмотря на ореол славы, созданный вокруг них позже революционерами и коммунистами. Каждый из принявших участие в покушении молодых людей был очевидным дилетантом. Подлинная ответственность за смерть Александра лежит на самом царе. Именно он поставил любовные дела выше соображений безопасности. Именно он назначал одного неспособного человека за другим во главе охранных структур. И именно он допустил межведомственное соперничество, в результате чего служба безопасности погрязла в административном хаосе.

Охрана — годы становления (1881–1900)

Когда Александр III (1881–1894) унаследовал трон после своего убитого брата, он перевел двор и все хозяйство в расположенную в сельской местности Гатчину. Там, превратившись в настоящего затворника, он окружил себя пехотинцами, кавалеристами и переодетыми полицейскими. Император оставался в Гатчине в течение всего периода своего царствования, если не считать его тщательно охранявшихся поездок в другие резиденции.

Переезд из Петербурга в Гатчину состоялся по настоянию бывшего воспитателя Александра III, юриста и архиреакционера Константина Победоносцева, который во многих отношениях предвосхитил сталинского вице-короля, снискавшего позорную репутацию Александра Поскребышева, появившегося на политической сцене примерно через полстолетия. Хотя по должности Победоносцев был всего лишь обер-прокурором Священного Синода, фактически он заправлял внешней и внутренней политикой, а также контролировал службу безопасности государства на протяжении четверти столетия. Несмотря на свои огромные полномочия, это «серое преосвященство», как именовали его некоторые, вникал в мельчайшие детали охранной службы. Именно благодаря такому вниманию два последних царя из династии Романовых избежали убийства, находясь на троне.

Для начала, в апреле 1881 года, Победоносцев добился отставки Лорис-Меликова. На место армянина в качестве министра внутренних дел назначили графа Николая Игнатьева, профессионального дипломата.

Пробыв в этой должности не более года, Игнатьев — несомненно побуждаемый Победоносцевым — реорганизовал всю структуру службы безопасности.

Он вывел жандармов из-под контроля некоторых генерал-губернаторов. Через два месяца был издан указ о введении чрезвычайного положения в стране, в соответствии с которым жандармы и генерал-губернаторы могли производить массовые аресты, запрещать публичные и частные собрания и поддерживать закон и порядок другими методами по своему усмотрению. Этот указ в той или иной форме сохранил свою силу во весь оставшийся период царствовавшей династии.

Позже Игнатьеву пришла мысль о том, чтобы создать специальные подразделения политической полиции в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве, которые стали называться охранными отделениями; или просто Охраной. Революционные и народные массы именовали их более уничижительно — «охранка». Охранные отделения постепенно появились практически во всех больших и малых городах, имевших сколько-нибудь важное значение. На бумаге эта тайная организация представляла собой часть полицейского департамента, а сам департамент подчинялся Министерству внутренних дел. Однако на деле Охрана обладала практически высшей властью над подданными царя. Она имела право входить в помещения без ордера и депортировать в Сибирь без суда, надзирать за любым человеком и даже выносить смертный приговор. Ко времени своего распада, в связи с отречением Николая II, Охрана сама по себе превратилась в закон.

Под началом Игнатьева служили два человека, которые в последующую четверть столетия сыграли важную роль в вопросах безопасности и делах Охраны. Первым был граф Вячеслав Плеве, который занимал пост директора департамента полиции с 1881-го по 1884 год, работал в качестве заместителя министра внутренних дел (а фактически был хозяином в министерстве) с 1884-го по 1892 год и министром внутренних дел с 1902 года до его убийства эсером Сазоновым в 1904 году. Вторым — Петр Дурново, талантливый службист, хотя чрезвычайно жестокий и реакционный. Он возглавлял департамент полиции с 1884 года до последних дней царствования Александра III. Дурново рассердил императора тем, что

воспользовался своими полицейскими полномочиями для проверки его любовницы. Впоследствии Петр Дурново стал министром внутренних дел при Витте в 1906 году.

Короткое пребывание Игнатьева в должности закончилось, когда он сочувственно отнесся к идее Земского Собора, своего рода национальной ассамблеи. Победоносцев, который не хотел ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего конституционность, заменил его законченным реакционером, бывшим министром просвещения, графом Дмитрием Толстым. Этот достойный человек продержался на посту министра внутренних дел до 1889 года, когда его сменил тугодум Иван Дурново, носивший кличку Теленок. Того в 1895 году сменил другой некомпетентный деятель Иван Горемыкин. В течение четырех лет он руководил Министерством внутренних дел, за неимением лучшей кандидатуры стал премьер-министром при Николае II, а кончил тем, что его пристрелили большевики.

На деле все эти перестановки в Министерстве внутренних дел за последние два десятилетия XIX века надо рассматривать просто как протокольные мероприятия. Охрана и служба безопасности продолжали функционировать и наращивать свою деятельность в этот период, несмотря на всех номинальных начальников, прежде всего благодаря Плеве и Петру Дурново — подлинным руководителям секретной полиции.

Вместе с тем не следует и перехваливать указанных лиц, а также других чиновников начального периода охранных отделений. Они были скорее способными дилетантами, нежели профессионалами. Им повезло, что Охрана в то время не столкнулась со сколько-нибудь серьезным вызовом. Казнь убийц Александра II весной 1881 года сломала хребет участникам «Народной воли», и их террор против автократии практически прекратился. К тому же один из пойманных террористов Рысаков выдал каждого заговорщика, фамилию которого мог припомнить. Большинство злоумышленников оказались за решеткой, в сибирской ссылке или стали тайными агентами «охранки».

Правда, наблюдались некоторые спорадические происшествия, в частности Недоказанное покушение на царя в 1887 году со стороны старшего брата Ленина Александра Ульянова и его приятелей и предполагаемое нападение на поезд Александра III в 1888 году. История с поездом была позже квалифицирована как несчастный случай. Есть основания сомневаться и в достоверности романтических утверждений Александра Ульянова и других заговорщиков, что они являются последователями террористов из «Народной воли». Это дело сильно пахнет чрезмерным желанием Охранного отделения хоть как-то отличиться.

Приложила свою руку «охранка» и к еврейским погромам, а также и другим антисемитским мероприятиям — обычно косвенно, через жандармское управление. Это привело к тому, что многие безобидные молодые евреи присоединились к террористам.

Структура Охраны в своей основе оказалась достаточно Практичной. С течением времени она была доведена почти до совершенства другими организациями, особенно КГБ. Три основных подразделения Охранного отделения назывались агентствами — внешним, внутренним и иностранным. В начале XX века функционировало также центральное агентство.

Все эти названия, за исключением иностранного агентства, не совсем точно отражали реальность. Внешнее агентство включало в себя тайных агентов и замаскированных осведомителей, которые проводили рутинную слежку за подозреваемыми. Внутреннее агентство тоже состояло из тайных агентов и осведомителей, но оно специализировалось на революционных организациях или подозревавшихся, что они революционные; его сотрудники находились под более плотным прикрытием. Иностранное агентство представляло собой комбинацию внешних и внутренних тайных агентов, оперировавших за границей, главным образом в тех районах, где кучковались русские революционеры и диссиденты, например во Франции, Швейцарии, Англии. Центральное агентство было глубоко законспирированным учреждением,

которое занималось двойными агентами, то есть революционерами, сотрудничавшими с Охраной, полицейскими агентами, внедрившимися в революционные группы. Прилагались усилия — не всегда успешные — держать различные агентства в строжайшей изоляции друг от друга. Это не только предохраняло агентов от разоблачений, но позволяло руководству тайной полиции проверять своих оперативников, поскольку агенты невольно докладывали о других агентах. Позже, когда Охрана набралась опыта, в целях безопасности агентов для них были введены псевдонимы и созданы безопасные дома, явки.

Внешнее агентство действовало вполне эффективно. В его рядах находились тайные агенты, которые маскировались под швейцаров, официантов, мелких торговцев, железнодорожников, солдат и даже офицеров. Они занимались в основном слежкой и специализировались на запоминании фотографий и сличении окружающих с разыскиваемыми политическими преступниками. Хотя работа секретных сотрудников внешнего агентства и носила прозаический и рутинный характер, в ней присутствовал элемент риска. Случайно или из-за неосторожного поведения агента террористы узнавали их и убивали. Внешнее агентство не только выслеживало и арестовывало подозреваемых, но и выявляло тайные места собраний революционеров, устанавливало их типографии и мастерские по изготовлению взрывчатых веществ.

Вопреки своему названию, внутреннее агентство отличалось от внешнего гораздо большей мобильностью и часто проводило свои операции за границей. Внутренние тайные агенты стояли по иерархии выше своих «внешних» коллег. Их набирали из сержантского состава армии, рабочих, студентов, проституток, партийных деятелей, а в последние годы царизма даже из представителей Думы. Псевдонимы во внутреннем агентстве отрабатывались очень тщательно и часто менялись. Среди сотрудников этого агентства было немало лиц, которые сами тянулись к Охране, разочаровавшись в революционных целях или по складу характера заинтересовавшись секретной работой в тайной полиции. Находились и такие, которые имели контакты с Охраной — как подозревали, этим занимался Сталин — с целью устранения конкурентов в своих партиях. Но независимо от мотивации все получали деньги и оставляли расписки в их получении, какими бы мелкими эти выплаты ни были, что служило средством привязать агентов к Охране. Поскольку главная задача внутреннего агентства заключалась в проникновении в ряды эсеров, социал-демократов, анархистов и других подрывных групп, его агенты следили за эмигрировавшими революционерами за рубежом. В этом случае деятельность внутренних агентов помогала контролировать и работу иностранного агентства.

К сожалению, очень мало известно о центральном агентстве, так как почти все архивы Охраны оказались уничтожены или просто пропали во время крушения царизма и последующего захвата власти большевиками. Однако представляется, что это была очень небольшая, элитная часть внутреннего агентства, которая занималась не рядовыми революционерами от станка, начавшими сотрудничать с Охраной, а руководящими активистами враждебных режиму организаций. Создание центрального агентства приписывают ветерану Охраны, начальнику московского отделения Зубатову, который сам в молодости был революционером. Среди знаменитостей, сотрудничавших с этим подразделением, можно назвать попа Гапона, известного по Кровавому воскресенью 1905 года, Евно Азефа и Романа Малиновского. Разумно предположить, что наряду с вышеназванной троицей были и другие, но с уничтожением архивов остается только гадать об этом.

По иронии судьбы, несмотря на то, что о центральном агентстве известно очень мало, именно оно, как считается, опозорило всю Охрану, потому даже некоторые руководители этой службы безопасности, пережившие революцию, высказывали свою неприязнь к детищу Зубатова. Причина такой нелюбви к центральному агентству скрывается в основных приемах его деятельности. Было известно, что оно, в частности, финансировало лидеров террористов и революционеров, действуя по принципу — если преступникам дать достаточно веревки, то они повесятся на ней. Его секретные сотрудники настолько вживались в образ, что сами принимали участие в революционно-пропагандистских мероприятиях и даже

террористических актах. Именно такая деятельность центрального агентства подмочила репутацию всей Охраны, сотрудников которой стали несправедливо именовать провокаторами.

По сравнению с другими подразделениями иностранное агентство работало относительно Неэффективно. Оно было организовано в Париже в 1883 году Петром Рачковским и функционировало до 1917 года. Деятельность этого агентства достаточно хорошо известна, поскольку его документы сохранились и попали в США. Если не считать некоторых анекдотов, напоминающих шпионскую фантастику, архивы иностранного агентства не очень впечатляют и представляют собой незначительную ценность для изучающих проблемы безопасности и разведки. В целом, хотя Рачковский и внимательно следил за эмигрировавшими террористами, сам он не относился к серьезным деятелям политической полиции. Иногда его уловки представляли собой явную провокацию. Так, во Франции он финансировал революционное выступление против Александра III с целью выдать его участников местным властям, за исключением собственного агента, который закрутил все это. С началом нового столетия на Рачковского посыпалось больше критики, чем похвал, когда он копнул слишком глубоко деятельность французского «знахаря», который втерся в доверие к царю.

Оглядываясь назад, можно сказать, что наиболее проницательным решением Рачковского был его отказ вступить в какие-либо отношения с Азефом, после чего Зубатов и взял под свой контроль этого бессовестного двойника. Насколько известно, несмотря на большое число агентов и крупные денежные расходы, иностранное агентство так и не поймало ни одного крупного террориста, не предотвратило ни одного серьезного заговора. А когда терроризм вышел из моды после разоблачения Азефа и эсеры повернулись лицом к законности, операции иностранного агентства потеряли почти всякий смысл, если не считать некоторой пустяковой суеты с немцами, вызванной началом Первой мировой войны. Рачковский сумел, однако, прославиться другим способом: имеются достаточные основания полагать, что он основательно приложил руку к фабрикации «Протоколов сионских мудрецов», этой ужасной «утки», которую все еще распространяют антисемиты.

Со строго прагматической точки зрения Охрана, хотя и не без серьезных сбоев, приобрела в XIX столетии хороший послужной список. Несмотря на студенческие волнения, поднимающийся пролетариат, проблемы с крестьянами и террористические вылазки в стране и за рубежом, Александр III нашел упокоение без помощи убийц, члены его семьи и министры избежали нападений. Николай II (1894–1917), его родственники и чиновники тоже жили относительно спокойно в первые годы правления последнего царя, несмотря на аналогичные проблемы и страшную бойню на Ходынском поле, тысячи «мучеников» которой использовались в целях пропаганды противниками режима.

Охрана — террор (1901–1909)

Первые годы XX столетия стали самыми опасными для Николая II, его семьи и высших государственных чиновников. Наступила пора такого терроризма со стороны оппозиции, какого свет не видывал ни до этого, ни после. В начале века жизнь правителя России находилась в постоянной опасности, высокие должностные лица одно за другим становились жертвами убийц, а более мелкие чиновники погибали сотнями.

К счастью, во всяком случае для Николая, в этот период большого риска Охрана действовала хорошо. Хотя ей и не удалось спасти многих крупных чиновников, включая сотрудников Охраны, она все-таки сумела защитить императора, используя свое негласное сотрудничество с революционными фанатиками.

В это мрачное десятилетие своими в разной степени активными действиями выделялись три должностных лица Охраны: Зубатов, Рачковский и полковник (позже генерал) Александр Герасимов, который в качестве начальника центрального агентства С 1905 года до своего выхода в отставку в 1909 году проявил себя наиболее способным офицером службы безопасности, являлся последним подлинным хозяином Охраны. Можно еще отметить Двух сотрудников меньшего ранга — Леонида Ратаева, руководителя иностранного отдела до его отстранения в 1905 году, и полковника Александра Спиридовича, начальника дворцовой стражи с 1906 года до 1916-го. Их полной противоположностью являлся Алексей Лопухин, служивший директором полиции с 1902 года до того, как его отправили в отставку в 1905 году. Имя Лопухина должно остаться синонимом позора в анналах службы безопасности.

В этот период разнузданного террора министры внутренних дел, по крайней мере номинально, контролировали операции Охраны. Но только двое действовали эффективно — Плеве и Столыпин, который совмещал посты Премьер-министра и министра внутренних дел с 1906 года до своей гибели от руки террориста. Беззаботный князь Святополк-Мирский стал в 1904 году преемником Плеве, но ушел в бесславную отставку после Кровавого воскресенья в январе 1905 года. Потом этот пост занял никчемный Александр Булыгин. Его сместил Петр Дурново в октябре 1905 года, пробывший в этой должности только до апреля 1906 года, когда пришел Столыпин, который оставил Дурново в качестве своего заместителя в Министерстве внутренних дел.

Первой жертвой новой волны террора стал реакционный министр просвещения профессор Боголепов, которого в 1901 году убил бывший студент Карпович. Хотя Карпович являлся эсером, а позже членом террористической группы этой партии, убийство Боголепова не являлось выпадом против автократии, а стало реакцией на репрессивные меры против студентов.

Но настоящую кампанию против царя и его режима эсеры развязали очень быстро. В январе 1902 года центральный комитет их партии принял решение о создании «боевой организации», террористической группы, организованной и руководимой Гершуни, сыном московского миллионера. Как активный оппозиционер, он часто оказывался в тюрьме, а начал свою террористическую деятельность в 1880-х годах вместе с уцелевшими членами «Народной воли». Вначале «боевой организации» приказали воздерживаться от нападений на Николая, чтобы аполитичное крестьянство, с которым заигрывала партия, не оскорбилось действиями против «царя-батюшки», а сконцентрировалось на уничтожении правительственных чиновников, которые считались наиболее жестокими реакционерами. Особое внимание уделялось ликвидации руководителей полиции и администрации режима. Однако позже, когда царь стал сочетать половинчатый либерализм с усилением репрессий, его поставили на первое место в списке Лиц, приговоренных к смертной казни.

Между тем партия эсеров и даже только что созданная «боевая организация» сильно засорились

осведомителями главным образом из числа бывших революционеров, решивших по разным причинам работать на Охрану. В свою очередь эсеры засылали в государственную службу безопасности своих людей. Причем дело сложилось таким образом, что обе стороны в этом изматывающем конфликте оказались истощенными, а социал-демократы, или большевики, которые практически не участвовали в схватке; в результате подобно мародерам захватили бесхозную добычу в виде государственной власти.

Как «охранку», так и партию эсеров наводнило множество предприимчивых осведомителей, двойных агентов, которых в то время, да и позже, стали называть провокаторами. Выдающееся место в этой достойной сожаления толпе занимал Евно Азеф, которому, возможно, во все времена не было равного в такого рода деятельности. Еврей по национальности, этот пройдоха был известен под именем Раскин в Охране и под псевдонимом Валентин у эсеров.

В физическом и моральном отношении Азеф не был выдающейся личностью, но, несомненно, отличался дьявольской изворотливостью. Уже в юности он уехал из Ростова-на-Дону, когда местная полиция заинтересовалась его связями с левыми — модной в то время, но необязательно революционно настроенной средой молодых людей. Всю жизнь Евно горел страстью к добыче легких денег, то есть к деньгам других людей, и проявил свои мошеннические способности, когда хапнул на фирме по продаже масла восемьсот рублей и скрылся. Он вынырнул в Карлсруэ, в Германии, где поступил в техническое училище. В том же, 1893 году он добровольно вызвался работать на Охрану, тем самым несколько поправив свое финансовое положение: Азеф стал писать доносы на русских эмигрантов, которые учились вместе с ним; Охрана платила ему пятьдесят рублей в месяц. В 1899 году он закончил училище — получил квалификацию инженера-электрика, — и его работа в качестве доносчика улучшилась, а жалованье увеличилось до ста рублей в месяц, не считая премиальных и отпускных.

За время длительного испытательного срока в шесть лет Азеф, во всяком случае номинально, работал под руководством иностранного агентства Рачковского. Однако по окончании испытательного срока и завершении его образования в училище Рачковский не захотел — по неясным причинам — иметь с ним ничего общего.

Поэтому его направили обратно в Россию и устроили на работу в Москве под начало Зубатова, который в то время все еще продолжал активно заниматься созданием профсоюзов, контролируемых полицией, но уже приступил к созданию центрального агентства. Став одним из сотрудников Зубатова в этом подразделении, Азеф получил задание внедриться к эсерам, наиболее активной террористической организации.

В 1900 году Евно настолько хорошо освоился в партии социалистов-революционеров, что его месячное довольствие увеличили до ста пятидесяти рублей. В 1901 Году Азефа, имевшего высокий кредит доверия у Зубатова, посылают за границу с целью проникновения в эмигрантские круги эсеров, особенно в центральный комитет партии. За короткий срок он настолько втерся в эти структуры, что ему стал доверять сам Гершуни, который в то время подумывал о создании «боевой организации» и планировал убийство Сипягина, министра внутренних дел, или Победоносцева.

Азеф, однако, не сообщил в Охрану об этих террористических планах. Напротив, он уговорил Зубатова не беспокоить Гершуни, когда тот снова приедет в Россию в 1902 году. В результате Сипягин был убит Балмашевым, который действовал по указанию Гершуни.

Вызванный в июле 1902 года в Петербург, Азеф подвергся проверке в связи с убийством Сипягина, но сумел выкрутиться. Для таких случаев у него было несколько эффективных уверток: он сдавал либо террористов низшего звена, либо тех, кто мог его заподозрить. Азеф также заявлял, что не следует раскрывать слишком многих, так как чересчур активные действия против террористов создадут опасность для его положения. Евно частенько называл и вымышленные имена, прикрывая действительных

исполнителей. К своему позору, Охрана покупалась на такие отговорки своего агента. Однако, в сущности, у нее не оставалось выбора. Азеф превратился в единственного в своем роде, глубоко законспирированного полицейского агента, которого было невозможно заменить.

В деле Сипягина Азеф замаслил Охрану, выдав несколько мелких эсеров. И Плеве, преемник Сипягина, именно тогда приказал Евно вступить в «боевую Организацию» социалистов-революционеров, чтобы предотвратить проколы в будущем.

Без всяких особых усилий с его стороны Азефа включили в «боевую организацию» осенью 1902 года, а в марте 1903 года Гершуни, чувствуя, что дни его сочтены, назвал агента Охраны своим преемником в качестве руководителя террористов. Потом события развивались стремительно. Гершуни, руководивший следующим крупным покушением на убийство Богдановича, генерал-губернатора Уфы, в мае 1903 года, вскоре после этого был пойман (его голову оценили в пятьдесят тысяч рублей). Террориста отправили в Сибирь, как надеялась Охрана, в пожизненное заключение. Азеф, который, скорее всего, получил часть выкупа за своего шефа, быстро скрылся за границей и на собрании эсеров в Женеве в июне 1903 года был объявлен руководителем «боевой организации». Такой выбор не кажется слишком глупым, если учесть, что Азеф отличался административными способностями и умением разбираться в людях, а также хладнокровием. Ему была совершенно несвойственна романтическая возбужденность обыкновенного террориста.

За период 1902–1903 годов в верхних эшелонах Охраны тоже произошли потрясения. Плеве назначил в 1902 году директором полиции Лопухина, у которого давно установились связи с Охраной через Министерство юстиции. Как подтвердили последующие события, Плеве сделал очень неудачный выбор. Рачковский, который, видимо, не стал благоразумнее после того, как вызвал неудовольствие Александра III, доложив ему о непристойном поведении во Франции вдовы Александра II, был удален из иностранного агентства за то, что сообщил нелцеприятные факты о французском факире Филиппе, очаровавшем Николая II. В 1903 году уволили Зубатова, наставника и надзирателя Азефа, после того как одна из контролируемых полицией рабочих групп учинила бесчинства в южной России. И наконец, примерно в то же время Леонид Ратаев был переведен из санкт-петербургского охранного управления на пост главы иностранного агентства и, что более важно, стал контролировать деятельность Азефа. Эта перетряска и вызванная ею неразбериха очень помогли террористам, а режим дорого заплатил за них:

Тем временем Россия позволила себе роскошь организации еще одного погрома, страшного дела в Кишиневе в апреле 1903 года. Ответственность за него, причем с вескими основаниями, возложили на Плеве. Значительная часть общественности России и внешнего мира восприняла кишиневскую акцию с отвращением и возмущением. В результате денежные сундуки «боевой организации» быстро наполнились за счет пожертвований и в ряды террористов влилась масса добровольцев. Эта кровавая бойня сильно подействовала и на нового руководителя «боевой организации», еврея Азефа. Эсеры давно замыслили расправиться с Плеве, но именно реакция Азефа на события в Кишиневе ускорила осуществление планов убийства.

Евно Азеф, сбивая с толку Ратаева, завалил его ложными сообщениями. И наконец в июле 1904 года Плеве был уничтожен бомбой, брошенной Сазоновым по указанию Бориса Савинкова, заместителя Азефа. Покушение подготовил сам Азеф, находившийся в Варшаве, после чего он немедленно бежал в Вену, заметая следы, и направил Ратаеву телеграмму со своим «возмущением». Странно — впрочем, это можно понять, если учесть, что директором полиции был Лопухин, — но настоящего расследования убийства Плеве не проводилось. Не исключено, что Охрану, так же как и эсеров, устраивала ликвидация Плеве;

К тому времени царь Николай решил прославить себя за границей, поскольку не мог сделать этого внутри страны, и втянул государство в гибельную войну 1904–1905 годов с Японией. Россия проигрывала

одну битву за другой, что привело к кульминации в январе 1905 года — походу рабочих к Зимнему дворцу, к Кровавому воскресенью. Этому способствовала очередная ошибка Лопухина. Преемник Зубатова кардинально ошибся в оценке характера и степени беспринципности агента Охраны попа Гапона и его способностях контролировать поведение рабочих. Позже партия эсеров и ее «боевая организация» чуть не повторили аналогичную ошибку с этим священнослужителем, но, установив его сотрудничество с Охраной, ликвидировали провокатора.

После убийства Плеве на партию эсеров опять посыпались пожертвования. Ее «боевая организация» в качестве основной задачи поставила убийство дяди царя, великого князя Сергея, генерал-губернатора Москвы. В то же время самостоятельная группа эсеров, возглавляемая неким Марком Швейцером — во время недолгого существования «боевой организации» появилось много отколовшихся от нее террористических групп, — задумала более грандиозный, но не так тщательно подготовленный план убийства аристократов, министров и генерал-губернатора столицы путем взрыва в марте 1905 года в Петропавловском соборе во время службы поминовения об убиенном Александре II.

Но удалось только покушение на великого князя Сергея. Молодой Каляев бросил в него бомбу в феврале 1905 года в соответствии с планами, подготовленными за границей Азефом и Савинковым.

Перетряска, сопровождавшая убийство Сипягина, не идет ни в какое сравнение с переменами, которые произошли в результате убийства такого близкого родственника царя. Генерал-губернатор Санкт-Петербурга сразу же по получении сведений о гибели великого князя бросился в кабинет к Лопухину и произнес там только одно слово — «убийца» и вышел из кабинета, у Лопухина не оставалось выбора, как тут же подать в отставку. Любопытно, что этот непригодный для роли полицейского начальника человек мелькнул на страницах истории через пару лет, сыграв роль орудия эсеров. Любопытно и то, что Рачковский, документы об отстранении которого со своего поста в 1902 году готовил Лопухин, теперь заменил его в качестве директора полиции. Для начала Рачковский добился увольнения Ратаева и установил контроль за Азефом, хотя отношения между ними были не из легких. Но пребывание Рачковского на этой должности оказалось недолгим, его отстранили в июне 1906 года в какой-то мере из-за того, что он не сработался с Азефом. Но и в этот непродолжительный период Рачковский успел стать мишенью для покушения со стороны эсеров, потому что пытался контролировать действия Гапона. Этот факт сообщил Рачковскому сам Азеф уже после убийства попа.

В феврале 1905 года, накануне назначения Рачковского, на пост руководителя Охраны выдвинулся из нижних чинов талантливый полицмейстер Герасимов.

Он достойно руководил Охраной на протяжении последующих четырех лет и особенно во время пребывания Столыпина на посту министра внутренних дел с апреля 1906 года, а также премьер-министра с июля того же года. Отношения между Столыпиным и Герасимовым носили самый близкий характер и оставались таковыми вплоть до ухода последнего в отставку по его собственному желанию в 1909 году. К тому времени директора полицейских департаментов и большая часть высокопоставленных чиновников Охраны мало что значили с точки зрения обеспечения безопасности.

Уже через месяц после занятия Герасимовым своего поста подрвался Швейцер на той самой взрывчатке, которую он готовил для террористического акта в Петропавловском соборе. Само покушение намечалось тремя днями позже. Герасимову не стоило большого труда выловить остальных членов этой группы, которых выдал эсер, тайный агент полиции (с ним позже расправились члены «боевой организации»).

В это время, полагая, что пыль после убийства великого князя Сергея улеглась, Азеф и Савинков возвратились в Россию. Но вскоре загримированного Азефа (как и Охрана, террористы применяли различные приемы обеспечения безопасности — маскировались, пользовались явками и тому подобное)

арестовывают в Санкт-Петербурге в апреле 1905 года во время подготовки покушения на Дурново. Азефа, пришедшего в ярость, когда его задержали сотрудники внешнего агентства, доставили в центральное учреждение Охраны. Несмотря на все протесты легендарного террориста, Герасимов посадил его в камеру и устроил очную ставку между ним и Рачковским. Знаменитый агент, однако, не выразил никакого желания идти на контакт с новым руководством, тем более что сам Рачковский пресек ранее несколько попыток Азефа установить с ним отношения. Но после того как Рачковский согласился заплатить агенту пять тысяч рублей, Азеф сменил гнев на милость. С того времени Герасимов стал контролировать Азефа через Рачковского согласно договоренности, достигнутой между двумя полицейскими начальниками.

Герасимов повел новую политику в отношении агентов Охраны, занимающих влиятельные позиции в группах революционеров. До того времени использовалась система, разработанная Зубатовым: вылавливали всю революционную группу после проникновения в нее агентов полиции и установления личностей главарей. Но Герасимов понимал, что революция превратилась в массовое движение и толпы новых членов готовы занять места репрессированных, поэтому повальные аресты ведут лишь к разоблачению агентуры в среде оппозиционеров или, во всяком случае, выводят ее из игры. И Герасимов пошел на то, чтобы воздерживаться от ареста радикальных лидеров, в окружение которых проникли тайные агенты, и одновременно использовать этих агентов для сдерживания революционного пыла. Для такого сдерживания Герасимов, например, использовал секретных внешних агентов, которых в Охране окрестили «задирами». Когда он узнавал от Азефа или других тайных сотрудников о готовящемся покушении, то поручал «задирам» следить и держать в поле зрения террористов настолько явно и неуклюже, что те просто не могли не заметить, что оказались под наблюдением у полиции, и поэтому — часто по совету того же Азефа — отказывались от своей попытки.

Однако поначалу работа Герасимова с Евно Азефом не приносила Охране серьезных результатов. Хотя Азеф со свойственной ему циничностью выдавал мелкие заговоры и их исполнителей, особенно тех террористов, которые мешали ему в рядах эсеров, он не присылал сведений об основной террористической деятельности. Частично, по крайней мере, такой низкий уровень сотрудничества опять же объясняется тем обстоятельством, что крупные политические события затмили индивидуальные террористические акты, принизив их значение и даже сделав практически ненужными. Кровавое воскресенье воспламенило пожар революционного пробуждения во всех уголках необъятной России. Казаки и солдаты — к этому времени жандармы были сведены до уровня красиво одетых судебных приставов — умирляли крестьянские восстания, бунты матросов и почти повсеместные забастовки. Пик противостояния и практическая утрата контроля за ситуацией в стране со стороны режима наступили после объявления всеобщей стачки и создания Совета рабочих депутатов во главе с Троцким в октябре 1905 года. Это наконец подтолкнуло Николая издать 17 октября манифест, согласно которому он пошел на создание Думы, и провозгласил ограниченные гражданские права.

В эти критические дни Герасимов продемонстрировал более широкое понимание своей роли в государственной системе власти, нежели исполнение полицейско-шпионских функций. Он провел совещание руководства столицы с командующими войсками и таким образом предохранил Санкт-Петербург от рабочего восстания, которое вспыхнуло в декабре 1905 года в Москве и было жестоко подавлено. Шеф Охраны проявил дальновидность и даже мужество и настоял на разгоне Совета рабочих Депутатов и задержании его членов, включая Троцкого, хотя Дурново и другие высшие должностные лица выступали против этого. Но предпринятые меры коснулись только столицы, которая и избежала потрясений в последний месяц революции 1905 года. А практически по всей России прошли восстания. За Москвой последовали волнения в Харькове, Донбассе, Прибалтике, на Кавказе и в Сибири. Все они были безжалостно подавлены.

Между тем манифест царя породил своего рода кризис в среде эсеров. В своем большинстве

центральный комитет считал, что манифест делает терроризм ненужным и следует легализовать партию и принять участие в выборах в Думу. Но Савинков возражал против отказа от терроризма и видел в нем единственный путь для свержения автократии. Азеф остался в стороне от этого спора — возможно, уже почувствовал себя неуютно в своей двурушнической роли (он недавно подвергся нападению со стороны горилл Рачковского из его департамента полиции, нападение было скорее преднамеренным, чем случайным); В результате «боевую организацию» на некоторое время фактически распустили. Но жестокие репрессии после восстаний 1905 года заставили эсеров и других революционеров опять уйти в подполье. И центральный комитет социалистов-революционеров был вынужден стряхнуть с терроризма нафталин и на заседании в Финляндии в январе 1906 года принял решение восстановить «боевую организацию».

Вскоре после этого снова продолжилось активное Сотрудничество Герасимова с Азефом. Последний, со своей стороны, с удовольствием возобновил работу с офицером безопасности такого высокого калибра. В соответствии с вновь сформулированной политикой Охраны Азеф «официально» выдавал полиции разного рода подпольные объекты — фабрики взрывчатых веществ, типографские станки, а также мелкотравчатых террористов. Но о работе Центрального Комитета партии эсеров и его «боевой организации» Азеф докладывал лично Герасимову. Такой расклад устраивал и агента, и контролера.

С мая 1906 года возник еще один перерыв в деятельности «боевой организации» — Центральный Комитет партии эсеров по случаю начала работы Думы счел необходимым Отказаться от широкомасштабного террора. Тогда Азеф предложил Савинкову отправиться в Севастополь, дабы этот знаменитый террорист не растерял свою профессиональную квалификацию и ликвидировал одного адмирала, который жестоко подавил мятеж моряков в 1905 году: На самом деле цель Азефа заключалась в том, чтобы заслать Савинкова подальше от столицы и выдать его Охране. Но получилось так, что адмирала убили местные экстремисты еще до прибытия Савинкова. Тем не менее его арестовали и определили в городскую тюрьму. Дело кончилось тем, что члены «боевой организации», совершив диверсионно-десантную операцию, освободили Савинкова и тот бежал в Румынию.

Азефу, однако, удалось реабилитироваться перед Герасимовым другими достижениями. Он сумел предотвратить несколько террористических вылазок эсеров, не слишком охотно выполняющих предписание своего Центрального Комитета о прекращении огня. Так, был расстроен заговор с целью убийства Дурново, пресечено несколько попыток ликвидации московского генерал-губернатора и других высокопоставленных представителей власти.

В июле 1906 года на авансцену политической жизни России выходит Столыпин, новый премьер-министр. Этот сильный государственный деятель сразу привлек к себе внимание «боевой организации», и она наметила его в качестве жертвы, но премьер пережил эту организацию на несколько лет в немалой степени благодаря успешному сотрудничеству Герасимова и Азефа. Тем не менее в 1905–1907 годах от рук террористов погибли сотни чиновников режима более низкого ранга. В ответ в 1906–1907 годах военно-полевые суды обрели на смертную казнь, по крайней мере, тысячу экстремистов, большинство из которых были расстреляны или повешены в течение двадцати четырех часов после приговора. А за период 1907–1909 годов военные трибуналы продолжили борьбу с террористами; не менее пяти тысяч из них было осуждено на смерть еще больше отправлено в тюрьмы и ссылку.

Одну из наиболее трудных проблем как для Герасимова, так и для Азефа создавало появление все новых и новых скопищ неопытных, но крайне фанатичных эсеров, которые с презрением отвергали осторожную тактику полупрофессиональной «боевой организации» и совершали террористические акты, ни с кем не считаясь. Ярким примером тому служат так называемые максималисты, небольшая самостоятельно действующая группа, которая в августе 1906 года разнесла в пух и прах загородную виллу Столыпина, перебила друг друга, искалечила на всю жизнь двоих детей премьера, но не смогла даже

ранить его самого. Азефа сильно раздосадовало это непродуманное покушение не только по причине возможного отрицательного влияния этой акции на его сотрудничество с Герасимовым. Была задета его честь как шефа «боевой организации». И он пошел на непривычный шаг — предложил Центральному Комитету партии эсеров осудить покушение максималистов. Как ни странно, комитет согласился на это.

К осени 1906 года в результате деятельности военно-полевых судов, сотрудничества Герасимова с Азефом и использования Охраной «задир» значительно снизилась террористическая активность и очень сильно упала мораль «боевой организации» и даже некоторых фанатически настроенных экстремистских групп. Эта проблема стала основной темой обсуждения на заседании центрального комитета партии эсеров, которое проходило в Финляндии в октябре 1906 года. Азеф и Савинков говорили о том, что Охрана усовершенствовала превентивную деятельность и теперь «боевая организация» нуждается в новой тактике, новых методах и средствах, — предлагалось, в частности, использовать мины, которые успешно применялись в террористической деятельности в Западной Европе. Заседание прошло в острой полемике, и достичь согласия не удалось. Преследуя каждый собственные цели, Азеф и Савинков вышли из «боевой организации», террористическими актами стали заниматься три отколовшиеся группы.

Эти группы экстремистов нанесли удар в январе 1907 года. В качестве главной жертвы они избрали коменданта Санкт-Петербурга Владимира фон дер Лауница, который, будучи генерал-губернатором Тамбова, в 1905 году жестоко подавил восстание крестьян. В том же месяце погибли три других офицера высокого ранга, но Столыпин — главная мишень для террористов-эсеров — остался цел и невредим. Заслуга в этом принадлежит Герасимову. Тайный агент полиции — не Азеф — уведомил его о плане убить фон дер Лауница и Столыпина во время правительственной церемонии. Герасимов посоветовал обоим деятелям воздержаться от участия в ней. Этим советом воспользовался один Столыпин. Фон дер Лауниц, недолюбливавший Герасимова, не принял во внимание рекомендации Охраны. Террористы, совершившие это убийство, были схвачены почти немедленно. Их выдал теперь уже Азеф. Чтобы не раскрыть его, экстремистов казнили под взятыми ими псевдонимами.

После этого Азеф решил передохнуть от чересчур нервной работы и отправился в Европу. В Германии он встретился с человеком, который разрабатывал конструкцию летательного аппарата. У террориста тут же родилась мысль использовать аэроплан при покушении на царя. Но идея не была воплощена в жизнь, хотя она, вероятно, всерьез занимала Азефа, поскольку среди бумаг, оставшихся после его смерти, оказались копии чертежей летательного аппарата.

Он возвратился в Россию как раз вовремя, чтобы принять участие в очередном заседании Центрального Комитета партии эсеров, проходившем в феврале 1907 года. На этой сессии чествовали Гершуни, который только что закончил свою одиссею, совершив побег из Сибири через Японию и Соединенные Штаты. Находясь в Америке, он собрал массу пожертвований для революционной борьбы. На заседании состоялось также обсуждение планов «боевой организации» по убийству царя, Столыпина и великого князя Николая, именно в такой очередности. Поскольку террористическая деятельность постоянно дробилась из-за фанатичной нетерпимости горячих голов, а также по причине недовольства отдельных членов «боевой организации» ее недостаточной — благодаря Азефу — активностью, появилось несколько планов устранения императора. Но, поскольку Азеф представлял собой последнюю контролирующую инстанцию, ни один из этих планов нельзя было осуществить без его одобрения.

Хорошим примером такого рода может служить случай, произошедший в марте 1907 года. Комендант дворца Спиридович проведal о заговоре эсеров убить Николая от казака-охранника, который надеялся подзаработать, подыгрывая и нашим и вашим. Спиридович впоследствии много писал об этом случае в своих мемуарах, в частности о том, что, услышав такое, он попросту очумел. Но в действительности у него не было причин для серьезного беспокойства. Азеф задолго предупредил Герасимова об этом заговоре. В

результате двадцать восемь экстремистов в апреле 1907 года были арестованы.

Столыпин решил использовать это покушение в политических Целях. Эсеры располагали примерно тридцатью местами в Думе того времени, и разоблачение эсеровских террористов не могло не скомпрометировать их партию. Поэтому премьер устроил показательный процесс над экстремистами, пойманными на месте преступления. Этот процесс получил название «Заговор против царя». Герасимов предстал там в качестве героя, спасшего императора, и в результате был произведен в генералы. Косвенно эти лавры достались и Азефу, поскольку Герасимов стал ценить его еще выше и более старательно оберегал особо ценного агента от разоблачения. На Азефа обратил внимание сам Столыпин. Эти два человека лично так и не встретились, но Герасимов, по указанию премьера, часто интересовался мнением Азефа о политической ситуации в стране и его соображениями на сей счет.

В самый разгар процесса «Заговор против царя» Азеф благоразумно уехал на отдых в Крым, где он занялся выдачей Членов местной «боевой организации» эсеров Охране. Предательская выдача террористов, которые им не контролировались, превратилась для него в нечто большее, чем рутинная работа для Охраны. Это стало для Азефа пагубной привычкой.

В середине 1907 года Центральный Комитет партии эсеров принял решение пойти на чрезвычайные меры с целью убийства царя. После процесса «Заговор против царя» раскольнические группы, особенно «Отряд Карла», которым командовал способный и бесстрашный эсеровский террорист Карл Прауберг, совершили целый ряд убийств реакционных чиновников. Но Центральный Комитет решил, что пришла пора сконцентрироваться на достижении главной цели, и поэтому обязал отколовшиеся группировки прекратить самостоятельные акции и подчиниться контролю Азефа. Он также уполномочил Азефа и Гершуни выехать за границу для, так сказать, обмена опытом с родственными европейскими организациями. Азеф выполнил предписание комитета, но быстро вернулся в Росс и то и оставшуюся часть года практически ничего не делал. По всей видимости, он начал уставать от своей двойной игры. Это предположение подкрепляется сведениями о том, что во второй половине 1907 года он говорил с Герасимовым — и безуспешно о выходе в отставку с тем, чтобы поселиться в качестве безликого инженера где-нибудь в центральной России.

Однако в том же году, после Рождества, у Азефа неожиданно снова пробудился интерес к своей работе. Дело в том, что в одном из кафе Санкт-Петербурга он познакомился с мадам Н., ресторанной певицей немецкого происхождения. Хотя по образу жизни эти мужчина и женщина являли собой прямую противоположность — мадам Н. славилась бурным прошлым, связями с великими князьями и более мелкими аристократами, а Азеф был женат, состоял в партии эсеров и имел детей, — произошло то, что называют любовью с первого взгляда. Они не расставались последующие десять лет, иначе говоря, До смерти Азефа. У мадам Н. оказались дорогостоящие запросы, впрочем, как и у ее нового возлюбленного, И, чтобы удовлетворить их, знаменитый агент продолжил свою деятельность, качая деньги из двух источников — партийной кассы и Охраны.

В начале 1908 года Азеф сообщил Герасимову о всех отколовшихся группах, включая «Отряд Карла». Это предательство оказалось равнозначным их ликвидации. Все мелкие террористы-эсеры были выловлены и без промедления казнены, посажены в тюрьмы или отправлены в ссылку.

В то же время совершенно неожиданное обстоятельство усилило риск разоблачения Азефа. Этому нечаянно способствовали другие тайные агенты Охраны. Действуя по доносу, сотрудники внешнего агентства арестовали Карповича, который ранее совершил побег из тюрьмы и по причине болезни Гершуни и временно отколовшегося Савинкова стал вторым человеком в «боевой организации» после Азефа. Осознавая, что случившееся может скомпрометировать его любимого агента, Герасимов принял меры по прикрытию Азефа, инсценировав побег Карповича в типичной для Охраны манере. На этот раз, правда,

спектакль прошел с некоторыми осложнениями. Конвоир, перевозивший Карповича по столице в экипаже, «неосторожно» оставил молодого террориста без присмотра, однако тот этим обстоятельством не воспользовался. Лишь во второй раз оставленный без присмотра молодой человек наконец сообразил, что можно делать ноги.

Из-за этого происшествия и ареста раскольнических групп Азеф посчитал для себя благоразумным уехать за границу. Он отправился туда в марте 1908 года, прихватив с собой мадам Н. Полагают также, что он побывал в Париже, присутствовал при кончине Гершуни. Не исключено, что он планировал не возвращаться в Россию, расставшись и с Охраной, и с «боевой организацией». Однако во время его отсутствия эсеровские террористы провели Отважное ограбление туркестанского банка. Примерно сто тысяч рублей из захваченной добычи было решено выделить «боевой организации». А поскольку ощутимая часть от таких сумм попадала в карман Азефа, у него не оставалось альтернативы, кроме как вернуться в Санкт-Петербург, что он и Сделал на Пасху 1908 года, взяв с собой, естественно, мадам Н...

Здесь он проявил повышенную активность, несомненно ободренный скорым пополнением карманов. Но и в действительности работы у него оказалось навалом: организация доставки добычи из Туркестана, совещания с коллегами по Центральному Комитету партии социалистов-революционеров, планирование убийства Николая во время поездки в Ревель на встречу с королем Англии. И естественно, нужно было передать Герасимову сведения о покушении на царя, или, точнее, те детали, которые Азеф находил нужным передать.

Заговор в Ревеле, как никакой другой, показал, насколько высокого ранга были источники информации у эсеров, а также насколько незаменим Азеф для Герасимова в его задаче оберегать царя. Стараясь сбить с толку «боевую организацию», Охрана постоянно вносила изменения в маршрут и расписание поездки императора в Ревель. В ходе их частых бесед Герасимов не на шутку тревожился, когда узнавал от Азефа, что такие изменения становятся известными «боевой организации». А один раз тревога Герасимова переросла в потрясение, когда Евно сообщил ему о коррекции маршрута, о которой сам шеф Охраны узнал только на следующий день по «строго конфиденциальным» каналам. Герасимов настаивал, чтобы Азеф сообщил имя осведомителя, но агент отказался, заявив, что такое разоблачение скомпрометирует его и осложнит задачу предотвращения покушения. Тогда Герасимов доложил о случившемся Столыпину. Премьер отказывался в такое поверить, сказал, что это случайное совпадение, и потребовал расследования. Когда он получил от Герасимова результаты заказанного им расследования, то просто отмахнулся от всего этого дела, поскольку разоблачение столь высокопоставленного осведомителя вызовет только скандал, а заодно и поставит в опасное положение Азефа. Имя предателя в высоких сферах, возможно даже в самой императорской семье, так и не стало известным истории, но и покушение в Ревеле тоже не удалось.

Основательно улучшив свое материальное положение после туркестанского ограбления, Азеф решил наконец уйти на покой. Ведь ему уже перевалило за сорок, и он уже занимался этой грязной и опасной работой пятнадцать лет. Но Евно считал, что должен совершить последний, памятный подвиг и на самом деле покончить с самодержавием путем убийства Николая.

В 1908 году он уехал из России, позаботившись о том, чтобы мадам Н. присоединилась к нему позже. Конечной целью его путешествия стала Шотландия. В доках Глазго строился крейсер «Рюрик» для царского военно-морского флота. Здесь уже находились члены «боевой организации», так же как и менее опасные представители от партий социалистов-революционеров и несколько социал-демократов. Последние пытались вести пропаганду среди членов экипажа, которым предстояло привести этот корабль в российский порт.

«Боевая организация» обсуждала два плана: или найти члена экипажа, который согласится убить царя

во время осмотра корабля, или же тайно поместить на борту террориста для выполнения этого задания. Но среди членов экипажа желающего пойти на подвиг не оказалось, и тогда нашли укромное место для зайца от «боевой организации». На борт под псевдонимом поднялся Азеф, настолько слабыми были меры безопасности. Он осмотрел предполагаемое потайное место, решил, что оно недостаточно надежно, чтобы в нем прятался террорист в течение нескольких недель до ожидавшегося осмотра царем корабля, и отверг этот план. Тогда два приятеля Савинкова и Карповича добровольно вызвались совершить покушение на царя и завербовались в члены экипажа.

Крейсер «Рюрик» с двумя убийцами на борту вышел из Глазго к берегам России в середине августа 1908 года, а Азеф в качестве члена Центрального Комитета отправился в Лондон на конференцию партии эсеров.

А тем временем, и это осталось совершенно неведомо Азефу, усилились подозрения в том, что он является тайным агентом Охраны. Эти подозрения достигли опасной отметки. Владимир Бурцев, который вроде бы фиксировал для истории деяния эсеров и специализировался в разоблачении провокаторов, уже давно считал, что постоянные аресты Охраной террористов лежат на совести предателя, занимающего высокое положение в партии, а возможно, и в самой «боевой организации». И Бурцев был убежден, хотя и не имел достоверных доказательств, что предатель — Азеф.

Бурцева особенно встревожило участие Азефа в лондонской конференции, и он написал о своих подозрениях товарищу по партии. Его письмо в конечном итоге попало в Центральный Комитет эсеров, и многие его члены высказались за то, чтобы судить Бурцева как клеветника. Однако Савинков и другие возражали против самой идеи проведения суда, полагая, что это запятнает «боевую организацию». Вскоре после этого Савинков, который верил, что Бурцев — честный, хотя и неосведомленный человек, рассказал этому летописцу все, что сам знал о роли Азефа в «боевой организации», и даже посвятил его в детали покушения на «Рюрике», которое, как он надеялся, будет совершено в скором времени.

Эти откровения поставили Бурцева в поистине трудное положение, но тут ему улыбнулась удача. В поездке из Кельна в Берлин он столкнулся не с кем иным, как с самим Лопухиным, находившимся в дурном настроении. Бурцеву давно было известно, что существует очень важный тайный агент полиции под кодовым именем Раскин, и он считал, что Раскин и Азеф — одно и то же лицо. Бывший директор полицейского департамента неожиданно подтвердил подозрения эсера.

Большого Бурцеву и не требовалось. Почти немедленно после своего разговора с Лопухиным, но не ссылаясь на него, он уведомил партию эсеров, что собирается выступить с обвинениями против Азефа в эмигрантской печати. В создавшихся условиях центральному комитету не оставалось иного выбора, как «умиротворить» Бурцева или судить его. Поэтому в октябре 1908 года на парижской квартире Савинкова собрался так называемый суд чести, в котором приняли участие многие ветераны партии, например Вера Фигнер.

На протяжении почти целого месяца — пока Азеф изображал из себя заботливого человека с чистой совестью, таскаясь по заграницам сначала со своей женой и детьми, а потом с мадам Н., — обвинения Бурцева висели в воздухе, не произведя никакого впечатления. Наконец озлобленный разоблачитель, вопреки данному Лопухину обещанию не ссылаться на него, передал суду слова бывшего директора полицейского департамента. Это открытие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Суд больше не ставил под сомнение утверждения Бурцева. Но партия решила сначала послать представителя в Санкт-Петербург, чтобы услышать обвинение непосредственно от самого Лопухина. Тот не только подтвердил делегату эсеров свое заявление Бурцеву, но и рассказал ему все, что знал о содружестве Азефа с Охраной, Он даже вызвался поехать в Лондон и изложить имеющиеся у него факты членам Центрального Комитета партии эсеров.

К этому времени, в ноябре 1908 года, теперь уже не такого беззаботного Азефа предупредили о случившемся. Возможно, это сделал участвовавший в суде чести Савинков. Азеф тоже совершил поездку — торопливую и тайную — в Санкт-Петербург. Он прямо направился к Герасимову. Тот вместе с Азефом тщетно пытался уговорить Лопухина отречься от своих обвинений. (Позже Лопухина должным образом судили и отправили в сибирскую ссылку, но это никоим образом не покрыло ущерба, нанесенного им Охране.)

Любопытно, что, несмотря на такие убедительные доказательства, многие сторонники партии и члены «боевой организации» грозились отместкой в случае принятия репрессий против Азефа. Центральный Комитет предложил Евно Азефу опровергнуть утверждения Лопухина. Но его оправдания были неубедительны и напоминали легенду, подготовленную в Охране.

Это положило конец нерешительности Центрального Комитета партии эсеров. Он принял решение о ликвидации Азефа без лишнего шума, чтобы не создавать осложнений с французскими властями, и 5 января 1909 года направил группу людей на квартиру Евно в Париже. По плану эти делегаты должны были пригласить Азефа в дом к одному из них под благовидным предлогом на следующий день, потом отвезти его на виллу за пределами Парижа и там прикончить. Когда группа прибыла к Евно, у него не оставалось козырей, чтобы достойно закончить игру. Спасти положение могло бы намеченное покушение на Николая, но эта попытка закончилась провалом. Когда царь поднялся на борт «Рюрика» у берегов Кронштадта, два моряка-террориста встретились с ним лицом к лицу, но не выстрелили. Почему? Это останется навеки тайной. Возможно, что потенциальные убийцы в последний момент просто трусили. Некоторые утверждают, что они не пошли на убийство, поскольку имелся другой, взаимоисключающий, план (так и не осуществленный) — захват Кронштадта экипажем крейсера. Не получив такого козыря, Азеф постарался сыграть на своих старых заслугах, отрицал всякую связь с полицией и обещал приехать на следующий день домой к делегатам. А вместо этого, как только представители ЦК удалились, он наврал что-то своей жене, собрал вещи и исчез с горизонта и для эсеров, и для Охраны.

Используя один из своих фальшивых документов, Азеф встретился в Германии с мадам Н. и отправился с ней в продолжительную туристическую поездку по Средиземноморью, после чего обосновался вместе с подругой в Берлине в качестве биржевого маклера. Но его счастье лопнуло с началом Первой мировой войны, так как он больше всего спекулировал на российских ценных бумагах. Тогда Азеф вместе с мадам Н. попытался содержать магазин дамских принадлежностей. Но немцы арестовали его и посадили в тюрьму как враждебного иностранца. Освободили Азефа только после русско-германского перемирия 1917 года. Потеряв здоровье, он умер в берлинской больнице в апреле 1918 года, оплакиваемый только мадам Н. Ни эсеры, ни немецкие коммунисты, которые охотились за предателем в течение ряда лет, не смогли добраться до него.

Разоблачение Азефа фактически положило конец деятельности «боевой организации» и террору эсеров. (Убийство Столыпина Богровым в 1911 году можно считать изолированным эпизодом. Этот акт совершил не профессиональный террорист и, возможно, с молчаливого согласия царских reactionеров.) Савинков (которому в дальнейшем суждено было познать только неудачи и погибнуть в большевистской России) попытался оживить «боевую организацию». Но ему досаждали предатели — хотя и мелкие, не такие, как Азеф, но многочисленные, — недоставало к тому же энергии и способностей, в результате сделать ему этого не удалось.

Не является также полным совпадением уход из Охраны лучшего руководителя в ее истории Герасимова в том же году; когда исчез Азеф. Возможно, генерал отдавал себе отчет, что с уходом Азефа бурные, но счастливые деньки эсеровского террора канули в Лету. И Столыпин, вероятно, понимал сложную роль Азефа, потому что когда агента разоблачили, то в первом комментарии режима на это

сообщение Евно Азефа называли «советником правительства», и, хотя такая характеристика позже не повторялась, она, по существу, была верной.

Когда Герасимов покинул пост, то он позволил другим тайным агентам, меньшего по сравнению с Азефом калибра, сделать выбор: либо уйти со службы, либо продолжить ее с его преемником. Знаменательно то, что большинство таких секретных агентов уволилось вместе с Герасимовым и их имена остались неизвестными.

Охрана — вырождение и крах (1910–1917)

После отставки Герасимова и последовавшего затем убийства Столыпина императорская служба безопасности России покатила вниз по все более наклонной плоскости к своему окончательному распаду. И сам Николай, и его невероятно глупая Александра занимают среди ответственных за это не последнее место.

Неоспоримые факты говорят о том, что после гибели Столыпина в царской России на деле правительства не было, оно существовало только на словах. Один за другим высокие посты и места в кабинете занимали в основном полные ничтожества — некомпетентные фавориты Николая, Александры или даже Распутина. Для человека с другой планеты могло бы показаться, что их нарочно отбирают, чтобы ускорить крах самодержавия. Конечно же и среди вновь назначенных высших чиновников оказывались способные и ответственные деятели, но они представляли собой исключение, их ждало разочарование и быстрая отставка.

Как и премьер-министры после Столыпина, никчемными и неэффективными были люди, которых ставили на должность министров внутренних дел. Все они настолько слабо себя проявили, что их достаточно перечислить в алфавитном порядке. А именно: Александр Макаров, Николай Маклаков, Александр Протопопов (последний из них), Алексей Хвостов, Борис Штюмер и князь Николай Щербатов. Также и заместители министра внутренних дел, директора департамента полиции, выглядели отнюдь не лучше. Среди них находились Белецкий, подхалим Распутина, Коваленский, Вуич, Трусевич, Климович, а также Алексей Васильев, самый последний, который получил известность благодаря тому, что писал об Охране и отказался работать на большевиков, а не как директор полицейского департамента. Несколько выделялись из этой серой массы два заместителя министра внутренних дел — генерал Павел Курлов и генерал Владимир Джунковский. Но и у этих были свои слабости: Курлов оказался антисемитом, склонным к погромам, в то время как Джунковский из-за своего прекрасноразумия разрушил единственную агентурную сеть в среде большевиков.

Столь же непригодным оказался преемник Герасимова, полковник Сергей Карпов. Этот организовал «бегство» из тюрьмы террориста Александра Петрова, полагая, что сумел завербовать его для работы на Охрану. Но неблагодарный Петров разнес в пух и прах доверчивого шефа Охраны с помощью взрывчатки. Петрова схватили и почти незамедлительно казнили, но это не возвратило Карпова к выполнению его обязанностей.

И в этот же период все возрастающей безответственности и разгильдяйства был за просто убит Радом, шеф жандармерии.

В своих мемуарах полковник Спиридович постарался убедить читателей в том, что именно его организация уберегла Николая от террористических актов на протяжении тех десяти лет, в течение которых он командовал стражей дворца. И действительно, Спиридович организовывал и осуществлял общее командование охранниками императора, которые представляли собою разношерстное сборище жандармов, казаков, отрядов из различных гвардейских полков и железнодорожных войск. Все они были включены в «его императорского величества сводный пехотный полк». Этот полк охранял здание дворца и территорию вокруг него и сопровождал царя во всех его поездках. Например, когда бы императорский поезд ни отправлялся в Царское Село, излюбленную резиденцию последних Романовых, находившуюся в двадцати шести, милях к югу от Санкт-Петербурга, гвардейцы стояли через каждые сто шагов.

К заслугам Спиридовича можно также отнести нововведение или заимствование из-за границы — в рутинной работе по охране правителя, которое впоследствии использовали коммунистические преемники.

Он ввел использование в России полицейских собак — доберманов, немецких овчарок или крупных терьеров для патрулирования резиденции царя.

Вот, собственно, и весь вклад Спиридовича в организацию защиты царя, но жизнь показала, что сделанного недостаточно... Этот любитель пощеголять яркой кавалерийской формой не смог вдохнуть в подчиненных ему офицеров и рядовых чувство коллективной гордости за порученное дело. Возможно, он даже не думал о таких пустяках. В результате когда наступила развязка и Николай был вынужден отречься от престола, выяснилось, что его императорский полк не может сравниться со швейцарскими гвардейцами. Охранники либо разбежались, либо предали царя. Этот полк, конечно, и не думал охранять его в минуту крайней необходимости.

Примерно через год после отставки Герасимова Охрана стала обкатывать нового тайного агента, который стал специализироваться на политических махинациях революционеров, а не на их терроре. Этого агента звали Роман Малиновский. Он являлся грабителем-взломщиком, которого в 1910 году завербовал в тюрьме Белецкий за обычную начальную оплату в пятьдесят рублей в месяц. Роль Малиновского как двойного агента преувеличили, так как он принадлежал к партии социал-демократов большевистского направления и таким образом был связан с Лениным. Коммунисты и те, кто стал придерживаться их взглядов, ошибочно и почти мифически сравнивали его с Евно Азефом. Однако на самом деле, несмотря на все недостатки Азефа, он стоял на голову выше Малиновского по отваге, уму, организаторским способностям, знанию своих современников и даже в вопросах этики. Азеф был двойным агентом, человеком, который ловко вел опасную игру с достойными противниками. А Малиновский — обычный преступник, обращенный в доносчика, который никогда не действовал, в отличие от Азефа, против Охраны и который предал гораздо менее опытную группу оппозиционеров — социал-демократов.

Было бы интересно посмотреть, как контролировал бы Малиновского Герасимов, если бы он остался у руля Охраны. Герасимов не только накопил опыт обращения с гораздо более опасным агентом, Азефом, но и продемонстрировал политическую прозорливость и мужество, оценив реальное значение санкт-петербургского Совета Троцкого в 1905 году и разогнав его, пока с ним можно было сладить, а не стал дожидаться, как поступили преемники, развития бурных политических событий.

Заменившие Герасимова руководители Охраны не только плохо управляли Малиновским, но не продемонстрировали и толики политического здравомыслия. Они иногда демонстрировали ловкость и сообразительность, но оказались слишком самодовольными, что помешало им установить сотрудничество с демократическими и либеральными группировками того периода, не сумели по достоинству оценить организацию Ленина в качестве реальной угрозы режиму. Они позволили убедить себя в том, что марксисты и большевики — не больше чем мечтатели и болтуны от экономики.

При таких обстоятельствах и при таком руководстве Малиновскому поручили проникнуть в ряды социал-демократов и в среду рабочих Санкт-Петербурга. Он неплохо справился с обеими этими задачами, потому что обладал определенной харизмой и, как и Гапон, умел увлечь толпу, особенно если она состояла из плохо образованных людей. В результате Малиновский смог использовать свое положение секретаря профсоюза, чтобы принять в 1912 году участие в выборах четвертой (и последней) Думы в качестве кандидата от социал-демократов (большевиков) от московского избирательного округа. Не ясно, почему он решил баллотироваться от Москвы, а не от Санкт-Петербурга. Можно лишь принять во внимание, что в Москве Охрана оказывала на выборы большее влияние, чем в столице. И похоже, Охрана полагала, что в Москве легче скрыть арест и тюремный срок Малиновского. Известно также, что полиция значительно облегчила задачу своего агента, запугивая или сажая в тюрьму его конкурентов в борьбе за место в Думе.

Оказавшись избранным, Малиновский взял под свой контроль группу депутатов от социал-демократической партии в количестве тринадцати человек, несмотря на тот факт, что меньшевики

располагали семью Мандатами против шести, принадлежавших большевикам. Частичное объяснение тому, почему меньшинство стало управлять большинством, можно найти в искусстве Малиновского сталкивать лбами эти две фракции, хотя он и заявлял о своей приверженности большевикам. Будучи способным оратором, Роман Малиновский не раз произносил речи, которые возбуждали Думу. Однако все эти ораторские упражнения, как считают, подготовленные под руководством Ленина, подвергались умелому редактированию со стороны Белецкого.

Малиновский совмещал свои обязанности в Думе с другими занятиями, являясь своего рода многостаночником. Так, в 1912 году он стал казначеем новой газеты большевиков «Правда». Ленин считал, что вдохновляет и направляет редакционную политику этого издания. Однако в действительности «Правда» представляла собою больше орган Охранного отделения, нежели большевиков. Малиновский не только передавал в полицию мельчайшие детали положения дел в газете, но и ее редактор, Мирон Черномазов, тоже являлся тайным агентом Охраны. Поэтому вполне очевидны причины, по которым Ленина разочаровала проводимая в «Правде» партийная линия, и он, будучи за рубежом, направил Якова Свердлова и Сталина в Санкт-Петербург, чтобы навести в газете порядок. Малиновский легко управился с этой парочкой. Он доложил о возникшей проблеме в Охрану, и Свердлова со Сталиным в нужное время отправили в Сибирь дожидаться Февральской революции 1917 года и падения царского режима.

Удивительно, но, несмотря на частые сообщения о том, что Малиновский сотрудничает с Охраной, Ленин упрямо рассматривал его в качестве необработанного алмаза из пролетарской среды и решительно отвергал все «наветы». Хотя даже та легкость, с которой Роман Малиновский выезжал за границу и возвращался в Россию, должна была вызвать подозрение.

Дела у Малиновского и дальше бы шли как по маслу, если бы не вмешательство Бурцева, того самого человека, который заставил эсеров вызвать Азефа на ковер. Он не переставал активно отыскивать предателей в революционной элите и уже некоторое время присматривался к Малиновскому. Бурцев поделился своими подозрениями с главарями большевиков и даже предоставил некое доказательство. В результате состоялся своеобразный партийный суд, наподобие того, что учинили эсеры над Азефом. Но итоги разбирательства явно отличались — Малиновского оправдали и таким образом разрешили продолжить его успешное сотрудничество с Охраной.

В самой Охране, однако, не было такой уверенности в Малиновском, какую проявили Ленин и его группа. А тот факт, что большевики так серьезно заподозрили агента, оказался для полиции более чем достаточным. И в мае 1914 года в это дело вмешался Джунковский и приказал Малиновскому отказаться от своего мандата в Думе и фактически прекратить сотрудничество с Охраной. (И все же поступок Джунковского не был вызван предчувствием или предвидением. Он захлопнул трудовую книжку своего агента, руководствуясь нестандартными для полицейского представлениями о морали: ему в принципе претило, что Охрана ведет агентурную деятельность в депутатской среде.) Несмотря на то, что тайная полиция рассталась с Малиновским, тот не умер естественной смертью. Оказавшись без работы, бывший агент отправился за границу, где ему следовало бы и остаться. Он же в 1918 году, когда большевики оказались у власти, возвращается в Россию и предстает перед другим, последним, судом. Малиновский не знал, что революционеры, захватив помещения Охраны в марте 1917 года, нашли там папку с его личным делом, которую, возможно, специально, а не случайно не уничтожили. В результате обвинения Бурцева подтвердились и Малиновского расстреляли. Ленин на этот раз отказался вмешаться.

В каком-то смысле дело Малиновского знаменует собой последнюю высоту в деятельности Охраны. С тех пор все окончательно покатило вниз, набирая обороты. Конечно, Первая мировая война отвлекла Охрану от борьбы с революционерами, а также, по крайней мере временно, погасила активность экстремистов. Как сторонники, так и противники режима переключились на военные проблемы. И тут

Охрана втянулась в конфликт с военными по поводу того, кто должен заниматься вопросами шпионажа и бороться с подрывной деятельностью в войсках. Полиция проиграла этот спор. Причем возражения военных против того, чтобы в их ряды засылались полицейские агенты, поддерживал Джунковский, который считал, что подобная практика бросит тень на вооруженные силы. Таким образом, Джунковский в большей степени, чем кто-либо другой из сотрудников Охраны, ускорил падение самодержавия. Если бы полиция располагала оперативными сведениями о растущем недовольстве в вооруженных силах и проникновении революционеров в их среду, падение династии Романовых можно было бы по меньшей мере отодвинуть.

Но Джунковский получил отставку совсем не за это. Примерно год спустя он бестактно сунул свой нос в единственное дело, которым занималась Охрана в те последние дни — и, конечно, занималась им не очень толково, — дело Распутина. Летом 1915 года, испытывая естественное раздражение от влияния, которое имел на царский двор этот разложившийся Поп, Джунковский направил в прессу утечку информации о неприличных выходках Распутина — позировании в обнаженном виде и других непристойных действиях в московском цыганском ресторане. Эти сведения Джунковскому следовало бы запустить через каналы чиновников более низкого ранга. Своим прямым участием в дискредитации фаворита он вызвал гнев Александры и был уволен по ее прямому приказу.

Не показала себя с хорошей стороны Охрана и на финальном этапе распутинской эпохи — убийстве попа в декабре 1916 года. Это мерзкое дело расследовал Алексей Васильев, последний царский директор полицейского департамента, но все его действия свелись к обелению императорской семьи.

Возможно, Васильев считал бессмысленным делать что-то большее. В стране все расползлось по швам, войска терпели поражение на всех полях сражений, а в тылу царили ужасающее разложение и расхлябанность.

Когда разразилась Февральская революция и мятежные войска присоединились к уволенным и бастующим рабочим и уличным толпам, Васильев воспользовался заранее припасенным предлогом, чтобы не ходить на работу. И благоразумно поступил, потому что революционеры в первую очередь нагрянули в помещения Охраны. Офицеры, находившиеся в здании, сумели уничтожить большую часть документов до того, как ворвалась толпа. Несмотря на это, как свидетельствует судьба Малиновского, некоторые особо секретные бумаги сохранились либо усилиями двурешников в Охране, либо революционеров. Весьма вероятно, что «спасенные» документы позже уничтожили сами большевики или их преемники прежде всего для того, чтобы связи многих оппозиционеров — возможно, и связи Сталина — с Охраной навсегда остались неизвестными.

Узнав о случившемся, Васильев скрывался несколько дней в домах друзей. В этот короткий период междувластия многие офицеры Охраны и полиции оказались в менее благоприятных условиях: некоторые из них отдали жизнь, защищая разваливающиеся укрепления режима, других схватили и расстреляли, но большинство просто разбежалось, растворилось в людской толпе, сменило мундиры на гражданское платье, а агенты в штатской одежде попрятались. И только немногим, включая Васильева, удалось позже бежать за границу. На этом история Охраны закончилась.

Через несколько дней после революционного переворота Васильев, многие другие руководители Охраны и видные члены царского правительства были арестованы и преданы «суду» Чрезвычайной комиссией Временного правительства по расследованию. Этот орган ничего не узнал от сотрудников Охраны, кроме того, что в командной структуре царской политической полиции творилась ужасная неразбериха, о чем и так было хорошо известно всем присутствовавшим. После «суда» некоторые из царских офицеров подумали, что самое лучшее попытаться начать новую жизнь за рубежом. Однако большая их часть осталась в России, и многие из них были позже расстреляны большевистской Охраной —

ЧК.

Хотя жандармерия и Охрана распались в первые же часы вспыхнувшей революции, Временное правительство официально распустило обе эти организации. Жандармов заменила пестрая толпа милиции, в ее рядах оказалось много освобожденных обычных преступников, а во главе — избранные офицеры. Вопросы безопасности в той или иной степени отошли к полковнику Б. Никитину, руководителю отдела контршпионажа Петроградского военного округа. Главная задача Никитина заключалась в вылавливании немецких шпионов, которые наводнили Петроград и остальную Россию, но большинство лиц, которых он арестовал, вскоре оказались освобожденными толпами людей. И к тому времени, когда большевики захватили власть, они не испытывали никакого противодействия со стороны политической полиции, которой, в сущности, и не было.

Часть вторая

КОММУНИСТЫ У ВЛАСТИ

Захват власти большевиками (1918–1927)

Во время предсмертных мучений самодержавия немногочисленная прослойка интеллигенции страны изрекла миллионы слов о бедственном положении русского народа и продекларировала тысячи обещаний. Эсеры показывали бедственное положение крестьян — подавляющее большинство населения России в то время. Социал-демократы, особенно фракция большевиков, сосредоточились на рабочих.

Поэтому, когда самодержавие наконец рухнуло, многие россияне и другие порядочные люди на земле надеялись, что в огромной и несметно богатой стране занялась новая заря. Будущее открывало перед государством безграничные возможности, и не только с точки зрения материального благосостояния — ожидался огромный рывок в области культуры и философии. Тогда не было оснований сомневаться в том, что пробуждение страны даст миру не меньше, чем революции в Америке и Франции.

Однако этого не произошло по причине захвата власти большевиками и характере их лидера, особенно Ленина. Правда, некоторое время большинство людей считало, что коммунистический режим в любом случае будет лучше самодержавия. Но, к несчастью для России и особенно самих россиян, это мнение оказалось несостоятельным.

Когда коммунисты захватили власть во время так называемой Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября 1917 года), почти любая хорошо организованная, пусть и небольшая группа, каковой и были на самом деле большевики, смогла бы сделать то же самое. А если бы эта группа имела такую же говорливую пару демагогов, какие оказались у коммунистов — Ленина и Троцкого, — то приход к власти стал бы еще проще. Временное правительство и хрупкие структуры демократических партий так и не успели окрепнуть. Армия уже давно развалилась и перестала быть эффективной сражающейся силой. На западе напирала немцы, и повсюду в стране толпы, раздувшиеся за счет дезертировавших солдат, захватывали города, а крестьяне — в массовом порядке землю. Наступила такая анархия, которую самые отъявленные анархисты никогда не смели представить себе. Поэтому, несмотря на ловко оформленные последующими пропагандистами художественные декорации «штурма» Зимнего дворца, Ленину с его небольшой бандой было относительно легко проникнуть в него. Чтобы добиться этого, коммунисты активно использовали демагогические заявления, которые позже стали привычными до тошноты, — они обещали «демократию» и поддерживали забастовки в промышленности. И хотя группу Ленина крестьяне не интересовали, большевики поощряли их безобразные действия в сельской местности, поскольку деревенские жители составляли подавляющее большинство в российской армии. В войсках же коммунисты подстрекали солдат к массовому дезертирству и бунтам, а также братанию с вражескими солдатами — все это только для того, чтобы обеспечить себе захват власти.

Окружив себя пестрой толпой военных дезертиров, главным образом из моряков и латышских стрелков, коммунисты надежно окопались в Петрограде, в Смольном, бывшем в царское время Институтом благородных девиц. И началась бойня беспомощных противников — настоящих и потенциальных. Революционеры, действительные и прикидывавшиеся таковыми, в городах отстреливали всех, кто походил на выходцев из буржуазии, а в деревнях крестьяне не прекращали уничтожать землевладельцев и священников. Число убиенных таким образом несметно, их никогда не подсчитывали и

никогда считать не станут.

В то же время, к несчастью для России и граждан, которые ее населяют, в организации эсеров началась фракционная борьба. Эта партия раскололась на правых и левых. Левое крыло, оказавшееся в явном меньшинстве, вначале солидаризовалось с коммунистами и морально поддерживалось Лениным до тех пор, пока это было ему нужно.

Первое правительство коммунистов называлось Советом Народных Комиссаров (наркомов). Оно состояло из пятнадцати человек — все коммунисты, — возглавлял его Владимир Ульянов (Ленин), председатель; среди видных членов можно назвать бывшего меньшевика Льва Троцкого, наркома иностранных дел; Алексея Рыкова, наркома внутренних дел; Иосифа Сталина, наркома по делам национальностей, и Анатолия Луначарского, наркома просвещения. Чтобы заручиться поддержкой социалистов-революционеров, Ленин вначале поддержал их программу захвата земель крестьянами, а потом некоторых из них включил в правительство, но это заигрывание продолжалось недолго. Нё прошло и месяца пребывания Ленина у власти, как он начал затыкать эсерам рот.

Большевики быстро запретили правые и консервативные органы печати. Левые издания, которые не поддерживали линию коммунистов, дожимались более медленно, но тоже бесповоротно. В качестве своего следующего шага он приказал арестовать и судить — в военно-революционных трибуналах — руководителей консервативных и либеральных групп в Думе.

Для сохранения своей власти Ленин использовал тот инструмент, что и цари до него, — корпус тайной полиции. Он был создан 20 декабря 1917 года и назывался Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которая вскоре получила известность под более коротким наименованием — ЧК. Как и опричнина при Иване Грозном, эта комиссия наделялась неограниченными правами, и вскоре она превратилась в устрашающую организацию, которая проводила красный террор 1917–1922 годов, когда сотни тысяч (некоторые специалисты называют цифру миллион семьсот пятьдесят тысяч человек) представителей всех классов, русских и людей других национальностей, были расстреляны на месте, подверглись пыткам, заключению в тюрьмы. ЧК стала предшественником и примером для ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, МВД и КГБ. Она являлась еще Одним порождением извращенного ума Ленина, который вел политические диспуты о народах и ни в грош не ставил отдельных людей. Владимир Ленин не только способствовал распространению волны террора, но и провоцировал и подстегивал его. Когда Максим Горький и другие менее кровавые деятели протестовали против террора, то председатель Совнаркома парировал их упреки такими софизмами, как «яичницу не зажаришь, не разбив яйца». Поэтому нарекания более поздних коммунистов относительно крайностей Сталина представляют собой обычную галиматью: пример показал «святой» Ленин. И возможно, если бы этот калмык-полукровок сохранил жизненные силы и пожил подольше, то по количеству пролитой крови мог бы затмить своего грузинского преемника.

В отличие от Сталина, Ленин не обладал такой специфической отвагой, чтобы принимать личное участие в проведении террора. Он поручил черную работу по организации и руководству ЧК склонному к этой деятельности фанатичному поляку, сыну богатого землевладельца Феликсу Дзержинскому, который до этого назначения выжидал своего часа, находясь на неброском посту коменданта штаб-квартиры большевиков в Смольном институте. Впоследствии возведенный в мелкого святого в коммунистическом пантеоне России, Дзержинский не проявлял ни малейших угрызений совести, устраивая массовые бойни людей: в конце концов, жертвы для него были всего лишь чужеземцами. При вступлении в свою должность этот профессиональный революционер высказал такой тезис в оправдание своих предстоящих зверств: «Не думайте, что я стану искать формы революционного правосудия. Сейчас нам правосудие ни к чему. Теперь нам нужна смертельная хватка».

В середине января 1918 года, когда этот польский паладин пробыл на своем посту меньше месяца,

якобы было совершено покушение на крупного начальника, которого он должен был охранять. Появились разные сообщения — все несколько подозрительные, — в которых описывается, как стреляли в Ленина и промахнулись, когда тот проезжал по улицам Петрограда. Согласно рассказам, некий Фриц Платтен, странствующий политический авантюрист из среды швейцарских коммунистов, оказавшийся в то время в России, ехал вместе с Лениным в автомашине. Он будто бы загородил собою коммунистического лидера и таким образом спас его от пуль убийц. Как выяснилось, Платтен действительно получил легкое ранение — от осколка разбитого ветрового стекла. Вообще вся эта история сильно смахивает на вымысел. Наиболее правдоподобно данное происшествие можно объяснить тем, что автомобиль Ленина случайно заехал в такое место, где происходило привычное вооруженное ограбление и шальная пуля угодила в ветровое стекло машины. Или завязалась перестрелка между «революционерами». Иначе не понять, как Сталин осмелился ликвидировать Платте на, такого «героя», во время чисток тридцатых годов. Но каково бы ни было объяснение инцидента, тогда никого не поймали и даже никого не обвинили в покушении. Но этот случай подтолкнул Дзержинского к еще более массовым казням несчастных «врагов народа».

Между тем Ленин старался поскорее захватить всю полноту власти, как показало первое — и последнее — заседание Учредительного собрания. Оно было избрано в ноябре предыдущего года, и в нем подавляющий перевес имела партия эсеров, но это несколько не обескуражило Ленина. Он заполнил зал заседания Учредительного собрания матросами из Кронштадта, красногвардейцами и чекистами и даже подтянул к зданию пулеметы и пушки. После такой демонстрации силы коммунисты прихлопнули представительный орган даже с большей легкостью, чем когда-то Николай II распустил Думу.

Дабы закрепить успех, 19 января 1918 года, через два дня после разгона Учредительного собрания, матросы-большевики ворвались в петроградскую больницу и пристукнули там двух консервативных лидеров (от партии кадетов, конституционных демократов): профессора Федора Кокошкина и доктора Андрея Шингарева. Через месяц другие матросы устроили побоище на юге страны — отряды черноморского «флота» перебили «буржуазию» в Севастополе.

Одновременно с борьбой за контроль внутри России, как базы для коммунистического захвата власти во всем мире, Ленин неустанно трудился также и на поприще иностранных дел, особенно в связи с тем, что Первая мировая война, вступила в завершающую стадию. Правительство кайзера Вильгельма, которое разрешило Ленину проехать через Германию в 1917 году для создания хаоса в России, хотело теперь вывести ее из войны, чтобы немцы могли сконцентрироваться на западном фронте, Ленин еще больше кайзера хотел выйти из войны, правда, с другой целью — ради осуществления мировой революции. Вскоре после захвата власти он поручил Троцкому, наркому по иностранным и военным делам, ведение мирных переговоров с немцами. Переговоры эти проходили трудно и продолжались несколько месяцев. Но в конце концов, в марте 1918 года, коммунисты подписали позорный Брест-литовский договор с Германией. По его условиям, Россия согласилась уйти из Финляндии и из тех районов, в которых позже возникли Прибалтийские республики, вывела войска из Украины, возвратила оккупированные территории Турции и демобилизовала свою армию. Перед самым подписанием этого документа немцы оказали дополнительное давление на коммунистов, двинув войска к Петрограду и вступив в бой с подразделениями только что созданной Красной Армии. Именно страх перед этим наступлением — и ничто иное — вызвал перенос столицы России из Петрограда обратно в Москву, которая находилась на более безопасном расстоянии от немецких частей.

Эсеры, выступавшие против Брест-литовского договора, тотчас вышли из правительства; которое с того времени состояло из одних коммунистов. Некоторые эсеры остались в ЧК, примерно с той же целью, с какой они проникали в царскую Охрану, но даже и такое сотрудничество продолжалось недолго. Коммунисты почувствовали себя достаточно сильными и больше не нуждались ни в каких союзниках, в то время как эсеры наконец поняли коварство большевиков и вернулись к тактике, с успехом применявшейся

ими против царей, — перешли к открытой и подпольной оппозиции.

Одновременно с возникновением новой политической оппозиции у коммунистов появились противники и в военной среде. Они организовали вооруженное сопротивление большевистскому режиму, которое переросло в Гражданскую войну. В результате в течение 1918–1921 годов русские вели кровавые битвы против русских, а не против германского врага. Союзники России в Первой мировой войне, прежде всего Англия и Франция, в меньшей степени Соединенные Штаты Америки, крайне отрицательно отнеслись к выходу российского государства из войны, поскольку это привело к усилению давления на их войска со стороны немцев. Союзные государства вместе с японцами и бывшими чехословацкими военнопленными начали прямое противодействие коммунистам — но с чисто символическим участием своих вооруженных сил. Они сделали неудачную ставку на субсидирование и снабжение плохо организованных и неэффективных остатков царских войск, которые противостояли большевикам на севере, юге, западе и востоке, включая всю Сибирь. Коммунистические историки сильно преувеличили эти усилия союзников и оппонентов режима, назвав столкновения того периода войной на шесть фронтов. Англия и Франция проявили интерес не столько к сражениям с противником, сколько к защите своих коммерческих интересов: Японию волновало только одно — попытаться оттяпать территории Дальнего Востока, пока Россия находилась в трудном положении. А Соединенные Штаты стремились лишь помешать японцам сделать это и обезопасить транссибирскую железную дорогу и ее ответвления. Усилия российских антикоммунистических сил не дали ничего сколько-нибудь существенного, и история отвела не много места их руководителям — генералам Николаю Юденичу, Антону Деникину, Евгению Миллеру, Александру Дутову, «батьке» Нестору Махно, адмиралу Александру Колчаку и барону Петру Врангелю. Двое из этих царских воевод, Миллер и Врангель, остались живы по завершении вооруженной борьбы и стали столь же неудачными центрами объединения русских эмигрантов в Западной Европе на протяжении следующих двух десятилетий.

Двое других антикоммунистов — российских лидеров той эпохи — финский маршал Карл Маннергейм и польский маршал Юзеф Пилсудский (который участвовал в заговоре против Александра III вместе с братом Ленина) более успешно сражались против большевистских вооруженных сил. Маннергейм обладал некоторым военным талантом, в то время как Пилсудскому помогал блестящий французский генерал Максим Вейган. Оба национальных лидера сражались за освобождение своих стран от векового господства России, за что в какой-то степени отомстили, оторвав от нее основательные куски территории (эти страны опять потеряли и аннексированные территории, и еще кое-что в придачу после Второй мировой войны).

Финское направление, хотя и входило в число так называемых «шести» фронтов, коммунистов особенно не волновало, вероятно, потому, что Финляндия издавна пользовалась статусом автономии. Но в борьбе с поляками, несмотря на все свои разглагольствования о самоопределении и международном братстве, большевики показали себя такими же шовинистами, как и царский режим.

Как военный комиссар, а следовательно, и верховный главнокомандующий в период 1918–1920 годов на польском фронте, Троцкий собирался остановить российское наступление по этнической границе проживания народов этих стран. Дзержинский, в котором в тот момент проснулся поляк, поддержал его точку зрения. Но Ленин, стремившийся к аннексии Польши, что облегчало установление коммунизма во всем мире, отверг их предложения. Беспринципный Сталин поддакивал Ленину, несмотря на то, что вроде бы, как нарком по национальным делам, должен был заботиться об этнических меньшинствах.

По приказу Ленина Красная Армия под руководством Михаила Тухачевского продвинулась до пригородов Варшавы. Но соединения Тухачевского основательно выдохлись. Конная армия казака Семена Буденного, к которому приставили Сталина, по плану должна была поддержать войска Красной Армии,

вышедшие к воротам Варшавы. Вместо этого Буденный повернул на Львов, видимо под давлением Сталина, пожелавшего увенчать себя лаврами победителя после захвата древнего города. А в результате Пилсудский, по советам Вейгана, сумел перегруппировать войска и наголову разбил и Тухачевского, и Буденного. По Рижскому договору 1921 года, который официально зафиксировал это поражение России, Польша добила не только значительных кусков Белоруссии и Украины, но и установления такой границы, которая исключала непосредственную связь России с Литвой.

Однако, несмотря на неудачи в Финляндии и Польше и вопреки вмешательству Ленина и некомпетентности в военных делах Сталина, блестящий организатор Троцкий сформировал за период 1918–1921 годов грозную силу в лице Красной Армии. Понятно, что коммунистические историки совершенно не отдавали должного Троцкому. И наоборот, преувеличивали роль таких уцелевших после сталинских чисток деятелей, как Семен Буденный и Климент Ворошилов; приписывали непомерные заслуги Сталину; старались создать впечатление, что успехи Красной Армии зависели главным образом от скромных и преданных рабочих и от воодушевленных революцией простых крестьян.

Факты очень сильно отличаются от этого. Интервенция 1918–1920 годов США, Англии, Франции и Японии носила чисто эгоистический характер. Иностранцы поддерживали белых в России, которые в большинстве своем хотели восстановления самодержавия со всеми его беззакониями, и так же, как и красные, допускали отвратительные бесчинства. Несмотря на царивший в то время хаос, подавляющее большинство преданных своей стране военных из царского офицерского корпуса верило в светлое будущее. Красная Армия Троцкого родилась не вдруг, не из-за речи Ленина. Именно прежние офицеры и сержанты царской армии — Тухачевский был лишь одним из многих тысяч таких — образовали костяк армии Троцкого, что позволило разгромить врага. Короче говоря, Ленин, несмотря на его позирование в качестве интернационалиста, опирался на националистические вооруженные силы Троцкого, которые идеологически подпитывались патриотизмом, а не коммунизмом. Неверно названная Гражданской, та война была в такой же степени Великой Отечественной, какую вела подчиненная Сталину Красная Армия в 1941–1945 годах.

Почти одновременно с началом полномасштабной Гражданской войны весной 1918 года на внутреннем фронте произошли заключительные выступления эсеров и других противников коммунизма. И конечно, ЧК напряженно работала, вылавливая и расстреливая каждого, кто не походил на рабочего или крестьянина, а также многих, которые были похожи на них.

В апреле 1918 года анархисты устроили двухдневные беспорядки в Москве, но ЧК и красные латышские стрелки покончили с ними.

Выступление эсеров против коммунистов, организованное Борисом Савинковым, учеником Азефа, началось несколько недель спустя. Тогда, в конце июня 1918 года, Моисей Гольдштейн, больше известный под именем В. Володарский, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, был убит на улицах Петрограда террористом-эсером.

Но главные события развернулись в июле 1918 года. Наиболее сильный удар большевикам был нанесен 6 июля, когда эсеры, работавшие в ЧК, убили графа Мирбаха, посла кайзера Вильгельма при правительстве Ленина. Они пошли на это убийство, ошибочно полагая, что немцы так сильно возмущаются преступными действиями тайной полиции Ленина, что аннулируют Брест-литовский договор и Россия опять втянется в войну. Правительство коммунистов поспешило заверить Германию, что убийство совершено бандитами, а Дзержинский отправился в резиденцию Мирбаха в попытке урезонить эсеров-чекистов. В это же время другие эсеры захватили центральные учреждения ЧК, а также помещения московского почтамта и центрального телеграфа, отрезав всю связь в столице, и казалось, что коммунисты потеряли контроль над городом. К тому же убийцы Мирбаха захватили Дзержинского и некоторое время

удерживали его. Но, оказавшись на свободе, Феликс Дзержинский возобновил руководство ЧК. Представители эсеров, включая Марию Александровну Спиридонову, «бабушку русской революции», и руководителя московского восстания, были арестованы во время заседания съезда Советов. Чекисты восстановили контроль над зданием телеграфа и своими центральными учреждениями. Повстанцев выбили также из других опорных пунктов, иногда расстреливая их из пушек. Работавших в ЧК эсеров ликвидировали без суда и следствия. Спиридонову и других ведущих социалистов-революционеров отправили в сибирские тюрьмы.

Так закончилась попытка эсеров захватить Москву — тогда же завершилось их участие в работе ЧК, которая с тех пор превратилась в чисто коммунистическое учреждение. Однако к северу и востоку от столицы положение для режима оставалось беспокойным. Там восстанием руководил Савинков. Одновременно с выступлением Спиридоновой в Москве должны были подняться двадцать три города и поселения на верхней Волге. По некоторым свидетельствам, французы обещали помощь восставшим иностранными войсками из базы союзников в районе Архангельска. Но никакой помощи не поступило, и крайне сомнительно, чтобы французы вообще давали такое обещание.

Эсеры оказались в меньшинстве и вскоре один за другим сдали города превосходящим силам коммунистов. Долше всех продержался Ярославль, до 23 июля. Чекисты тут же расстреляли сотни захваченных эсеров, но Савинкову удалось бежать за границу, как он уже много раз это делал в царские времена. Ленин отреагировал на выступление эсеров тем, что лично распорядился усилить красный террор на Средней и Верхней Волге, а также в районе Урала. Главными его жертвами стали зажиточные крестьяне, а рядовых крестьян обязали выделить заложников, чтобы гарантировать поставки зерна в города. В то же время коммунисты уничтожили Николая II и его семью в Екатеринбурге, но эти убийства не были связаны с выступлением эсеров. Их совершили потому, что Екатеринбург оказался в опасности из-за мятежа чехословаков.

Некоторое время еще продолжались изолированные террористические акты эсеров — индивидуальные нападения и бледные копии операций Азефа. 30 июля экстремист убил немецкого командующего на Украине. А утром 30 августа 1918 года другой эсеровский террорист прикончил Моисея Урицкого, кровавого начальника петроградской ЧК.

Дзержинский немедленно бросился в Петроград, чтобы лично руководить расследованием убийства Урицкого, но, уже находясь в поезде, узнал о покушении на Ленина, совершенном в тот же день. Потенциальным убийцей стала Фаня (или Дора) Каплан, социалистка-революционерка, почти ослепшая за время одиннадцатилетнего заключения в царской тюрьме за участие в киевских беспорядках. Коммунисты утверждали, что она пошла на это по указанию Савинкова, но такие заявления голословными в них нет ни малейшей правды. Каплан действовала в одиночку, решила убить Ленина за то, что тот разогнал Учредительное собрание.

Комбинация убийства Урицкого с покушением на Ленина дала Дзержинскому, ЧК и другим кровожадным коммунистам то, чего они давно желали, — повод для массового уничтожения своих противников, подлинных или мнимых. Свердлов, уже вечером того дня, когда было совершено покушение на Ленина, выступил с воззванием к «трудовым классам», где заявил, что для борьбы с «контрреволюционерами» надо использовать красный террор. Многие подхалимы телеграфировали Свердлову о своей поддержке. В послании от Сталина говорилось, что его «военный совет Северного Кавказа» будет проводить «открытый и систематический террор против буржуазии и ее агентов». А 2 сентября коммунистический режим провозгласил красный террор «законным». В заявлении говорилось: «Рабочие и крестьяне ответят на белый террор врагов власти рабочих и крестьян массовым красным террором против буржуазии и ее агентов». Одновременно в стране было объявлено осадное положение,

что узаконивало неограниченное право на арест, пытки, казнь, заключение в тюрьмы и высылку, что, правда, ЧК уже давно применяла на практике.

По странному стечению обстоятельств в тот самый день, когда произошли описанные события с Урицким и Лениным, арестовали и привезли в центральное учреждение ЧК на Лубянке английского генерального консула в Москве Брюса Локкарта, а Каплан, которую сначала доставили на Лубянку, прежде чем подвергнуть пристрастному допросу в Кремле, столкнулась с ним в коридоре полицейской твердыни. Локкарта обвинили вместе с его давним напарником, Сиднеем Рейли, в попытке подкупить латышский отряд, охранявший Кремль. Обвинения против двух британских подданных представляли собой грубую фабрикацию, но они понадобились коммунистам для того, чтобы дополнить картину своего окружения врагами, национальными и зарубежными, и тем самым «узаконить» красный террор. Но в то же время существуют серьезные свидетельства того, что Локкарт (который спокойно умер в своем доме в 1971 году) и Рейли (убит коммунистами в 1925 году) были весьма необычными «дипломатами». В действительности обоим скорее следует признать рыцарями плаща и кинжала. На арест Локкарта англичане ответили задержанием Максима Литвинова, тогдашнего советского посла в Великобритании. Обоим освободили примерно через два месяца. ЧК допекала также и французов, но их неприятности были не такими серьезными, как у англичан.

К несчастью для большинства россиян, дело Локкарта несколько затмило ужасы красного террора, поскольку беспокойство иностранцев сосредоточилось на значительно менее важных дипломатических препирательствах. Поэтому массовая бойня, устроенная чекистами, осталась как бы вне поля зрения мирового сообщества. Уничтожались не только «буржуазия и ее агенты» — хотя все, попадавшие в эту категорию, приняли на себя главный удар, — но также священники всех конфессий, рабочие, поверившие в провозглашаемые Лениным социалистические лозунги и требовавшие декларируемых большевиками прав, крестьяне, не желавшие бесплатно отдавать свой хлеб, и плюс каждый отдельный человек, попавший под подозрение ЧК, не понравившийся ей или на которого она точила зуб. Это было возвращение к временам Ивана Грозного, только с несравненно большим количеством жертв.

Эсеры и другие противники советского режима оказались бессильными против красного террора — покорно склонили перед ним голову или бежали за границу. Некоторые из эмигрантов — включая Савинкова — пытались создать агентурную сеть внутри и вне России по примеру того, как поступали революционеры во времена царизма, но все это оборачивалось ловушками для самих оппозиционеров. ЧК и ее преемники проникали в такие сети с большей легкостью и гораздо глубже, чем до них это делала Охрана.

В результате эсеры сошли со сцены. Террор стал улицей, доступной только коммунистам. С тех пор инциденты, связанные с действиями противников режима, стали происходить реже и были не столь значительными по результату. В конце 1919 года от бомбы погибло двенадцать коммунистов, в том числе московский партийный секретарь Владимир Загорский, и пятьдесят пять человек получили ранения во время партийной конференции московских большевиков, на которой ожидали присутствия Ленина, но он не приехал. ЧК возложила вину за диверсию на анархистов и белогвардейцев, но это вполне могли сделать недовольные коммунисты. После взрыва бомбы ЧК неистовствовала, проводя повальные обыски, облавы, аресты и казни в оставшуюся часть осени 1919 года. Чекисты обнародовали имена пойманных заговорщиков, но, поскольку они оказались никому не известными, кроме самих сотрудников ЧК, эта бомбовая диверсия продолжает оставаться тайной.

Однако в том же году чекисты ликвидировали и несколько хорошо известных людей. Среди них двух уважаемых политических деятелей — консерватора Николая Щепкина и либерала Александра Астрова.

Хотя всякое организованное сопротивление прекратилось, ЧК еще много лет продолжала проводить

красный террор, до полного окончания Гражданской войны и освобождения дальневосточных приморских провинций, что и произошло в 1922 году. Сочетание террора и войны еще раньше разрушило экономику России. Многие сбитые с толку и разочарованные крестьяне сеяли и собирали лишь столько, сколько требовалось для собственного прокормления, и отказывались поставлять продовольствие в города. Но даже когда производилось достаточное для всех количество продуктов питания, их нельзя было вывезти из-за скверного, состояния транспорта. Руководимые коммунистами так называемые товарищества по обработке земли вели дела неудачно, потому что революционеры ничего не понимали в сельском хозяйстве. В результате всего этого плюс низкий урожай 1921 года — разразился страшный голод, который захлестнул Россию в 1921–1922 годах. Иностранцы пришли на помощь — в Америке под руководством Герберта Гувера, — но поставки из-за границы не могли удовлетворить громадных потребностей, и миллионы людей в буквальном смысле умирали от голода. К тому же иностранных доброжелателей дергала ЧК, которая относилась к ним ко всем как к шпионам.

В августе 1920 года, до того как голод достиг масштабов кризиса, тамбовские крестьяне, к югу от Москвы, решили, что с них хватит чекистских выходов. Под руководством некоего Антонова они взбунтовались. Конечно, было много и других крестьянских выступлений, но тамбовский бунт оказался самым серьезным. На его подавление — как обычно кровавое — были брошены военные соединения ЧК и армейские части под командованием Тухачевского.

Ленину было наплевать на судьбу тамбовских крестьян, но, видимо, его напугало приближение общенационального голода. Как бы там ни было, но в марте 1921 года он отказался от попыток силой навязать народным массам России коммунизм. Во всяком случае, отказался на некоторое время. На X съезде партии, который состоялся в том году, он огорошил настоящих и будущих идеологов, провозгласив таким же авторитарным образом, как до него это делали цари, новую экономическую политику, или, как ее стали называть сокращенно, нэп. Говоря проще, без премудростей, нэп, который продержался несколько лет после смерти Ленина, являлся экономическим отступлением от коммунистических принципов. Он не только предоставил свободу крестьянам, какой те не знали ни до, ни после нэпа, но и фактически разрешил свободу предпринимательства во всей остальной экономике, от крупной промышленности до ремесленничества. За семь лет проведения нэпа Россия расцвела, восстановилась после мировой и гражданской войн, голода и коммунистической бесхозяйственности.

Но на этом же партийном съезде Ленин по отношению к большевистским товарищам показал себя не таким добряком. В другой важной резолюции, которая оставалась в силе до недавнего времени, он запретил отдельным членам партии критиковать коммунистическое руководство, имея в виду самого себя и своих преемников. Эта резолюция заткнула глотку любой оппозиции в партии. Она узаконила диктатуру, но не пролетариата, а одного человека и заложила основу для возникновения впоследствии так называемого «культа личности».

Характерно, что, когда верные партийцы собрались в Москве на X съезд, кронштадтские моряки, бывшие когда-то горячими сторонниками большевиков, открыто взбунтовались против коммунистического правления. За несколько месяцев до этого в соседнем Петрограде состоялись протесты рабочих и крестьян против драконовских порядков Григория Зиновьева, местного коммунистического главаря. В их воззваниях говорилось: «Рабочим и крестьянам нужна свобода. Они не хотят жить по декретам большевиков. Они хотят сами определять свою судьбу».

Моряки Кронштадта, которых когда-то называли «гордостью и славой большевистской революции», в конце концов отозвались на нарастающее недовольство в бывшей столице. К ним присоединились солдаты и рабочие. Всего в крепости собралось 1 марта 1921 года примерно шестнадцать тысяч человек. Избрали революционный комитет, который потребовал — такие тщетные требования часто выдвигались в

Советском Союзе и в позже возникших коммунистических странах — свободы слова, независимой прессы, неподконтрольных большевикам рабочих организаций, тайного голосования, устранения политических комиссаров из вооруженных сил, прекращения изъятия зерна у крестьян и права крестьянам продавать свою продукцию на рынках.

Заручившись решением о запрещении критики, Ленин наносит мощный удар по недовольным в Кронштадте. Он направляет против них соединения Красной Армии в количестве шестидесяти тысяч человек, а также отряды ЧК под общим руководством Троцкого и Тухачевского — царского оборотня, прославившегося в Тамбове.

Начиная битву, моряки заявили: «Здесь поднято знамя восстания против трехлетней тирании и угнетения коммунистической автократии, которая затмила триста лет деспотизма монархии». Несмотря на эти отважные высказывания и самоотверженную борьбу до конца сотен и сотен храбрецов, одно лишь мужество Кронштадта не могло устоять против численного превосходства коммунистов. Крепость пала 17 марта. Тысячи убитых моряков и рабочих устлали улицы. Большинство уцелевших были тут же расстреляны чекистами, но нескольким сотням человек все же удалось спастись в Финляндии, где они и поведали свою историю. К югу от крепости, в Петергофе, где располагались бывшие летние дворцы царей, некоторые части Красной Армии поднялись в поддержку Кронштадта. Это выступление солдат подавили также быстро и кроваво.

За несколько недель до событий в Кронштадте, 11 февраля 1921 года, Сталин воспользовался занятостью Ленина, который готовился к предстоящему партийному съезду, чтобы свести счеты с родной Грузией. Это крошечное закавказское государство обрело независимость в 1918 году и находилось под управлением социал-демократов. Причем правительством руководил первый учитель Сталина. Действуя без предварительного одобрения Политбюро, Сталин направил туда своего подхалима — Григория Орджоникидзе вместе с войсками Красной Армии, чтобы покончить с в общем-то безобидным режимом. В самой Грузии уже находилась его пятая колонна — Сергей Киров, Анастас Микоян и Лаврентий Берия. Поэтому борьба закончилась быстро, столица республики. Тифлис сдалась 25 февраля 1921 года; Соппротивление еще некоторое время продолжалось в горах и отдаленных деревушках, но Сталин впоследствии покончил с ним, сформировав марионеточное правительство из коммунистов с помощью опять-таки Орджоникидзе и все той же пятой колонны. Этот бесцеремонный поступок Сталина против своих грузинских земляков привлек внимание Ленина, который для расследования происшедшего направил в Грузию Дзержинского. К тому времени Дзержинский уже оказался в кармане у Сталина, и это расследование закончилось без последствий. Тем не менее грузинская акция задела Ленина до такой степени, что в своем завещании он заявил, что Сталина следует убрать из руководства партией. Вопреки всей последующей шумихе об уважении к Ленину и его непогрешимости, это завещание в нужный момент сунули в долгий ящик.

В мае 1922 года Ленин перенес первый из трех ударов, которые сделали его нетрудоспособным и в конечном счете привели к смерти. А в июне 1922 года произошло другое важное событие — состоялся первый из многих показательных процессов, которые позднее устраивались в Советском Союзе и его марионеточных государствах. Однако этот прототип последующих судилищ отличался от них одним разительным обстоятельством — никто из подсудимых не признал своей вины. Советская тайная полиция еще не отбрела достаточного мастерства. Обвинялись двенадцать эсеров, просидевших многие годы в тюрьмах при царях, некоторые из них получили тогда даже смертный приговор. Вначале допустили иностранных адвокатов защиты, включая Теодора Либкнехта, брата убитого немецкого лидера коммунистов, но главный судья, Георгий (Юрий) Пятаков, вскоре отправил их восвояси. Понятно, что всех двенадцать эсеров признали виновными. Пятаков приговорил несчастных к смертной казни, но вышестоящие инстанции решили, что лучше содержать их в лагерях и тюрьмах в качестве заложников и

приводить смертные приговоры в исполнение в случае очередного выступления эсеров. И хотя таковых выступлений более не наблюдалось, эти двенадцать заключенных были ликвидированы во время сталинских чисток в конце тридцатых годов. По жестокой иронии коммунистического правосудия, их судья Пятаков тоже погиб во время таких чисток.

В марте 1923 года Ленин перенес последний удар, который окончательно вывел его из строя. Он провел большую часть оставшейся жизни на экспроприированной загородной вилле богатого капиталиста в Горках, подмосковном курорте. Чтобы быть в курсе партийных и правительственных дел, он использовал телефон, направлял жену в качестве своего посыльного в Москву или приглашал к себе на дачу партийных деятелей.

Но несмотря на усилия вождя не выпускать из рук вожжи, становилось очевидным, что Ленин теряет контроль. По мере ухудшения его здоровья большинство партийных иерархов проявляли беспокойство и сочувствие к нему, но Генеральный секретарь Сталин, вместо того чтобы предаваться унынию, начал готовиться к смерти вождя. Он организовал триумвират вместе со Львом Каменевым и Григорием Зиновьевым, чтобы противостоять Троцкому, который справедливо рассматривался как преемник Ленина. Но за спиной Сталина был Дзержинский, а также Орджоникидзе, Киров, Микоян, Берия и другие подхалимы. В 1923 году Генеральный секретарь проверил крепость своей власти на другом партийном иерархе, воспользовавшись услугами преемника ЧК — ГПУ для его ареста. (В феврале 1922 года Ленин упразднил ЧК и заменил его ГПУ — Государственное политическое управление, — а в ноябре 1923 года название тайной полиции опять изменили, на этот раз на ОГПУ, дополнительная буква «О» означает — Объединенное.) Жертвой Сталина стал коммунистический руководитель Татарии Мирза Султан Галиев, который стремился добиться некоторой автономии для своего народа — то есть допустил такую же ошибку, какую совершили до него грузины. В тот раз тайная полиция была впервые использована против партийного лидера. Когда Сталин достиг полноты власти, эта практика стала выглядеть как монотонный повтор. Но тогда многие функционеры Центрального Комитета были потрясены таким поступком генсека. Большинство членов ЦК, однако, одобрили эту меру и тем самым невольно вынесли приговор самим себе. Впоследствии многие из них оказались ликвидированы таким же приемом. Позже, в 1923 году, Дзержинского уполномочили требовать от членов партии, чтобы они сообщали об инакомыслии в своих рядах сотрудникам ГПУ. Конечным итогом этих маневров Сталина и его сподвижника Дзержинского стало создание основы полицейского государства еще за несколько месяцев до смерти Ленина.

Поэтому можно считать, что борьба за власть между преемниками большевистского вождя практически завершилась к тому времени, когда Ленин в конце концов умер в январе 1924 года. Появилось бесконечное множество описаний — все они недостоверные — последних часов жизни Ленина. Крупская могла бы правдиво рассказать об этом, но находилась в то время в Москве, выполняла поручение мужа в критические часы перед смертью. Далеко от места событий оказался и Троцкий. Естественно, провели вскрытие, которое установило смерть от атеросклероза, но врачи набирались сотрудниками ОГПУ и держались под их надзором. Все эти врачи, кстати, на протяжении нескольких последующих лет бесследно исчезли. Большая часть охранников и прислуги на даче в Горках тоже вскоре куда-то пропала. Можно отметить как непреложный факт, что Ленин скончался более неожиданно, чем многие предполагали, хотя он и давно болел. Нет ясности и в отношении времени смерти. Ходили также слухи, что Сталин заставил охранников из ОГПУ и врачей заменить лекарства ядом, чтобы вождь долго не мучился. А Керенский — конечно, не имевший сведений из первых рук — сказав в 1970 году в Нью-Йорке, что Ленин умер от сифилиса, которым он долго болел. Троцкий со своей стороны утверждал до последних дней своей жизни, что Ленина отравил Сталин. Такие бездоказательные утверждения, подозрения и заявления, как и возражения против них, вероятно, будут повторяться еще долгое время, но не похоже, что они смогут раскрыть тайну, которая окружает смерть большевистского вождя.

Когда Ленина не стало, Иосиф Сталин сосредоточил свои усилия на борьбе с Троцким, единственным человеком, обладавшим некоторой возможностью преградить ему путь к абсолютной власти. Троцкого обожали в Красной Армии и в «молодежной среде, но по своему характеру он не питал расположения к личной диктатуре. Эта его черта еще больше упростила задачу Сталина.

Троцкий лечился на Кавказе по время последнего этапа борьбы Ленина за жизнь. И благодаря допущенной Сталиным «ошибке» он не успел возвратиться в Москву к похоронам. Зато сам Сталин успел выиграть первый раунд: его назначили главным плакальщиком на церемонии похорон. Сталин вначале проявил большую осторожность: он выступал в качестве члена «коллективного руководства» Политбюро. Но вскоре генсек сколотил группировку Против Троцкого и начал устранять всех его сторонников с влиятельных постов, особенно на Украине, направив большинство из них на выполнение различных задач за границей.

Проделав это, Сталин хорошо подготовился к решающему заседанию Центрального Комитета в мае 1924 года. Основным вопросом на этом заседании было ознакомление с «завещанием» Ленина, в котором вождь предлагал убрать Сталина с поста Генерального секретаря партии. Комитет собирался также обсудить статью Ленина в газете «Правда» от 25 января 1923 года, в которой резко критиковалась неэффективная работа и скверное руководство со стороны Сталина Рабоче-крестьянской инспекцией. Грузин попытался использовать эту на первый взгляд невинно выглядевшую организацию для установления контроля практически над всеми видами деятельности в стране, сделал через этот наркомат первый шаг в продвижении к власти.

В назначенный день «завещание» зачитали. Сталин не моргнул и глазом, как и Троцкий, за которым все еще стояли Красная Армия и молодежь. Оба промолчали, а вместо них слово взял прихлебатель Сталина Зиновьев, заявивший на комитете, что, хотя любое указание Ленина будет выполняться, все же у усопшего вождя не было оснований опасаться Сталина, с которым все находят общий язык. Его поддержал второй подкаблучник Грузина Каменев, предложивший оставить Сталина в качестве Генерального секретаря. Единственное заметное возражение прозвучало от Крупской. Все остальные члены Центрального Комитета поддержали Сталина.

Позже, по наущению Сталина, Зиновьев напустился на Троцкого с осуждением его критических высказываний в прошлом, потребовал, чтобы он не выступал с критикой в будущем и признал свои ошибки. Троцкий начал давать отпор только осенью 1924 года, но к тому времени было уже слишком поздно предпринимать что-либо серьезное. Он опубликовал брошюру с призывом возродить в партии демократию и выступил с критикой Зиновьева, и Каменева.

Хотя полемика между Зиновьевым и Троцким мало чем помогла последнему, она способствовала снижению престижа двух сталинских прихлебателей. Но и это тоже пошло на руку генсеку.

В конце 1924 года Сталин решил, что ему самому пора ввязаться в перебранку. Сначала он выступил за построение «социализма в одной стране» — в России — в противовес тезису Троцкого (и, кстати, Ленина). Потом он раскритиковал предложение Троцкого объединить двадцать пять миллионов крестьянских хозяйств, утверждая, что это приведет к «гражданской войне в стране», и заявил, что Троцкий «слишком привержен террору». И это сказал человек, который позже развязал волну террора, невиданного в истории, не только против крестьянства, но и против всех народов России!

Предложение Троцкого о коллективизации позволило Сталину объединить против него семь членов Политбюро. Поэтому никого не удивило, даже самого пострадавшего, когда Политбюро освободило Троцкого от обязанностей военного комиссара в январе 1925 года, поручив ему выполнение мелких экономических задач.

В эти критические 1924–1925 годы происходили и другие волнующие события, не связанные с проходившей тогда острой политической борьбой. Борис Савинков, видимо посчитавший что сталинское ОГПУ не более эффективно, чем царская Охрана в «добрые старые времена», нелегально пробрался в Россию с помощью хилой эмигрантской антикоммунистической организации «Трест». А та просто кишела внедрившимися в нее агентами ОГПУ. В результате Савинкова поймали в августе 1924 года, через несколько часов после его появления в стране. На суде, хотя он признался во всем и заявил, что коммунизм — это дорога к будущему, его приговорили к расстрелу. Кто-то — может быть, Дзержинский — заменил смертную казнь на десять лет тюремного заключения. Следующие несколько месяцев Савинкова содержали в относительно роскошных условиях на Лубянке, как своего рода прирученного Дзержинским медведя на цепи, а иногда ему даже позволяли проехаться на автомобиле по улицам Москвы, разумеется, в сопровождении стражи. Но в 1925 году неудачливый ветеран эсеровского терроризма, давно уже переживший свое время, неожиданно погиб. Как это случилось — неизвестно. По показаниям некоторых, он выпрыгнул из окна на Лубянке, что не очень похоже на правду. Так или иначе, погиб один из наиболее активных противников Сталина, и на этом закончилось время эсеровского террора.

Пока разыгрывалась эта небольшая пьеса, Сталин продолжал свои маневры по захвату власти. В начале 1925 года он отказался от Зиновьева и Каменева, которые сыграли свою роль и стали для него бесполезными, и вместо них стал опираться на председателя правительства Рыкова, партийного идеолога Бухарина и лидера карманных профсоюзов Томского. Ирония положения заключалась в том, что эти пятеро деятелей полагали, что имеют какое-то отношение к решению российских дел. Они не разглядели леса сталинского стремления к власти за деревьями своей мелкой партийной диалектики, а Сталин позволил им и дальше оставаться в состоянии самообмана. На коммунистическом жаргоне Зиновьева и Каменева окрестили «левыми», и в таком качестве они стали союзниками своего бывшего врага Троцкого и, стало быть, сторонниками его международной и аграрной политики. А Рыков, Бухарин и Томский присоединились к Сталину в роли «правых» деятелей, поддерживающих «социализм в одной стране» и нэп.

Генсек назначил на пост военного комиссара Михаила Фрунзе, одного из высших командиров Красной Армии во время Гражданской войны. Но Фрунзе допустил сразу две роковые ошибки: сочувственно отнесся к своему бывшему шефу Троцкому и возразил против вмешательства ОГПУ в дела армии. В результате его нахождение в должности оказалось очень непродолжительным. Он погиб в ноябре 1925 года под ножом хирурга ОГПУ. Фрунзе страдал от язвы желудка, но врачи не рекомендовали ему делать операцию, считая, что сердце наркома ее не выдержит. Сталин заставил хирурга ОГПУ и его «консультантов» отменить указания врачей и провести операцию. Сейчас трудно доказать, что было совершено убийство, но, по крайней мере, имеются основания для рассмотрения гражданского дела о недоброкачественном лечении, проведенном по подстрекательству Сталина.

Едва успели похоронить Фрунзе, как его место занял Климент Ворошилов, который во время Гражданской войны позволил «военному эксперту» Сталину наломать дров под Царицыном.

Передав наконец военный комиссариат в хорошие руки, — а это было очень важно, потому что речь шла о контроле над Красной Армией, — Сталин занялся укомплектованием Политбюро... В декабре 1925 года он увеличил численный состав этого органа до десяти членов, включил в него Ворошилова, Вячеслава Молотова, тугодума и своего старого приятеля с царских времен по работе в «Правде», и Михаила Калинина, бесцветного и бесхребетного службиста. Включение этой троицы означало, что Сталину больше не надо было полагаться на поддержку другой тройки, у которой иногда могли появляться собственные идеи, — Рыкова, Бухарина и Томского.

Опираясь на своих сторонников, — и людей, которые поддерживали этих сторонников, — генсек без

больших трудов одолел оппозицию при голосовании на XIV съезде партии в декабре 1925 года. Можно сказать, что этот съезд стал свидетелем последней попытки сопротивления со стороны Зиновьева и Каменева. Троцкий уже в счет не шел. Давно пришедший в уныние, он держался в стороне и вел себя глупо, если судить задним числом. Столь же тяжелое впечатление производила основная масса коммунистов на съезде. Некоторые даже предвосхищали времена отвратительного низкопоклонства, выкрикивая возгласы: «Да здравствует Сталин», когда Грузин победил. Важность этого съезда состоит в том, что после него Сталин командовал в партии и в стране, не отчитываясь ни перед кем.

Опираясь на победу на съезде, Сталин в начале 1926 года направил Сергея Кирова, своего подпевалу еще со дней захвата Грузии, в Ленинград, чтобы вырвать партийный контроль в прежней столице у Зиновьева. Между тем заблуждения оппозиции продолжались. Зиновьев и Каменев создали вместе с Троцким собственную группировку, рассчитывая, видимо, одними своими речами повернуть течение событий. Одна лишь Крупская не обманывала себя: она говорила — если бы даже сам Ленин ожил, то Сталин арестовал бы и его.

Перед сессией Центрального Комитета в июле 1926 года трое оппозиционеров провели встречи со своими сторонниками в лесах под Москвой — в истинно большевистской манере. Они играли — и не больше того — с идеей: отобрать власть у Сталина. На заседании Центрального Комитета эта тройка утверждала, что руководство поддерживает кулаков в противовес бедным крестьянам, а своей политикой нэпа ведет страну обратно к капитализму.

Сталин легко, с презрительной насмешкой отбросил упреки оппозиции. Но сразу же после сессии ЦК он немедленно принял меры предосторожности, вытолкнув Зиновьева из Политбюро и отправив Каменева в Министерство внешней торговли, к своему старому приятелю из Армении Анастасу Микояну. Последний в будущем внесет в жизнь народных масс России выдающийся вклад: позаимствует из Америки идею мороженого на палочке — эскимо. В то же время генсек снял с поста армейского офицера высокого ранга, который поддержал оппозиционную тройку, и вывел его из состава Центрального Комитета. Обеспокоенный Троцкий вместе с единомышленниками отреклись от собственных высказываний, но потом попытались развить свои соображения на собраниях рабочих. ОГПУ присутствовало на них, работая на Сталина. Для начала оно произвело аресты и выслало не особенно важных представителей оппозиции — впоследствии такой тактикой Сталин будет пользоваться очень широко. Но основной удар был нанесен в октябре 1926 года Центральным Комитетом и Центральной контрольной комиссией партии, которые к тому времени полностью находились под влиянием Сталина. Троцкого вывели из состава Политбюро, Каменев потерял свое положение кандидата в члены этого органа, а Зиновьева сняли с Поста руководителя Коминтерна.

В разгаре летней, 1926 года, перебранки неожиданно умер Дзержинский. Умер вполне нормальной смертью. В ней не просматривалось ничего подозрительного по той простой причине, что руководитель красного террора, которого ненавидели миллионы, всегда очень старательно заботился о своей личной охране. Правда, коммунисты сообщали, что неназванная женщина стреляла в него в Харькове, но даже сам Дзержинский рассматривал это нападение как акт ненормального человека, не имеющий политической мотивировки.

В каком-то смысле смерть создателя ЧК и ОГПУ пошла Сталину на руку в его борьбе за власть. Правда, что Дзержинский потворствовал Сталину даже при жизни Ленина, но также правда и то, что хозяин тайной полиции был назначенцем Ленина. Вследствие чего он мог сохранять некоторую независимость и не являться стопроцентным сталинским холуем. Поэтому весть о смерти «железного Феликса» оказалась приятной для Грузина, позволив ему поставить на освободившееся место другого потомка богатой польской семьи Вячеслава Менжинского. Вторым человеком в ОШУ стал Генрих Ягода, польский еврей,

одно время работавший фармацевтом и потому знавший толк в ядах. Сталин-пользовался услугами этого честолобивого чиновника еще задолго до смерти Дзержинского. Именно Ягода фактически руководил полицейской организацией все следующее десятилетие. Менжинский, хотя он многие годы помогал Дзержинскому, не слишком любил грязную работу и поэтому позволял Ягоде выполнять ее.

Помимо смерти начальника ОГПУ, еще одним отвлекающим моментом в затихающей борьбе за власть стали заботы, связанные с иностранными делами. Отношения с Англией развивались от плохого к худшему и закончились разрывом дипломатических отношений и упразднением англо-советской торговой группы. В дополнение к этому китайский Чан Кайши поднял руку, на местных коммунистов. Эти и другие события на международной арене вдохнули новую жизнь в страшную сказку российских коммунистов об угрозе иностранной интервенции, превратив ее в манию.

К несчастью для Троцкого — и, возможно, для его российских сограждан, — он вдруг проснулся после периода относительной спячки. И сделал несколько неправильных с точки зрения Сталина заявлений.

Троцкого быстро исключили — а для порядка и Зиновьева — из Центрального Комитета. Несмотря на это, они и другие члены оппозиции все еще полагали, что у них сохраняются шансы. 7 ноября 1927 года, на десятую годовщину «Великой» Октябрьской революции, антисталинская группировка попыталась устроить уличные демонстрации в Москве и Ленинграде, которые были тут же разогнаны силами ОГПУ.

Подавление уличных протестов ознаменовало собою фактический конец для Троцкого и его последователей. В декабре 1927 года состоялся XV съезд партии. Во время его работы, после того как речь Каменева в поддержку принципов оппозиции делегаты послушно освистали, поднялся генсек и заявил, что «пора положить конец этой игре». После чего съезд потребовал, чтобы оппоненты Сталина раскаялись, в противном случае они будут исключены из партии.

Семьдесят пять делегатов — Включая Троцкого — оказались достаточно принципиальными и мужественными, и их вышвырнули из рядов партии. Зиновьев, Каменев и некоторые другие с менее крепким характером согласились отказаться от своих убеждений, но даже это не послужило гарантией их прощения. Решение об участии раскаявшихся оппозиционеров оставили на усмотрение секретариата партии, проще говоря, самого Сталина.

В начале 1928 года генсек принял еще более суровые меры против своих оппонентов, исключенных на последнем съезде из партии. Он выслал более тридцати из них в места не столь отдаленные. Троцкого отправили в Алма-Ату, а потом, в 1929 году, депортировали в Турцию. На протяжении восьми последующих лет он жил в Турции, Франции и Норвегии, откуда его изгнали в 1937 году после соответствующего представления от Сталина. Тогда он поселился в Мексике, где и оставался до тех пор, пока не был убит ледорубом одним из тайных агентов сталинского НКВД в 1940 году. Другие изгнанные из партии вместе с Троцким прожили несколько меньше. Они нашли свою смерть во время сталинских чисток в конце тридцатых годов.

Россия под Сталиным (1928–1940)

Устранив Троцкого и заставив его замолчать, во всяком случае в собственной стране, Сталин уверенно принялся за решение двойной задачи — завоевания абсолютной власти для себя и превращения России в одну из подлинно великих мировых держав. В действительности, по логике его азиатского мышления, эти две цели были не только параллельны, но и идентичны. Тщеславный Сталин никогда не согласился бы стать правителем второразрядной державы. Реализуя свой план, он не пользовался никакой магической формулой, а просто опирался на вековую страсть русских превратиться в господствующую нацию. И применявшиеся Сталиным жестокие методы достижения цели тоже нельзя назвать необычными. К ним россияне были приучены исторически.

Растоптав своих оппонентов «слева», Сталин цинично поддержал — или присвоил — их политические установки, которые раньше, когда ему это было выгодно, так сурово критиковал. Он вдруг оценил достоинства идеи Троцкого о насильственной коллективизации в сельском хозяйстве и его программы промышленного развития. В то же время генсек выступил против своих прежних сторонников, «правых», — Рыкова, Бухарина, Томского и других, с которыми он расправится так же эффективно, как и с «левыми».

Когда Троцкий предлагал свою программу, то Сталин презрительно фыркал, заявляя, что она приведет к гражданской войне, но когда сам «разработал» аналогичную, то, по сути, один объявил войну всей стране. Да такую войну, какую не выдвигали со времен татаро-монгольского нашествия.

Для осуществления «своей» программы, которая выкидывала на свалку нэп, Сталин провозгласил обязательную коллективизацию на селе и первый из многих пятилетних планов развития промышленности.

Программа индустриализации, которая начала осуществляться в конце двадцатых годов, вскоре дала результаты, даже несмотря на то, что превалировала навязчивая идея развития только тяжелой промышленности. Эта мания к производству средств производства до сих пор тяготеет над страной. Появились новые промышленные города и поселки, многие из них на Урале и в прежде неразвитых районах Сибири. Поскольку любое производство начиналось практически с нуля, то количество чугуна, стали, нефти, угля и электричества удваивалось, утраивалось, возрастало многократно. В равной степени развивались также транспорт и смежные производства. Но такое развитие осуществлялось не для улучшения жизненных условий миллионов россиян — те являлись лишь субъектом подневольного труда, «рабсилой», — а главным образом для усиления Красной Армии, сначала в целях самозащиты, а в конечном итоге для мирового господства.

В начальный период индустриализации в Советский Союз буквально хлынули иностранные инженеры и технические специалисты. (Такому наплыву способствовал тот факт, что тогда западный мир переживал экономический спад и там было нелегко найти работу.) Многие из тех иностранцев со временем разочаровались в «благородном эксперименте», узнав, что это такое на самом деле, а некоторые из них стали козлами отпущения за первоначальные неудачи Советов.

Но для начала Сталин решил разобраться с собственными специалистами. В мае 1928 года ОГПУ затеяло один из многих показательных судебных процессов над пятьюдесятью двумя инженерами из Донецкого угольного бассейна, где добыча немедленно не выросла так, как это волюнтаристски планировалось.

Этим несчастным инкриминировалось проведение «саботажа». На процессе впервые громко заявил о себе омерзительный подручный Сталина Андрей Вышинский, который постепенно превратится в главного цепного пса режима, станет прокурором СССР, а позже министром иностранных дел и представителем при

ООН. Это дело настолько дурно пахло, что даже Менжинский хотел вмешаться и привлечь к ответственности самих авторов сфабрикованных обвинений, но его быстро одернули. Мало того что пятерых инженеров казнили, но и судебный процесс использовали для осуждения обвиняемых их же родственниками. В то время это являлось своего рода ноу-хау, но потом такая практика стала до отвращения распространенной. Сын главного обвиняемого, действуя по приказу ОГПУ, был настолько «возмущен» «преступлениями» отца, что даже сменил фамилию.

За годы первого пятилетнего плана состоялись еще три громких судебных процесса. На одном из них, проведенном в течение двух последних месяцев 1930 года, обвинялись восемь членов мифической «промышленной» партии, возглавляемой Леонидом Рамзиным, инженером. Группе инкриминировали промышленный саботаж и заговор с целью организовать иностранную интервенцию. Пятеро обвиняемых получили смертные приговоры, позже замененные тюремными сроками. Наиболее интересным моментом их процесса явилось то, что полмиллиона рабочих послушно промаршировали перед окнами здания суда, громко выкрикивая: «Смерть вредителям!» Потом, в марте 1931 года, подстроили обвинения четырнадцати меньшевикам, которые якобы замыслили вместе с членами их партии в эмиграции — те, мол, специально для этой цели возвратились в Россию — восстановить в стране капитализм. Защита установила, что эмигрантский лидер во время «заговора» находился в Бельгии, но это не помешало отправить осужденных в тюрьмы и лагеря, откуда они уже не возвратились.

Но главный судебный процесс тех лет был проведен в апреле 1933 года. Разбирались дела английских и русских инженеров, которые использовались английской фирмой «Метро-Викерс», проводившей работы для Советов. Предварительно ОГПУ заставило подсудимых, включая граждан Великобритании, подписать «признания». Позже на суде некоторые английские инженеры отреклись от этих «признаний», но всех обвиняемых приговорили к тюремному заключению. Русские, конечно, получили более продолжительные сроки. Англичан в конечном счете выслали из страны, но их арест и суд над ними привели к очередному разрыву отношений с Великобританией.

В тот же период имел место удивительный случай использования Сталиным ОГПУ, чтобы предупредить возможных оппонентов об опасностях общения с политическими противниками. В 1929 году, действуя по указанию вождя, ОГПУ задержало и немедленно казнило одного из своих старых сотрудников Якова Блюмкина. Того самого чекиста, который вместе со взбунтовавшимися эсерами участвовал в 1918 году в убийстве графа Мирбаха, немецкого посла. «Преступление» Блюмкина заключалось в том, что во время своих продолжительных загранпоездов он вступил в контакт с Троцким — причем, скорее всего, по прямому указанию Сталина и ОГПУ. Неизвестно, действительно ли Блюмкин сделал что-то не так или просто понадобился в качестве кровавого примера для других, но его ликвидация послужила поставленной генсеком цели. Важные коммунистические бонзы сильно перетрухнули и более не осмеливались высказывать какое-либо недовольство, чтобы не оказаться на месте Блюмкина. В результате, когда некий Михаил Рютин, действительно мелкая сошка в партии, осмелился потребовать снятия Сталина с поста Генерального секретаря в 1932 году, его никто не поддержал. Как ни странно, он отделался всего лишь исключением из партии и ссылкой. Но тут нужно также указать, что о Рютине больше не слышали.

Как показала жизнь, все эти фарсы с «саботажами» и «заговорами», с делами Блюмкина и Рютина были всего лишь фоном или репетицией главной акции — ликвидации Сталиным серьезных соперников в настоящем и подготовкой к борьбе с потенциальными противниками в будущем.

В тот период генсек планировал разделаться со своими прежними сторонниками «справа» — Рыковым, Бухариным и Томским, а также выкорчевать остатки троцкистского «левого крыла». Для этого он выкинул очередной аппаратный фокус, увеличив состав Политбюро до девяти человек и включив в него

Валериана Куйбышева, командира Красной Армии времен Гражданской войны и давнего подхалима в составе генерального секретариата, а также латыша Яна Рудзутака, профсоюзного деятеля коммунистического типа. В кандидаты в члены Политбюро генсек произвел Кирова и Микояна, еврея Лазаря Кагановича, еще одного его подручного из генерального секретариата, который вводил сталинские порядки на Украине, и Андрея Андреева, «эксперта» по сельскому хозяйству советского образца. Последние три приспешника отличались потрясающей живучестью и продержались у власти в том или ином качестве в течение всего срока правления Сталина, что само по себе выдающееся достижение.

На протяжении некоторого времени после провозглашения пятилетнего плана Рыков, Бухарин и Томский проявили политическую наивность, полагая, что Сталин поддерживает их политику. Они также ошибочно считали, что двое других подручных вождя, Калинин и Ворошилов, создадут вместе с ними абсолютное большинство в Политбюро.

Вскоре они разуверились на этот счет, но осложнили свое и без того тяжелое положение, примирившись с двумя своими старыми противниками, отверженными Каменевым и Зиновьевым. Сталин еще больше усилил замешательство среди них, назвав Бухарина руководителем оппозиции, на этот раз «правой». А немного раньше он замутил воду путем частичной реабилитации Зиновьева: позволил ему возвратиться из ссылки вместе с другими «левыми», Карлом Радеком, одним из главных пропагандистов Сталина, пока Хозяин нуждался в нем, и старыми ленинцами — Георгием Пятаковым, Иваном Смильгой и Григорием Сокольниковым. В конечном итоге Сталин собрал вместе всех своих потенциальных оппонентов, с которыми мог разделаться, когда ему заблагорассудится. Некоторое время проигравшие продолжали шуршать в мышеловке, протестуя против суровых (было бы правильнее сказать — бессердечных и жестоких) аспектов пятилетнего плана. За это Бухарина вышибли в 1929 году из Политбюро, а Томского и Рыкова уволили с их постов (на занимавшуюся последним должность Председателя Совета Народных Комиссаров в 1930 году назначили Молотова). Эта несчастная и жалкая троица попыталась вернуть себе расположение вождя, но безуспешно. Их выслали, держа наготове для последующей кровавой тризны по воле победителя. Другие противники Сталина, которые могли податься за границу, сделали это. Они образовали волну «розовых» эмигрантов, которая последовала за исходом «белых», на Запад и Средний Восток, когда значительная часть беглецов пересекла границу с Ираном. Таким образом, Сталин в тот момент избавился от всех возможных соперников.

Полное отсутствие оппозиции позволило ему сломить крестьян и создать систему рабского труда, которая стала неотъемлемой частью советского образа жизни.

Несмотря на ужасающую бесчеловечность, сущность сталинских приемов в проведении коллективизации достойна восхищения как пример для других автократов, столкнувшихся с похожими проблемами. Играя на вечной склонности людей к конфликтам, он разделил крестьян на три группы: кулаков, Или наиболее способных и зажиточных, середняков и бедняков, что пробудило самые низменные инстинкты толпы. Вскоре зависть середняков обратилась на кулаков; а у бедняков Проснулось чувство ревнивого отношения и к тем и к другим. Это немедленно привело к санкционированной режимом гражданской войны на селе, когда кулаки быстро лишились своих земель, инвентаря и скота. Два низших слоя получили помощь и поощрение со стороны ОГПУ, а в отдельных случаях и Красной Армии. Кулаков расстреливали на месте, высылали в рабские трудовые лагеря, переселяли на голые земли Севера и Сибири или обращали в бродяг, разбросанных по всей России.

Однако с уничтожением кулаков еще не завершилось закабаление крестьянства. В декабре 1929 Года, как раз в то время, когда тупоумные крестьяне начали было пользоваться добром раскулаченных соседей, Сталин — архиизвращенец слов и терминов — объявил о ликвидации «кулачества как класса». С этого момента вопрос о том, кто является кулаком, решался На основании оговоров враждебно настроенных

друг к другу жителей деревни, семейных или политических связей, произвола ОГПУ или Красной Армии. Любой крестьянин, даже самый бедный, мог таким образом попасть в категорию кулаков.

И только когда дело зашло слишком далеко, многие тысячи и сотни тысяч крестьян, независимо от слоя, к которому их приписали, сообразили в какую ловушку затянуло их стяжательство. Целые деревни объединялись и пытались защищаться, но их несчастные жители, вооруженные в лучшем случае лишь палками да сельхозинвентарем, не могли противостоять пулеметам и артиллерии ОГПУ и частей Красной Армии, брошенных против них. После подавления всякого сопротивления в опустошенные деревни двинулись сотрудники ОГПУ, партийные аппаратчики, члены партии из числа городских рабочих, чтобы создавать пресловутые машинно-тракторные станции для обслуживания крупных сельскохозяйственных площадей, а уцелевших крестьян использовать в качестве бесправных батраков и поденщиков. Таким вот образом Сталин уничтожил независимость крестьян и провел в деревнях «коллективизацию». Всю эту работу завершили в 1933 году.

Кровавая бойня на селе была настолько массовой и повсеместной, что точные цифры пострадавших неизвестны и никогда известными не станут. Наиболее вероятным считается предположение, что во время войны против крестьянства в 1928–1933 годах деревня потеряла более десяти миллионов человек. Из этого числа примерно треть погибла от органов ОГПУ, частей Красной Армии или от казней, другая треть отправлена в лагеря, а остающаяся треть выслана на бесплодные земли. За время своего сопротивления коллективизации крестьяне забили пятьдесят процентов собственного домашнего скота, не желая отдавать его врагу. В результате в 1932–1933 годах вспыхнул страшный голод, унесший еще пять с половиной миллионов сельских жителей — половину из них на Украине. Отмечались многие случаи людоедства, когда взрослые поедали детей. Но невзирая на это, Сталин в самое голодное время экспортировал один миллион семьсот пятьдесят тысяч тонн зерна за границу для оплаты расходов на свою индустриальную программу.

Устранение крестьянской Оппозиции частично обеспечило также Сталину получение рабской рабочей силы, с помощью которой он и его последователи сумели добиться экономического роста внутри страны и выбросить на мировой рынок дешевые товары. В 1930 году Сталин создал ГУЛАГ (Главное управление лагерей) при ОГПУ, поскольку в лагеря все больше нарастал поток крестьян. До наплыва миллионов раскулаченных количество заключенных в этих местах лишения свободы исчислялось всего десятками тысяч и состояло главным образом из политических противников. Конечно, как в ранних лагерях, так и в заведениях ГУЛАГа содержались также и обычные уголовники — убийцы, насильники, бандиты. Эти неapolитические заключенные выполняли роль доверенных лиц администрации и надсмотрщиков над другими заключенными, которых они, по свидетельствам очевидцев, убивали, терзали и насиловали. Зеков бросали на выполнение таких трудоемких проектов, как прокладка каналов, сооружение плотин, железных и шоссейных дорог в самых труднодоступных местах вплоть до Арктики. Известно о массовой гибели сотен тысяч политических от недоедания, болезней и холода или от многодневного содержания в неотопливаемых камерах на суше и кораблях без воды и питания.

Для народных масс Сталин тоже приготовил сюрпризы. Согласно его концепции, они не пользуются свободой передвижения и выбором профессии, намертво закрепляются за полями и фабриками и могут быть перемещены только решением сверху. Под такой контроль не подпадают, причем только в ограниченной степени, члены нового класса — креатуры самого диктатора и их дети, которым дозволено получать высшее образование, самим выбирать профессию или род занятий, изредка ездить за границу (под наблюдением тайной полиции).

В течение длительного времени иностранцы мало получали правдивой информации о программе коллективизации и почти совсем ничего не знали о голоде и ужасах лагерей. Главным образом это

объясняется железным контролем Сталина над источниками информации и облапошиванием приезжающих иностранцев. Например, Бернард Шоу, который видел так много негативного в собственной стране, посетил лагерь рабского труда и похвалил его как образцовое учреждение для перевоспитания своенравных россиян. Он, конечно, не знал, что ОГПУ, по примеру потемкинских деревень, построенных в XVIII веке для посещения их Екатериной Великой, к его приезду убрало сторожевые вышки, колючую проволоку, заставило обеденные столы аппетитными яствами вместо помоев и приделало заключенных.

Несмотря на всю свою занятость на начальной стадии массовых репрессий внутри страны, ОГПУ отнюдь не проявляло пассивности и за рубежом. Так, в 1930 году оно добилось серьезного успеха в ликвидации противников режима, которые нашли убежище в других странах. Удалось похитить генерал-лейтенанта Александра Кутепова, руководителя антикоммунистических сил в среде русских эмигрантов. Тайные агенты ОГПУ стали настолько умелыми и уверенными в себе, что провели эту операцию на улицах Парижа среди бела дня. Французская полиция так и не смогла кого-либо арестовать или найти самого Кутепова. Факты стали известны слишком поздно. Похищение провели два чекистских ветерана, находившиеся во Франции под ширмой дипломатов, Лев Гельфанд и Владимир Волович, который впоследствии вырос по службе и стал одним из головорезов Сталина среднего звена. Кутепова усыпили хлороформом, запихнули в машину и быстро отвезли на советское грузовое судно, находившееся у атлантического побережья Франции. Для прикрытия этой операции в советской прессе выступили с утверждениями, что Кутепов сменил местонахождение, уехав в Южную Америку. Есть версия, что под воздействием эфира на больное сердце генерала — о болезни сердца было известно — он умер еще до того, как его тайно доставили на борт корабля.

Надежда Аллилуева, вторая жена Сталина и мать двоих из его троих детей, хотя и держалась в стороне от правительственных и партийных дел, не была столь наивной, как Бернард Шоу. Дочь коммуниста-ветерана среднего звена (Сергея Аллилуева, который Прятал Ленина на своей петроградской квартире в 1917 году) возмущалась нападками Сталина на своих товарищей-большевиков и развязанным им террором против крестьян. В 1932 году на встрече Сталина со своими старыми приятелями она наконец не выдержала и высказала все, что думала, о поступках своего мужа. Когда Сталин вспылил и нагрубил жене, та уехала домой в кремлевскую квартиру. На следующее утро ее нашли мертвой. По официальной версии, Аллилуева совершила самоубийство, но, по многим сообщениям и предположениям, Сталин задушил жену в припадке ярости. Такое вполне могло случиться. Генсек никогда не проявлял особых нежностей к ближайшим членам семьи, за исключением матери и дочери Светланы. Единственного ребенка от первого брака, сына, он обрек на гибель в немецком плену во время Второй мировой войны, хотя противная сторона предлагала обмен.

Симптоматично, что Сталин отреагировал на смерть жены в совершенно не свойственной ему манере, это показывает, что на его совести, возможно, была не только их последняя ссора. Он похоронил ее на церковном кладбище в Москве, а на могиле поставил довольно привлекательный памятник. Затем попытался уйти с поста руководителя партии, но эта Сцена, скорее всего, была отрепетирована заранее, потому что его прихвостень Молотов тут же вскочил с места и потребовал, чтобы Сталин оставался у руководства. Несколько позже, в начале 1933 года, он неожиданно прекратил Террор против крестьян (хотя никого из миллионов сосланных в лагеря не отпустили) и помог голодающим, направив им запасы армейского зерна и сделав крупные продовольственные закупки в Соединенных Штатах. Правда, существуют основательные сомнения в том, что последний шаг был продиктован смертью Надежды. В то время к власти в Германии пришел Адольф Гитлер, и Сталин, возможно, стал больше беспокоиться о потенциальном пушечном мясе для Красной Армии. Но несмотря на все заигрывания с крестьянами Сталина в то время и его преемников в будущем, сельскохозяйственное производство в России так и не смогло достичь показателей 1916 года. Причину этого найти нетрудно: полностью уничтожив кулаков и

значительное количество середняков, Сталин ликвидировал элитарную часть сельских тружеников, в деревнях остались в основном ленивые и неумелые. И теперь потребуются поколения, чтобы вывести в России новую породу знающих, трудолюбивых крестьян.

Между тем некоторые из неокончательно придавленных коммунистических иерархов все еще подумывали о том, как свалить Сталина. Они решили, что такая возможность представилась им на XVII съезде партии в 1934 году. Сначала оппозиционеры маневрировали, добиваясь понижения Сталина в должности до простого «секретаря» вместо высокопарного «Генерального секретаря». Затем они предложили ввести в секретариат Центрального Комитета Кирова на должность, которая по властным полномочиям и престижу равнялась бы посту Сталина и двух его прихлебателей — Кагановича и Жданова, А потом попытались — но не смогли сделать этого — сместить Сталина, заменив его Кировым.

В качестве хозяина партийной организации Ленинграда Киров покончил с беспорядком, который оставил после себя мстительный Зиновьев, и таким образом восстановил уверенность и моральный дух рядовых членов партии во второй столице страны. К тому же он был моложе нынешнего вождя — ему исполнилось сорок восемь лет по сравнению с пятьюдесятью пятью годами Сталина, — выделялся привлекательной внешностью не в пример низкорослому, с испещренным оспой лицом генсеку и его наполовину парализованной левой рукой. Талантливый организатор и оратор, Киров плюс ко всему был обаятелен и лично скромнен. Понятно поэтому, что многие видели в нем наиболее вероятного наследника Сталина. Киров стал настоящим героем XVII съезда партии. Он по-настоящему нравился многим, даже некоммунистам. Но его недалекие почитатели на съезде зашли слишком далеко. Они чересчур горячо аплодировали ему, больше, чем самому генсеку.

В то же время в тайной полиции произошли изменения, которые сделали ее еще более мощным орудием в руках Сталина. В мае 1934 года умер начальник ОГПУ Менжинский. Хотя его смерть могли немного ускорить, но так или иначе он уже давно находился в плохом здравии. А потом, в июле 1934 года, ОГПУ «упраздняется». Вместо него создается еще более могущественная организация — НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), который стал включать в себя не только политическую полицию, но и обычную милицию, пожарные отряды, а также другие службы. Изворотливый Ягода, который заменил Менжинского на посту главы ОГПУ, назначается руководителем НКВД с самого начала его деятельности. В том же самом году, который, как покажут последующие события, станет переломным для Советского Союза и коммунистической партии, Сталин произвел еще два изменения, на которые в то время почти не обратили внимания. Он ввел злобного карлика Николая Ежова в могущественное Оргбюро (Организационное бюро), которое контролировало всех членов партии. Генсек учредил также специальный отдел в Центральном Комитете партии. В реальности этот специальный отдел не зависел от ЦК. Он представлял собой персональную полицейскую организацию Сталина, которая надзидала за политической полицией, следившей по поручению диктатора за остальной частью страны. Во главе специального отдела генсек поставил своего самого послушного приближенного Александра Николаевича Поскребышева, который являлся одновременно руководителем персонального секретариата Грузина.

Таким образом, как указывали некоторые исследователи, в 1934 году Сталин уже закончил расстановку основных персонажей последующей трагедии. Тех, кто не только обеспечит его позиции диктатора, но и сделает его таким человеком, которого станут смертельно бояться в Советском Союзе и большей части остального мира: Поскребышев, главный телохранитель Хозяина и мастер на все руки, Андрей Вышинский, выдрессированный прокурор, и Ягода с Ежовым, пара безжалостных, беспринципных и в нужный момент вполне заменимых руководителей тайной полиции.

После съезда 1934 года между Сталиным и Кировым происходили переговоры о том, чтобы последний оставил свой пост в Ленинграде и переехал на работу в Москву. Но этого так и не произошло. 1

декабря 1934 года Кирова убили в здании Смольного института, где располагались центральные учреждения местного отделения партии. Никита Хрущев много лет спустя в какой-то степени раскрыл подноготную этого убийства. Однако, поскольку главную свою задачу он видел в развенчании Сталина, верным приспешником которого сам был когда-то, его чересчур яркое разоблачение скорее служило завуалированию преступлений самого Хрущева против россиян, нежели объясняло гибель Кирова.

Еще задолго до заявления Хрущева менее предвзятые источники установили, что в убийстве Кирова был прежде всего заинтересован сам Сталин. Грузин, который чрезвычайно ревниво относился к популярности Кирова, совершенно обоснованно опасался его как очень серьезного конкурента.

После покушения на ленинградского лидера Сталин срочно выехал в Ленинград, чтобы лично заняться расследованием убийства, заткнув при этом кому следует рот. В результате сотни совершенно невинных людей были немедленно казнены, а тысячи отправлены в лагеря, откуда уже не возвратились. Такие действия потребовались для подкрепления версии о «раскрытии заговора», которую выдвинула «группа дознания», состоящая из Сталина, Поскребышева и Ягоды. Выдумка о «заговоре» понадобилась для того, чтобы нанести очередной удар по Зиновьеву и Каменеву, которым позже припали соответственно десяти- и пятилетний сроки заключения, причем строгого режима. «Заговор» послужил также основанием для так называемого сталинского закона от 1 декабря 1934 года — обнародованного еще до того, как остыло тело Кирова, — по которому политической полиции предоставлялось право устраивать облавы, «допрашивать» и казнить «врагов народа» по прихоти диктатора. Этот постыдный закон существовал до 1957 года, и Хрущев отменил его только тогда, когда он сам надежно, пусть и с некоторым кровопусканием, устранил своих соперников.

Как и в большинстве ликвидаций важных персон, орудием убийства Кирова стала достаточно ничтожная личность, некий Леонид Николаев. Террорист оказался психически неуравновешенным и потому очень сговорчивым человеком. Конечно, его обозвали «троцкистом», хотя, скорее всего, парню просто приклеили модный ярлык.

Но слишком внимательное изучение этого молодого человека равносильно потере времени. Любой другой неудачник вполне мог подойти для целей НКВД, который действовал под руководством Ягоды, а тот в свою очередь получал приказы от Сталина и находился под наблюдением Поскребышева. Николаев совершил убийство. Он признался в этом. Его казнили. Вот и все.

Однако никто — это абсолютно исключается — не мог проникнуть в центральное учреждение коммунистов с оружием без разрешения НКВД. И ни один партийный главарь, особенно такого ранга, как Киров, не мог оказаться без охраны хоть на какое-то время, если только об этом не позаботился сам НКВД, а в момент убийства охранника на месте не оказалось. Следователям можно было встать в позу и спросить, где во время покушения находился телохранитель Кирова. Однако, «к сожалению», достойный сотрудник НКВД, который мог бы ответить на этот вопрос, погиб в дорожной «катастрофе», когда его везли на допрос к Сталину. Более двух десятилетий россияне довольствовались версией об убийстве Кирова; грубо состряпанной сталинскими клеветами. Впрочем, и некоммунисты — в том числе занимавшие высокие посты — тоже проглотили ее без всякого принуждения.

Итак, Сталин завершил очередной раунд борьбы с реальной оппозицией. С того времени единственное, что ему оставалось сделать, — это устранить последние осколки старой ленинской гвардии, держать новичков-выскочек в узде и время от времени отстреливать их в качестве кровавого примера для других, чтобы они не высовывались. В ретроспективе это описание восхождения Сталина к власти и удержания ее может показаться чересчур упрощенным. Но он действительно сравнительно легко достиг своей цели, оставаясь единственным Ястребом на заполненном цыплятами дворе. В то время как все его товарищи по партии — включая Троцкого — кудачтали о замечательных свойствах марксизма-ленинизма,

суетливо спешили на международные сборища для разговоров с другими «мыслителями» или мечтали о коммунистической утопий, Сталин активно прибирал к рукам и расширял тайную полицию и расставлял своих подручных на самые важные посты во всей стране. Он гнул свою линию под лозунгом построения «социализма в одной стране». На самом деле Сталин строил социализм для одного человека в одной стране, а позже, по его разумению, дойдет очередь и до других стран. Выполняя эту свою программу, он поднялся до уровня полубога — и все еще остается таким для некоторых невежественных душ. Миллионы скорбили о Сталине, когда его не стало, впрочем, русские так же оплакивали и смерть Ивана Грозного...

Марксизм импортировали в страну, но Сталин очистил его от врожденных слабостей Запада и превратил в инструмент диктаторской власти, во что-то целиком русское.

В январе 1935 года Зиновьев и Каменев на закрытом судебном процессе получили свои тюремные сроки за «участие» в «заговоре» против Кирова.

В том же месяце, якобы в результате болезни сердца, неожиданно, навсегда и кстати ушел с политической сцены один из наименее горячих почитателей Сталина, член Политбюро Валериан Куйбышев, который одновременно руководил государственной плановой комиссией. А в феврале 1935 года Грузин провел четыре важных перестановки среди своих креатур в преддверии последовавших вскоре кровавых событий. Вышинского назначили генеральным прокурором, Ежов получил место Кирова в секретариате, Жданов возглавил партийную организацию Ленинграда, а до тех пор незаметный, но из всех сил старающийся проявить себя Никита Хрущев становится партийным руководителем Москвы. В апреле 1935 года Сталин частично «узаконил» то, что должно было вскоре произойти, проведя постановление, в котором говорилось, что все наказания, включая смертную казнь, должны распространяться и на детей в возрасте от двенадцати лет и старше. В течение последующих двух месяцев он закрыл общество старых большевиков и общество бывших политзаключенных и ссыльных, а также приказал Ежову конфисковать архивы обеих организаций для использования в будущем. В июле того же года состоялся повторный суд над Каменевым, который приговорил его еще к десяти годам заключения в лагере.

Однако жизнь сложилась так, что тяжелые испытания Каменева длились немногим более года. В августе 1936 года вся подготовительная работа — принудительные признания, сфабрикованные показания и документация — была завершена для первого из многих последовавших позже «законных» театральных представлений коммунистов. В течение шести летних дней испуганная Россия и сбитый тогда с толку остальной мир наблюдали за похожими на живые трупы Зиновьевым, Каменевым и четырнадцатью другими менее видными «троцкистами», когда Вышинский представил их перед военной коллегией Верховного суда СССР. Заранее хорошо подготовленная на допросах в НКВД, эта группа «призналась» в подготовке убийства Кирова и в планировании покушений на Сталина, Кагановича, Ворошилова, Жданова и других членов Политбюро, которых их заставили назвать.

Представители иностранной прессы и «зрители» — офицеры НКВД в штатском — наблюдали за этим унижительным спектаклем, причем многие зарубежные журналисты принимали на веру эти «признания» обвиняемых. Только позже — когда прошло немало времени после казни осужденных — узнали эти газетчики о том, что их надули и что они сами стали частью постановки Сталина;

Сразу же за первым показательным балаганом с трагическим исходом, который стал известен как «судебный процесс над шестнадцатью», меры были приняты и против «сообщников» осужденных. Сталин приказал немедленно расстрелять около пяти тысяч этих несчастных, которых ранее приговорили к ссылке и заключению в лагеря. Ягода выполнил этот приказ и ликвидировал обреченных, не утруждая, понятно, себя дополнительным судебным разбирательством. А Томский, вероятно, предугадал свою судьбу и совершил самоубийство. Так, во всяком случае, сообщалось.

В этом первом году великих сталинских кровопусканий погиб также Горький. Можно только гадать, как именно кончил жизнь этот писатель. Вначале появилось сообщение, что он умер естественной смертью. Но потом Сталин счел более подходящим обвинить НКВД в его отравлении. Похоже, что на самом деле именно генсек ускорил кончину Горького, когда не разрешил тому пожить в более благоприятном климате, несмотря на его болезнь и преклонный возраст. Давно разобравшись в политике Грузина, писатель хотел отправиться в Италию, чтобы подкрепить свое здоровье. Но Сталин, опасаясь, что тот может много чего наболтать за границей, отказал ему в выдаче паспорта.

В 1936 году произошло еще одно важное событие — подошла к концу деятельность Ягоды в качестве главного сталинского палача. В сентябре он понижается до уровня комиссара по делам почтовых услуг. Сталин отдыхал на Кавказе, когда снял его с престижной должности. При этом он высказал неудовольствие, что НКВД запоздал на четыре года в очистке партии и государства от «врагов». Он имел в виду, что Ягода в 1932 году не ликвидировал Рюмина, осмелившегося призвать к смещению Сталина.

Место Ягоды в качестве руководителя НКВД занял Ежов. Сталин стал готовить злобного карлика для основного кровопускания. Оно произойдет совсем скоро, в период, который получил известность под названием «ежовщина» и затмил опричнину Ивана Грозного. Ежов выполнил роль новой метлы на новом посту. Все приспешники Ягоды тут же были уничтожены, а некоторые до безумия перепуганные палачи НКВД покончили жизнь самоубийством. Россия следила за уничтожением энкавэдэшников с чувством облегчения — дескать, слава Богу, что избавились. Но в стране ошибались. Новые люди в НКВД, а также уцелевшие старые работники стали даже более жестокими, надеясь тем самым отвести от себя участь Ягоды и его подручных. В результате они косили рядовых россиян миллионами.

Оказалось, что «судебный процесс над шестнадцатью» не представлял собой законченное представление, а являлся лишь первым актом, за которым следовали другие. Продолжение обеспечил Каменев, который втянул в это дело других старых большевиков по подсказке и письменным заготовкам НКВД. Инсценировка второго акта, или «судебного процесса над семнадцатью», проходила с 23-го по 30 января 1937 года, Постановщик — опять Сталин, дирижером стал Ежов, суфлером — Вышинский, а декорации оформили в виде той же военной коллегии Верховного суда, группы иностранных журналистов и «зрителей» из НКВД. Отличие состояло в том, что в качестве ответчиков выступали другие люди, главным из которых был Пятаков, заместитель наркома тяжелой промышленности и протезе Орджоникидзе, а также Радек, пропагандист, сумевший облапошить немало людей на Западе. Сценарий — опять же приготовленный в НКВД — отдавал теми же приевшимися «троцкистскими» нотками, но и содержал некоторые вариации. Например, обвиняемые «сознались» в разрушении шахт, промышленности и транспорта плюс в государственной измене в форме заговора с целью передачи отдельных территорий России Германии и Японии. Пятаков и большинство других подзащитных были признаны виновными и расстреляны, Радек, по примеру Каменева, помог НКВД замазать несколько старых большевиков. За это их приговорили лишь к различным срокам в лагерях. Но о Радеке больше никто не слышал. По некоторым сведениям, его расстреляли в 1941 году.

Этот «судебный процесс» вскоре привел к смерти Орджоникидзе, руководителя тяжелой промышленности, человека, который пользовался некоторой независимостью. Причина его смерти, как и во многих других случаях при сталинском режиме, остается Неясной. По официальной версии, Орджоникидзе, человек крепкого сложения и хорошего здоровья, стал жертвой сердечного приступа. Но по другим сообщениям, он погиб от пулевых ран, и, вполне вероятно, что здесь поработал ликвидатор из НКВД. Но есть и сведения иного характера — что нарком застрелился сам.

В апреле 1937 года произошло окончательное падение Ягоды — его арестовали. Почти одновременно арестовали также Рыкова и Бухарина.

Одно время казалось, что наступила передышка в чистках. На самом же деле менялся характер. Указанием на это — что поняли только значительно позже — послужило восстановление в середине мая 1937 года поста политического комиссара Вооруженных Сил, упраздненного в 1925 году. Вначале этот пост получил Ян Гамарник, закаленный старый большевик, который занимался политическим управлением Вооруженных Сил с 1929 года. Однако всего через несколько дней, 1 июня 1937 года, Гамарник совершил самоубийство. В то время причины такого акта суицида выглядели необъяснимыми. Но теперь стало известно, что он решил скорее убить себя, чем выполнять приказы Сталина о фактическом истреблении офицерского корпуса страны.

В середине июля 1937 года генсек сообщил потрясенной России и пораженному внешнему миру, что восемь высокопоставленных офицеров Красной Армии признаны виновными в измене, после чего немедленно казнены.

Главным обвиняемым на «судебном процессе» над офицерами был маршал Тухачевский, которого незадолго до этого неожиданно разжаловали из заместителя наркома обороны. Другие жертвы — генерал Иона Якир, командарм Украины, командарм Белоруссии, военный атташе в Англии, начальник противовоздушных сил, заместитель начальника кавалерии и начальник кадров. По первоначальной наметке, девятой жертвой должен был стать Буденный, но ему удалось замаслить Сталина и Ворошилова и, наоборот, самому стать членом «суда».

Акция против Тухачевского давно назрела, генсек считал, что тот представляет собой постоянную угрозу его абсолютной власти. Он не только оказался прав в далеком 1920 году, а Сталин ошибся, в результате чего Красной Армии не удалось взять Варшаву, но маршал также снискал себе огромную популярность среди рядового и офицерского состава Вооруженных Сил. Таким образом, он свел Ворошилова, титулованного наркома обороны, до уровня номинального руководителя. Но, понятно, на «судебном процессе» это ему не ставилось в вину. Тухачевского и его товарищей по несчастью признали виновными совершенно по другим статьям, а именно — в сговоре с верховным военным командованием Германии, «Доказательства» тому, то есть сфабрикованные документы, были, по мнению историков, услужливо предоставлены не кем другим, как нацистской разведкой, которая лишь порадовалась возможности помочь Сталину в ослаблении его Вооруженных Сил. Но историки не указали на то, что эти «доказательства», скорее всего, первоначально поступили к нацистам именно от Сталина. Ведь генсек активно поддерживал различные контакты с гитлеровским режимом. Иными словами, он казнил совершенно невинных людей за действия, которые сам безнаказанно предпринимал. Сначала Грузин использовал посредников в своих делах с немцами. За несколько месяцев до ареста Тухачевского он направил в Берлин Давида Канделаки, своего земляка и подручного из секретариата (или элитной охраны), под видом торгового атташе. Именно Канделаки подготовил основу для пакта Сталин — Гитлер — этот договор известен также под Названием Молотов — Риббентроп, — заключенного в августе 1939 года. Как и многие другие люди, выполнявшие для Сталина грязную работу, Канделаки, сделав свое дело, потерял расположение Хозяина и погиб в лагере в 1938 году.

Под руководством Льва Мехлиса, преемника Гамарника, кровопускание в офицерском корпусе Красной Армии не снижало темпов. Оно распространилось даже на Дальний Восток, где у российских войск завязались серьезные пограничные стычки с японцами, оккупировавшими Маньчжурию. Командовавший Дальневосточной армией знаменитый маршал Василий Блюхер был арестован и казнен. К тому времени, когда Мехлис закончил свою операцию, погибло тридцать пять тысяч офицеров советских Вооруженных Сил, несчетное количество отправлено в лагеря, откуда возвратились очень немногие. Отстрел офицеров производился прежде всего среди старших командиров: погибло примерно девяносто процентов генералов и около восьмидесяти процентов полковников. В результате накануне Второй мировой войны в рядах Красной Армии практически не осталось офицеров высшего командного состава.

Поэтому к миллионам жертв, которых Сталин уничтожил преднамеренно, надо добавить также гибель дополнительных миллионов россиян, лишенных компетентного руководства во время великой схватки с нацистами.

Летом 1937 года одновременно с избиением военных кадров проводилась и другая кровавая карательная операция. Шла сталинская чистка миллионов мелких аппаратчиков и партийных функционеров. Для этой цели вождь разослал во все четыре стороны света своих самых преданных подручных. Жданов занялся Ленинградом, Каганович отправился в Белоруссию, Берия — на Кавказ, там ему важную помощь оказывал Микоян, который особенно отличился подавлением своих земляков-армян. Вначале Хрущеву поручили провести чистку среди партийной верхушки Москвы. Он провел ее быстро, добросовестно и радикально. После чего его направили в единственный район страны, который оказывал сопротивление, — на Украину. На этом, более трудном, участке к нему присоединились Молотов и Ежов, второй в сопровождении специальных войск НКВД. Несомненно, Хрущев и там отлично потрудился, потому что получил пост партийного руководителя Украины — или того, что осталось там от партии, — в январе 1938 года. Хотя основными жертвами чистки, проведенной сталинскими Подручными, стали рядовые приспешники, но заодно было уничтожено несколько своего рода выдающихся деятелей. Главным среди них можно считать Авеля Енукидзе, еще одного из прежних закадычных друзей Грузина, служившего когда-то у него охранником.

В тот же период Сталин начал крупную кампанию по уничтожению иностранных коммунистов, которые не в полной мере разделяли его взгляды, а также части советских граждан, живших за границей, прежде всего тайных агентов из шпионской сети. Некоторые из таких иностранцев — в первую очередь немцы и поляки — оказались настолько глупыми, что подчинились указаниям Сталина явиться в Москву и таким образом упростили задачу собственной ликвидации. Видным представителем этой группы был Бела Кун, венгр с обагренными кровью руками, который когда-то объявил о создании у себя на родине коммунистического государства, которое, к счастью для всех, просуществовало недолго. Хотя заманивать «ренегатов» для ликвидации в Советский Союз было удобно и спокойно, Сталин при желании мог разделяться с ними почти так же легко и за границей с помощью международной агентурной сети своей тайной полиции, а также благодаря поразительной слепоте многих зарубежных правительств того времени применительно к операциям НКВД в пределах их стран. Например, сын Троцкого Лев Седов, у которого находились некоторые бумаги отца, умер при загадочных обстоятельствах (наверняка стал жертвой НКВД) в парижской больнице в 1937 году. В том же году и в том же городе генерал-лейтенант Евгений Миллер, преемник генерала Кутепова в качестве руководителя русских белоэмигрантов, был похищен и бесследно исчез. Почти в точности повторился метод расправы с его предшественником семилетней давности. А в 1938 году и опять же в Париже исчез из виду секретарь Троцкого Рудольф Клемент. Позже его обезглавленный труп обнаружили в Сене. Французская полиция так и не смогла раскрыть тайну смерти Седова и Клемента, а также исчезновения Миллера. Понятно, что никто из исполнителей не предстал перед правосудием. В равной степени нераскрытыми остались случаи уничтожения советских шпионов, проживавших в то время за границей. Под эту категорию, в частности, подпадает убийство в Швейцарии агентами НКВД Игнасия Рейсса, который на свою беду кое-что знал — что ставило Сталина в щекотливое положение — о сношениях Канделаки с нацистами. Одновременно НКВД провел широкую чистку соперничающей и вспомогательной организации — ГРУ (военная разведка). Очень немногим сотрудникам ГРУ удалось бежать в США, среди них Александр Орлов и генерал Вальтер Кривицкий (Гинсберг). Но в 1941 году Кривицкого убили неизвестные в его номере вашингтонской гостиницы. Особенно уязвимыми оказались любые сотрудники ГРУ, которые участвовали в гражданской войне в Испании. Яна Берзина, начальника ГРУ в Испании, расстреляли. Такая же участь ждала и его преемника.

Специальная чистка иностранцев, живших за границей советских граждан и других лиц, которых

невозможно было привлечь к судебным процессам, достигла своего апогея в 1940 году, когда в Мексике пристукнули альпенштоком Троцкого. Репрессии продолжались, хотя и в меньших масштабах, во время всей последующей жизни Сталина. И появившаяся позднее информация дает серьезные основания полагать, что многие деятели, которые неожиданно пропали или умерли, находясь, казалось бы, в добром здравии в течение 1937–1953 годов, могли тоже оказаться жертвами чисток. Здесь прежде всего надо назвать Крупскую, вдову Ленина. 27 февраля 1939 года она готовилась выступить с речью — антисталинской по своему тону — перед учителями. Текст речи не получил, конечно, высочайшего одобрения, но прихлебатели Сталина не стали делать из этого проблему. Секретная сотрудница НКВД подала Крупской чашку кофе, которая стала последней в ее жизни. И эту смерть объявили «естественной».

Несколько раньше Сталин инсценировал еще один «законный» спектакль, известный под названием «судебный процесс двадцати одного». Он проходил в течение почти двух недель в начале марта 1938 года. В качестве главных подсудимых предстали Бухарин, Рыков и Ягода. Постановщик, естественно, Сталин, да и остальная команда осталась прежней, если не считать, что Ежов занял место Ягоды. Но сценарий по сравнению с двумя другими отличался подлинными вдохновением и изобретательностью. Хотя он основывался на обычном вздоре о «право-троцкистском» уклоне, но включал в себя также сцены, связанные с «саботажем», «изменой», «убийствами» и массой интриг в духе шекспировского «Макбета». Англия, Германия, Япония и Польша оказались втянуты в действие в качестве дополнительных действующих лиц, которые руководили «заговорами», чтобы разрушить Советский Союз. А Сталин, Каганович, Молотов и иже с ними были представлены своего рода героями, объектами покушений с целью убийства со стороны подсудимых. Но самые сочные места резервировали для Ягоды. Его обвинили в том, что он подчинился приказу Енукидзе убить Кирова — а поэтому Енукидзе ликвидировали без всяких дальнейших разговоров. Ягodu также обвинили в том, что он использовал свой «медицинский аппарат» для того, чтобы убить Менжинского, Горького, Максима Пешкова — сына Горького, и Куйбышева. Жену Сталина не включили в этот список, что наводит на интересные предположения. Возможно, ее подозрительную смерть придерживали для использования в дальнейшем против Поскребышева, чего так и не случилось. В соответствии со сценарием в последнем акте представления все подсудимые были признаны виновными и большинство из них немедленно расстреляны.

После завершения последнего большого «судебного процесса» в услугах Ежова больше не нуждались. Летом 1938 года его понизили до смехотворного поста — наркома водного хозяйства. В декабре 1939 года НКВД возглавил Берия, который руководил им и аналогичными реорганизованными ведомствами с небольшим перерывом на протяжении следующих полутора десятилетий. Ужасный коротышка Ежов в 1939 году пропал из виду — и навсегда.

Никто никогда не узнает, сколько миллионов положили сразу, сколько Других миллионов отправили на медленную смерть в лагеря в те страшные тридцатые годы. Даже сам главный преступник Сталин, которого в более спокойные времена и в более здоровой стране упрятали бы в дурдом, не имел об этом ни малейшего представления. Эксперты, которым можно верить в наибольшей степени, полагают, что в 1937–1938 годах было арестовано около семи миллионов человек. К тому времени в местах заключения уже находилось еще около пяти миллионов несчастных, поэтому общая цифра осужденных достигает двенадцати миллионов человек. Почти немедленно расстреляли один миллион. Кроме того, сотни и сотни тысяч людей погибли в тюрьмах и лагерях от более «естественных» причин — жестокости охраны и надзирателей, отсутствия медицинского обслуживания, голода и холода. Поэтому можно предположить, что ко времени апогея чисток в 1938 году в тюрьмах и концентрационных лагерях содержалось около девяти миллионов человек, которые «трудились» на экономику, производя дешевые товары для внешней торговли. Так или иначе, но Сталин добился своей цели. Он ликвидировал всех соперников по партии. Он подчинил себе рядовых ее членов — даже молодежная организация подвергалась чистке. Он перекрыл

Вооруженным Силам всякую возможность выступить против себя. Он полностью контролировал тайную полицию. Все противники Грузина, настоящие или вымышленные, оказались сметенными.

Надежно защитив свою диктатуру от внутренних врагов, Сталин приступил с такой же циничностью и беспринципностью к гарантированной защите ее от внешней угрозы. Можно с некоторым сожалением констатировать, что на Западе внешнеполитические акции Сталина во время и после Второй мировой войны рассматриваются как дипломатические достижения. Это — абсолютно ошибочная оценка, еще одна составная часть мифа о Сталине. Причины, по которым Сталину удавалось сделать то, что не удавалось другим, просты. В большинстве других стран мира перед Второй мировой войной внутренние экономические проблемы преобладали над внешнеполитическими вопросами. Во внешней, политике основное внимание сосредоточилось на росте фашизма, а коммунизм либо рассматривали в качестве противовеса ему, либо совсем сбрасывали со счетов. Многие правительства на Западе чувствовали себя неуверенно, столкнувшись с разочаровывающими последствиями Первой мировой войны и недовольством избирателей состоянием экономики. Сталин таких проблем не знал, хотя бы потому, что ему не надо было прислушиваться к избирателям.

В судьбоносном 1939 году Сталин вел публичные переговоры с англичанами и французами о том, чтобы объединиться в союз против нацистской Германии, а сам в то же время продолжал секретные контакты с Гитлером. Когда английские и французские офицеры обсуждали в Москве вопросы военного сотрудничества со своими российскими коллегами, было объявлено о подписании пакта «о ненападении» между Гитлером и Сталиным. Детали соглашения первое время оставались засекреченными. Но суть соглашения между нацистами и коммунистами — поделить Восточную Европу — вскоре стала известной. Через девять дней после того, как улыбающийся Сталин скрепил документ своей подписью, войска Гитлера молниеносно вторглись в Польшу. И меньше чем через две недели после этого Красная Армия вошла в беззащитную Восточную Польшу, истребив примерно десять тысяч польских офицеров в Катынском лесу в лучших традициях Ивана Грозного, захватив двести тысяч «военнопленных» и переселив полтора миллиона других незадачливых поляков далеко на восток, в лагеря, откуда мало кто возвратился.

И также в сентябре 1939 года Сталин ввел в стране всеобщую принудительную воинскую повинность. В Советском Союзе уже активно переводили промышленность на военные рельсы, повышали боеготовность и быстро наращивали вооруженную мощь.

Грузину почти немедленно понадобилось пушечное мясо. В последний день ноября 1939 года он начал чрезвычайно бездарно проведенную войну против маленькой Финляндии. Это нападение правильнее назвать вторжением, повод для которого сфабриковал сам Сталин, организовавший обстрел своими людьми собственных солдат. Когда в марте 1940 года этот набег закончился, Советский Союз «приобрел» куски территории, главным образом в районе Ленинграда, за что заплатил гибелью многих тысяч солдат Красной Армии, потерей целой дивизии в одном из сражений. Большую часть возвратившихся «победителей» торжественно провели по Ленинграду, а потом отправили в лагеря в качестве награды за их неудачные боевые показатели.

Эта позорная авантюра в Финляндии хорошо продемонстрировала цену чистки Красной Армии.

В мае 1940 года, после анализа уроков этой «войны», Сталин устроил перетряску верховного военного командования. Он назначил маршала Семена Тимошенко — «героя» финской эпопеи, который завершил ее, бросив в бой двадцать семь дивизий и тысячи артиллерийских стволов против горстки финских соединений, — наркомом обороны. А от Ворошилова освободился, назначив его руководителем специально созданного комитета обороны.

После этих перестановок в июне 1940 года, когда Красная Армия еще не совсем оправилась после вторжения на севере, Сталин навалился на еще более слабых и менее мужественных соседей. Он

«аннексировал» Прибалтийские республики — Эстонию, Латвию и Литву, причем мировое сообщество на это толком не прореагировало. А несколькими неделями позже Грузин двинул Красную Армию через границы в Румынию, чтобы захватить Бессарабию и Северную Буковину.

Все эти «операции» Красной Армии в 1939–1940 годах — оккупация Восточной Польши, финская «война», захват Прибалтийских республик и северо-восточных провинций Румынии — раскрыли засекреченные детали пакта «о ненападении» между Гитлером и Сталиным. По пятам Красной Армии — но не ближе ружейного выстрела — двигались сотрудники НКВД, которые обращались с финскими, прибалтийскими и румынскими пленниками так же, как ранее с восточными поляками, — доводя их практически до истребления. Позорно прославившийся обращением с человеческой плотью Иван Серов, помощник наркома НКВД, отвечавший за присоединенные территории, устраивал перманентные массовые аресты. Миллионы людей депортировали в лагеря к востоку от Урала. Набитые в железнодорожные товарные вагоны, тысячи и тысячи из них погибли прямо в пути. А на место депорт тированных прислали российских колонистов, чтобы заполнить вакуум. Белые люди никогда не обращались так с индейцами. И только нацисты, фюрером которых так восторгался Сталин, позже отплатили россиянам за это сторицей.

Поскольку на НКВД сводилось так много новой «работы», вождь почувствовал необходимость реорганизации тайной полиции. На деле он расширил ее: В феврале 1941 года Сталин разбил НКВД на два комиссариата: один со старым названием НКВД для проведения работы внутри страны остался под руководством Берии и второй, НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности), деятельность которого распространялась в основном на «освобожденные» территории. Во главе его встал Всеволод Меркулов, бывший заместитель и старый друг Берии.

В апреле 1941 года Сталин еще немного подсуетился на Дипломатическом поприще ради того, чтобы упрочить свою Диктатуру внутри страны и защитить недавно приобретенную добычу. Он подписал пакт о нейтралитете с Японией, которая сотрудничала с нацистами. (Любопытно, что обе стороны, подписавшие это соглашение, вскоре оказались очень занятыми в других местах, потому придерживались его до тех пор, пока Сталин не счел, что Япония ослабела настолько, что свалится от одного толчка.) Когда договор с Японией был подписан и утвержден, Грузин фактически стал участником оси Берлин — Токио и подумал, что его проблемы окончательно решены. Но он грезил наяву.

Рано утром 22 июня 1941 года войска Гитлера перешли реку Буг. Это нападение застало самодовольного Сталина врасплох, а его народу пришлось заплатить действительно страшную цену за самонадеянность вождя.

«Война и мир» Сталина (1941–1953)

В Начале «Великой Отечественной войны» — как Сталин назвал ее — советские войска тут же ощутили вредоносные последствия чисток и бестолкового руководства со стороны таких военных недоучек, как Ворошилов, Буденный и Тимошенко.

Нацисты сосредоточили против России около ста Пятидесяти дивизий по линии фронта от Балтийского до Черного морей. Им противостояла даже большая в количественном отношении Красная Армия, войсками которой на севере командовал Ворошилов, в центре Тимошенко и на юге Буденный. Но в силу ущербности политических суждений Сталина советские войска в центре оказались наиболее, слабыми. Генсек доверял своему новому другу Гитлеру до самого последнего момента и поэтому сконцентрировал основные силы на защите территориальных приобретений на севере и юге. Конечно же нацисты свой основной удар нанесли в центре и стали угрожающе быстро продвигаться вперед.

В довольно типичной для России манере и даже более высокомерно, чем при царях, учитывая частые и заблаговременные предупреждения от своих шпионов, Сталин не счел нужным даже принять меры предосторожности на случай нападения Гитлера. Этим пришлось заниматься Молотову, который остался на хозяйстве в Москве, он по радио выступил с обращением к россиянам с первыми известиями о вторжении. А Сталин в это время отдыхал на юге вместе со своими подручными, Маленковым и Николаем Вознесенским — восходящей звездой экономики и протеже Жданова.

Первый имеющий отношение к обороне шаг был сделан — причем только на бумаге — лишь 30 июня.

Он заключался в создании Государственного комитета обороны, куда вошли Сталин, Молотов, Ворошилов, Берия и Маленков.

И только 3 июля, спустя двенадцать дней после начала вторжения, Сталин оправился от потрясения в достаточной степени и по радио обратился к нации. Он попытался оправдать заключение пакта с Гитлером как шаг, который давал Советскому Союзу время вооружиться. Он нажал на эмоции. Он назвал свои прежние Жертвы братьями и сестрами, попытался поднять их патриотизм, напомнив о славе некоммунистического прошлого и разгроме Наполеона, и призвал подготовить для нацистских захватчиков такой же прием, который не столь далекие предки оказали французам.

Потом, 19 июля, советский диктатор принял еще одно неразумно затянувшееся решение. Он назначил себя Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами. Но к реальным делам приступил на следующий день, 20 июля. Население и Красная Армия, апатичные к потрясенному руководителю и подавленные многими годами ужасного правления Грузина, не сплотили свои ряды после его радиообращения. Поэтому он возвратил НКВД прежние полномочия, превратив его опять в единый комиссариат, возглавляемый Берией. В первые дни войны возникла огромная потребность в НКВД как заменителе патриотизма, чтобы крестьяне не приветствовали захватчиков, а встречали их выжженной землей и чтобы откатывавшаяся назад Красная Армия в конце концов остановила свое отступление. Обращение НКВД с пришедшими в замешательство и уныние солдатами и гражданами отличалось чрезвычайной жестокостью. Но надо признать, что цель была достигнута. Вскоре НКВД стали бояться больше, чем нацистов.

В те дни середины лета 1941 года, когда царила массовая дезорганизация, происходило повсеместное отступление и сдача в плен, Сталин опустил до того, что стал обхаживать своих прежних врагов англичан и американцев. Он без тени смущения пытался добиться от них невозможного — прямого военного вмешательства. С ним беседовали посланцы Уинстона Черчилля, представители президента Франклина Рузвельта. Но на протяжении длительного времени ему удавалось получать от новых

союзников только военное снаряжение. Посланники Рузвельта — Гарри Гопкинс и Аверелл Гарриман — в этом отношении преуспели больше всех. Они выступили инициаторами проведения программы ленд-лиза, по которой до конца войны Советы получили военное снаряжение, продовольствие и другую материальную помощь на сумму в одиннадцать миллиардов долларов. Причем соглашение между Рузвельтом и Сталиным строго выполнялось, часто в ущерб американским войскам, у которых возникала нехватка военной техники.

Взывая о помощи к своим старым противникам за рубежом, генсек также без всякого смущения обратился к услугам своих в прошлом внутренних оппонентов, которые в удобный момент, конечно, опять превратятся во врагов. Он выпустил из лагерей многих уцелевших офицеров, подвергшихся чистке, таких, как Константин Рокоссовский, который позже вырос до уровня маршала и на какое-то время стал правителем «народной» (сталинской) Польши. Вдобавок Сталин освободил из заключения генерала Владислава Андерса и других захваченных в плен поляков, многие из которых доблестно проявили себя в рядах британской восьмой армии в пустынях Западной Африки и в Италии, а свою одиссею закончили тем, что, возвратившись на родину, попали в лагеря военнопленных, которыми заведовал все тот же Рокоссовский.

28 августа 1941 года Сталин постановил упразднить — навсегда — автономную республику немцев Поволжья. И одновременно приказал депортировать на «восток» шестьсот тысяч ее жителей, трудолюбивых предков которых пригласила туда для поселения Екатерина Великая. Изгнание этих несчастных проводилось под руководством эксперта НКВД по геноциду Серова. Позднее он же переселил с родных земель балкар, крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и месхетинцев. О некоторых из этих этнических групп почти ничего не было известно в остальной части света. По подсчетам, Серов переселил во время войны не менее полутора миллионов представителей меньшинств, причем по меньшей мере шестьсот тысяч из них погибло во время депортации. В тот же период Соединенные Штаты интернировали тысячи своих граждан японского происхождения. Но не надо забывать, что американцы сожалели об этом поступке и стыдились его. Россияне не принимали близко к сердцу плохое обращение с меньшинствами, но не оттого, что они такие бессердечные, а потому что с ними тоже подобным же образом обращались их коммунистические хозяева.

Первые годы Великой Отечественной войны оказались кошмарными для России. В местах своего наибольшего продвижения нацисты окружили Ленинград, подошли с боями к окрестностям Москвы, достигли Волги у Сталинграда и проникли в районы Северного Кавказа. Ленинград, хотя его и осадили, устоял, несмотря на то что, как говорили, человеческое мясо превратилось там в товар. Из Москвы эвакуировали всех, за исключением наиболее важных служб. Сталин остался в городе, на защищенном от вражеских бомбардировщиков командном пункте, устроенном на станции метро, которая под землей соединилась с Кремлем. За первые восемь месяцев вторжения в плену оказалось около трех миллионов красноармейцев. И примерно полмиллиона российских пленных погибло только за четыре последних месяца 1941 года в результате такого обращения с ними нацистов, которое далеко не отвечало требованиям Женевской конвенции.

Когда появились немецкие войска, многие советские крестьяне, особенно на Украине, приветствовали их как «освободителей». Однако очень быстро тупые фашисты покончили с этим заблуждением, относясь к гражданам оккупированных областей как к недочеловекам («унтерменшен» на их языке) и используя их как рабскую силу для своих военных Целей.

Возможно, больше, чем что-либо другое, разгрому Гитлера в России способствовало отношение нацистов к советским людям, как гражданским, так и военным. Такое обращение пробудило патриотизм — или национализм, — то, чего Сталин не смог добиться своим воззванием. Диктатор, конечно, очень быстро

уловил перемену в настроениях. Он тут же извлек из этого выгоду, взывая ко всем духам святой Руси, даже позволил церкви сыграть присущую ей роль. На время отошли на второй план партия, ее политика и полиция. Вместо этого — но только на нужный период времени — лейтмотивом стала святая Русь и ее прошлое. И люди сплотились, двинулись к победе.

После сражения под Сталинградом в начале 1943 года, когда на военных победах нацистов был поставлен крест, вождь на встречах с руководителями союзников держал себя с исключительным апломбом. На этих совещаниях диктатор мысленно прикидывал возможность осуществления своей главной цели — распространения коммунизма в мировом масштабе под советским контролем. Эта цель маскировалась разглажениями о необходимости военного сотрудничества, «демократических стран» против фашизма. Именно такие речи вел Сталин на Тегеранской конференции в ноябре 1943 года. Черчилль отлично понимал двуличную тактику Грузина. Рузвельт, который часто добродушно называл безжалостного, кровавого советского диктатора «дядя Джо», этого не понимал. Но Черчилль, армии которого измотались за время более длительного по сравнению с американцами участия в войне, а его Британская империя распадалась, вынужден был примириться с потрясающей наивностью Рузвельта. Поэтому пожелания Сталина в принципе удовлетворили. Удалось договориться о проведении англо-американской операции на западе, чтобы облегчить положение Красной Армии.

Поездка Сталина в Тегеран — первый выезд диктатора за границу после захвата власти в Советском Союзе — дала возможность внешнему миру в полной мере оценить меры безопасности, которые принимались для защиты наследника царей. После высадки в городе десанта НКВД он превратился в настоящий вооруженный лагерь. Для пущего пропагандистского, эффекта была запущена «утка» — а позже Советы превратили ее в «факт», наградив энкавэдэшников, охранявших вождя, — якобы нацисты пытались убить Сталина в Тегеране, но покушение провалилось. Для того чтобы эта стряпня выглядела более съедобной, пустили слух, что Черчилль и Рузвельт тоже стали объектом покушения со стороны диверсантов, руководимых не кем-нибудь, а самим Отто Скорцени, спасшим с помощью авиадесанта Муссолини от его же итальянских охранников, которые симпатизировали союзникам. Много лет спустя Скорцени посмеялся над этой выдумкой, сказав, что встреча в Тегеране была настолько засекречена, что он узнал о ней, только когда она закончилась.

Распространялись, кстати, и другие басни о попытках покушения на Сталина — пять в общей сложности. Первое такое покушение приписали белогвардейскому эмигранту в 1928 году. Согласно второй в 1930 году по диктатору был сделан артиллерийский залп, когда он отдыхал на своей даче возле Сочи. Третья — которую всесторонне разукрасили романтические писатели на Западе — гласит, что привлекательная молодая женщина (признанная некоторыми в качестве родственницы Кагановича) сумела пробраться в Кремль в 1935 году с намерением отравить Сталина. Четвертая — повествует о трех телохранителях Сталина, которых ликвидировали в 1937 году; потому что они, дескать, оказались немецкими шпионами. Пятая нелепая выдумка — о захвате в 1944 году в окрестностях Москвы группы бывших красноармейцев, завербованных нацистами для уничтожения Сталина.

Все эти «покушения» — натуральные мифы.

Сталинград явился не только поворотным пунктом войны, но и развязал диктатору руки внутри страны. Первым указанием на возврат к «добрым старым временам» стало в апреле 1943 года новое разделение тайной полиции на два комиссариата. Меркулов снова стал контролировать НКГБ, а Берия остался руководителем НКВД.

Параллельно с этими двумя организациями существовал также пресловутый СМЕРШ («Смерть шпионам»), агентство безопасности в Вооруженных Силах, основная задача которого в период с 1942-го по 1946 год заключалась в уничтожении подлинных и воображаемых врагов режима среди советских

граждан, которые во время Второй мировой войны находились вне советского контроля. Возглавлял это агентство Виктор Абакумов, новое светило на небосводе сталинской системы безопасности.

Благодаря повороту в ходе войны все эти организации основательно потрудились. Во-первых, возникла проблема вражеских Военнопленных. И не только немцев, но и австрийцев, венгров, итальянцев, румын, болгар, испанцев, красноармейцев-дезертиров, служивших в частях армии генерала Власова и наконец некоторого числа японцев. НКВД направлял их в те же самые лагеря, которые были в свое время созданы для советских «врагов».

Вторая крупная проблема для НКВД в последние годы войны и в период после-нее заключалась в миллионах красноармейцев, плененных нацистами, а также миллионах других советских граждан, которые либо оказались на оккупированной гитлеровскими войсками территории, либо были вывезены для рабского труда в контролируемые немцами страны Запада. Хуже всего НКВД обращался с пленными советскими солдатами. В самом начале войны Сталин издал указ о том, что сдача в плен недопустима. Он даже пошел на смерть своего собственного сына от первого брака, захваченного нацистами, что было вполне в духе традиций Ивана Грозного и Петра Великого, которым, как обезьяна, подражал Грузин. В результате миллионы освобожденных из немецкого плена красноармейцев снова на многие годы направляются теперь уже в советские лагеря. К позору Запада, аналогичная участь ждала и тех плененных красноармейцев, которых освободили американские и английские войска. По секретному соглашению со Сталиным, союзники передали их НКВД. Зная, что их ждет, некоторые из этих несчастных пошли на самоубийство. Протесты общественности на Западе положили все же конец этой сделке, но для большинства «освобожденных» было уже слишком поздно.

Действия НКВД в отношении советских граждан, вызволенных из нацистского рабства Красной Армией, не отличались особым разнообразием. Многие из тех, кто оказался на территории восстановленных границ Советского Союза — особенно из этнических меньшинств, — скопом депортировали в Сибирь или другие места. В отличие от плененных красноармейцев, попавших в руки англо-американцев в поверженной Германии, о репрессиях против гражданских лиц на Западе мало кто знал, а поэтому их судьба никого не интересовала. И, как позже говорил Хрущев, Сталин устроил бы всеобщую депортацию украинцев, если бы их было не так много.

В январе 1945 года Красная Армия предприняла последнее крупное наступление против Германии. К тому времени фронт растянулся от Балтийского моря до Эгейского моря, по которому разместились примерно триста дивизий и двадцать пять танковых армий советских войск. А нацистские вооруженные силы сократились примерно до сотни дивизий, большинство которых и по личному составу, и по снаряжению не дотягивали до нормы. Исход сражения становится очевидным из одних этих цифр. Победа была лишь вопросом времени и ничем больше.

Поэтому никто из военных сильно не удивился почти безостановочному наступлению Красной Армии, которой руководил настоящий гений Великой Отечественной войны, маршал Георгий Жуков. Передовые части вышли к берегам Одера, примерно в пятидесяти милях к востоку от Берлина уже в конце января. В то же время удалось закрепиться на небольшом плацдарме на другом берегу реки Одер, и форсирование ее стало вопросом материально-технического обеспечения.

Этот успех пришелся Сталину как нельзя кстати, сильно укрепив его позиции в торге с союзниками. Рузвельт еще с конца 1944 года давил на Грузина, предлагая провести очередную встречу в верхах. Сталин согласился, но с одним условием — она должна проходить на территории России, в Ялте, и назначил дату — февраль 1945 года, когда, по его прикидкам, советские войска окажутся у ворот нацистской столицы.

Результаты Ялтинской конференции, особенно в ретроспективе, представляются настоящим бедствием для Запада, Восточной Европы и в некоторой степени для Японии, а для Сталина и коммунизма

огромной политической победой. В то время англо-американские войска находились на Рейне, далеко продвинулись на север Италии и полностью контролировали Северную Африку и Средний Восток. Армии Запада могли бы также решительно продвинуться к Берлину, но их наступление намеренно замедлили. В то время было объявлено, что это объясняется «стратегическими» причинами — сохраняет живую силу Запада и является подарком России, то есть позволяет Красной Армии «прославиться» захватом столицы Германии, поскольку силы союзников уже освободили Париж и Рим. Последний аргумент выглядит особенно удивительным — ведь Красная Армия брала такие европейские столицы, как Варшава, Прага, Будапешт, Бухарест, София, Белград и Вена.

Серьезной неудаче Запада в Ялте способствовало психологическое и физическое состояние двух его основных представителей. Черчилля отвлекали тяжелые думы о предстоявших выборах в парламент (во время которых капризные избиратели неблагодарно отстранили от власти победоносного лидера). Уже давно физически неполноценный Рузвельт чувствовал себя очень уставшим и, хотя об этом в то время никто не знал, находился на пороге смерти. Ко всему прочему наивное доверие американского президента к «дяде Джо» невозможно было поколебать.

Так или иначе, в Ялте Сталин получил практически все, что хотел. Он добился господства над Восточной Европой, якобы как буферной зоны против Германии, хотя она в то время была практически разгромлена.

Получил куски территории Финляндии, Чехословакии, Румынии, а Прибалтийские страны присоединил целиком. Приобрел часть Восточной Пруссии и восточные районы Польши, а взамен полякам возвратили приличный кусок Восточной Германии, включая некоторые исконно немецкие территории, создав тем самым возможные поводы для будущих конфликтов. Получил контроль над половиной Берлина, позволив американцам и англичанам занять вторую его половину (французы получили свой сектор только позже — в результате уступок со стороны американцев и англичан). Сталин наложил также руку на львиную долю репараций и на заводы по выпуску промышленных изделий по всей Германии. (Позже это затруднило Соединенным Штатам решить задачу экономического восстановления и налаживания политической жизни Германии.)

Наконец в Ялте Рузвельт проводил со Сталиным в высшей степени бестактные по отношению к Черчиллю секретные встречи, от участия в которых английский премьер был отстранен. На этих личных встречах двух «великих» Рузвельт соблазнил Сталина присоединиться к нарождавшейся Организации Объединенных Наций и к участию в войне с Японией. Сталин позволил втянуть себя в ООН, но только с условием, что он получает там три места — не только для СССР, но также для Белоруссии и для Украины. Это равноценно предоставлению членства таким «независимым» территориям Запада, как города Вашингтон и Лондон. За вступление в войну против Японии великий перекройщик географических карт Рузвельт предоставил Сталину непререкаемое господство во внешней Монголии и Маньчжурии, открыл Корею для советского влияния, передал в собственность Советскому Союзу Курильские острова и южную часть острова Сахалин и сделал еще ряд уступок. Надменный Рузвельт не считал нужным проконсультироваться ни со своими китайскими союзниками, ни с бедной маленькой Кореей, которая в то время пыталась освободиться от японского господства. (Говорили — надеюсь, ошибочно, — что Рузвельт даже не знал, где расположена Корея.) Сталин выполнил свои обязательства относительно войны на Тихом океане только тогда, когда это не потребовало больше расходов, а США уже подвели Токио к капитуляции. Как выразилась французская коммунистическая газета тех дней — «Всего через сорок восемь часов после вступления СССР в войну Япония капитулировала».

Взамен этих огромных уступок в Ялте Запад получил просто мелочевку: Сталин позволил отвести Франции оккупационную зону в западной части Германии.

Спустя три месяца Жуков взял Берлин. Незадолго до этого американские войска, которые топтались на плацдарме на реке Эльба, позировали для рекламных фотосъемок вместе со своими российскими союзниками. (Еще раньше, в апреле, американский разведывательный патруль без всяких помех вкатился в западную часть Берлина, но получил немедленный приказ от вышестоящего командования возвратиться на Эльбу.) Но русские разрешили англо-американским войскам занять свои сектора в Берлине только в июле 1945 года — явный указатель на проблемы, которые возникнут у Запада с коммунистами в будущем в отношении этого города.

Последняя конференция «большой тройки» состоялась в Потсдаме, в пригороде Берлина, в июле 1945 года. По существу, эта встреча превратилась в штамповку ялтинских соглашений и дала возможность Сталину поважничать рядом с новыми, еще не набравшими политический вес фигурами. Едва успела открыться конференция, как Черчилля, проигравшего в своей стране выборы, заменил Клемент Эттли. А вместо Рузвельта, который умер за три месяца до встречи, присутствовал Гарри Трумэн. К тому же и высшие советники по международным делам обоих западных лидеров не имели опыта в переговорных препирательствах со Сталиным и русскими. Еще больший вред Западу причинила склонность обоих западных руководителей — и особенно Эттли — не раскачивать лодку союзнического единства, а поэтому почти во всем соглашаться со Сталиным, мало придавая значения характеру уступок. Одна из таких уступок могла породить в будущем крупный международный конфликт. Она касалась новой западной границы Польши. В Ялте согласились, что эта граница должна идти по линии рек Одер и Нейсе. Никто из западников вроде бы не заметил, что существуют Восточная и Западная Нейсе. В Потсдаме картографы Сталина использовали Западную Нейсе, тем самым передавая Польше двадцать пять тысяч квадратных миль территории, которая принадлежала Германии на протяжении столетий и включала в себя два старых немецких города — Бреслау и Опфельн, которые позже были переименованы поляками соответственно во Вроцлав и Ополе. Когда младший американский советник обратил внимание старших коллег на кусок традиционно германской территории, таким образом отторгаемой от нее, то от него отмахнулись со словами: «Ну, кто же все-таки проиграл в этой войне, поляки или немцы?»

Восстановление разрушенного войной Советского Союза и консолидация вновь завоеванной империи оказались более затяжным и тяжким делом для Сталина, чем выяснение отношений с Западом в Потсдаме. Более двадцати миллионов советских граждан погибли в боях, от воздушных налетов, от голода или в нацистских лагерях. Еще двадцать пять миллионов остались без крова. Тысячи зданий, особенно производственных предприятий, лежали в руинах, а сельское хозяйство страдало от катастрофического сокращения домашнего скота и почти полного отсутствия сельхозинвентаря. Впрочем, с бесплатной физической силой проблем не было, ее обеспечивала тайная полиция, «мобилизовав» миллионы заключенных и военнопленных. Большое количество материалов и снаряжения поступало из фондов помощи ООН. Англия и Швеция также оказывали посильную поддержку. И понятно, что Восточную Германию и остальную часть Восточной Европы, оккупированную Красной Армией, дочиста обобрали, вывезли оттуда промышленные предприятия и всякое другое оборудование, которое можно было демонтировать.

Проблема по установлению контроля над восточноевропейскими государствами оказалась для Сталина достаточно простой. Многие благонамеренные, но наивные в политическом отношении люди в этих несчастных странах приветствовали приход красноармейцев как «освободителей». К тому же Красная Армия (с февраля 1946 года — Советская Армия) и сопровождавшие ее службы НКВД держали наготове кнут до тех пор, пока не были казнены, высланы или посажены в тюрьмы остатки «буржуазии», иначе говоря, антикоммунистических политических групп. И пока их не заменили послушные марионеточные режимы, которые заранее выхаживались в советских идеологических теплицах. Используя такую тактику, Сталин к началу 1947 года поставил всех своих сатрапов в Восточной Европе под твердый контроль. А на

Дальнем Востоке, после капитуляции Японии, он поступил таким же образом с Северной Кореей. В то же время Советская Армия вошла в Маньчжурию и захватила там огромное количество японского оружия. Это военное снаряжение передали войскам Мао Цзэдуна для разгрома националистических сил Чан Кайши и превращения китайского материка в еще одно коммунистическое вассальное государство весной 1949 года.

Внутри страны перед Сталиным стояла другая, возможно, более сложная задача. Она заключалась в том, чтобы держать в узде своих заново просвещенных подданных. Как и их предки в период наполеоновских войн, люди «заразились» от контактов с более развитым и либеральным миром на Западе. Грузин осознал существование такой проблемы уже в начале 1943 года и поставил Жданова у идеологических рычагов. С тех пор этот узколобый подручный со строгими моральными взглядами, одновременно исполнявший обязанности партийного босса Ленинграда, развернул широкую кампанию русификации, которая ускоренно проводилась вплоть до его неожиданной смерти в августе 1948 года. Эта кампания проникала в каждый уголок и каждую щель советской интеллектуальной жизни и получила наименование «ждановщина». Во многих отношениях она знаменовала собой начало «холодной войны» между Востоком и Западом, хотя последний еще только начинал осознавать реальную сущность доброго старого «дяди Джо».

Во время «ждановщины» многие деятели советской интеллигенции потеряли работу, другие оказались в тюрьме или ссылке, но в некоторых отношениях эта кампания была просто смехотворной. Наступил такой период, когда вдруг «выяснилось», что почти все на свете изобрели русские. В то же время приняли закон, запрещавший советским гражданам сочетаться браком с иностранцами. Цель закона заключалась в том, чтобы оградить подданных СССР от чужеземной «заразы», но советским людям сталинская пропаганда давала понять, что иностранцы их недостойны. Это был также период, когда взалхб превозносили Трофима Лысенко, биолога, который «обнаружил», что Маркс оказался прав, считая, что окружающая среда может повлиять на наследственность.

Хотя такой русификацией руководил Жданов, он был всего лишь идеологом. А на практике, как всегда, программу проводила в жизнь тайная полиция.

В течение двух последних лет войны НКВД проделал мастерскую работу, обрабатывая и запугивая нацистских и «освобожденных» российских военнопленных, поэтому в качестве награды Сталин повысил Берия в июле 1945 году до звания маршала. Однако в начале 1946 года Грузин провел основательную перетряску полицейской организации и произвел некоторые кадровые перестановки в ней, а также в правительстве. Берия сняли с поста руководителя НКВД. Это место занял генерал-полковник Сергей Круглов, заместитель начальника распущенного СМЕРШа, организации военных времен, которая была сильно приукрашена впоследствии писателями. В марте все комиссариаты переименовали в министерства. НКВД стало называться МВД (Министерство внутренних дел), а НКГБ — МГБ (Министерство государственной безопасности). Круглов остался во главе МВД, а Меркулов, бывший комиссаром НКГБ, в качестве руководителя МГБ продержался недолго, Сталин заменил его на генерала Виктора Абакумова, который был старым Чекистом и помог в свое время Тухачевскому подавить восстание тамбовских крестьян. Сталин поставил перед Берией серьезную задачу, а именно — заниматься шпионами, которые активно старались выкрасть атомные секреты США.

И пока маршал Берия разбирался с полученными от своих тайных агентов чертежами, Сталин позаботился о том, чтобы не выпускать из поля зрения обычные полицейские операции. В качестве временной замены он держал наготове своего рода надзирателя по вопросам безопасности, некоего Алексея Кузнецова. Тот принадлежал к выходцам из Ленинграда, и ему покровительствовал Жданов. Говоря другими словами, пока Берия напрягался, чтобы выкрасть атомные секреты, Жданов со своими

подпевалами продвигался по лестнице власти. Причем делал это с полного благословения Сталина, который полагал, что, по соображениям личной безопасности, следует стравливать своих подручных.

В тот же послевоенный период Сталин позаботился о том, чтобы военные, и особенно победоносный Жуков, не слишком возомнили о себе. В любой другой стране Жукова бы превозносили за его выдающийся вклад в Победу. А на деле в марте 1947 года он был понижен в должности, когда давнего аппаратчика Николая Булганина назначили министром обороны.

Понижение Жукова, к которому на Западе относились как в высшей степени талантливому командиру, ознаменовало собою ослабление влияния армии внутри страны и почти совпало с приостановкой советского экспансионизма за рубежом. Менее чем за год до назначения Булганина, когда Сталин прикидывал возможное использование Жукова, Советский Союз был вынужден уступить давлению Запада, имевшего атомное оружие, и пойти на единственное территориальное отступление за весь период сталинского правления — вывести войска из северного Ирана. Год спустя, в мае 1947 года, США провозгласили то, что стало известно под названием «доктрины Трумэна», которая помешала коммунистическому проникновению в Грецию и Турцию. А в июне 1947 года был сформулирован план генерала США Джорджа Маршалла. Согласно этому плану, огромная экономическая помощь Америки направлялась в Западную Европу, которая иначе могла бы пасть перед напором политического экспансионизма коммунистов.

Сталин на все на это отреагировал достаточно глупо как с политической, так и с военной точки зрения. В сентябре 1947 года он воскресил Коминтерн (похороненный в 1943 году, чтобы умиротворить западных союзников) под новым названием Коминформ. Задуманный в противовес плану Маршалла, переименованный наследник ставил перед собою те же основные задачи — распространение коммунистической пропаганды и подрывной деятельности, создание контролируемых коммунистами марионеточных организаций и проведение тайных сделок с властными структурами некоммунистов. Грузин допустил еще одну ошибку, открыв центральные учреждения Коминформа в Белграде, где честолобивый босс Иосип Броз Тито решил укунить кормившую его руку: в июне 1948 года вышвырнул Коминформ из своей столицы и посоветовал Сталину не совать свой нос в Югославию. В августе 1948 года Сталин пошел на военный демарш, заблокировав Западный Берлин. Запад парировал эту авантюру путем введения воздушного моста, по которому перебрасывались необходимые для осажденного города Грузы. Воздушный мост явился не только ударом по советскому престижу, но и привел к созданию Организации Северо-атлантического договора (НАТО). Заключенный Сталиным вместе с группой стран-сателлитов, Варшавский Договор стал скорее политической реакцией, нежели эффективным противовесом перевооружению Западной Европы под эгидой США.

Возможно, берлинская оплошность Сталина частично объяснялась тем, что его внимание отвлекли события внутри страны. Именно перед тем, как он пошел на этот шаг, Жданов и Маленков вступили в подковерную борьбу за второе место в иерархии власти. А потом, в самом начале блокады Берлина, Жданов неожиданно умер. Маленков, Берия и Абакумов как шакалы накинлись на подручных Жданова. Они провели чистку ждановцев, которая зашла гораздо дальше их первоначальных планов и в конечном итоге привела к эффекту бумеранга. Сталин сам взялся руководить чисткой в верхних эшелонах сил безопасности и пригрозил своим ближайшим помощникам проделать с ними то же самое. Только смерть помешала Грузину избавиться от них по примеру Ивана Грозного, который весьма круто поступил со своими опричниками несколько столетий назад.

Между тем появилась угроза сталинской гегемонии в коммунистическом лагере за границей. В 1949 году советская демонстрация силы в Берлине не произвела впечатления на мятежного Тито. Он и его закадычные дружки на Балканах осмелились обсуждать возможность создания союза балканских и

соседних стран, не утруждая себя необходимостью предварительно заручиться одобрением Сталина. Такое оскорбление не могло остаться без последствий. Георгию Димитрову сделали замечание незадолго до смерти в советской больнице в июле. В том же месяце были повешены под присмотром МГБ четыре венгра — Ласло Райк и трое его коллег — как «титоисты». В Болгарии в декабре вздернули Трайчо Костова.

В июне 1950 года Сталин допустил еще одну ошибку, которая могла очень дорого аукнуться его преемникам. Оправившись от неудачи в Берлине и накопив в своем распоряжении атомные бомбы, он выступил против Запада на другом конце своей периферии, подтолкнув Северную Корею на вторжение в Южную Корею. Сначала все пошло гладко, и полное порабощение корейского юга казалось неминуемым. Однако Грузин допустил также две тактические оплошности. Он недооценил решимость Соединенных Штатов помочь Южной Корее и начал это вторжение в то самое время, когда его дипломаты покинули по распоряжению самого Сталина заседание Совета Безопасности, что позволило США получить одобрение ООН и поддержку со стороны некоторых членов этой организации.

Таким образом, корейская авантюра расстроилась сразу же после ее начала, и Грузин возвратился к более легкому занятию — гонениям против непосредственно контролируемых им подручных внутри государства и в странах-сателлитах. Осенью 1951 года он намекнул, что намерен совсем отстранить от дел Берия и, возможно, некоторых других старых подхалимов. Диктатор выгнал Абакумова, который, хотя и не являлся креатурой Берии, относился к числу наиболее долговечных чекистов. Новым руководителем МГБ он назначил Семена Игнатьева, аппаратчика, основное достоинство которого заключались в том, что он не принадлежал к людям Берии. (Однако позиции последнего не очень ослабились, годом позже Сталин назначил главного подкаблучника Берии, Меркулова, руководителем могущественного, опекаемого госбезопасностью Министерства государственного контроля.)

Сразу же после своего назначения Игнатьев по указанию Сталина провел пару мини-чисток, выгнав из МГБ мелких сторонников Берии, и ликвидировал группировку его приверженцев на Кавказе. Но по-настоящему крупный шаг руководителя МГБ последовал в следующем году. В августе 1952 года он устроил погром на юге страны. Там группу евреев из партийного чиновничества и интеллектуалов обвинили в заговоре с целью объявить независимость Крыма и всех их расстреляли. Этот поступок можно было истолковать только как угрозу для Берии. Тот не только отличался давними симпатиями к евреям, но появлялись и неоднократные сообщения о том, что сам он, по крайней мере частично, иудейского происхождения.

Спустя два месяца после казни крымских евреев сети Сталина расширились и теперь предназначались не только для Берии, но также и для других иерархов. Это стало очевидным во время XIX съезда партии в октябре 1952 года и после него. Можно оставить в стороне обычные длинные речи об экономике и иностранных делах и отметить, что основная суть данного собрания заключалась в снижении властных полномочий Политбюро, которое тогда переименовали в Президиум. Сталин решил эту задачу элементарным приемом — увеличил состав переименованного высшего партийного органа с одиннадцати членов до двадцати пяти. Поэтому Президиум стал громоздким и неуклюжим, значительно менее эффективным, нежели секретариат Центрального Комитета из десяти человек, руководимый Маленковым, негласным преемником Сталина. Восемь давних марионеток Грузина — Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов, Каганович, Микоян, Хрущев и Булганин, а также, естественно, сам Сталин — сохранили свои места в новом Президиуме. Но в большинстве туда вошли новички, четырнадцать молодых партийных аппаратчиков. Теперь Сталин в любое время мог действовать без помощи своих старых марионеток. Затем, на сессии Центрального Комитета, которая проходила после съезда, Сталин отхлестал большую часть своих давних приспешников, обвинив их во всех «преступлениях» и «отклонениях», которые могли только прийти ему на ум.

В ноябре 1952 года Сталин принял новые меры против евреев. Внутри страны он приказал расстрелять за экономические «преступления» группу евреев на Украине. А за границей состоялась давно назревшая чистка Коммунистической партии Чехословакии. Но действия против коммунистов в Праге значительно и остро отличались от мер, принятых двумя годами раньше в отношении партийного руководства в других странах-сателлитах. Конечно, «титоизм» присутствовал среди обвинений в адрес Владимира Клементиса, Рудольфа Сланского и девяти других казненных жертв. Но основное обвинение против этих несчастных сводилось к сношениям с международным еврейством. И почти все казненные оказались евреями. Коммунисты должны были сделать очевидный вывод, что «преступления» чехословацкой «клики» не могли совершиться без поддержки или, по крайней мере, ведома Берии и его сторонников.

Однако до расправы с Лаврентием Павловичем дело не дошло.

17 февраля 1953 года Сталин принимал посла Индии. Аудиенция не дала многого с политической точки зрения. Ее значение сводится к тому факту, что она стала последней встречей диктатора с иностранцем.

Вскоре весь мир узнал от советских средств массовой информации потрясающую новость. В коротком сообщении от 4 марта 1953 года говорилось, что Сталин перенес в ночь с 1-го на 2 марта сердечный приступ. Затем 6 марта в другом сообщении объявили, что он умер вечером 5 марта.

Наследники Сталина

Многие люди в России и в странах-сателлитах даже проливали слезы, когда Сталин умер. Но ради перестраховки, чтобы какой-нибудь умный человек не воспользовался возникшей ситуацией, уже ближайшей ночью в Москву ввели войска, и все подходы к Кремлю были взяты под охрану.

На следующий день наследники умершего Хозяина объявили о реорганизации правительства и партийных органов. Состав Президиума сократили с двадцати пяти членов до десяти. В него теперь вошли восемь марионеток-ветеранов — Маленков, Молотов, Берия, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович и Микоян, — а также два новых деятеля, оба второразрядные партийные аппаратчики — Михаил Первухин, считающийся специалистом по промышленному производству, и Максим Сабуров, который занимался неким шаманством, которое в Советском Союзе называли планированием. МВД и МГБ опять слили в единое министерство во главе с Берией. В процессе этой реорганизации Игнатьева сняли, но не ликвидировали, как это делалось при Сталине, а назначили на менее значимый пост. Поскребышев просто исчез из виду после смерти Хозяина. Хотя говорят, что позже его видели то здесь, то там, но эти сведения ненадежны. Что случилось с этим человеком, установить так и не удалось. Во время первой послесталинской реорганизации кровь пустили — сначала только фигурально — Рюмину, заместителю Игнатьева. Его немедленно арестовали. Спустя месяц иерархи объявили о том, что они знали давно, — «заговор врачей» является чистой фабрикацией, и в 1954 году Рюмина казнили за участие в организации этой провокации.

Возможно, в соответствии с последними сталинскими пожеланиями, Маленков вначале получил два поста, которые занимал покойный Грузин, — руководителя партии и председателя Правительства. Такое положение дел могло продолжаться, во всяком случае, до похорон, состоявшихся 9 марта. Маленков, Берия и Молотов произнесли уместные в таких случаях речи перед набальзамированным и подгримированным телом Сталина, которое положили рядом с Лениным в кремлевском Мавзолее. Этот обряд принес один хоть и небольшой, но хороший результат: Клемент Готвальд, главная марионетка в Чехословакии, схватил в те часы воспаление легких и вскоре умер.

Не прошло и двух недель после похорон, как Маленков потерял один — наиболее важный — из своих высоких постов. Партийным лидером стал Хрущев, оставив Маленкову должность председателя правительства. Тем самым было положено начало фикции о «коллективном руководстве». В тот же период Берия укреплял свой контроль над МВД. На юге он снял людей, которые устроили чистку в отношении верных ему соратников, и поставил во главе грузинского МВД своего друга Владимира Деканозова. На Украине и в республиках Прибалтики Берия произвел аналогичные назначения из числа своих подручных.

В течение нескольких месяцев все, казалось, шло гладко с точки зрения «коллективного руководства». Но на самом деле происходила скрытая и отчаянная борьба за верховную власть между Хрущевым и Берией. Трудно понять, почему последний потерпел поражение в этой борьбе, имея в своем распоряжении огромный репрессивный аппарат. Ни один россиянин до него, располагая аналогичными силами, не проигрывал и всегда оказывался наверху. Вполне возможно, что Берии не хватало политической прозорливости. Вероятными факторами, повлиявшими на его провал, стали выступления в Восточной Германии в июне 1953 года и бунты в Воркуте и в других лагерях, которые продолжались с 1952-го по 1954 год, но апогея достигли в 1953-м... Остальной мир Впервые узнал — и то не очень много — об исходе борьбы в Москве 10 июля 1953 года, когда было объявлено, что за две недели до этого Берия снят со всех постов. Хрущев несколько замазал картину такого исхода, когда дал два разных сообщения о гибели конкурента, и оба сообщения не соответствовали действительности. Согласно одной его байке, он и другие наследники Сталина заманили Берия 26 июля в Кремль и застрелили его там. Согласно другой

версии Хрущева, те же достойные Люди удавили Берию. Однако факты говорят о том, что Хрущев не мог разделаться с Берией до декабря 1953 года. Его тайно судили и также тайно казнили сразу же после суда. Берии инкриминировали все, что угодно, исключая те преступления, которые он совершил при Сталине, поскольку в них были замешаны и Хрущев, и другие уцелевшие бонзы. Его обвинили в нарушении такого смутного понятия в условиях СССР, как советская «законность», в буржуазном национализме (под этим разумелась политика предоставления некоторых свобод в Восточной Германии, в других странах-сателлитах и для советских меньшинств), в попытке поставить службу безопасности над партией и государством, в помехах сельскохозяйственному развитию (всегда находилось в жалком состоянии), в том, что он являлся агентом Запада еще со времен Гражданской войны.

Понятно, что падение Берии повлекло за собой ликвидацию его основных приспешников в результате проведения серии других «судебных процессов». Шестеро из близких ему прихлебателей, включая таких мелкотравчатых палачей, как Деканозов и Меркулов, были казнены. А Абакумова расстреляли примерно через год после казни Берии за подтасовку так называемого «ленинградского дела», но «суд» забыл о такой детали, что Хрущев тоже засветился в той истории. Руководителем МВД назначили Круглова. Едва он приступил к своим обязанностям, как затеял чистку среди Людей Берии в службах безопасности.

Но метла Круглова мела недолго.; Хрущев опасался, и не без основания, сосредоточенной в органах безопасности власти. Его поддерживали в этом и другие уцелевшие после Сталина деятели, тоже охваченные таким же чувством боязни. И в марте 1954 года он принял ряд мер по понижению статуса МВД. Хрущев учредил новую организацию — КГБ (Комитет государственной безопасности, который номинально подчинялся Совету Министров) в качестве главной организации по вопросам безопасности. При таком варианте за МВД оставалось немногим больше, чем контроль за тюрьмами, лагерями и городской милицией. Первым начальником КГБ стал не кто иной, как Серов, закадычный друг Хрущева и специалист по геноциду.

Не успели советские службы безопасности «понизить» таким образом, как во всем мире увидели, что КГБ просто новое название для ЧК, ОГПУ и НКВД. В апреле 1954 года агенты КГБ похитили в Берлине — а позже ликвидировали — Александра Трушновича, лидера НТС (Национального трудового союза), эмигрантской организации. И позже было много других примеров, раскрывающих подлинный характер КГБ. Можно привести некоторые из них. Дело капитана КГБ Николая Хохлова, перешедшего на сторону противника в Западной Германии, чтобы не убивать руководителя НТС во Франкфурте Георгия Околовича; позже КГБ пытался ликвидировать и самого капитана. Дело агента КГБ Богдана Сташинского, осужденного в Западной Германии за убийство украинских эмигрантских лидеров Льва Ребета и Степана Бандеры.

Реорганизовав службу безопасности под своим контролем, Хрущев продолжал дальнейшее наращивание собственной власти. К февралю 1955 года он настолько усилился, что смог вытурить Маленкова с поста главы правительства, обвинив его, что тот подстроил «ленинградское дело». На место этого толстяка он посадил человека с обманчивой внешностью добренького папаша, Николая Булганина, который позже открыто признается пораженному Тито, что он убил целый ряд армейских офицеров во время Второй мировой войны. Новая «коллективная» команда, состоявшая из Хрущева, похожего на клоуна, и Булганина, красивого седовласого «государственного деятеля», стала разъезжать по всему свету. Приступив к программе подъема «целинных земель» в Сибири и заключив мир с Австрией и Тито, Хрущев прихватил своего давнишнего приятеля на пустопорожнюю конференцию «большой четверки» в Женеве и привел в восторг многих порядочных людей во всем мире, поверивших его пропаганде «мирного сосуществования». Под эту туфту он насадил советское проникновение на Средний Восток, в Юго-Восточную Азию, на Дальний Восток, в Африку и Латинскую Америку, в то же время не делая никаких уступок в отношении Германии.

В феврале 1956 года на XX съезде партии Хрущев опять привел в восторг некоммунистический мир — и посеял семена будущего раскола в коммунистическом мире, — произнес так называемую закрытую речь с обличениями Сталина. Роль самого Хрущева и его «коллективных» коллег в совершенных при Сталине зверствах была, естественно, обойдена. За этим последовала реабилитация некоторых мелких советских деятелей и некоторых крупных — но уже погибших — руководителей в странах-сателлитах. Но никто из подлинно значимых советских политиков, таких, как Троцкий, реабилитирован не был.

После такой карманной десталинизации Хрущев снова обманул Запад, распустив Коминформ.

Первые признаки беды, проистекавшей от падения авторитета власти в результате нападков на Сталина, появились в июне 1956 года в Польше, когда в Познани вспыхнули бунты. Однако Хрущев смог вывести на политическую сцену жертву сталинских репрессий Владислава Гомулку, который до этого сидел в тюрьме; и положение удалось спасти.

Другим последствием десталинизации — основанной на ошибочном представлении, что решения XX съезда означали либерализацию политики Москвы, — стала героическая, но безуспешная попытка венгров в октябре 1956 года вырваться из-под контроля Кремля. Имидж Хрущева на Западе сильно пострадал, когда он подавил это восстание грубой силой. Но в коммунистической среде эта акция получила одобрение, особенно со стороны Пекина и даже Тито, хотя и с оговорками. В самой Венгрии порядок наводил Юрий Андропов, советский «посол» в Будапеште, партийный аппаратчик, специализировавшийся по иностранным делам, а позднее возглавивший КГБ.

Весной 1957 года МВД еще больше ослабло — а положение хрущевского назначенца Серова тем самым усилилось — в результате передачи пограничных войск под контроль КГБ. Эта мера, а также принятие коммунистическим миром твердой позиции Хрущева в пределах его сферы влияния — Восточная Германия, Венгрия — значительно укрепили положение невысокого круглобокого толстячка. В результате этого, а также ловкого политического маневрирования в июне 1957 года он сумел получить одобрение Центрального Комитета на изгнание своих противников и потенциальных соперников из Президиума. Назвав их «антипартийной группой», он смог спихнуть с Олимпа и предать забвению Молотова, Кагановича., Маленкова, Дмитрия Шепилова, министра иностранных дел, одно время бывшего редактором «Правды», а также Первухина и Сабурова. В октябре 1957 года репутация Хрущева — и СССР — достигла новой высоты с запуском первого в мире сделанного человеком искусственного спутника земли.: Вырвавшись вперед в еще не объявленной космической гонке с США, — Эйзенхауэр сморозил глупость, попытавшись принизить значение спутника, сравнив его с обыкновенным апельсином, — Советский Союз ощутил мощный рост патриотических настроений. И хотя запуск спутника явился заслугой советских ученых — и того, что они могли вывести у немецких военнопленных, — Хрущев сумел покрасоваться в отраженных лучах славы.

Указанные достижения позволили ему в марте 1958 года поднять ставку в игре за власть. Хрущев выкинул из обоймы стареющего Булганина и таким образом достиг вершины, на которой находился до него Сталин, — возглавил и партию, и правительство. Однако в декабре 1958 года он пошел на шаг, который до сих пор не находит объяснения и который, возможно, стоил ему его постов. Хрущев устранил Серова, отправив его руководить ГРУ для контроля за Жуковым и Вооруженными Силами. Правда, показатели Серова на поприще разведки не были высоки, а его деятельность в области геноцида несла в себе определенные издержки. Но также верно и то, что Серов, несмотря на все свои очевидные недостатки, был искренне предан Хрущеву, чего нельзя сказать в отношении Александра Шелепина, молодого и честолюбивого пропагандиста и комсомольского аппаратчика, которого Хрущев назначил руководителем КГБ. Все еще требует ответа вопрос, почему Хрущев нарушил главный завет советских властолюбцев и заменил верного и послушного паладина на такого человека, который может его предать.

Не исключено, что коротышка не был таким уж проницательным, каким его представляли.

Внешне назначение Шелепина выглядело вполне пристойно как внутри страны, так и за рубежом. Он ранее не работал в КГБ и создавал новый — но обманчивый — образ председателя КГБ, давая возможность некоторым мыслителям, принимавшим желаемое за действительное, полагать, что советские службы безопасности становятся более либеральными. И с таким же неправильным пониманием был встречен новый Уголовный кодекс, который ввели и Советском Союзе в 1957–1958 годах. В нем отсутствовало политическое преступление, как таковое. Следовательно, не стало больше и политических заключенных? Но в новом кодексе появились такие правонарушения, как «антисоветская агитация и пропаганда» и «антиобщественный паразитизм» — как вскоре выяснилось, удобные ярлыки для деяний инакомыслящих. Не произошло и смягчения в отношении старого советского «юридического» изобретения — «экономических» преступлений.

Б сентябре 1959 года Хрущев достиг высшей отметки в развитии своей карьеры как в национальном, так и международном плане, совершив государственный визит в Соединенные Штаты. Он провел беседы с президентом Эйзенхауэром, объехал принимающую страну от края и до края. В ходе этой поездки он встречался и беседовал с американцами из всех слоев населения — фермерами, промышленными рабочими, бизнесменами — и довольно успешно добивался своей основной цели: окончания «холодной войны», которую развязал Сталин между двумя державами; Многие американцы практически безоговорочно проглотили его наживку,! Одним из результатов стало увеличение поездок американских туристов всех категорий в Советский Союз. Другой результат заключался в огромной психологической победе над рядовыми американцами, которые стали с большей симпатией относиться к СССР.

Но, возможно, такие успехи были достигнуты слишком большой ценой. Пекин, который давно с подозрением относился к «дружественному» подходу Хрущева к Западу, и особенно к США, Начал открыто противодействовать Москве. Мао Цзэдун учинил инциденты на гималайской границе с Индией, которая в больших количествах получала советскую техническую помощь. Хрущев парировал это прекращением поддержки коммунистическому Китаю. После чего положение между двумя великими государствами стало ухудшаться все больше и больше, приведя к столкновениям войск на границе, к прямым требованиям Пекина вернуть китайскую территорию, захваченную царскими империалистами, и к едва прикрытым российским угрозам нанести массированный ответный удар. Хрущеву так и не удалось как-то высвободиться из этой заварухи с китайцами.

В мае 1960 года над Советским Союзом был сбит американский разведывательный самолет. Хрущев знал, что подобные полеты происходили над СССР во время и задолго до его поездки в США. И ему также должно было быть известно, что такая техника наблюдения почти устарела и что скоро как Соединенные Штаты, так и Советский Союз начнут проводить взаимный мониторинг с помощью околоземных спутников. Казалось бы, американский самолет сбили, и этого достаточно, но Хрущев решил воспользоваться неуклюжей реакцией Эйзенхауэра и превратил данный инцидент в предлог для срыва встречи «большой четверки» в Париже. Такой эмоциональный жест мог принести ему некоторые дивиденды в Пекине, но не дал никаких преференций на Западе. Дальше — больше. Во время поездки на сессию ООН в Нью-Йорк — но подчеркнуто не в США — лысоголовый толстячок поставил в неловкое положение дипломатов, включая своих собственных, когда снял с ноги ботинок и начал стучать им по столу, чтобы показать несогласие с выступавшим.

Возможно стараясь еще сильнее уколоть Запад или в надежде подмаслить Пекин, Хрущев в августе 1961 года закрыл давнюю брешь в «железном занавесе». Заставил своего восточногерманского сателлита возвести примитивное чудище, Берлинскую стену, чтобы разделить советский и западные секторы в великом германском городе. За ее постройкой последовало множество объяснений, извинений со стороны

коммунистов, попыток изменить ситуацию к лучшему. Но Советы оказались не способны до конца понять, какое воздействие оказала та стена на цивилизованный мир. Сам Хрущев позировал перед фотографиями возле этого страшилища.

Возведя Берлинскую стену в качестве своего личного памятника, главный коммунист страны затем привлек внимание к себе на XXII съезде партии. Он опять осудил Сталина, но не дал, по существу, никакой новой информации. Его речь мало чем отличалась от произнесенной пять лет назад. И после нее никто из важных государственных деятелей не был реабилитирован. В результате лишь произошли некоторые изменения в кремлевском Мавзолее — труп Сталина убрали с демонстрационной платформы, где он находился рядом с Лениным.

Далее Хрущев занялся отлаживанием системы безопасности внутри страны, но делал это не слишком умно. В ноябре 1961 года он позволил Шелепину, давно уже ворчавшему по поводу своего политического будущего, которое, дескать, зашло в тупик с назначением его руководителем КГБ, оставить работу в органах безопасности и занять место секретаря Центрального Комитета. Новым шефом КГБ Хрущев назначил Владимира Семичастного, комсомольского аппаратчика, основной рекомендацией которого вроде бы было то обстоятельство, что он дружил с зятем Хрущева, Алексеем Аджубеем. Несмотря на свое неумное честолюбие, Семичастный оказался не очень умным молодым человеком. Этот дефект вроде бы сгладили назначением профессионала Захарова, начальника управления охраны, его заместителем. Но как в конечном счете выяснилось, в результате этих кадровых комбинаций Хрущев лишился надежной личной охраны, которой всегда располагал Сталин и без которой не мог обойтись его преемник во время политического кризиса. Хрущев это осознал, но было уже слишком поздно. Но в то время им двигало стремление еще больше принизить значение МВД. Для этой цели он упразднил МВД (что оказалось, правда, всего лишь временной мерой) и заменил его МООП (Министерством охраны общественного порядка).

В конце 1961 года несдержанность и необдуманность Хрущева в словах привели его к очередной внешнеполитической оплошности. Он назвал албанского руководителя Энвера Ходжу сталинистом. Высказав такое мнение, он пробил первую, после предательства Тито, трещину в советском блоке. Албания перешла из российской сферы влияния в китайскую. Хотя Албания являлась ничтожно маленькой страной по территории и населению, ее отступничество закрепило раскол между Москвой и Пекином.

В результате этого, а также все нараставшей китайской непримиримости к 1962 году Хрущев вполне мог оказаться в отчаянном положении и опасаться, что советская гегемония вот-вот лопнет по всем швам, если он не проведет какую-нибудь эффектную акцию. Какая бы там ни была причина, он пошел на отважную, но проигрышную авантюру. В октябре, используя такой же тип самолета, который Советы сбили в 1960 году, США засекли размещение российских ракет на Кубе, у самого порога Америки, Наступили тревожные часы, когда мир балансировал на самой грани крупного глобального конфликта, пока Хрущев не выполнил требования президента Джона Кеннеди и не согласился вывезти ракеты с Кубы.

Этот кризис практически сразил Хрущева. Но если не считать китайских презрительных ухмылок, он сразу не понес за него наказания. Провал Карибской авантюры настолько потряс партию и страну, что все как бы ошеломенели. Но с тех пор Хрущев перестал совать свой нос в крупные вопросы международной политики. Вместо этого он сосредоточился на Доморощенной культуре. В ноябре 1962 года лидер коммунистов позволил Александру Солженицыну — лучшему советскому писателю послесталинского периода и, возможно, крупнейшему литературному деятелю всех времен — опубликовать «Один день Ивана Денисовича». Публикация этого произведения, повествовавшего об ужасах лагерей, потрясла Советский Союз и многих людей за рубежом. Ранее Хрущев не разрешил другому выдающемуся советскому писателю, Борису Пастернаку, принять Нобелевскую премию. Он, вероятно, рассматривал

литературу как своего рода слабительное, которое можно прописать или запретить, смотря по обстоятельствам. Тем более, что Хрущев располагал целой Конюшней таких прирученных авторов, как, к примеру, поэт Евгений Евтушенко. Но как бы там ни было, разрешив выпустить в свет работу Солженицына, он открыл шлюзы перед давно сдерживавшимся интеллектуальным потоком, который продолжал выплескиваться, хотя уже и «незаконно» с точки зрения советской верхушки, много лет спустя после Хрущева.

Весной 1963 года по режиму был нанесен еще один страшный удар — в связи с арестом и казнью полковника Олега Пеньковского, офицера ГРУ с большим стажем. Тогда выявилось и стало известно в Советском Союзе и в остальном мире, что на Западе знали о многих важнейших секретных решениях Москвы. Хрущева происшедшее, вероятно, чересчур сильно потрясло, поэтому он не отреагировал, как обычно, экспромтом. Коммунистический лидер выжидал почти год, до марта 1964 года, прежде чем снял с работы и предал относительному забвению своего закадычного друга Серова, начальника ГРУ. Но к тому времени маленький и толстенький руководитель партии и правительства занимался лишь тем — если использовать его собственные слова, — что запирает ворота амбара после того, как лошадь давно уже выехала оттуда.

В октябре 1964 года Хрущев отдыхал на Черном море, когда меч судьбы наконец опустился. Воспользовавшись его отсутствием в Москве, Михаил Суслов (как неверный боярин в дни Московского государства) убедил членов Президиума, что Первого секретаря надо снимать. Большинство Центрального Комитета согласилось поддержать это решение. Телефонный звонок из Президиума известил Хрущева, что ему надо срочно возвратиться в Москву. Когда тот прибыл на курортный аэропорт для вылета, то на поле его ждал специальный самолет, укомплектованный персоналом из КГБ, а не его личный лайнер. В столице Хрущева ждал еще один сюрприз. Во время его отсутствия поменяли личные номера телефонов всех партийных иерархов, которым он мог бы позвонить, чтобы заручиться их поддержкой, — как Хрущев это сделал в 1957 году, собрав Центральный Комитет, чтобы лишить властных полномочий «антипартийную» группу. Возможно, тогда Первый секретарь сообразил, что игра практически закончена. Он кротко предстал перед своими «коллегами», которые освободили Никиту Сергеевича от руководства и партией, и правительством по его собственной «просьбе» в связи с «преклонным возрастом и плохим здоровьем». Однако действительными причинами отставки стали приверженность Хрущева к единоличному правлению, его основные провалы — Китай, Куба, сибирские «целинные земли» — и, возможно, также неотесанное публичное поведение, в частности на Западе.

Партийным лидером был выдвинут Леонид Брежнев, который специализировался на сельском хозяйстве и металлургии. А во главе правительства поставили Алексея Косыгина, своего рода технократа. В качестве награды за их роль в предательстве и задержании Хрущева Семичастного сделали членом Центрального Комитета, а Шелепина ввели в Президиум.

Через день после изгнания Хрущева китайские коммунисты успешно взорвали свое первое атомное устройство, что, конечно, является простым совпадением. Но, возможно, в прямой связи с его свержением находится таинственная и фатальная катастрофа несколькими днями позже в Белграде российского самолета, на котором находился начальник штаба советских Вооруженных Сил.

После того как Первого секретаря отправили в отставку, чтобы копаться в огороде и писать воспоминания — но печатать только тщательно препарированные места из них, — некоторые люди на Западе, замороженные его, безусловно, колоритной личностью, были склонны хвалить Хрущева, сравнивать с Петром Великим и Екатериной Великой. В частности, ему отдавали должное за либерализацию и модернизацию сталинской России быстрыми темпами. В этом, конечно, имеется некоторая правда. Но не следует и забывать, что Хрущев разгромил восстание в Восточной Германии, готов

был так же поступить с поляками, пока бразды правления не перешли от него к Гомулке, безжалостно подавил венгерский бунт и построил Берлинскую стену.

До весны 1966 года новый советский режим кое-как функционировал под вывеской еще одного «коллективного руководства». Но потом в марте — апреле на XVIII съезде партии Брежнев выдвинул себя в Генеральные секретари, то есть присвоил титул, которым до этого пользовался только Сталин. На том «коллективное руководство» фактически и закончилось, хотя из политических и психологических соображений от самого термина не отказались.

Медленное и осторожное продвижение Брежнева к вершине власти сопровождалось тоже очень постепенным возвратом к сталинизму. Частично такой процесс можно объяснить желанием добиться уважения со стороны китайских коммунистов, которые не убрали Сталина из своего пантеона. Но, кроме того, Брежнев, видимо, понимал, что некоторые сталинские приемы для удержания верховной власти в условиях советской системы необходимы. В Этом отношении, хотя в личном плане он не отличался интеллектом, Брежнев показал себя более проницательным деятелем, чем его предшественник. И в соответствии с новой модой все делать по-старому, на XXIII съезде название партийного органа Президиум Снова заменили на Политбюро.

Ярким свидетельством такого возврата к жесткой линии стало событие, случившееся еще до съезда. В феврале 1966 года мир, особенно западный, потрясли приговоры в пять и семь лет принудительных работ советским писателям Юлию Даниелю и Андрею Синявскому соответственно просто за то, что они опубликовали свои произведения на Западе. Их приговорили на подстроенном и целиком контролировавшемся КГБ «суде» в Москве. Это была лишь одна из многих акций со стороны режима Брежнева против небольшой, но Смелой группы диссидентов-интеллектуалов. А некоторые из этих несчастных пострадали еще больше. Их без суда направили в психолечебницы.

К маю 1967 года Брежнев достаточно прочно обосновался в кресле и мог принимать кадровые решения без особой оглядки. Он отстранил Семичастного, переведя его на смехотворно низкую должность первого заместителя премьера Украины. Скорее всего, потому, что Семичастный предал Хрущева и с такой же легкостью мог поступить с его преемником. В качестве нового председателя КГБ Брежнев назначил Юрия Андропова, Того самого дипломата, который отличился при подавлении венгерских повстанцев. Раньше, кстати, Андропов не служил в КГБ. Его ввели в качестве кандидата в состав Политбюро. Он стал первым главой службы безопасности после Бериин, который достиг таких вершин. А через месяц Брежнев отделался и от Шелепина, предав его забвению. Тот был назначен председателем Совета «профсоюзов», ВЦСПС.

Специалист службы безопасности Захаров (внешность которого стала знакомой на Западе, когда он в качестве телохранителя сопровождал Хрущева в его поездке в США) продолжал работать при Андропове в качестве заместителя председателя КГБ. Но позже его отправили в Крым, и впоследствии группа татар обвинила его в геноциде.

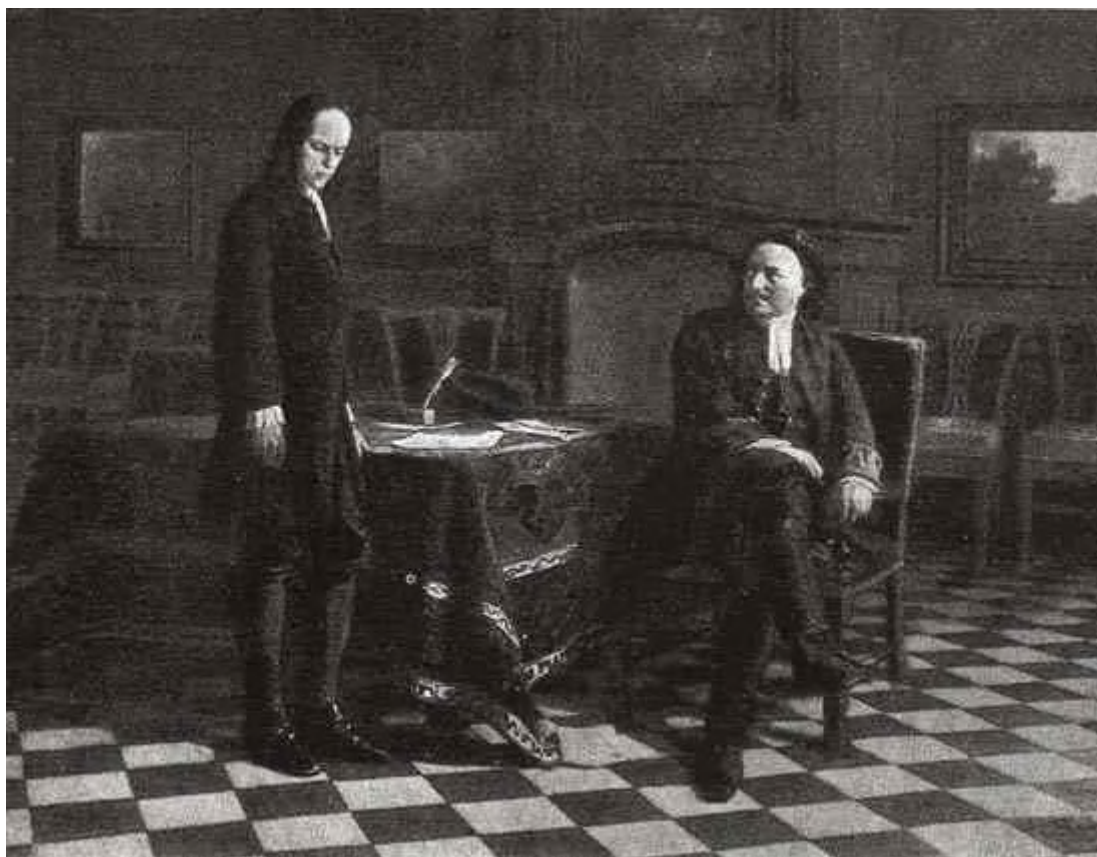
Почти немедленно после такой реорганизации руководства КГБ Брежнев обратил свое внимание на международные дела. В июне 1967 года это направление советской политики потерпело оглушительное поражение, когда их арабские подопечные были начисто разгромлены крошечным Израилем всего за шесть дней боев. И только дипломатическое вмешательство США — акция, для которой будущие историки могут найти лучшее объяснение, а не простое предположение, что тем самым удалось избежать новой мировой войны, — сдержало сильно уступавших по численности, но победоносных израильтян от марша на Каир и другие арабские столицы.

Меньше чем через две недели после этого разгрома Брежнев направил Косыгина в США на randevу с президентом Линдоном Джонсоном. Эта встреча совершенно ничего Не дала ни СССР, ни Соединенным

Штатам. Но видимость ведения переговоров с другой крупной державой все же несколько помогла Советам смягчить неудачу на Ближнем Востоке.

В августе 1968 года Брежнев с помощью своей Советской Армии выиграл такого рода «войну», которую его арабские подопечные не могли выиграть. При поддержке войск Варшавского Договора — только ради создания видимости — его дивизии вторглись в беспомощную Чехословакию, потому что там появились давно назревшие признаки либерализации. Цивилизованные люди надолго запомнят позор этой акции. Но в очень небольшом отношении — поистине ничтожном — то вторжение и жестокая оккупация оказались полезными. Они порвали паутину советской пропаганды, затмевавшую зрение многим западникам. После ввода войск в Чехословакию термин «советский сателлит» опять получил хождение.

В январе 1969 года интеллектуальное диссидентство в связи с брежневской политикой возврата к сталинизму как в национальном, так и в международном плане и, возможно, стыд рядовых советских граждан в связи с событиями в Чехословакии достигли в определенном смысле высшей точки. И это выразилось в первом публично проведенном покушении на советского руководителя с того времени, когда Фаня Каплан стреляла в Ленина. Местом для такой попытки избрали ворота Кремля, практически неприступного при царях и комиссарах. Через ворота проезжала колонна автомашин, в одной из которых, в частности, находился Леонид Брежнев. Неожиданно раздались выстрелы. Водитель, сотрудник КГБ, был убит, а один из сопровождающих ранен. Но нападавший, одетый в милицейскую форму, допустил ошибку. Он выстрелил не в ту машину, в которой находился Брежнев, не догадываясь, что партийный лидер находился в другом автомобиле, ближе к хвосту кортежа. Нападавшего тут же схватили и арестовали. Его объявили «сумасшедшим», что с ним стало, неизвестно.

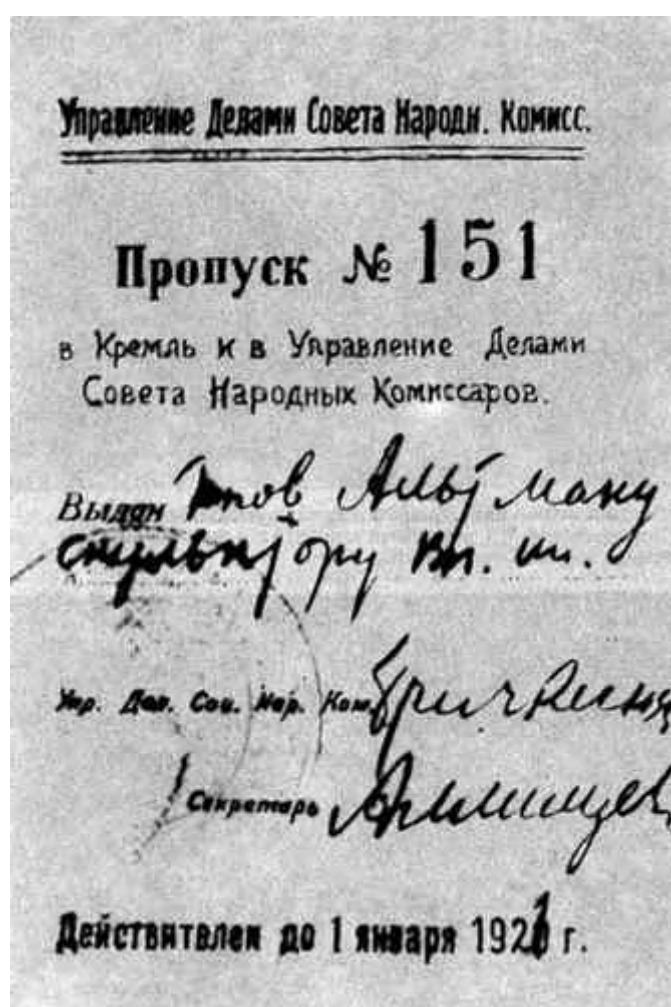

Однако важность этого инцидента состоит в том, что впервые за десятилетия кто-то на деле пытался убить советского лидера (по сравнению с этим все сообщения о «покушениях» на Сталина представляются

выдумкой; в равной степени сомнительными кажутся менее публиковавшиеся сообщения о попытках убийства Хрущева, в Минске, Киеве, во Львове и в Архангельске). Правда, в случае с покушением на Брежнева остается неясным, как нападавший сумел проникнуть туда, где он находился, как достал оружие и боеприпасы. Подходы к Кремлю контролируются чрезвычайно строго, особенно когда поблизости находится партийный иерарх. Да и только прошедший особенно тщательную проверку мог иметь при себе оружие и боевые патроны.

Вполне может быть, что такое покушение на Брежнева представляло собою лишь уловку, чтобы приукрасить его биографию и место, которое он впоследствии займет в истории. Пока что по сравнению с Лениным, Сталиным и даже Хрущевым его достижения выглядят совершенно незначительными. Генсек к тому же растерял огромное превосходство над США, которого добился Хрущев в области космической гонки. Не достиг Брежнев никакого прогресса в тяжелой борьбе с коммунистическим Китаем. Ему оставалось только наблюдать по телевизору за поездкой американского президента Ричарда Никсона в Пекин.

Часть третья

ОХРАНА КОММУНИСТИЧЕСКИХ ВОЖДЕЙ

Охранники Ленина

Когда Ленин захватил власть в ноябре 1917 года, у большевиков было неясное представление о том, что требуется для личной безопасности своих иерархов. Потому что до того времени социал-демократы не нуждались в защите собственного руководства. Царский режим опасался эсеров и активно старался покончить с ними, но социал-демократов всегда рассматривал как безобидных дилетантов или простых болтунов и в какой-то степени спокойно относился к ним как к явно меньшему из двух зол. К тому же большевики не использовали тактику террора в борьбе за власть и сразу не могли примириться с мыслью, что террор обернется против них, когда они достигли своих целей.

Поэтому Ленин, возглавивший новый режим, находился теперь в меньшей безопасности, чем в эмиграции. К тому же сам он становился в позу человека, который в охране не нуждается и не желает ее иметь.

Однако это не значит, что у Ленина не было телохранителей. В действительности у него их было достаточно много. Но практически все они не обладали опытом работы по обеспечению безопасности. Поэтому Ленину просто повезло, что он избежал насильственной смерти.

Все телохранители вождя находились под контролем таких организаций, как ЧК, ГПУ и ОГПУ.

Однако в условиях ленинского режима и особенно в начальном его периоде ЧК концентрировала свои усилия на уничтожении подлинных и предполагаемых врагов большевизма вдоль и поперек всей России. Лучшие умы ЧК работали над этой «программой» и относительно немного внимания уделялось личной безопасности партийных иерархов.

В результате настоящая свора неудачников и лоботрясов смогла пристроиться в качестве охранников Ленина. Отбор и руководство этой жалкой группой брали на себя время от времени тот или другой из наиболее назойливых друзей вождя.

Личная охрана Ленина началась, конечно, задолго до того, как он захватил власть. Сразу же после его приезда в Петроград в начале 1917 года, после того, как немцы отправили главаря большевиков на родину, чтобы тот помог им организовать в России бунт, вокруг него возник замкнутый круг из нескольких десятков стойких приверженцев. После неудачного выступления большевиков в июле 1917 года эти уважаемые люди находили в Петрограде квартиры и дома, чтобы скрывать Ленина от Керенского, снабжали своего лидера липовыми документами, помогали другими способами во время его временного бегства через финскую границу. Позже в исторических книгах коммунисты перечислили этих добровольных охранников. Их фамилии начинаются на все буквы алфавита, от «А» до «Я», включая нескольких женщин. Некоторые из них охраняли Ленина более официально позже в Смольном, после захвата им власти. Небольшая группа из этих людей все еще была в живых и находилась на пенсии, когда писалась данная работа. Другие умерли за минувший период естественной смертью или стали жертвами сталинских чисток. Среди этих охранников-доброхотов имя одного человека, оказавшего вождю неоценимую услугу, следует отметить особо. Это — Сергей Аллилуев, который прятал Ленина от Керенского и который, возможно, благодаря тому факту, что позже стал тестем Сталина, уцелел и мирно умер в 1945 году.

Однако придя к власти, Ленин — хотел он этого или нет — должен был привести в порядок организацию охраны себя самого и своих высокопоставленных соратников. Сразу же после того, как вожди большевиков захватили Смольный институт, превратив его в свой командный пункт, их так называемый военно-революционный комитет, руководимый украинским священником-расстригой, неким Николаем Подвойским, сформировали первую настоящую группу советских охранников. Она в большинстве своем состояла из латышских солдат. (Другие латыши позже участвовали в убийстве Николая II и его семьи: похоже, они подходили на роль бесстрастных палачей на службе у большевиков в такой же степени, в какой некоторые корейцы — японцам в лагерях для военнопленных в годы Второй мировой войны.) Это первоначальное латышское охранное соединение насчитывало в пиковый период около тысячи человек. Оно состояло в основном из пехотинцев и было усилено — если так можно выразиться — отрядом пулеметчиков, разношерстной толпой матросов и рабочих с ружьями и шоферами, которые реквизировали у аристократов и богатых буржуев автомобили, мотоциклы и даже велосипеды. Руководить этим сборищем, а значит, быть комендантом Смольного, Подвойский назначил балтийского моряка, некоего Павла Малькова, который каким-то образом уцелел во всяческих передерягах и во времена Хрущева написал мемуары.

Мягко говоря, это было далеко не элитное соединение.

Частично такая скверная организация охраны Смольного объясняется тем, что слишком много назойливых большевиков, не имевших никакого опыта работы в области обеспечения безопасности, совали в это дело свой нос. Здесь самым большим хлопотуном проявил себя ветеран партии и бесшабашный приятель Ленина, которого звали Владимир Бонч-Бруевич. Необъяснимым образом он тоже выполнял обязанности коменданта Смольного и давал такие указания Малькову, какие только могло взбрести ему в голову. Конечно, Дзержинский тогда тоже был поблизости, даже чересчур близко. Он тоже изредка мог что-то приказывать Малькову, но главное внимание уделял все же ЧК, которая вскоре и была сформирована. Помимо этого поляка имелся еще один вышестоящий русский у этого явно несчастного Малькова, некий Федор Быков, который, впрочем, никак не проявил себя за короткое время службы в качестве комиссара Смольного. А вот Свердлов, первый советский президент, с удовольствием отдавал охранникам указания по любым вопросам и во всех случаях.

Армянин Варлаам Аванесов (его также называли Мартиросов, в смысле приобретения революционного псевдонима он не отставал от Ленина и Сталина) использовал организацию для охраны Смольного в качестве платформы для проникновения в высокие сферы ЧК, а позже в окружение Сталина. Но Аванесов действовал в одиночку, а латыши квартетом пробивались вперед, используя прямые и косвенные связи в деле охраны Ленина. Один из них, Эдуард Берзин, присоединился к Аванесову под крыло Дзержинского. Другим был Мартын Лацис, также известный под именем Ян Судрабс, который позже проводил террористическую кампанию ЧК на Украине. Еще один — Яков Петерс, заместитель начальника ЧК, который проводил расследование дела Локкарта и Фани Каплан. И был также Карл Петерсон, комиссар латышского полка и в течение короткого времени военный комиссар непродолжительного первого советского правительства Латвии. Только последний из них, Петерсон, умер естественной смертью в середине двадцатых от туберкулеза. Трое остальных погибли во время сталинских чисток.

В общем, при такой мешанине персонала и «командиров» ранняя охрана Ленина явно страдала от известной беды, когда налицо слишком много генералов и не хватает солдат, или, как Говорят в Северной Америке, слишком много вождей и недостаточно индейцев.

Толком не зная, что предпринять при таких обстоятельствах, да и не имея реальных полномочий, Мальков меньше всего беспокоился об охране руководства. Он заботился о питании, отоплении и удобствах в помещениях Смольного. В свободное от этих забот время Мальков присоединялся к своим

коллегам по службе безопасности в вылавливании эсеров, преследовании анархистов или в облавах в подозрительных местах, где могли найти прибежище «буржуи» или «контрреволюционеры».

Такие карательные набеги, в которых принимал участие комендант Смольного, были организованы ничуть не лучше детских игр в казаки-разбойники. Но они все равно проводились с убийственной серьезностью, поскольку жертвы либо погибали, либо оказывались за решеткой. Мальков отправлялся на такие операции с тремя подразделениями, перед которыми также ставились в неопределенной форме задачи охраны руководства: латышским полком, сформированного несколько позднее ЧОН (части особого назначения) и вооруженных добровольцев, из которых позже сформировали то, что сейчас называется Первая дивизия имени Дзержинского. Латышская организация прекратила свое существование раньше всех. Ее расформировали как политически неблагонадежную в конце 1920 года после того, как Латвия вырвалась из-под советского контроля и стала независимой. ЧОН, согласно большевистской пропаганде, состоял исключительно из коммунистов и коммунистических молодежных групп, но на самом деле набирался из отсидевших или бежавших из тюрем обычных уголовников, просуществовал всего на несколько лет дольше, до 1925 года. Однако Первая дивизия имени Дзержинского стала постоянной и превратилась в более или менее ударное соединение, которое служило подкреплением для охраны Кремля на случай массированного нападения на советское руководство. Она была особо отмечена в 1968 году в связи с пятидесятилетием захвата большевиками власти. Несмотря на такую Честь, Эту организацию никогда не вызывали для выполнения обязанностей, ради которых ее сформировали.

У этих первых охранных структур практически не было никакой униформы. Они одевались в разношерстный набор гражданских фуражек и пальто. Некоторые носили одежду, которую унаследовали или получили от Вооруженных Сил, к ней они прикрепляли матерчатые боковые полосы по примеру гусарских мундиров, а на голову надевали буденовки, появившиеся на ранней стадии возникновения Красной Армии. Понятно, что эполеты и другие знаки отличия царского времени отменили. Вместо наплечных погон ввели систему воротничков с ромбами. И эта система просуществовала до Второй мировой войны, когда советские Вооруженные Силы и милиция вернулись к ношению погон и Другим распознаваемым в международном сообществе знакам различия. Некоторые навешивали на себя целый набор ружей с длинными штыками, с пистолетами и кинжалами, и выглядели очень кровожадно. Другие надевали сабли, которые, если не считать кавалерию Буденного, в боевых действиях не использовались и годились лишь для того, чтобы рубить головы беззащитным жертвам.

Охранники Смольного при Малькове поддерживали безопасность вверенного им объекта, используя классовый принцип. Если человек был одет в грязную до невозможности одежду и выглядел как рабочий или крестьянин, то его пропускали. Если же он выглядел аккуратно и походил на буржуа, то его останавливали. Только позже была введена система пропусков, но документы оформлялись так неумело, что любой мог их легко подделать, если бы пожелал того. А когда посетитель оказывался в Смольном, с пропуском или без пропуска, он мог идти, куда хотел, никто ему не задавал никаких вопросов. Правда, стража с обнаженными штыками на ружьях стояла у дверей помещений, занимавшихся Лениным или другими вождями, но большинство этих здоровяков были настолько тщеславными и взволнованными оказанной честью охранять советского иерарха, что они больше внимания уделяли самим себе, нежели посетителям.

Если учесть все изложенное, то совершенно неудивительно, что в Ленина могли стрелять, когда он проезжал по улицам Петрограда в январе 1918 года без каких-либо телохранителей, не считая шофера. Абсолютно никакого наблюдения за маршрутом Ленина не велось и никаких военизированных соединений поблизости не имелось, чтобы прийти на помощь советскому вождю. Если это действительно была попытка убить его, а не шальная пуля в столице, где совершенно отсутствовала законность, то вероятные убийцы оказались такими же беспомощными, как и телохранители Ленина.

Не успели в некоторой степени наладить службу безопасности в Смольном, как Ленин все нарушил неожиданным переездом в Московский Кремль в марте 1918 года. Охранники Малькова, явно действовавшие экспромтом, «обеспечивали безопасность» на железнодорожных станциях и в пути. Опять же — на этот раз из-за того, что решение о переезде приняли впопыхах, перед лицом возможного наступления немцев на Петроград, — наружное наблюдение за поездом обеспечено не было. Отсутствовал также и авангардный поезд, необходимый для того, чтобы не только очистить путь в случае нужды, но и просто выяснить, можно ли по нему проехать. Вместо этого все охранники и комиссары набились в один состав, будто школьники на прогулке. Как и следовало ожидать, на пути в Москву советские путешественники повстречались с другими пассажирами на другом поезде. Опять же коммунистические мифологи ухватились за эту поездку, чтобы сфабриковать вокруг случайной встречи целую эпопею о спасении Ленина его отважными стражами от «контрреволюционеров». Однако, поскольку окружение вождя прибыло в Москву без единой царапины, представляется, что на самом деле перепуганная охрана избила случайных пассажиров на обычном встречном поезде.

Мальков, первый комендант Кремля при Советах, по прибытии в Москву получил от Свердлова очередные указания. Ему велели увеличить число латышей до размеров полка, если в этом будет необходимость. И приказали также заняться обслуживанием иерархов — заботиться об их питании, размещении и о других потребностях. С той поры те же обязанности исполняли все поколения советских охранников, являясь прислугой от «люльки до гроба» для вереницы партийных лидеров. Свердлов также проинструктировал Малькова прислушиваться к советам Аванесова и Дзержинского. Бонч-Бруевич тоже был волен давать свои рекомендации и опять способствовал разладу командной цепочки советских охранников. Но, возможно, став комендантом Кремля, Мальков несколько укрепил свое положение и мог не считаться с некоторыми указаниями. Когда Бонч-Бруевич предложил ему прекратить обыскивать монахов и монашек, которых выставили из жилых помещений Кремля, то Мальков не послушался. Он объяснил, что приказы получает только от Ленина и Свердлова, и попросил Бонч-Бруевича не вмешиваться в его дела.

Помимо изгнания священнослужителей и других незаконно поселившихся в подведомственных ему помещениях, Мальков занялся освобождением Кремля от всяких следов царского правления. Это он снял двуглавые гербы Романовых, кресты и другие религиозные символы — позже замененные коммунистической символикой — со многих башен. И именно Мальков собственными руками помогал Ленину, Свердлову, Аванесову и другим иерархам сбросить памятник, воздвигнутый на месте, где был убит в 1905 году великий князь Сергей. После такого физического упражнения Ленин приказал убрать все остальные реликвии царского периода. Но в этом деле он уже личного участия не принимал. Поручил Малькову. Большинство царских монументов, которые убрали из Кремля и других мест, позже заменили статуями видных коммунистов. В ходе этой расчистки Ленин приказал также Малькову наладить часы на Спасской башне и изменить музыкальный перезвон курантов — теперь часы должны были вызывать «Интернационал», гимн социалистического рабочего люда.

В свободное время от таких явно неохранных обязанностей Мальков и его латыши большую часть времени проводили в набегах вместе с ЧК и другими военизированными соединениями — так же, как они поступали, находясь в Петрограде. Им часто поручали совершать рейды на общественные рынки для выявления «спекулянтов». Во время одной из таких вылазок их обстреляли охотие до схваток милиционеры, которые охраняли жилые помещения иерархов, думая, что латыши нападают на них. И конечно, кремлевская охрана приняла участие в общегородской перестрелке после убийства немецкого посла, графа Мирбаха, а также в подавлении выступления эсеров в июле 1918 года.

Поскольку Мальков и его люди так часто были заняты отдельными поручениями, совершенно не имевшими отношения к их основным обязанностям охранников, то совершенно неудивительно, что

полуслепая эсерка, задумавшая убийство, Фаня Каплан смогла серьезно ранить Ленина, когда он посетил один из московских заводов в августе 1918 года. В этом эпизоде шофер Ленина оказался единственным человеком, которого с большой натяжкой можно назвать телохранителем. Во всяком случае, ему удалось схватить и задержать Каплан после покушения, хотя не следует забывать, что эта женщина, возможно, недостаточно хорошо видела, чтобы убежать. Но в том, что касается Малькова — по его словам, — то он смог только подложить подушки под раненого Ленина да в отчаянии ломать себе руки.

Тому же Малькову через несколько дней поручили разделаться с Каплан, которую, конечно, и не думали судить. Все приказы относительно террористки — от перевода с Лубянки в кремлевский застенок до казни — отдавал Аванесов. А поскольку Аванесов был под каблуком Сталина, то вполне можно допустить, что быстрая казнь Каплан стала первым «законным» убийством важного человека по указанию Грузина. Ходила версия, что Каплан не была убита, а спокойно дожила до старости. Однако, похоже, вполне можно верить мемуарам Малькова, которые были опубликованы в расцвет хрущевской эры. Этот первый комендант Кремля написал, что он лично застрелил Каплан из своего табельного револьвера. Единственное», что Мальков пропустил: он выстрелил жертве в затылок, когда ее держали два латышских «телохранителя».

В результате такого почти успешного покушения на Ленина Дзержинский решил, что охрану лидера требуется усилить. Этот вывод следует опять-таки из мемуаров Малькова. Он пишет: «Дзержинский отобрал десять чекистов для охраны поместья Горки (где поправлял здоровье Ленин. — П.Д.), а я должен был осуществлять надзор за ними». Упоминание о надзоре является скорее проявлением тщеславия Малькова. По всей вероятности, те десять чекистов находились все-таки под прямым контролем Дзержинского, а Мальков лишь снабжал эту улучшенную группу личной охраны питанием и удовлетворял другие их потребности.

В типичной для тех дней манере, спустя всего несколько часов после покушения на Ленина, Малькову дали совершенно не относящееся к делу задание. Петерс, заместитель начальника ЧК, вызвал его на Лубянку и приказал произвести ночной арест Брюса Локкарта. Почему выбрали именно Малькова для проведения этой операции, а не сотрудника ЧК, не совсем ясно. Возможно, потому, что у него был титул коменданта Кремля, вследствие чего арест мог выглядеть более «официальным».

Покушение Каплан на жизнь Ленина положило также конец латышской синекуре в Кремле. Несомненно, причиной устранения латышей стала их эффективность в качестве охраны, хотя все это было окутано обычным коммунистическим лицемерием и скрытием правды. Мальков приводит слова Свердлова о том, что латышские товарищи получают возможность ударить по белогвардейской «нечисти», и сначала ходили слухи, что 9-й латышский полк может быть заменен 2-м латышским полком. Но в сентябре 1918 года латышей полностью отстранили от охраны Кремля.

Вместо них Малькову прислали группу коммунистов и рабочих, которых называли курсантами первого пулеметного училища. Видимо, практические занятия по стрельбе в стенах Кремля этого подразделения вскоре стали действовать на нервы партийных иерархов. Через несколько месяцев курсантов пулеметного дела заменили слушателями военной академии Вооруженных Сил. Эти слушатели оставались в Кремле в качестве охранников, пока Сталин в тридцатые годы не отправил их в другое место под Москвой.

Десять чекистов, которые охраняли Ленина в Горках, стали выполнять такие же обязанности в Кремле после завершения первого периода выздоровления вождя за городом. Но хотя эти десять человек в профессиональном отношении значительно превосходили сборище, которым командовал Мальков, дни были все же недостаточно эффективны. Главная причина такого положения дел заключалась в следующем: Ленин, несмотря на покушение Каплан, настолько втянулся в привычку скрываться от своих охранников,

что им приходилось в основном сосредоточиваться на том, чтобы не потерять его из виду, а не ограждать вождя от людей, способных причинить ему вред. А если Ленина сопровождал телохранитель во время поездок за пределы Кремля, вождь никогда не разрешал ехать за ним другой машине с дополнительной охраной.

В результате такого упрямства со стороны Ленина советский лидер, его охранник и сестра попали в засаду к обычным бандитам во время поездки в район Сокольников, чтобы провести в лечебнице заболевшую Крупскую. Ленин думал преподнести жене сюрприз в виде банки молока, которую он где-то раздобыл. У банки оказалась неплотная крышка. Охранник, выполнявший скорее обязанности прислуги, должен был придерживать крышку на банке, чтобы молоко не расплескалось. Поэтому, когда налетчики остановили автомобиль на заснеженной дороге в январе 1919 года, несчастный телохранитель не смог даже выхватить свой револьвер. Ленин попытался вмешаться и предъявил свои документы правителя всея Руси, но бандиты не потрудились даже заглянуть в них. Под дулом пистолета они заставили Ленина и сопровождавших его людей выйти из автомобиля, а сами сели в него и укатили. Вождю пришлось пройти пешком остаток пути до лечебницы, где его потом и обнаружили обеспокоенный Мальков и встревоженные сотрудники ЧК. Машину Ленина нашли брошенной, а бандитов — то ли тех, то ли нет — позже поймали.

После несчастного случая в Сокольниках Мальков отошел в тень и большую часть времени стал посвящать заботам административного и хозяйственного характера. На деле охранными операциями тогда ведал Аванесов до тех пор, пока в Кремль не переехал сам Дзержинский и не превратил охрану в составную часть ЧК под своим непосредственным руководством.

Не очень яркая карьера Малькова в качестве первого коменданта Кремля при коммунистах закончилась после IX съезда партии в апреле 1920 года. Его предали забвению на административном посту, который не имел никакого отношения к охране лидеров, но благодаря этой тихой должности он сумел уцелеть и прожил еще долго после смерти Сталина. На его место в качестве коменданта Кремля Дзержинский назначил вездесущего латыша Рудольфа Петерсона, который оставался на этом посту до тех пор, пока Сталин не уволил его вскоре после убийства Кирова в декабре 1934 года.

Назначение Петерсона на практике стало означать снижение статуса коменданта Кремля.

Теперь надзор за телохранителями Ленина возложили на помощника Дзержинского Абрама Беленького, который прослужил в этом качестве до смерти своего шефа в 1926 году. Позже он стал начальником московского управления ОГПУ, пока не исчез во время сталинских чисток в тридцатых годах. А для набора охранников в Кремль Беленький использовал ОСНАЗ (отряд специального назначения), так называемое бронированное соединение ЧК, появившееся в 1918 году и предназначенное для охраны советского руководства и учреждений. Всякая всячина прихвостней, латышей, курсантов пулеметного училища, слушателей военной академии, которые служили при Малькове, более не считалась адекватной и была заменена в какой-то степени профессионалами. В июне 1924 года из отрядов ЧОНа и ОСНАЗа была организована дивизия особого назначения. После смерти Дзержинского в 1926 году это соединение переименовали в Отдельную мотострелковую дивизию особого назначения имени Дзержинского, или ОМСДОН (имени Дзержинского).

Беленький, Петерсон и их персонал из ОСНАЗа, хотя и лучше организованный, чем группа Малькова, так и не получили возможность проявить свою ретивость при Ленине. После этой реорганизации вождь постоянно болел и практически никуда не выезжал или выезжал очень редко. Не могли и телохранители ОСНАЗа с полицейскими собаками и другими усовершенствованиями службы безопасности спасти его от смерти, последовавшей от естественных причин в январе 1924 года.

Система личной охраны эпохи раннего сталинизма

После победы большевиков у Сталина так же, как и у Ленина, имелся круг прихлебателей, главной заботой которых являлась его безопасность. Конечно, группа Сталина, как и у остальных лидеров более низкого уровня, была в то время относительно небольшой, оставаясь такой вплоть до смерти Ленина.

Первым личным охранником Сталина стал Николай Власик, продержавшийся на этом посту дольше всех. Этот тип представлял из себя рабски преданного, невежественного крестьянина, не имевшего даже смутного понятия об организации безопасности или хотя бы практического опыта, почти неграмотного и тем не менее дослужившегося до ранга генерал-лейтенанта органов госбезопасности.

Власик начал свое служение Сталину никому не известным солдатом Красной Армии, который в послереволюционный петроградский и московский периоды преданным псом спал у дверей Хозяина. Он представлял из себя невысокого, тщедушного мужичка — коротышка Сталин не выносил в своем окружении никого, кто был выше его.

Пока у власти находился Ленин, Сталин вынужден был довольствоваться Власиком и случайными бойцами ОСНАЗа, предоставленными ему в качестве личной охраны. В этот период будущий диктатор действовал крайне осторожно, но весьма целенаправленно, организуя группу приспешников, которая, оказавшись он у власти, обеспечила бы ему безопасность. С этой целью Сталин привлекал на свою сторону всяческие мелкие сошки в тех организациях, которыми ему было поручено управлять Лениным. Этими организациями являлись Комиссариат по делам национальностей — показная организация, в обязанности которой вменялось помогать (а на самом деле она лишь подавляла) национальным Меньшинствам, — и рабоче-крестьянская инспекция, позволившая Сталину проникнуть в партийную организацию гораздо глубже, чем это мог предполагать Ленин. Одновременно он налаживал и укреплял тесные связи с ЧК (ГПУ). Его старания с легкостью увенчались успехом, когда Сталин завоевал дружбу холодного и невероятно преданного делу революции Дзержинского, хотя сближение таких конфликтных личностей труднообъяснимо. И тем не менее остается фактом, что незадолго до смерти Ленина, Сталин сумел добиться влияния на этого фанатичного, но честного поляка.

Одним из первых сталинских сотрудников службы безопасности был армянин Аванесов. Бывший участник революции, он, после сыгранной им лидирующей роли в организации ЧК и личной охраны Ленина, сблизился со Свердловым. Но когда в 1919 году тот неожиданно умер (естественной смертью), Аванесов оказался не у дел и примкнул к Сталину. Поначалу Грузин нашел ему пост в Комиссариате по делам национальностей, однако позже сделал своим заместителем в другой купели кадров для будущей службы безопасности — рабоче-крестьянской инспекции, а также членом коллегии ВЧК. Несомненно, этот армянин добрался бы до самых вершин в системе безопасности, если бы в 1930 году не умер от туберкулеза.

Другим значительным шагом Сталина, предпринятым им после смерти Свердлова, было привлечение на свою сторону земляка Енукидзе, заменившего Аванесова на посту секретаря ВЦИК (Всероссийского Центрального исполнительного комитета). Как преемник Аванесова, Енукидзе также взял на себя негласное управление системой безопасности Кремля. Приблизительно в это же время Сталин заручился поддержкой старейшего члена ЧК Ивана Ксенофонтова. Будучи уже Генеральным секретарем партии, Грузин смог провести Ксенофонтова во ВЦИК. Ксенофонтов, о котором известно очень немного, занимал также пост управляющего делами партии, однако в действительности он выполнял функции офицера связи между Сталиным и секретной службой. Этот в определенном смысле загадочный соратник Хозяина также мог пойти далеко в системе, личной охраны диктатора, если бы и он не умер естественной смертью в 1926

году.

Механизмом, с помощью которого Сталин добивался и удерживал верховную власть, был партийный секретариат, который он возглавлял. Функции его секретариата очень сильно отличались от обычных. Конечно же там занимались и административными делами, но самая главная задача этого органа в сталинский период заключалась в приобретении власти, для чего необходимо было собирать политическую информацию и находить способы влияния на нужных людей, а также формировать кадры для будущей службы безопасности. После смерти Ленина главной обязанностью секретариата стало удержание власти в руках Сталина. В результате чего ЧК и ее преемники уже с 1924 года стали утрачивать свое влияние. Сталинский секретариат и его столь же неправильно именуемые подразделения приняли на себя обязанности по уничтожению всех действующих и потенциальных оппонентов Сталина — вплоть до партийных иерархов и начальников службы безопасности. В итоге, несмотря на свое — безобидное с виду — название, секретариат превратился в помесь опричнины, Преображенских гвардейцев, Третьего отделения и «охранки». Кое-кто называл его тайным кабинетом Сталина, но он представлял из себя нечто значительно большее.

С уходом в другие структуры Аванесова и Ксенофонтова для курирования всех связей Сталин нуждался в преданных лакеях, способных возглавить секретариат. С этой целью он снова пересортировал свой Комиссариат по национальным делам, позаимствовав его секретаря Ивана Товстуху, ветерана революции и закаленного коммуниста. Официальные советские источники сообщают, что Товстуха работал в партийном аппарате с 1921 года; в 1926–1930 годах он был помощником директора Института Ленина, а после 1930 года — заместителем директора Института Маркса-Энгельса — Ленина. В Действительности же на протяжении почти всего периода 1921–1930 годов он ведал организацией и управлением сталинского секретариата, а после 1924 года стал начальником секретного отдела секретариата — еще одного названия верхушки сталинской «охранки». Работа Товстухи в институтах являлась лишь прикрытием, не слишком отвлекавшим от основных обязанностей. Единственной помехой в его работе стал туберкулез, и в 1930 году Товстуху отправили в отставку. Но когда в 1935 году этот партийный функционер умер, важность его персоны и проделанной им работы были подчеркнуты тем фактом, что он был погребен у Кремлевской стены, а на похоронах присутствовало впечатляющее количество высших чинов секретариата, личной охраны Сталина и секретной службы.

В годы своего формирования секретариат всегда действовал очень осторожно и скрытно, зачастую конспиративно, что скорее отражало восточный характер Грузина, чем было вызвано необходимостью. Даже несмотря на то, что Сталин имел большое влияние на Дзержинского, он дождался его смерти в 1926 году и только после этого принялся укреплять систему личной охраны. А когда бывший помощник и земляк Дзержинского Менжинский, все еще причинявший Сталину некоторое беспокойство, по должностной линии принял на себя руководство ОГПУ, секретариат усовершенствовал систему личной охраны и преобразовал ее в специальный оперативный отдел, получивший название ОПЕРОД.

В функции ОПЕРОДа, номинально являвшегося ответвлением ОГПУ, входила охрана партийных и государственных лидеров. На самом же деле им управлял секретариат, и основная обязанность ОПЕРОДа заключалась в обеспечении личной безопасности Сталина, а также слежке за другими партийными иерархами.

Смерть Дзержинского не только позволила Сталину организовать эффективную систему личной охраны, но и предоставила ему полный контроль над органами — с того самого момента и вплоть до смерти Грузина в 1953 году. Однако еще при жизни Дзержинского Сталин с помощью Ягоды, который полностью повиновался ему, держал в своих руках бразды управления секретной службой.

Одним словом, реорганизация охраны и формирование ОПЕРОДа не вызвали почти никаких

трудностей. Беленький был освобожден от должности начальника охраны, и вскоре в московском ОГПУ о таком забыли. Вместо него Сталин назначил начальником ОПЕРОДа венгра Карла Паукера. Надо сказать, что Паукер оказался одним из самых удивительных проходимцев революционной эпохи. На закате Австро-венгерской империи он работал в Будапештском оперном театре парикмахером, а во время Первой мировой войны был призван в армию Франца-Иосифа и послан на восточный фронт, откуда и дезертировал к русским (скорее всего воспользовавшись первым удобным случаем). Никому не известно, каким образом этот прощелыга попал в сталинское окружение, хотя, по некоторым сведениям, ему покровительствовал Власик. Как бы там ни было, Паукер был настоящим чудовищем, отдаленно напоминавшим опричников из свиты Ивана Грозного, а также ярким примером дегенерации бюрократической системы Сталина. Законченный лизоблюд, этот цирюльник из Будапешта однажды своими кривляньями до слез насмешил Грузина, изображая перед ним умолявшего о пощаде Зиновьева. Но Паукер не только умел развеселить Сталина; вождь настолько доверял ему, что даже позволял брить себя.

Со становлением ОПЕРОДа сталинская система личной охраны приобрела законченные черты. Несмотря на расширения, изменения в названиях и смену некоторых персон, сущность этой системы сохранялась до самой смерти диктатора. Верхушка личной охраны подчинялась только Сталину. Опираясь на нее, Грузин мог полностью управлять партией и правительством, включая конечно же и службу органов безопасности. С помощью своей элитной гвардии он мог свергать с должности, сажать в тюрьму, высылать или казнить любого советского гражданина, невзирая на его ранг и положение.

Несмотря на чрезвычайные полномочия ОПЕРОДа, комендантом Кремля по-прежнему оставался Петерсон. Однако авторитет этого латыша к 1926 году практически свелся к нулю. С этого момента, на протяжении всей эпохи правления Сталина, Петерсон и последующие кремлевские коменданты играли лишь роль обыкновенных администраторов охраны и исполнителей чужих приказаний. Все главные функции комендатуры Кремля принял на себя начальник ОПЕРОДа и его преемники.

Одновременно с формированием ОПЕРОДа были произведены важнейшие преобразования в организации управления системой личной безопасности, то есть секретариата. Прогрессирующая болезнь Товстухи ограничивала его активность на посту главы секретариата. Этот недостаток был восполнен Поскребышевым, который к 1927 году стал все чаще исполнять обязанности Товстухи, а после 1930 года полностью взял их на себя. Почти не сохранилось сведений о прошлом Поскребышева. Известно лишь то, что он прибыл из Средней Азии и стал (возможно, по протекции Товстухи) членом секретариата Сталина где-то в середине двадцатых годов. Самой примечательной чертой его характера являлась осторожность. И, как следствие этого, он был чрезвычайно немногословен. За длительный период пребывания Поскребышева в роли «Пятницы» вождя и его «второго я» он сопровождал многочисленные иностранные делегации, наносившие визиты Сталину, но никто из посетителей впоследствии не смог припомнить, чтобы Поскребышев произвел на них большее впечатление, чем обыкновенный охранник у дверей. Он, кстати, никогда не позволял себе сниматься рядом с диктатором, хотя Власик был неплохим фотографом-любителем.

В состав ОПЕРОДа входили еще два человека, игравшие немаловажную роль в его структуре и функциях. Одним из них был заместитель Паукера Волович, а вторым — Власик. Какое-то время Волович специализировался на улаживании сталинских проблем с его оппонентами за границей — он играл важную роль в похищении белогвардейского генерала Кутепова в Париже в 1930 году. Но после успеха этой операции был возвращен в Москву, где служил личным шофером Сталина — до того времени, пока вместе со своим боссом Паукером не был ликвидирован во время чисток 1937 года. Однако Власик, несмотря на свои временные размолвки с Хозяином, по-прежнему оставался на хорошем счету и играл весьма важную роль. Он возглавлял специальное подразделение ОПЕРОДа и его преемников — элитную группу,

именовавшуюся личной охраной Сталина, а на самом деле выполнявшую обязанности диктаторских палачей и ликвидаторов.

Как только Поскребышев оказался в седле, всемогущество сталинской системы личной охраны закрепилось окончательно. С этого момента полностью контролируемое Сталиным ОГПУ использовалось им для того, чтобы держать массы простых советских людей под своим недремлющим оком. А для более важных персон, в особенности других партийных иерархов, у него наготове всегда имелась специальная команда. Приказы Сталина исполнялись по цепочке Поскребышев — Паукер — Власик. Однако во многих случаях в прямых распоряжениях Грузина не возникало необходимости. Догадливость Поскребышева — отчасти интуитивная, а отчасти приобретенная за время работы в заправляемом им секретариате — была столь велика, что он обычно знал наперед все желания и намерения вождя и спешил исполнить их без какого-либо специального указания. В таких случаях Поскребышев мог информировать Паукера о необходимой акции, но чаще всего он информировал «парикмахера» и отдавал распоряжение о ликвидации или аресте непосредственно Власику, после чего тот созывал своих головорезов и приводил приказ в исполнение. Именно таким способом (или даже просто его угрозой) Сталин сумел расправиться с, казалось бы, всемогущими начальниками секретной службы во время чисток тридцатых годов, а позже держать на коротком поводке Берия и его подчиненных.

Однако грозная команда Поскребышев — Власик в первые годы своего формирования оказалась как бы не у дел, поскольку в этот период настоящей потребности в подобной элитной группе безопасности не возникало. В своих политических маневрах Сталин действовал очень хитро, натравливая преемников Ленина друг против друга. Эти исполненные самых благих намерений, но невероятно недалековидные и наивные ленинцы уничтожили самих себя как политическую силу, после того как позволили Сталину поделить себя на так называемых левых и правых.

Весной 1934 года умирает Менжинский, официальный глава ОГПУ, который, хоть и безуспешно, все же пытался противостоять силовым методам твердой руки Сталина. В течение месяца Ягода, самый преданный из приспешников Сталина, заместитель и преемник Менжинского, вступает в должность начальника ОГПУ, преобразованного в НКВД. ОПЕРОД был сразу же преобразован в Первый отдел НКВД. Это лишь подчеркнуло тот факт, что Сталин придавал этому дивизиону секретной службы первостепенную важность. Первый отдел по-прежнему возглавлял Паукер, имея своими заместителями Воловича и Власика, комендантом Кремля оставался все тот же Петерсон. Над этим квартетом продолжал главенствовать Поскребышев, официально числившийся главой сталинского секретариата, хотя он давно уже дослужился до звания генерал-лейтенанта сил безопасности.

После ликвидации Кирова Сталин заново реорганизовал свою личную охрану, готовя ее к грандиозной чистке, которую он задумал для своего ничего не подозревавшего народа. Первым шагом на этом пути явилось расширение Первого отдела Паукера путем его объединения с вездесущим ГУГБ (Главным управлением государственной безопасности) НКВД, предусмотрительно учрежденного Сталиным в июле 1934 года. Кроме того, в конце декабря 1934 года Грузин предпринял еще два важных шага в деле укрепления мощи и эффективности своей гвардии. Внутри ГУГБ НКВД он сформировал СПУ (Секретно-политическое управление), официально оформив существование следственной команды Поскребышева и придав некоторую «законность» арестам и убийствам, производимым его подчиненным Власиком, а также отделался от последнего упрямого латыша, коменданта Кремля Петерсона. Прослужив несколько лет в киевском НКВД, тот был арестован и расстрелян в 1938 году. Не надолго пережил своего предшественника и его преемник на посту коменданта Кремля Ткалун. Будучи также арестованным в 1938 году, он бесследно исчез — несомненно навсегда и не по своей воле. И это несмотря на тот факт, что Ткалун, служивший до назначения в Кремль военным комендантом Москвы, был протеже самого: Ворошилова.

Несмотря на преднамеренное прикрытие запутанной терминологией и аббревиатурами, высший уровень личной гвардии диктатора не являлся таким уж сложным механизмом. Будучи в одном лице главой секретариата, Поскребышев был прекрасно осведомлен и мог держать под контролем все дела партии и правительства, вплоть до самых секретных. А занимаемый им одновременно пост руководителя СПУ позволял ему руководить следствием, дознанием и (или) организацией важнейших на данный момент покушений. Дело намеченной жертвы тщательно разрабатывалось в недрах СПУ (это была та самая практика, которой возмущались коммунисты эпохи постсталинизма, когда взывали к «социалистической законности»), затем Поскребышев и (или) Сталин решали, что делать с «обвиняемым» — оказать честь быть представленным на показательном процессе, сценарий которого готовило то же СПУ, или негласно уничтожить. Большинство жертв получало пулю в затылок, хотя иногда бывали случаи «самоубийства», смерти от «сердечного приступа» или какого-нибудь еще «заболевания», устроенного профессиональными головорезами Власика. Изредка Поскребышев лично руководил ликвидацией особо заслуженного ветерана партии или — что особенно ценилось — принуждал последнего совершить самоубийство, пообещав официальное заявление о его естественной смерти с подобающими почетными похоронами, что являлось, несомненно, наилучшим решением вопроса.

Со времен Ивана Грозного Россия, — впрочем, как и весь остальной мир, — не помнила такой всесильной организации, состоявшей из личных слуг тирана. Но даже опричники безумного самодержца блекли на фоне «гвардии» Сталина. С усовершенствованием си-схемы личной охраны, после убийства Кирова, автократия Сталина сделала гигантский шаг по сравнению с той наивной ленинской эрой, когда вся личная безопасность Хозяина осуществлялась лишь сторожившим за дверьми раболепным и туповатым Власиком.

Во время проведения знаменитых «судебных процессов» в 1936–1937 годах Сталин решил заодно заняться и подчисткой кремлевского персонала; Он в конце концов пришел к заключению, что Паукер, несмотря на свое умение развеселить и потешить диктатора, не годится на пост главы Первого отдела. А может, этот венгерский шут дал маху, передразнив своего хозяина или неудачно пошутив в его адрес. Прибрали к рукам и помощника Паукера Воловича, исполнявшего обязанности личного шофера Сталина. Возможно, Грузину перестало нравиться, как Волович водит машину. Однако наиболее логичная причина ликвидации этой парочки, скорее всего, кроется в том, что оба слишком долго отирались в узком кругу приближенных диктатора и слишком много знали.

Как только решение избавиться от Паукера и Воловича было принято, немедленно назначили нового шефа Первого отдела. Выбор пал на генерала Вениамина Галета. Кроме звания и фамилии, о нем мало что известно. Являясь офицером НКВД, он, скорее всего, очень хорошо был знаком Сталину и (или) Поскребышеву, раз получил этот пост. Но все, что касается его происхождения, а также послужного списка, до нас не дошло.

Однако бесспорен тот факт, что сразу же после своего назначения новый шеф Первого отдела направился со своими людьми домой к Паукеру и Воловичу и арестовал их. Нетрудно представить упавшего на колени Паукера, когда-то таким образом передразнивавшего несчастного Зиновьева, только на этот раз он вымаливал пощаду себе. На самом деле эти мольбы оказались несколько преждевременными, поскольку физическое устранение Паукера и Воловича не входило в планы до следующего года. Вслед за их арестами последовала очередная кадровая перестановка: Власика назначили заместителем Галета, после чего деятельность этого верного пса, отныне и в дальнейшем, ограничивалась охраной дверей Хозяина и любимым хобби — фотографированием Сталина и его приспешников.

Следующим шагом Поскребышева (или Сталина) явилась отставка Ткалуна, прежнего коменданта

Кремля. Чем проштрафился Ткалун, видимо, никогда не узнаем. А единственное, что известно о его дальнейшей судьбе, — он бесследно, исчез. На место Ткалуна Поскребышев назначил майора НКВД Рогова. Также Как о Ткалуне или других кремлевских охранниках, служивших до появления Берии в высшем эшелоне власти, не сохранилось никаких записей о прошлом Рогова или хотя бы его имени. Впрочем какие-либо сведения о таких функционерах службы безопасности, даже если они и сохранились, вряд ли заслуживают внимания, поскольку подавляющее большинство этих людей в буквальном смысле исчезло, растворилось, словно ушедшие в ночь корабли. Однако все они являются ярким примером того, что охранять советского диктатора в Ту кровавую эпоху было по большей части недолгой и чрезвычайно опасной работой.

Служба безопасности эпохи зрелого сталинизма

В декабре 1938 года главой НКВД становится Берия. За месяц до его официального вступления на свой пост был смещен с занимаемой должности комендант Кремля Рогов, бесследно затем исчезнувший в советских застенках. Эта должность оставалась вакантной до весны 1939 года, пока ее не занял бригадный генерал НКВД Николай Спиридонов. Будучи протеже Берии, он дослужился до генерал-лейтенанта и продержался на посту коменданта Кремля еще несколько недель после смерти Сталина.

Также была произведена перестройка основного состава Первого отдела. Чем она была вызвана, доподлинно неизвестно. Возможно, хоть и маловероятно, что это как-то связано с подчинением НКВД Берии. Скорее всего, кадровые изменения проводились Сталиным и (или) Поскребышевым в преддверии Второй мировой войны. Галет был освобожден от должности главы управления и, по всей видимости, расстрелян где-то в 1943 году за и поныне неизвестные преступления. Преемникам Галета на этом посту повезло чуть больше, так как они прожили несколько дольше. За период с 1940-го по 1945 год во главе Первого отдела прослужил целый ряд генералов НКВД — Андрей Капанадзе (еще один грузин), Александр Кузнецов, Павлов и Василий Румянцев. Также как о Ткалуне, Рогове и Галете, о них мало что известно. Имеются сведения, что Павлов был расстрелян в 1940-м или 1941 году, в то время как Румянцева (который умудрился «потерять» Сталина, когда тот инспектировал войска) понизили в должности в 1944 году. Власик, разумеется, продержался в целости и сохранности практически до самого конца, сначала как заместитель и соруководитель Первого отдела, а под конец как его глава.

С созданием в 1942 году СМЕРШа, которому вменялась в обязанность и личная охрана Сталина, глава этой организации Виктор Абакумов стал одним из членов круга особо приближенных к диктатору лиц, и его влияние сравнялось — если не превзошло — по значимости с руководителями Первого отдела Капанадзе и Власика, хотя власть Поскребышева при этом ничуть не уменьшилась. Одновременно заместитель Абакумова Сергей Круглов также оказался приближенным к вершинам власти. Таким образом Сталин, следуя, по-видимому, советам Поскребышева, получил в свое распоряжение двух высших офицеров службы безопасности, которые не являлись ставленниками Берии.

К апрелю 1943 года, когда победа под Сталинградом показала, что наконец-то началось окончательное изгнание нацистов из России, Сталин произвел новые перетряски в структуре своей личной охраны: Он переименовал Первый отдел в Шестое управление, поставив его в административное подчинение НКГБ. Причины этих перемен совершенно не ясны. Можно предположить лишь одно: Грузин по какой-то причине невзлюбил Первый отдел и решил хоть как-то принизить его, хотя влияние внутренней службы безопасности — другими словами, личной охраны вождя — при этом ни в коей степени не ослабло, тем паче что Шестое управление продолжал возглавлять Капанадзе, а его заместителем оставался все тот же Власик.

Примерно тогда же Сталина и Поскребышева все больше стали беспокоить власть и влияние, которыми они наделили Берию. Чтобы быть готовыми к возможному проискам своего земляка, Сталин воспользовался испытанной тактикой, которую применял Иван Грозный несколько столетий назад. Он наделил огромной властью и влиянием главного ленинградского аппаратчика Жданова, создав таким образом потенциально более серьезного конкурента Берии, чем такие лизоблюды, как Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов и прочие.

Побочным результатом подобной интриги, призванной стравить между собой подчиненных, а также явившейся предвестником грядущих великих перемен, стало появление в Кремле в конце 1945 года Алексея Кузнецова. Будучи аппаратчиком до мозга костей, этот молодой человек был примечателен лишь

тем, что являлся ставленником Жданова. Именно потому Поскребышев назначил Кузнецова официальным главой Шестого управления, службы личной охраны. Однако фактически Кузнецов им никогда не являлся. Его настоящей должностью был пост секретаря ЦК КПСС, и так же он являлся куратором Шестого управления. Особое положение Кузнецова продолжалось вплоть до смерти Жданова, после чего он потерял всякую ценность для Сталина и Поскребышева, позволивших Абакумову в 1949 году арестовать его и впоследствии расстрелять.

В результате этой политической интриги, сделавшей Берия и Жданова одновременно своего рода кронпринцами, власть и влияние среди высшего эшелона внутренней службы безопасности разделились. Сторону Берии представлял Капанадзе; у Жданова был Кузнецов; относительно независимую позицию занимал Абакумов со своими честолобивыми подчиненными. Раздробленное таким образом на три части Управление личной охраны мало способствовало эффективной деятельности этой организации. Однако постоянная грызня между этими тремя кланами обеспечивала Сталину и Поскребышеву уверенность в том, что ни одна отдельно взятая личность (или какая-либо группировка внутри службы безопасности), постоянно занятая борьбой за выживание, не смогла бы заняться усилением собственной власти. И то, что? Сталин мог позволить себе роскошь в личных интересах сражаться между собой собственных охранников, доказывает, какой абсолютно непререкаемой и огромной властью обладал тогда диктатор.

В марте 1946 года была произведена еще одна важная перетряска. Личную охрану Сталина снова реорганизовали и переименовали. Рассудив, что следует называть вещи своими именами, вождь стал именовать своих стражей охранниками — кем они и являлись на самом деле, — а их организацию «Охраной», невзирая на тот факт, что так назывался политический сыск при царском режиме. В соответствии с этим сбивающее с толку название Шестое управление заменили на Управление охраны. Одновременно новую организацию разделили на Управление охраны № 1, отвечавшее непосредственно за безопасность Сталина, и Управление № 2, официально охранявшее — но на самом деле державшее под постоянным присмотром — остальных партийных и государственных лидеров. Оба Управления, а также пост коменданта Кремля, в те времена третий по значимости, поскольку он имел непосредственное отношение к безопасности самого Сталина, в административных интересах передали в ведение МГБ. Разумеется, все три новых подразделения теперь были значительно крупнее и устроены изощреннее Шестого управления и его предшественников.

Во главе кремлевской комендатуры оставался Спиридонов со своим заместителем Косынкиным. И, как того и следовало ожидать, оба Управления охраны возглавляли ставленники Абакумова, поскольку он к тому времени руководил МГБ. (Звезда бывшего руководителя Шестого управления Капанадзе закатилась вместе с отставкой Берии.) Руководство охраной Сталина доверили Александру Ракову, еще одному из многих офицеров-безопасников, мелькнувших на пути непостоянного Грузина. Карьера Ракова закончилась в 1952 году, после падения Абакумова, когда его перевели на должность начальника исправительно-трудового лагеря. Почти столь же недолго Управление № 2 возглавлял генерал Дмитрий Шадрин. До этого назначения Шадрину здорово не повезло, поскольку на его долю выпало организовывать охрану Тито. Когда этот отважный балканский лидер пошел в 1948 году поперек своего могущественного хозяина, карьера Шадрина резко оборвалась. Однако ни Раков, ни Шадрин во время своего краткого пребывания на посту руководителей не имели настоящей свободы действий, несмотря на то что за обоими стоял Абакумов. Причиной этому являлся Кузнецов, ставленник Жданова, который и в буквальном, и в переносном смысле слова постоянно заглядывал им через плечо.

Однако затруднения Ракова и Шадрина воспринимаются больше как теоретические, столь недолго пробыли они на своих постах. Дело в том, что в феврале 1947 года, менее чем через год после очередной кадровой перетряски, Сталин вместе с Поскребышевым снова произвели реорганизацию личной охраны. Относительная самостоятельность всех трех подразделений — обоих Управлений охраны и комендатуры

Кремля — была ликвидирована. Несмотря на то что эти три организации сохранили свое отдельное существование, их подчинили совершенно новой структуре. Теперь в руках нового руководства сконцентрировалась поистине гигантская, всеобъемлющая служба безопасности — куда более мощная и разветвленная, чем предыдущая или когда-либо созданная другим мировым лидером — коммунистическим, или, наоборот, антикоммунистическим. Эта организация теперь называлась просто Главным управлением охраны (ГУО).

Власик, дослужившийся к тому времени до генерал-лейтенанта МГБ, был назначен на должность руководителя ГУО. Его заместителями стали люди Абакумова, Владимир Линько и Серафим Горышев. Находясь в прямом подчинении этого трио, главой Охраны № 1 оставался Раков, а Охраной № 2 продолжал руководить Шадрин, которого в 1948 году заменили сотрудником МГБ, бывшим офицером московского СМЕРШа, генерал-майором Розановым (еще одним из числа тех, чьи имена мало что кому говорят). Продвижение по служебной лестнице госбезопасности парочки Линько — Горышев закончилось в 1952 году, после того как Сталин уволил Абакумова. Как и Ракова, Горышева перевели в начальники лагеря. Розанова отправили служить в милицию. Линько же не повезло. Его арестовали и впоследствии, скорее всего, расстреляли. В самом начале у Власика, а также у обоих его заместителей, людей Абакумова, возникали трения с ждановским ставленником Кузнецовым, однако тот ненадолго пережил своего патрона.

С точки зрения Сталина и Поскребышева установленное ими единовластие в ТУО являлось хорошо продуманным усовершенствованием по сравнению с предшествующим ему тройным руководством. И не только потому, что организация явно заработала более эффективно, — в первую очередь она стала безопасней, поскольку официально находилась под руководством Власика, который, в свою очередь, подчинялся Поскребышеву. При прежних двух управлениях и отдельно стоящей комендатуре Кремля всегда оставалась опасность — хотя и весьма отдаленная, что некий предполагаемый соперник Сталина смог бы подкупить все или наиболее важные подразделения личной охраны! Особо уязвимыми в этом отношении являлись Охрана № 2 и комендатура.

В результате, не считая некоторых малозначительных организационных перемен и смены поколений, а также дальнейших размолвок Сталина с Власиком и Поскребышевым, ГУО сохраняло свою базовую структуру образца 1947 года почти до самой смерти диктатора.

Годы испытаний

Период с 1949-го по 1953 год запомнился сталинской охране, даже ее рядовому составу, как годы испытаний, поскольку в этой организации по крайней мере до 1943 года, царили относительный мир и спокойствие. Если, конечно, не считать отставки и ликвидацию многих руководителей высшего и среднего звена, ставших среди безопасников обыденным явлением. Однако в последующие четыре года жизнь даже рядового состава охраны стала весьма тревожной, поскольку никто не знал, что происходит или может произойти в следующий момент.

Причиной подобной нестабильности являлись одновременно несколько важнейших факторов: внезапная смерть в конце 1948 года предполагаемого преемника Сталина Жданова и начавшаяся после этого борьба за власть среди подчиненных Хозяина; напрямую отразившаяся на верхнем эшелоне сил безопасности, а также постоянно растущая раздражительность, злобность и непредсказуемость Сталина стремительно терявшего свои физические и духовные силы и дряхлевшего буквально на глазах. Кульминацией явилась смерть диктатора, когда борьба за власть перешла в открытую стадию, что не могло не пошатнуть сами основы такой организации, как Охрана.

Что касается Абакумова, то после смерти Жданова он оказался в очень трудном положении, за которым неумолимо последовало его падение и ликвидация.

Хотя Абакумов вряд ли заслуживает особых симпатий, однако следует признать, что он оказался единственным из всех, допущенных Сталиным и Поскребышевым в высший эшелон службы безопасности после грандиозных чисток, кто не имел ни политических связей, ни амбиций. Его основной заботой являлась защита Сталина и его режима, а также исполнение всех прихотей Грузина (которые передавались ему напрямую или через Поскребышева) и, разумеется, беспокойство о собственном благополучии. В противоположность Абакумову все остальные были выдвигенцами Берии или Жданова, что обуславливало их верность в первую очередь этим фигурам второго плана, а не Сталину.

Стараясь избавиться от подобного разделения лояльности среди личного состава сталинской службы охраны, Абакумов убедил вождя и Поскребышева, что куда лучше поставить во главе ГУО даже тупоголового Власика, чем Кузнецова. Более простодушный Жданов, которому было далеко до коварного Берии, не высказал никаких возражений на перевод Кузнецова в секретариат партии. Он явно считал, что его отношения со Сталиным (особенно после женитьбы сына Жданова на дочери последнего) не требуют таких мер предосторожности, как внедрение в ближайшее окружение Грузина своего агента.

Однако Берия, будучи отлученным от власти своими ядерными проблемами, отлично осознавал необходимость следить за каждым маневром, планируемым или осуществляемым Сталиным и Поскребышевым. Но тут Абакумов совершил непростительный в тактическом плане промах, почти с пуританской гордыней отвергая любые попытки сближения со стороны обеспокоенного Берии. Когда Сталин назначал Абакумова на пост главы МГБ, он предупреждал его о возможных происках Берии, и теперь тот действовал в соответствии с этими наставлениями.

Сталин и Поскребышев велели Абакумову обзавестись большим количеством современных подслушивающих устройств и установить их в квартирах, кабинетах и на телефонных линиях каждого члена Политбюро, высокопоставленных офицеров Советской Армии, а также более мелких сановников. Вся полученная через подслушивающие устройства информация ежедневно доводилась до сведения Поскребышева, который, в свою очередь, докладывал ее Сталину. На основе материалов этих подслушиваний вождь впоследствии осуществил перетряску партийного и государственного аппарата. Некоторая часть этой информации, зачастую вырванная из контекста и «подкорректированная», была

потом использована, чтобы отправить на смерть Кузнецова, Вознесенского и некоторых других.

В «старые добрые дни», когда Берия вместе с Меркуловым заправляли госбезопасностью, Лаврентий Павлович всегда лично знакомился с материалами прослушивания до того, как доложить о них Сталину и Поскребышеву. Он и теперь неоднократно пытался возобновить подобную практику с Абакумовым, но ему это ни разу не удалось. Последнему даже пришлось солгать Берии, что с подслушиванием уже покончено. Подобные отказы и отговорки приводили Лаврентия Павловича в страшную ярость. Таким образом, оставалось лишь вопросом времени, когда более хитрый Берия возьмет верх над по-своему преданным вождю, но крайне непредусмотрительным Абакумовым.

Ростки этого процесса показались уже после смерти Жданова. «Информация» о его отравлении поступила от работницы кремлевской больницы Лидии Тимашук. Обладая медицинской ученой степенью, она работала всего лишь медсестрой, на самом деле являясь информатором оперативного отдела ГУО. Тимашук доложила, что врачи Жданова лечили его не теми препаратами, что и послужило причиной смерти.

Первый свой донос Тимашук сделала еще при жизни Жданова. Абакумов немедленно начал расследование, которым руководил лично, но допустил грубую — и фатальную — ошибку, не доложив об этом Поскребышеву или Сталину. Абакумов арестовал профессора-медика, якобы имевшего отношение к «отравлению». А когда несчастный отказался сознаваться в своей «вине», поместил его в одиночную камеру Лубянки. Абакумов также связался с начальником личной охраны Жданова, который доложил ему, что «эта баба (Тимашук) просто чокнутая». Несколько дней позже профессор, и без того больной человек, подхватил пневмонию и умер в застенке. По чистому совпадению одновременно с ним умер Жданов, и Абакумов закрыл Дело, объяснив своим сотрудникам: «Мы должны закрыть следствие, иначе всем нам не сносить головы». И тут он не преувеличивал. Прослужив в высшем руководстве госбезопасности достаточно долго, Абакумов хорошо понимал, что над ним стояли группировки и высокопоставленные лица, которым могло бы не понравиться слишком тщательное расследование. Он также допускал вероятность того, что Поскребышев и (или) Сталин, действуя через независимый и всемогущий оперотдел ГУО, могли отделаться от Жданова по причинам, не входившим в его компетенцию.

Почти одновременно с закрытием дела Жданова Абакумов стал своего рода невинной жертвой в очередной сваре за власть, затеянной на этот раз Маленковым, очередным сталинским фаворитом, который сменил покойного Жданова. Дабы утвердить свои позиции «престолонаследника», этот человек наиболее перспективный из питомцев секретариата Поскребышева нанес молниеносный удар. Его первоочередными жертвами, разумеется, стали сторонники Жданова. Лидирующими среди них оказались Кузнецов и Вознесенский. Последний также являлся выпускником «секретариата» и лауреатом Сталинской премии за теоретические труды по экономике. И конечно же необходимо было убрать весь ленинградский аппарат Жданова.

Очевидно, Сталин всецело поддерживал и одобрял действия Маленкова, наслаждаясь зрелищем очередной свары за власть. Дочь вождя Светлана (хоть у нее иногда нелады с хронологией) позднее описывала, как ее отец с холодным равнодушием велел не пускать Кузнецова на обед, отлично зная, что этот верный пес его личной охраны входил в число приглашенных.

Такая продуманная грубость диктатора послужила все равно что приказом шефу МГБ. В соответствии с этим и, несомненно, удовлетворяя собственную жажду мести, Абакумов лично арестовал Кузнецова. Взятие под стражу производилось в кабинете Маленкова. Кузнецова казнили в феврале 1949 года.

Ликвидации Вознесенского предшествовало его смещение со всех партийных и государственных постов. Арестован он был лишь несколько месяцев спустя после этого ритуала и в 1950 году расстрелян. Вследствие падения Вознесенского репрессиям подвергся и его брат, Александр Вознесенский. Занимая

пост министра образования РСФСР, Александр был также ректором Ленинградского университета, по иронии судьбы носящего имя Жданова.

Наиболее сложным поручением Маленкова, с которым справился Абакумов, была судебная инсценировка, известная под названием «ленинградское дело», или, говоря проще, ликвидация всего ждановского аппарата северной столицы.

Корни этого позорного судилища тянулись в 1948 год, когда еще при жизни Жданова, второго человека в стране, было задумано перенести столицу РСФСР вместе со всеми партийными учреждениями из Москвы в Ленинград. Сторонниками этого переезда были Родионов и Власов, соответственно председатели Совета Министров и Президиума Верховного Совета РСФСР, а также Вознесенский, Кузнецов, Петр Попов, первый секретарь Ленинградского обкома, и другие члены, ждановского аппарата. Настаивая на том, что это положительно скажется на эффективности деятельности как республиканской партийной организации, так и правительства РСФСР, они опирались на тот факт, что Украина и Белоруссия, а также другие союзные республики имели свои собственные столицы.

Нетрудно представить, как Маленков принялся виться вокруг почти семидесятилетнего диктатора и вливать ему в ухо яд лживых доносов о замыслах ждановских фаворитов. Скорее всего, Маленков упирал на то, что перенос столицы СССР заставит потускнеть славу Сталина, как властелина всего Советского Союза, и привлечет повышенное внимание мирового сообщества к Ленинграду и русским, а не к Москве, где правил Сталин.

Конечно, это лишь предположение, однако факт остается фактом — Маленкову удалось пробудить в Сталине гнев против соратников Жданова, чье предложение он назвал «троцкистским» и приказал провести расследование.

Эту позорную обязанность Маленков поручил Абакумову, который, стараясь угодить требованиям своих хозяев, рьяно принялся за фабрикацию «дела ждановцев». Все происходило в обстановке строжайшей секретности, и крайне сомнительно, чтобы за закрытыми дверями судов соблюдались необходимые формальности. Эти суды стали как бы отзвуками чисток тридцатых годов в миниатюре, однако без официальных заявлений, характерных для того мрачного времени.

В результате инсценировки, проведенной Абакумовым под руководством Маленкова, Поскребышева и под наблюдением Сталина, все ждановские партийные и государственные лидеры Ленинграда были полностью уничтожены. Чистка коснулась и других регионов. Более остальных пострадала Москва, где первый секретарь Московского комитета партии Георгий Попов, водивший дружбу со Ждановым, был отстранен от должности и заменен Хрущевым. Из без малого трехсот попавших под чистку ждановцев большинство было послано на смерть.

Весной 1949 года, почти сразу по завершении «ленинградского дела», Маленков подкинул Абакумову еще одну работу. На этот раз ему предстояло заняться евреями, этими извечными козлами отпущения русских царей, комиссаров и их преемников. Под руководством Поскребышева Абакумов раскопал, а точнее, сфабриковал так называемый «еврейский заговор», устроенный «безродными космополитами», который якобы доказывал, что они действовали как агенты международного сионизма и израильского правительства по всему Советскому Союзу. Уничтоженные в результате этой фальсификации евреи в большинстве своем являлись невинными жертвами. Они просто угодили под шальные пули огня, направленного по главной мишени, по Молотову, известнейшему из уцелевших сталинских ветеранов и потенциальному препятствию Маленкова к вершинам власти. Жена Молотова, Полина Жемчужная, и его заместитель на посту министра иностранных дел, Соломон Лозовский, оба были евреями. Проще всего оказалось найти повод для ареста жены Молотова, потому что до этого она выступала с предложением создать Еврейскую автономную республику в Крыму и переселить туда всех евреев Советского Союза, включая и тех, кто проживал в фиктивной Еврейской автономной области на Дальнем Востоке.

Полину Жемчужную выгнали из партии, лишили всех гражданских прав (хотя о каких правах можно говорить при советской системе) и Отправили в один из самых ужасных исправительно-трудовых лагерей Крайнего Севера, в Воркуту. (Хотя позднее она была переведена в менее режимный лагерь в Казахстане.) Несмотря на множество позорных пятен на совести Молотова, он, к своей чести, не последовал общепринятой тогда практике и не отрекся от собственной жены. В результате в марте 1949 года Молотова, невзирая на прежние заслуги, «освободили» от обязанностей министра иностранных дел. Он продолжал числиться первым заместителем Председателя Совета Министров, но всего лишь номинально. Судебный приговор, вынесенный его жене, поставил крест и на его карьере, что опытный функционер прекрасно понимал. С этого времени Молотов даже не утруждал себя посещением своего рабочего кабинета, не говоря уж об активном участии в партийных и государственных делах. Человека, чье имя дало название «коктейлю Молотова», вошедшего во все мировые языки, не моргнув глазом, просто смели с пути, как и тысячи других.

И лишь единственно для сравнения с участью репрессированных ждановцев и евреев стоит вкратце упомянуть о судьбах их Охранников. Однако это наглядно иллюстрирует, почему период с 1949-го по 1953 год являлся для Охраны «годами тяжких испытаний». Стоило Сталину снять с должности какого-нибудь партийного туза, как его охранники тут же лишались работы и в большинстве случаев переводились в органы безопасности в провинции. Но если хозяина не просто увольняли, но и арестовывали и сажали в

тюрьму, тогда вслед за ним в заключение отправлялся начальник его охраны, а телохранителей рангом пониже рассылали по отдаленным районам Сибири. И не было ни одного случая, чтобы служба безопасности перешла по наследству от одного иерарха к другому. После ареста Кузнецова руководитель его охраны тоже последовал в тюрьму. Неизвестно, был ли он также расстрелян, но исчез бесследно. Расправились и с охранниками Вознесенского. А вот охрану Жданова, поскольку, по официальной версии, умер он «естественной смертью», частично распахали по другим подразделениям госбезопасности, а частично перевели на службу в Москву. Несколько охранников, шоферов и кое-кого из obsługi оставили при жене и сыне Жданова. Сосланной в лагерь жене Молотова тоже позволили взять с собой нескольких сотрудников охраны (что не доводилось до сведения Сталина). Трудно себе представить, чтобы они отправились в Воркуту добровольно...

Репрессии против евреев продолжались ускоренными темпами, захватив даже значительную часть 1952 года. Они послужили своеобразным фоном для очередного акта борьбы за власть среди обеспокоенных прихлебателей дряхлеющего Сталина. Главным результатом этой свары явилось постепенное, но весьма уверенное возвращение во власть Берии. К 1950 году этот самый влиятельный из всех когда-либо существовавших коммунистических руководителей госбезопасности сумел добиться назначения своего главного соратника, Меркулова, главой могущественного Министерства госконтроля.

Поступая так, Берия заодно убирал с пути руководившего этой организацией Мехлиса, главного довоенного «чистильщика» Красной Армии и старого преданного лакея Сталина и Поскребышева. Таким образом Лаврентий Павлович снова проторил себе путь к управлению аппаратом госбезопасности. Вскоре после этого успешного шага Берия лично информировал прессу, что сотрудник охраны Рюмин, проводивший по поручению Абакумова расследование смерти Жданова, переведен в министерство Меркулова.

Тогда это выглядело невинным, не заслуживавшим внимания переводом. Но в дальнейшем стало ясно, что подобная служебная перестановка не только отрицательно сказалась на работе слаженной и опытной охраны Сталина, но и некоторым образом приблизила смерть диктатора.

Поскольку Рюмин был законченным бюрократом типа царских чиновников, описанных в гоголевском «Ревизоре», прекращение Абакумовым следствия по делу об отравлении Жданова до самых глубин задело его мелочную бюрократическую душонку. Он едва не сгорал от нетерпения продолжить начатое. И вот такая возможность, похоже, представилась, когда его перевели в штат Меркулова. Преднамеренно ли Берия перевел Рюмина в Министерство госконтроля, чтобы помочь ему расстаться с грузом знаний о расследовании смерти Жданова, или же Рюмин добровольно доложил об этом Меркулову и (или) Берии после своего перехода в ведомство Меркулова, неизвестно. Несомненно лишь одно — такой мелкий бюрократ, занимавший всего лишь чин подполковника госбезопасности, должен был иметь мощное прикрытие, возможно, самого Берия, чтобы решиться написать — не говоря уже о том, чтобы послать, — в середине лета 1951 года письмо Сталину.

В этом письме Рюмин обвинял Абакумова в том, что он закрыл расследование по отравлению Жданова и утаил сам факт его проведения. И через несколько часов последовала расправа. Абакумова, как раз собиравшегося покинуть кабинет Поскребышева в Кремле после обычного вечернего доклада, арестовали сотрудники оперотдела Охраны. Его отвезли на Лубянку и поместили в одиночную камеру. Вместе с Абакумовым забрали семь его заместителей и еще несколько десятков старших офицеров. Начальник личной охраны Абакумова, подполковник Кузнецов (просто однофамилец ставленника Жданова), был взят под стражу несколькими днями позже, и его обвинили в недонесении о «преступных деяниях» своего хозяина.

Любопытно отметить, что выдвинутое в то время обвинение против Абакумова заключалось в том,

что он, руководя расследованием по «ленинградскому делу», не распознал врагов народа, что практически приравнялось к государственной измене. Но никаких упоминаний о следствии по делу Жданова не прозвучало, поскольку это могло помешать дальнейшим планам Сталина.

Как и следовало ожидать, арест Абакумова и его сотрудников вызвал среди рядового состава Охраны серьезные опасения, а затем и нешуточную тревогу. В сентябре 1951 года Хрущеву было поручено успокоить партийных деятелей Охраны и разъяснить им ситуацию. В своей речи этот коротышка слово в слово повторил выдвинутое Сталиным обвинение против Абакумова и его офицеров, заключавшееся в том, что они проявили преступную халатность и не распознали среди аппарата северной столицы врагов народа. Однако мало кто из Охраны принял на веру процитированные Хрущевым слова Сталина. Большинство осталось при убеждении, что Абакумов попал под топор с подачи Берии, который искал возможность отомстить ему за ряд своих уволенных ставленников. Но все согласились с побочными обвинениями против Абакумова в его аморальном поведении и растрате государственных средств. Им ли было не знать о бесчисленных любовницах своего шефа и казенных деньгах, которые он тратил на их содержание.

Через несколько дней после падения Абакумова Берия предпринял попытку ковать железо, пока оно горячо. Он предложил Сталину доверить Меркулову пост главы госбезопасности. Однако диктатор, интуитивно не доверявший Берии, отверг эту кандидатуру и назначил генерал-лейтенанта Сергея Огольцова — единственного из заместителей Абакумова избежавшего ареста — исполняющим обязанности начальника госбезопасности.

Тогда Берия, желая любыми средствами взять реванш, стал напирать на преступления Абакумова, сетуя по поводу плачевного состояния, в котором оказалась служба государственной безопасности под его руководством. В результате Сталин согласился назначить комиссию по расследованию не только деятельности Абакумова, но и всего аппарата госбезопасности в целом. В состав этой комиссии вошли Берия, Маленков, Булганин и Игнатьев. В декабре 1951 года, после начала работы следственной группы, Огольцов был отстранен от должности, а МГБ возглавил Игнатьев, до того времени подвизавшийся в должности инспектора (чиновника нижнего звена) ЦК КПСС. А настоящий босс, временно вернувший себе милость Хозяина Берия, помог ему обзавестись заместителями, которые, разумеется, являлись его собственными ставленниками.

Однако наиболее деятельным заместителем Игнатьева был донесший на Абакумова «эксперт» по делу Жданова Рюмин. Сталин, у которого к тому времени развился настоящий психоз, если не надвигающееся безумие, счел Рюмина и его «разоблачения» неожиданной удачей. Со временем он прочистил мозги покорному и, несомненно, насмерть перепуганному Рюмину и заставил его принять деятельное участие в фальсификации расширенного варианта дела о смерти Жданова. Эта новая версия незамедлительно превратилась в «заговор врачей», ложь, утверждавшую, что ряд врачей — количество их постоянно возрастало — был замешан в отравлении Жданова и Щербакова, прежнего секретаря ЦК, точно таким же способом они якобы намеревались поступить со Сталиным и некоторыми членами Политбюро, а также руководителями Советской Армии. Разумеется, большинство из этих «злодеев», ни в чем не повинных врачей, были евреями, имевшими несчастье угодить под очередной русский погром.

В соответствии с этой чудовищной фальсификацией была награждена орденом Ленина агент Охраны медсестра Тимашук. Ее награждению сопутствовала хвалебная кампания в советской прессе. Однако остается только гадать, по собственному ли почину действовала эта женщина, давшая толчок кровавой мясорубке 1948 года, или она выполняла указания Сталина, подготавливая тем самым почву для другого, куда более изощренного дела, чем убийство Кирова.

Поскольку Сталин твердо решил превратить «заговор врачей» в большой показательный процесс, как

в былую эпоху чисток, до его объявления прошло довольно много времени, потребовавшегося на предварительную работу. Должно быть, арестованные врачи оказались сильными духом людьми, раз их так долго не могли сломить. Несколькими годами позже, разоблачая «культ личности», об этом упоминал Хрущев, который процитировал обращенные к Игнатьеву (И Рюмину) слова диктора: «Если вам не удастся выбить признание у этих докторов, то мы укоротим вас на голову». Вооружившись, подобным напутствием и используя средства, которые лучше не описывать, эта пара заставила врачей наконец сознаться.

Тем временем комиссия Берии трудилась не покладая рук. Она обнаружила, что Охрана обходится государству в три миллиарда рублей в год, в связи с чем было рекомендовано в целях экономии сократить руководителей нескольких отделов госбезопасности. Но, не ограничиваясь только этим, комиссия предложила основательно урезать охрану Сталина и таким образом взять вождя под контроль. К этому времени диктатор был настолько увлечен подготовкой «заговора врачей», что не смог отреагировать адекватно.

В результате Берия «вычистил» Охрану, ту самую организацию личной безопасности, которую Сталин, находясь в здравом рассудке и твердой памяти, довел практически до совершенства. Десятки генералов и полковников бросили в застенки или перевели на новое место службы, в лагеря. От первоначальных семнадцати тысяч человек, служивших в Охране, осталось всего семь тысяч. Большинство уволенных Берия перевел в другие организации госбезопасности, придерживая их в резерве до того времени, когда ему подвернется случай захватить власть.

Остальных он полностью реорганизовал. Отдел регулирования уличным движением попал под начало милиции. Управление снабжения, занимавшееся собственными подсобными хозяйствами и скотобойнями для потребностей партийных чинов, вернули частично Министерству торговли, а частично Главному управлению снабжения госбезопасности. Принадлежавшие Охране колхозы и совхозы передали в ведение Министерства сельского хозяйства. Вездесущие люди в штатском, некогда так примелькавшиеся на главных магистралях Москвы во время передвижений Сталина и его заместителей в Кремль и обратно, попали в подчинение госбезопасности, в отдел службы наблюдения.

Перед тем как окончательно урезать число телохранителей Сталина, Берия открыто заявил группе высших чинов Охраны, получивших новые должности в столице: «Для чего нам три тысячи агентов в штатском на улицах Москвы? Или вы считаете, что спустя тридцать пять лет со времени революции найдется хоть кто-то, кто захочет убить нашего дорогого товарища Сталина? Товарища Сталина любят все. Поэтому нет необходимости держать такую большую охрану».

Далеко не все руководители Охраны остались довольны проведенными сокращениями, но молча повиновались Берии. Таким образом, когда сокращения закончились, личная охрана Сталина, Охрана № 1, ослабла практически наполовину; оставшаяся обеспечивать безопасность диктатора группа офицеров, возглавляемая всего лишь майором, оказалась не только малочисленной, но и малоопытной. Перемены не коснулись только состава той части Охраны, которая обслуживала личное хозяйство диктатора.

В начале мая 1952 года, в самый пик кампании Берии, примерно двести пятьдесят офицеров, уволенных из Охраны, собрались у здания отдела кадров госбезопасности в надежде получить новое назначение. Только немногим бывшим охранникам Берия назначил пенсию. Остальным же было предложено отправляться служить в отдаленные лагеря Сибири.

Большинство из тех, кому не посчастливилось выйти на пенсию, совершенно не понимали истинную подоплеку всей кампании, затеянной Берией. Поэтому вскоре они снова собрались перед зданием госбезопасности на площади Дзержинского. Блокировав подъезд, которым пользовался Игнатьев, они потребовали, чтобы он вышел к ним. Испуганный министр позвонил Берии, и тот посоветовал шефу МГБ извиниться и успокоить протестующих, переписав их фамилии якобы для определения будущего

назначения. Так закончилась первая в истории демонстрация российских телохранителей, обеспечивавших безопасность лидера государства. На следующий день их всех собрали в отделе кадров и спокойно повторили прежнее предложение — Сибирь. В течение недели все они исчезли из Москвы.

А в мае 1952 года комиссия Берии доложила Сталину не только о тех относительно мелких прегрешениях, как-то: растраты Абакумова или баснословная стоимость Охраны. Она также сообщила, что Абакумов не являлся единственным, кто не донес об «отравителях», поскольку Власик с Поскребышевым тоже знали об этом.

Разумеется, наговор на эту парочку самых преданных лакеев диктатора был хорошо продуман. Однако Берия пошел на этот тщательно взвешенный риск, полагая, что душевное состояние Сталина близко к тому, в котором некогда пребывал Иван Грозный, и что подозрительность диктатора позволит ему (Берии) разлучить вождя с его самыми преданными псами.

Все вышло по-задуманному. Сталин, будучи сам великим лжецом и посему умевший моментально распознавать чужое вранье, потерял былое чутье. Он пришел в неописуемую ярость, обозвав Поскребышева «собутельником Власика, продавшимся за пол-литра», а Власика — «пьяницей и дармоедом». Оба немедленно были уволены. Затем подозрительность Горца обернулась Против главы медицинского управления Кремля профессора Петра Егорова и своего давнего личного терапевта Владимира Виноградова, которых он велел арестовать. Следующими жертвами сталинского гнева пали сотрудники его личной охраны, которых он также окрестил «дармоедами», а ее руководителей, Ракова, Розанова, Линько и Горышева ликвидировал, завершив тем самым разрушение собственной службы безопасности, чем оказал Берии неоценимую услугу.

Власик, бывший преданнейший сторож дверей скромного некогда кабинета своего хозяина, был не просто уволен, но и исключен из рядов партии и отправлен в Свердловск — даже не начальником, а заместителем начальника исправительно-трудового лагеря.

Когда Власик уезжал на Урал, провожать его пришла целая группа офицеров. Среди них находился и сын Сталина Василий, давний собутельник Власика. Василий, как обычно, был пьян и, когда состав отошел от перрона, выкрикнул: «Они убьют его, они хотят убить его!» Под «ними» он подразумевал членов Политбюро, а под «ним» своего отца.

Компания офицеров, которая вместе с Василием провожала Власика, была уволена сразу же по возвращении на свои рабочие места в здание на Лубянке.

С Поскребышевым обошлись менее сурово. Для начала его поместили под домашний арест на собственной даче в Подмоскowie, под охраной людей Игнатьева и Берии.

В середине лета 1952 года Власик, который лишь немногим был младше своего хозяина и к тому времени стал совершеннейшей развалиной, тайком покинул Свердловск и отправился в Москву. Он предпринял попытку повидаться с Поскребышевым, однако охранявшие дачу сотрудники Берии не пустили его. Тогда Власик направился в Кремль, в надежде встретиться со Сталиным. И снова его прогнала охрана. Позже его забрали прямо у кремлевских ворот и отправили на Лубянку. Две недели спустя Власик скончался в ее стенах от «болезни».

Немного погодя после смерти Власика Поскребышева освободили из-под домашнего ареста и вернули в Кремль. Но это вовсе не означало, что Сталин смягчился или передумал. Своим возвращением Поскребышев был обязан тому единственному факту, что никто, кроме него, не обладал необходимой квалификацией, чтобы помочь диктатору подготовить назначенный на октябрь 1952 года XIX съезд партии и подобрать состав Политбюро.

Изгнание Власика и его заместителей вместе с ослаблением — благодаря стараниям Берии — власти

и эффективности Охраны повлекло за собой последнюю при жизни Сталина реорганизацию личной службы безопасности. Весной 1952 года ГУО прекратило свое существование. Его заменили другой организацией — Управлением охраны. При этом ликвидировали Охрану № 1 и Охрану № 2, что фактически означало — теперь у Сталина не оставалось особой индивидуальной защиты, а только та, что была у других членов Политбюро и прочих партийных иерархов. После смещения Власика и его заместителей глава МГБ Игнатьев в течение нескольких месяцев лично исполнял обязанности начальника кастрированной Охраны. Позже эта выхолощенная Охрана получила собственного шефа, полковника госбезопасности Мартынова, который до того бессменно возглавлял службу охраны здания ЦК КПСС. Еще находясь при главной партийной резиденции, Мартынов близко познакомился с такими тузами второго плана, как Хрущев и Маленков. Именно по рекомендации последнего и, разумеется, с одобрения Берии Игнатьев и назначил Мартынова начальником того, что осталось от Охраны.

Сталин не стал возвращаться к услугам Поскребышева (которого к тому времени, должно быть, уже не переваривал), чтобы тот заново организовал его личную службу безопасности. Он также опасался полагаться на Мартынова и других начальников, возглавлявших Охрану к концу его правления. Вместо этого диктатор решил вернуться к испытанному варианту давних дней — к кремлевской комендатуре. Однако Грузин не доверился коменданту Кремля Спиридонову, справедливо полагая, что тот водит тесную дружбу с Маленковым и Берией. Вместо этого он вручил себя заботам его заместителя Косынкина. Умственными способностями Косынкин ненамного превосходил тупоголового Власика, зато настолько фанатично был предан Сталину, что едва не целовал следы его ног.

В октябре 1952 года состоялся XIX съезд партии. Сталин все еще был в состоянии держать под контролем и его, и переизбранное Политбюро, влив в этот орган свежую кровь. Он справлялся со всеми проблемами, невзирая на плохое здоровье, ослабление умственных способностей и допущенную ошибку, позволившую фактически распустить Охрану, потому что, выражаясь фигурально, по-прежнему на целую голову возвышался над своими подчиненными, которые осмеливались лишь на не более чем молчаливое недовольство за его спиной.

Вскоре после съезда последнее детище Сталина, «заговор врачей», с помощью которого он намеревался раз и навсегда вычистить ряды своих приспешников, было доведено до совершенства. Рядовой состав Охраны, не посвященный, естественно, в суть фабрикаций, лишь догадывался, что аресты медицинского персонала Кремля являлись только видимой частью айсберга. В отличие от них, Берия и Маленков через Игнатьева знали об этом деле все и были не на шутку встревожены. Особое беспокойство вызвал тот факт, что фамилии Берии и Маленкова отсутствовали в списках партийных иерархов, которые, согласно следствию, должны были быть «отравлены» «врачами-вредителями». Это означало — Сталин исключил их из ближайшего окружения и теперь они находились в смертельной опасности.

В январе 1953 года «дело врачей», больше года находившееся в производстве, наконец-то было завершено и о нем раструбили по всему миру. Одни сочли его за тонко замаскированный удар по Израилю; другие — за прелюдию к волне антисемитизма в государствах-сателлитах Советского Союза, и лишь некоторые из западных обозревателей сделали правильное предположение, разглядев в нем пролог к очередной сталинской чистке.

Сразу после объявления о «заговоре врачей» произошло относительно незначительное, но достаточно символическое событие. Бывший начальник охраны Жданова, находившийся в Москве в своего рода отставке, под тщательным надзором (тот, что называл Тимашук «чокнутой бабой»), неожиданно исчез из столицы. Через несколько недель интенсивного розыска, проведенного людьми Рюмина, его обнаружили в Сталинграде и принудительным порядком вернули в Москву, прямо на Лубянку. То, как заткнули рот одному из немногих честных людей, имевших отношение к «ленинградскому делу», не

прошло мимо внимания сталинских приспешников и усилило их тревогу.

Аккомпанемент подконтрольной советской прессы вскоре прояснил суть одного из аспектов «заговора врачей». Средства массовой информации в первую очередь атаковали госбезопасность, якобы проморгавшую «заговор». Конкретные имена не назывались, но даже люмпен-пролетариям стало ясно, что Берия вместе со своими соратниками оказались в страшной опасности, поскольку это они руководили органами госбезопасности, когда врачи задумывали свое «вредительство».

В результате двойного предупреждения — не включение в список подлежащих «отравлению», а также атаки прессы на госбезопасность — Берия произвел последнюю в эпоху Сталина реорганизацию Охраны. Маскируясь под чисто административные меры, Берия окончательно перевел оперотдел, агентов в штатском и комендатуру Кремля из подчинения Охране под начало МГБ.

Во главе Охраны он вместо Мартынова поставил игнатьевского полковника Николая Новика, опытного контрразведчика.

Практически единственным значительным шагом, предпринятым Новиком за его относительно краткое пребывание на новом посту, явилась отправка группы офицеров в Китай для ареста российского доктора, лечившего Мао Дзэдуну. Этот несчастный обвинялся не только в причастности к «заговору врачей», но и в попытке отравить самого китайского лидера.

Если не считать развязанной в прессе кампании против врачей и оплошавшей госбезопасности, над Кремлем и всей страной в течение месяца, последовавшего после объявления о заговоре, наступило что-то вроде затишья перед бурей. Затем, 17 февраля 1953 года, поступило сообщение, что генерал Косынкин, заместитель коменданта Кремля и единственный из оставшихся высших чинов Охраны, которому Сталин мог доверять, внезапно скончался от «сердечного приступа». В тот же самый день в высшем командовании армии произошли более чем серьезные перемены. Генерала Штеменко, занимавшего пост начальника штаба Вооруженных Сил Советского Союза, сменил маршал Василий Соколовский. Во время войны Штеменко, бывший тогда начальником оперативного отдела Генерального штаба, работал в непосредственном контакте со Сталиным, и диктатор не только полностью доверял ему, но и искренне был привязан к этому генералу. Смещение Штеменко имело чрезвычайно важное значение для тандема Берия — Маленков, а особенно для их прихвостня Булганина, также не включенного в списки «жертв отравления». Одновременно с заменой Штеменко на Соколовского из Генерального штаба убрали людей Охраны, заменив их офицерами армейской контрразведки.

Так завершился процесс, который лишил Сталина персональной службы безопасности, если не считать оставленных для ширмы младших офицеров Охраны в его кремлевском Кабинете и дома. Все это было хорошо продуманным и ловким маневром: арест Абакумова, смещение Власика, дискредитация Поскребышева, постепенное сведение на нет Охраны и подчинение ее МГБ, «сердечный приступ» Косынкина, замена Штеменко и ликвидация последнего контроля над Генеральным штабом со стороны Охраны. Определенно не стоит забывать и об увольнении личного врача диктатора, явившемся следствием контроля МГБ над персоналом кремлевской больницы. Получив под свое начало Вооруженные Силы и госбезопасность, «соратники» Сталина наконец-то оказались в седле. По иронии судьбы, все это было сделано при попустительстве и едва ли не содействии вождя, что свидетельствовало о полной утрате Грузином способности управлять советской империей. Иван Грозный, так восхищавший Сталина, даже будучи совсем безумным, до самого конца управлял машиной террора, в то время как Грузин сложил оружие преждевременно.

Пять дней спустя после смерти Косынкина нападки в прессе по поводу «заговора врачей» оборвались так же внезапно, как и начались. Что остановило этот выпестованный Сталиным проект, неизвестно. Уцелевшие «соратники» вождя воздержались от раскрытия деталей. Непосвященными в них оказались те

сотрудники выхолощенной Охраны, которые позже бежали на Запад. А телохранителей, бывших при Сталине до самых последних дней, уже нет в живых, чтобы пролить свет на это темное дело.

Однако логично предположить, что сразу же после снятия Штеменко и ликвидации Косынкина прихлебатели диктатора решились выступить против него. Они отлично понимали, что ради спасения собственной шкуры Необходимо как можно скорее прекратить дело по «заговору врачей», иначе им грозило предстать перед судом, поодиночке или единой группой.

Но события приняли иной оборот. Один из охранников, обеспокоенный тем, что Сталин долгое время не выходит из своих апартаментов, собрался с духом и заглянул в кабинет диктатора. Там он увидел сидящего за столом потерявшего сознание Сталина. Охранник немедленно забил тревогу и, как положено, оповестил всех членов Политбюро.

Однако больного диктатора перевезли — в обстановке строжайшей секретности — на его дачу в Кунцево, на окраине Москвы, не раньше чем на следующее утро. Как только Сталина доставили туда, немедленно был собран консилиум врачей. Будучи функционерами МГБ, в профессиональном отношении они стоили не больше, чем Тимашук. Никто даже не побеспокоился пригласить Виноградова. Как и следовало ожидать, «доктора» из МГБ не смогли (или не захотели?) помочь парализованному Сталину. Поэтому позже вызвали министра здравоохранения, который совершил последние медицинские формальности. Официально Иосиф, Виссарионович Джугашвили (Сталин) скончался 5 марта 1953 года.

С его смертью «время испытаний» личной охраны советских лидеров подошло к концу. Однако оставались еще долгие месяцы тревог.

Часть четвертая

ЛИЧНАЯ ОХРАНА ПРЕЕМНИКОВ СТАЛИНА

Конец Берии

После смерти Сталина Берия, очевидно, решил, что для достижения верховной власти ему необходим такой же контроль над службой внутренней охраны и прочими подразделениями госбезопасности, какой во времена становления своей власти добился его земляк.

Не успело тело Сталина остыть, как Берия приказал войскам МГБ, в первую очередь Первой мотострелковой дивизии имени Дзержинского (особого назначения) и Второй мотострелковой дивизии, выдвигаться с мест дислокации в столицу. В течение нескольких часов эти части не только взяли под контроль и остановили уличное — включая пешеходное — движение на всех значительных магистралях столицы, но и охватили кольцом Кремль. Так город, вместе со всеми партийными и правительственными учреждениями, а также Верховное армейское командование, оказался в фактической осаде.

Имея в своем подчинении войска, полностью контролирующие ситуацию, Берия позволил по-быстрому произвести «дележ добычи». Наследный принц Маленков возглавил партию и правительство. Госбезопасность отошла к Берии, Вооруженные Силы — к Булганину, а Министерство иностранных дел — к Молотову.

Однако еще до официального объявления о разделе власти между «соратниками» началась политическая свара. Сам Лаврентий Павлович оказался слишком занят укреплением собственной власти над силами безопасности, чтобы участвовать в ней. Он слил МВД и МГБ в единое министерство, которое, разумеется, сам и возглавил. Как показало время, в процессе реорганизации он совершил серьезную ошибку: в качестве своего заместителя Берия оставил прежнего министра внутренних дел, человека Маленкова, Круглова, а вторым заместителем взял Серова, выдвиженца Хрущева.

Почти одновременно с этим Берия ввергнул бывшего главу МГБ Игнатьева назад, в пучину партийного аппарата, и арестовал его заместителя Рюмина — главного фальсификатора «заговора врачей». Этот «заговор» преемники Сталина не замедлили выставить на всеобщее обозрение, разоблачая его как подлог, чем он на самом деле и являлся. Стоит также отметить, что находившийся при диктаторе в последние моменты его жизни министр здравоохранения бесследно исчез.

Не упустил из виду Берия и реорганизацию Охраны. Он понизил статус этого некогда элитного и независимого Подразделения до простого Девятого управления госбезопасности. Подобным маневром Берия преследовал двоякую цель: Охрана, которую он исподволь готовил к окончательному захвату им верховной власти, становилась с виду менее значительной в глазах широкой общественности; к тому же это давало возможность перевести личную охрану остальных преемников диктатора под свое непосредственное начало. Причем Берия искренне полагал, что сам он не нуждается в личной охране, поскольку является руководителем всей госбезопасности страны. Но тут Лаврентий Павлович жестоко ошибался. Точно такого рода ошибкой было и то, что он отослал вызванные им дивизии госбезопасности, обеспечившие ему контроль над всей Москвой после смерти Сталина, обратно в казармы, не прибрав немедленно всю власть к своим рукам. Оглядываясь в прошлое, теперь можно с уверенностью сказать, что с того самого момента, как Берия оставил своим заместителем Круглова и отпустил из столицы войска госбезопасности, дни его были сочтены.

А тем временем, пока Берия занимался укреплением своей власти над госбезопасностью, остальные «соратники», в особенности Хрущев, занимались, как впоследствии выяснилось, более важными вещами. Не прошло и двух недель после смерти Сталина, как Хрущев надавил на Маленкова, и тот уступил ему пост руководителя партии. Что именно использовал Хрущев в качестве средства давления, осталось неизвестным. Как бы там ни было, угроза, должно быть, оказалась «весьма серьезной, поскольку Маленков сдался даже не пикнув.

Берия между тем продолжал заниматься госбезопасностью. В результате Охрана и прочие подразделения МГБ, поначалу приветствовавшие воцарение Берии, надеясь на возвращение «старых добрых деньков», испытали на себе еще несколько месяцев тяжелой беспокойной жизни.

Для начала Лаврентий Павлович провел массовую чистку всех офицеров корпуса госбезопасности, сотрудничавших с Абакумовым или Игнатьевым, а также тех, кто тайно помогал укреплению власти Маленкова, Булганина, Молотова или Хрущева (исключая людей Круглова и Серова). Эта чистка явилась одной из самых страшных кампаний со времен конца тридцатых. В нее оказались вовлечены не только старшие офицеры охраны московских руководителей, но и начальники младшего звена вместе с подчиненными на всех бескрайних просторах Советского Союза.

Берия восстановил на высших постах своих личных приверженцев, отстраненных с должностей с 1946 года Абакумовым, Поскребышевым и прочими. Почти сразу же был уволен Новик, а старый приятель Берии, генерал Сергей Кузьмичев, был освобожден из заключения и поставлен во главе того, что осталось от Охраны. Главой кремлевской комендатуры, напоминавшей к тому времени церемониальное подразделение, Берия поставил одного из немногих неполитизированных офицеров госбезопасности, генерала Андрея Веденина, назначенного на этот пост по настоянию Хрущева.

У себя в резиденции, в качестве главного заместителя, Берия утвердил своего Давнего верного сподвижника, генерала Богдана Кобулова. Остальные высшие посты тоже отошли к приспешникам Берии, включая генерал-лейтенанта Михаила Журавлева, который стал заместителем по общим вопросам, несмотря на тот факт, что в 1946 году его выгнали из МВД за беспробудное пьянство. Произведя все эти назначения, шеф госбезопасности приказал подполковнику Карасеву, начальнику Второго управления технического обеспечения — так иносказательно называлась тогда телефонно-телеграфная служба, установить подслушивающие устройства в кабинетах и на квартирах всех членов Политбюро и прочих иерархов, как это делалось при сталинском режиме.

Назначение алкоголика Журавлева ни в коем смысле не являлось исключением. Единственным качеством, необходимым для того, чтобы стать сотрудником Берии, являлась лояльность по отношению лично к Лаврентию Павловичу. В результате прозябавших в безвестности, давным-давно забытых офицеров, многие из которых были выгнаны за пьянство, взятки и кое-что похуже, буквально Вытащили из небытия и наделили властью. К тому же представители национальных меньшинств — прибалты, белорусы, кавказцы и выходцы из Центральной Азии — были поставлены во главе своих местных подразделений госбезопасности, что не могло не вызвать недовольства Берией со стороны русских сотрудников, составлявших подавляющее большинство центрального аппарата.

Производя все эти перестановки, Берия нажил себе немало новых врагов. Он никогда не беспокоился о том, чтобы пройти через все необходимые формальности и получить одобрение Центрального Комитета. Более того, напрямую вмешивался во все партийные назначения, на всех уровнях и по всей стране. К тому же приказал своим подчиненным в каждом регионе не спускать глаз с местных партийных чиновников.

Одним из тех, кто получил такой приказ о слежке, был глава госбезопасности Каменец-Подольской области Украины генерал Тимофей Строкач. Совершенно случайно оказалось, что он находился на короткой ноге с местным секретарем партии, которому и сообщил: «Я тут чего-то не понимаю. Сегодня я

получил по телефону приказ из Москвы, от самого Берии. Он велел мне вести постоянное наблюдение... за всеми... и за тобой».

Не мог понять этого и партийный секретарь. Не долго думая, он позвонил в центральный секретариат, в Москву, Несмотря на относительную малозначимость этого партийного функционера, его звонок стал той точкой отсчета, которой отмечено начало конца Берии.

Все остальные «соратники» оказались в курсе почти всех деталей предпринимаемых шефом госбезопасности мер по укреплению позиций для фактического захвата им верховной власти.

Чтобы быть начеку, не надо было обладать каким-то особым политическим чутьем; просто здесь сработал хорошо отлаженный механизм советского режима. Круглов, бывший заместителем Берии, не моргнув глазом продал своего босса его противникам. Да и Серов оказался осведомлен о тайных махинациях Берии значительно лучше, чем это мог подозревать Лаврентий Павлович. Используя надежных техников из своего бывшего Министерства внутренних дел, Круглов установил подслушивающие устройства в кабинетах и на квартире Берии и его подчиненных, держа их под колпаком столь же надежно, как Лаврентий Павлович своих соперников.

Очевидно, организованная Кругловым слежка оказалась на порядок эффективнее, чем у Берии. К тому же информация Серова дополнила недостающие звенья, поскольку ночью 26 июня 1953 года в Москву вошли танки Кантемировской дивизии, занявшие те же ключевые позиции, что и войска Берии в марте. Танковые соединения поддерживали пехотные части Белорусского военного округа. Поначалу жители Москвы удивились такому наплыву войск, так как на следующий день не намечалось каких-либо парадов. Но затем удивление сменилось предположением, что происходит какая-то передислокация частей столичного гарнизона.

Как только войска оказались на месте, Берию вызвали в Кремль, в зал заседаний Политбюро ЦК КПСС, чтобы тот в рабочем порядке ответил, как было сказано, на ряд вопросов. Как только Берия переступил порог зала, вслед за ним вошел Ворошилов. Держа в руках ордер на арест, генерал-коротышка произнес: «Именем Союза Советских Социалистических республик вы, Лаврентий Павлович Берия, арестованы».

Вопреки более поздним выдумкам Хрущева об этом моменте истории, никакого насилия не было, поскольку Берия не оказал сопротивления. Вместо этого он сел за стол и на протяжении нескольких часов спорил со своими прежними «соратниками». Однако Лаврентий Павлович прекрасно осознавал, что угодил в западню. Присутствие в зале заседаний высшего руководства Советской Армии говорило само за себя.

Благодаря установленной Кругловым системе подслушивания допрашивающие знали о планах Берии нанести удар на следующий день, 27 июня. Готовясь к этому событию, он «нейтрализовал» командующего Московским военным округом, генерал-полковника Павла Артемьева, велел ему вывести все войска московского гарнизона на маневры в Белоруссию. Таким образом, по плану Берии, силы подвластной ему госбезопасности должны были снова взять под контроль столицу.

По завершении дискуссии в Кремле подчиненные Круглова официально взяли Берию под арест и доставили его не на Лубянку, где могли найтись преданные ему люди, а в Лефортовскую тюрьму, руководимую сотрудниками Круглова. Позже, в целях сохранения Строжайшей секретности, а также для привлечения к делу армейских офицеров, бывшего шефа госбезопасности перевели в штаб Московского военного округа, где для него специально оборудовали помещение.

Как только Берию надежно запрятали, Круглов лично проследил за арестом Меркулова, Кобулова, Деканозова и еще кое-кого из главных приспешников Берии. Зарубежные обозреватели, которые составляли свои политические прогнозы, основываясь на пересчете по головам советских иерархов во

время появления их на публике, отметили, что в тот вечер на премьере в Большом театре среди партийных и правительственных сановников Берии не было, однако не смогли сделать из этого каких-либо определенных выводов.

Карающий меч пал так внезапно и в обстановке такой секретности, что даже Охрана не сразу сообразила, в чем дело. И лишь на следующее утро, при очередной передаче дежурства, они поняли, что с их шефом что-то не так. Когда сотрудники Охраны появились в штаб-квартире Берии, их уже поджидали офицеры ГРУ, которые велели им отправиться обратно, в свое управление (где теперь заправлял Круглов), за новыми указаниями. (И, по укоренившейся уже традиции, с бесславной отставкой хозяина карьеры этих телохранителей в органах безопасности наступил конец.)

Хрущев и его сторонники вели себя крайне осторожно, дожидаясь, пока армия полностью не возьмет под контроль ситуацию и не будут уничтожены все рычаги, с помощью которых Берия управлял госбезопасностью. И лишь 9 июля 1953 года ЦК КПСС официально объявил о смещении Берии как «врага партии и советского народа». Как и следовало ожидать, пресса, по указанию «коллективного» руководства, немедленно открыла все краны, поливая грязью некогда внушавшего ужас властелина госбезопасности. Однако партийные боссы превзошли и ее, когда объясняли рядовым членам «причины» падения Берии.

Допросы Лаврентия Павловича и его приспешников длились почти полгода. Чтобы сделать причастной к свержению Берии армию, одним из его следователей назначили маршала Конева. Один раз мингрел объявил голодовку, но ему сделали принудительное внутривенное кормление. Берия как-то заявил своим следователям: «Если я в чем-то виновен, то остальные члены Политбюро виновны не меньше моего». И здесь он был близок к истине.

23 декабря 1953 года, ровно через три дня после тридцать пятой годовщины основания ЧК, Берию и его подручных приговорили к высшей мере наказания. И почти немедленно, буквально через несколько минут, они были выведены из камер и расстреляны — но не солдатами, а людьми Круглова.

По иронии судьбы ошибка, допущенная Хрущевым в борьбе за власть, была как раз противоположной просчету Берии. В то время, как последний концентрировал все свое внимание на вопросах госбезопасности и практически не занимался политикой, Хрущев, наоборот, сосредоточился на одной политике и слишком мало заботился о безопасности. И если бы усилия, предпринятые обоими лидерами, объединились в действиях одной личности, то миру грозило бы появление нового диктатора, даже более страшного, чем Сталин.

Между тем для Охраны и госбезопасности опять наступили нелегкие деньки. Мини-чистка, направленная на всех сподвижников бывшего главного безопасника, была делом само собой разумеющимся. Поначалу кое-кто из них даже приветствовал смещение Берии, надеясь, что оно положит конец влиянию его помощников, грузин и представителей других нацменьшинств, однако последующие события довольно скоро развеяли их иллюзии.

После ликвидации Берии Хрущев, будучи партийным лидером, стал непререкаемым руководителем Советского Союза, несмотря на промелькнувших на Горизонте власти таких сотоварищей по «коллективному» руководству, как Маленков с Булганиным вместе с их правительственными постами и титулами. Первым делом утвердившийся во власти Хрущев ослабил силы госбезопасности, чтобы эта организация не могла более представлять из себя угрозу, как это случилось при Берии. Этим он занялся сразу же после ареста последнего. Первый секретарь поставил главой МВД своего главного подслушивальщика, заместителя Берии Круглова. Хрущев вернул руководителя Охраны, или Девятого управления МГБ, Кузьмичева обратно в тюрьму, откуда его вытащил Берия, и заменил, своим ставленником, Александром Линевым, бывшим подчиненным по московской партийной организации. На должности заместителей Линева привел за собой других партийных аппаратчиков — такой практикой тогда

пользовались во всех подразделениях госбезопасности. Он продержался на своем посту всю начальную фазу конфликта между Маленковым и Хрущевым, но в 1954 году был замещен на другого представителя московской партийной организации, Владимира Устинова, который возглавлял Девятое управление до 1957 года.

Перетряска Охраны и прочих организаций госбезопасности, произведенная Хрущевым, была всеобъемлющей и длилась долго. Заметим, что постепенно его личная охрана выросла в три раза по сравнению с 1953 годом, когда он еще не полностью прибрал к рукам власть. В первоначальный штат его службы безопасности входило два повара, четыре официантки, одна экономка, одна прислуга, парикмахер, две горничных, три уборщицы, три шофера лично для Хрущева и два — для его жены и сорок пять офицеров охраны. После реорганизации в 1957 году в Москве, а также по всему СССР и за рубежом остались лишь считанные единицы тех, кто некогда работал со Сталиным и Берией. Пожалуй, единственным офицером, уцелевшим в Охране, был комендант Кремля Веденин. Однако Хрущев не доверил ему заботу о собственной безопасности. Для этой цели имелись полковники Литовченко и Столяров, телохранители Никиты Сергеевича со времен руководства Украиной, которых он забрал с собой в качестве начальников личной службы безопасности в 1949 году.

Назначение Линева, сотрудника Хрущева, главой Охраны крайне беспокоило Маленкова. Он испугался, что это позволит его сопернику осуществлять чересчур пристальный контроль над госбезопасностью.

И поэтому, имея пока еще некоторый политический вес, заместителем Круглова Маленков провел своего ставленника Николая Шаталина, одного из секретарей ЦК КПСС. Но даже это не помогло ослабить влияние Хрущева на органы безопасности, поскольку к тому времени его старинный приятель Серов уже занимал должность заместителя министра внутренних дел. Смещение баланса власти в пользу Хрущева еще более усилилось, когда он добился утверждения своего продвиженца Константина Лунева на пост второго заместителя Круглова, что явилось своего рода компенсацией назначению маленковского Шаталина. Кроме того, повышение Лунева было крайне на руку Хрущеву, поскольку тот оказался единственным представителем МВД, подписавшимся под смертным приговором Берии.

Но служба в госбезопасности как Шаталина, так и Лунева продолжалась недолго и закончилась в 1954 году, после чего Шаталина вернули в партаппарат и вскоре перевели в провинцию, где о нем и забыли. Лунева также сослали в провинцию в качестве сотрудника госбезопасности, и он постепенно благополучно исчез со сцены. Однако основная значимость этих двух функционеров заключалась скорее в их смещении, чем в проделанной ими работе.

Их отставка послужила своеобразной поворотной вехой, отметившей начало хрущевской борьбы за абсолютную власть, когда он в значительной степени повторил Сталина, и не только в политическом отношении, но и в полном подчинении себе госбезопасности. Последнее достигалось путем постоянной смены имен — характерной российской тактике как при царизме, так и при советской власти. С помощью этой тактики Хрущев не только морочил голову своей и зарубежной общественности, но и держал в кулаке госбезопасность, чтобы использовать ее в личных целях.

В марте 1954 года Хрущев занялся реконструкцией аппарата МГБ, за которым тянулся душок дел не только Берии, но и всех его предшественников. Вместо этого министерства он учредил «всего лишь» Комитет государственной безопасности, широко прославившийся впоследствии под аббревиатурой КГБ. В то же время МВД превратили в декоративное министерство, а КГБ усилился за счет перешедших под его начало пограничной службы и сил внутренней безопасности, прежде подчинявшихся Министерству обороны и прочим ведомствам. Круглов, который продолжал возглавлять изрядно ошипанное МВД, протянул на своем посту еще несколько лет, после чего был уволен Хрущевым.

Поскольку статус органа госбезопасности «понижился» до комитета, его главой теперь был не министр, а председатель. Первым Председателем КГБ Хрущев назначил своего старого друга Серова. Утвердив его, Хрущев занялся организацией собственного «окружения», как до него это делал Сталин. Личную службу безопасности Хрущева можно было бы окрестить «командой с улицы Грановского», поскольку она сформировалась и руководилась давними друзьями Хрущева, прописавшимися в правительственном доме по этому московскому адресу. Там жил Серов, а также еще один прихлебатель Хрущева, Генеральный прокурор и главный блюститель советской «правовой» системы Роман Руденко. Они имели обыкновение встречаться на улице Грановского и по вечерам, за выпивкой, решать, кого из «врагов народа» (читай — Хрущева) следует ликвидировать, а кого просто посадить за решетку. Вполне возможно, что именно во время одной из таких вечерних посиделок было принято решение о казни в 1954 году Карасева, главных «ушей» Берию, ставшего козлом отпущения по делу о «заговоре врачей» Рюмина, а также незадачливого Абакумова вместе с сотрудниками.

Несмотря на усовершенствования, произведенные Серовым вместе с Руденко и их сотрудниками, Хрущев, как отмечалось выше, будучи экспертом больше в политике, не последовал опыту Сталина, уделявшему самое пристальное внимание организации личной безопасности, особенно в ее российском и советском смысле. Так, несмотря на внушительный кортеж личной охраны и полностью подчиненную ему госбезопасность, у Хрущева никогда не было своего Поскребышева или Хотя бы Власика. Фактически единственным, по-настоящему преданным ему человеком являлся один лишь Григорий Шуйский, журналист-аппаратчик из партийной прессы, с которым Хрущев близко сошелся еще в свою бытность на Украине. Этот Шуйский находился при Хрущеве в качестве своего рода секретаря, сопровождавшего его при встречах с главами государств в США, Париже и Вене, однако он представлял из себя не более чем бледное подобие зятя Хрущева Аджубея и конечно же не являлся подобием «серого кардинала» Никиты Сергеевича.

Таким образом, не особо заботясь о личной безопасности, Хрущев предоставил Охране самой справляться с теми недостатками, вместе с которыми он получил ее в наследство. Первым шефом подчиненной КГБ Охраны, примерно с 1954-го по 1957 год, стал очередной бывший сотрудник Хрущева по МГК КПСС, некий Владимир Устинов, параллельно выполнявший функции заместителя Председателя Комитета. Позднее он был направлен послом в Венгрию; в 1971 году ему посчастливилось умереть собственной смертью.

Преемником Устинова стал Николай Захаров, тут же получивший звание генерал-майора. Выходец из прежней Охраны № 2, он принадлежал к «команде с улицы Грановского», но, по некоторым, сведениям, больше симпатизировал Маленкову, чем Хрущеву.

Захаров оказал придворное рвение и вскоре снискал расположение хозяина. Хрущев в качестве поощрения взял его с собой в США, где тот потратил не меньше времени, улыбаясь перед камерами репортеров, чем на обеспечение безопасности Хрущева вместе со своими американскими коллегами. Вскоре после поездки, а может, еще при подготовке к ней Захарова произвели в генерал-лейтенанты.

Затем, в 1961 году, Хрущев снова отметил своей милостью этого беспрестанно улыбавшегося человека, который являлся лишь бледной тенью прежних начальников личной охраны, и назначил заместителем Председателя КГБ, одновременно оставив шефом Девятого управления. А в 1963 году Захаров — от которого, как вскоре выяснилось, не оказалось никакого проку, когда его хозяину понадобилась реальная помощь, — достиг вершины своей карьеры. Ему присвоили звание генерал-полковника и одновременно назначили первым заместителем Председателя КГБ, курировавшим Девятое управление, комендатуру Кремля и другие подразделения госбезопасности. Никогда еще в советской истории офицер госбезопасности не взлетал так высоко и так стремительно, не обладая другими

заслугами, кроме умения вовремя и к месту улыбаться. Должно быть, это была крайне обаятельная улыбка, поскольку карьера Захарова продолжалась еще несколько лет после падения Хрущева.

В период стремительного взлета Захарова в вопросах собственной безопасности Первый секретарь больше полагался на КГБ, чем на хорошо организованную личную службу охраны, что впоследствии стало причиной его падения. В середине пятидесятых годов, когда КГБ возглавлял Серов, подобная недальновидность не имела для Хрущева опасных последствий, поскольку этот Председатель Комитета был беззаветно предан ему.

Однако в 1958 году, когда победы над соперниками явно вскружили Хрущеву голову, он совершил, как потом оказалось, роковую ошибку, не только уволив Серова, но и назначив на его место совершенно никудышного в деле безопасности человека — Шелепина.

Бесспорно, этот комсомолец привлекал симпатии своей молодостью и отсутствием связанного с госбезопасностью прошлого. Но на этом все его достоинства и заканчивались. Против них выстраивались сплошные недостатки — карьеризм, подхалимство, неблагодарность и готовность политически утопить каждого, кто окажется на его пути. Если к этому добавить верность лишь собственным интересам, то получится совершеннейший образчик «нового» советского человека. А принимая во внимание ослабление сил госбезопасности после падения Берии и политическую Изоляцию, в которой к тому времени оказался Хрущев, ему надлежало сделать гораздо лучший выбор.

Хотя вопросы безопасности, более чем вероятно, обсуждались на ежедневных встречах Хрущева и Шелепина, складывается впечатление, что амбициозный глава КГБ использовал их больше для обеспечения собственного политического будущего, чем для оказания помощи хозяину в укреплении власти. Так, в конце 1961 года Шелепин смог убедить Хрущева не только освободить его от обременительной должности Председателя КГБ и перевести на перспективную в политическом отношении работу в секретариат ЦК КПСС, но и назначить своим преемником другого аппаратчика от комсомола, Семичастного — ближайшего приспешника самого Шелепина.

Согласившись, Хрущев совершил очередную ошибку, доверив управление госбезопасностью в такие ненадежные руки. Семичастный докладывал Шелепину, о каждом секретном действии, предпринимаемом Хрущевым совместно с новым главой КГБ. Что заставило Хрущева сделать такой опрометчивый шаг, неизвестно. Он не только поставил на высокую должность в ЦК КПСС не заслуживающего доверия человека, но и обеспечил Шелепина каналом передачи секретной информации, о которой никто, кроме самого Хрущева и его ближайшего окружения, не должен был даже догадываться.

Скорее всего, Хрущев, будучи слишком уверенным в себе и пребывая в эйфории от успехов, упустил из виду, что коммунистическому лидеру надлежит не только быть безжалостным политическим бойцом, но и иметь самый жесткий контроль как над собственной, так и над государственной безопасностью. Но при наличии команды Шелепина — Семичастного — Захарова последнее у него как раз и отсутствовало.

Даже создание «нового» Министерства внутренних дел со всей очевидностью демонстрировало дальнейшее ослабление власти Хрущева над силами безопасности. В 1956 году он сместил с поста главы МВД свои главные «уши» Круглова, заменив его на еще одного московского партийного аппаратчика Николая Дурова. «Эксперт» по строительству и промышленности в сталинских трудовых лагерях, Дуров имел весьма смутное представление о работе в органах безопасности, зато был предан Хрущеву лично, за что и получил этот пост. Однако при создании МООПа, даже фактор лояльности для Хрущева, похоже, перестал играть значимую роль, поскольку он назначил главой этого министерства Вадима Тикунова, очередного комсомольского выдвиженца Шелепина. Таким образом, именно Шелепин заполучил все бразды правления силами госбезопасности страны, что представляло собой крайне опасную концентрацию власти в руках того, кому Хрущев так слепо доверял.

А в начале 1964 года из-за дела Пеньковского Хрущева заставили избавиться и от Серова, единственного по-настоящему преданного ему офицера госбезопасности, руководившего тогда ГРУ.

Нельзя сказать, что у Хрущева не возникало поводов для беспокойства — их хватало с избытком. Еще в 1956 году, когда амбициозный Шелепин возглавлял КГБ, он осмелился учинить политический скандал и спутать карты своему хозяину, приказав арестовать и выслать из страны американского дипломата в тот самый момент, когда во время кэмп-дэвидской встречи между Хрущевым и президентом Эйзенхауэром намечалось сближение. Поскольку инцидент сошел с рук, тандем Шелепин — Семичастный в следующий раз нанес Первому секретарю настоящий удар в спину. Пока Хрущев пытался успокоить президента Кеннеди после того, как советско-американские отношения сильно подпортились в результате Карибского кризиса, агенты КГБ грубо обошлись с тремя американскими военными атташе (и их британским коллегой) в номере одной из гостиниц Сибири. Имели место и другие, менее известные примеры проявления «комитетчиками» самодеятельности, но кульминацией послужил произошедший в сентябре 1964 года случай, когда агент КГБ выпустил в лицо немецкому дипломату, пришедшему на службу в московскую церковь, струю отравляющего газа. Это произошло в то время, когда Хрущев прилагал огромные усилия нормализовать отношения с Бонном.

И вот в октябре 1964 года по-прежнему до крайности самоуверенный в себе Хрущев отбыл в отпуск на Черное море. Его отсутствие в столице дало возможность проломить спину и без того слабой службе личной безопасности Хрущева. Для Суслова и его друзей-заговорщиков сбросить Первого секретаря с трона оказалось не сложным делом. Они без труда переманили на свою сторону амбициозных — Шелепина с Семичастным, пообещав им продвижение по служебной лестнице. А Захаров был готов расточать свои обаятельные улыбки заговорщикам, как до этого улыбался Хрущеву.

Когда по прибытии в московский аэропорт Никиту Сергеевича взяли под опеку его бывшие подчиненные, Шелепин и Семичастный, он попытался было возражать, однако серьезных попыток к сопротивлению не предпринял. До него наконец — хотя и слишком поздно — дошло, что без надежной системы личной безопасности его карьера закончена. А российский народ, еще более бесправный, чем при царях, стал наблюдателем очередного дворцового переворота, на этот раз — совершенно бескровного.

Брежнев

Заняв место партийного руководителя, Брежнев постоянно вел подспудную и крайне осторожную борьбу не только за удержание власти, но и за ее усиление.

С самого начала он взял на вооружение скорее, тактику Сталина, нежели Хрущева, и в дальнейшем его методы управления зачастую стали называть «неосталинистскими». И хотя политические мельницы Брежнева молили медленно, зато очень тщательно. Он перенял фиктивное «коллективное» руководство, изобретенное Хрущевым, и вскоре превратил его в триумvirат, разделив свою власть с премьер-министром Косыгиным и Николаем Подгорным, своего рода эквивалентом президента. Однако на деле такого рода «коллективизм» был просто фикцией, и коллеги Брежнева по триумvirату оказались практически безвластными, особенно после того, как он присвоил себе титул «Генерального секретаря», который до него носил только Сталин.

В отличие от Хрущева, Брежнев, как и Сталин, хорошо понимал, что лидерство при советской системе требует тщательного соблюдения баланса между политикой и безопасностью, с использованием первой — для приобретения власти, а второй — для ее удержания.

Оглядываясь в прошлое, Можно заметить, что поначалу позиция партийного секретаря Брежнева выглядела довольно уязвимой как с политической точки зрения, так и в отношении безопасности. Ему не только пришлось платить за услуги — и весьма щедро, — продвигая по служебной лестнице Шелепина и Семичастного (за то, что они сдали Хрущева), введя первого в Политбюро, а второго — в состав ЦК КПСС. Он также был вынужден оставить эту парочку амбициозных и беспринципных людей во главе служб безопасности, включая и свою собственную. Фактически наличие команды Шелепина — Семичастного являлось аналогом существования Берии и его компании после смерти Сталина. Вдобавок ко всему Шелепин стал теперь весьма реальным политическим соперником Брежнева. Внешне новый генсек представлял из себя густобрового, малоинтересного, лишенного всякой харизмы технократа-аппаратчика. Более молодой и привлекательный Шелепин обладал относительным лоском, более светскими манерами и казался «мягким руководителем», который уже успел снискать себе популярность в стране и за рубежом и которого кое-кто прочил в будущие лидеры Советской России.

Почуввав опасность, Брежнев стал действовать — но медленно и крайне осторожно. Одновременно с введением Шелепина в состав Политбюро он постарался, чтобы в противовес ему в этом высшем органе оказались два его собственных выдвиженца: один в качестве члена, а второй — кандидата в члены Политбюро. Генсек также позаботился, чтобы имя Шелепина стояло как можно ниже в списках партийных боссов, а в аэропортах его встречали и провожали второстепенные сановники. Затем, в декабре 1956 года, Шелепину весьма существенно подрезали крылья. Всесильный Государственный комитет партийного контроля, возглавляемый Шелепиным, который можно было использовать таким же образом, каким Сталин некогда использовал рабоче-крестьянскую инспекцию, был распущен.

В 1966 году Брежнев делает следующий шаг — увольняет прошелепинского министра охраны общественного порядка Тикунова, заменив его Николаем Щелоковым, своим бывшим Личным другом, также выпускником металлургического института и коллегой по партийной организации Днепропетровска. (Два года спустя МООПу вернули прежнее название — МВД; Щелоков остался во главе министерства, и власть его только усилилась за счет возвращения под командование МВД внутренних и конвойных войск.)

Итак, добившись власти, по крайней мере частичной, над службой безопасности, Брежнев почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы наконец заняться КГБ. Шелепин, которого к тому времени явно переиграли в закулисной политической борьбе, не стал открыто противиться переменам в кадровом

составе Комитета.

И вот в мае 1967 года руководитель партии сместил с поста Председателя КГБ и ставленника Шелепина Семичастного, заменив его своим надежным человеком Юрием Андроповым. Доказательством надежности Андропова послужил тот факт, что он, будучи послом в Будапеште в 1956 году, принимал непосредственное участие в подавлении венгерского восстания силами армии и КГБ в кровавой, истинно сталинской акции «антисталиниста» Хрущева. К тому же Андропов был привлекателен для Брежнева еще и отсутствием политических связей как с другими партийными иерархами, так и с КГБ. А чтобы помочь своему выдвиженцу, не имевшему опыта работы в органах госбезопасности, Брежнев снабдил его тремя помощниками, или заместителями председателя, которые беззаветно были преданы генсеку и на деле осуществляли руководство КГБ. Ими являлись Виктор Чебриков, друг-аппаратчик Брежнева по Днепропетровску, Георгий Цинев, прежде служивший в СМЕРШе, и Семен Цвигун, работавший под руководством Брежнева в Молдавии; Именно Цвигун и стал первым заместителем, а также настоящим главой КГБ, несмотря на формальный титул Андропова. Улыбчивого и бесполезного Захарова, понизив в должности, сделали вторым заместителем.

В связи с жесткой перетасовкой высшего руководства КГБ был освобожден (правда, с почестями) с должности коменданта Кремля Веденин, которого заменили еще одним брежневским ставленником Сергеем Шорниковым. Однако тот целиком и полностью находился в подчинении Цвигуна, который не только руководил КГБ, но и контролировал Девятое управление, таким образом приглядывая как за Брежневым, так и за его возможными соперниками.

Это был совершенно радикальный поворот в технике управления советской госбезопасностью. Хотя Цвигун оставался как бы в тени благодаря своей должности заместителя Председателя КГБ, ему вверили такую власть, какой прежде обладали Берия, Поскребышев и Власик, вместе взятые. Несмотря на то что авторитет Андропова усилили, сделав его кандидатом в члены Политбюро, непреложным оставался тот факт, что его заместитель Цвигун являлся самым полновластным человеком после Брежнева и, возможно, самым сильным руководителем госбезопасности, какого когда-либо видела имперская или Советская Россия.

Еще задолго до того, как подмять КГБ, Брежнев потихоньку подчинил себе Вооруженные Силы. Он добился этого путем длительных товарищеских отношений, в результате которых такие высокопоставленные военачальники, как генералы Алексей Епишев и Петр Ивашутин, стали полностью зависимыми от него людьми; Епишев был выпускником «секретариата» Поскребышева, перешедшим от последнего на службу к Абакумову и работавшим заместителем министра МГБ в последние годы жизни Сталина. Ко времени прихода к власти Брежнева Епишев уже возглавлял Главное политическое управление Советской Армии, и генсек позаботился о его членстве в ЦК КПСС. Ивашутин, официально занимавший пост заместителя Генерального штаба Советской Армии, имел обширный опыт работы в НКВД, МГБ, МВД и контрразведке КГБ, а также побывал начальником СМЕРШа на Украине, в Австрии и Восточной Германии. На самом же деле Ивашутин возглавлял военную разведку (ГРУ).

Брежневу необходимо было избавиться и от сподвижников Хрущева, занимавших руководящие посты в армии и службе безопасности, хотя предпринятые в том же направлении шаги Шелепина и Семичастного облегчили ему эту задачу. В свете этого следует обратить внимание на «неожиданное» (и, согласно мнению экспертов Белграда, совершенно необъяснимое и невозможное) крушение советского лайнера в Югославии, произошедшее неделю спустя после отставки Хрущева. На борту самолета находились шесть высших военных чинов. Особый интерес среди них представляли маршал Сергей Бирюзов, начальник штаба Советской Армии и известный сторонник Хрущева, а также генерал-лейтенант КГБ Николай Миронов, последовательный проводник хрущевской программы «социалистической

законности» и глава управления делами ЦК КПСС — псевдоним органа партийного надзора за госбезопасностью.

Не исключено, что Шелепин и (или) Семичастный были посвящены в истинную причину авиакатастрофы; так же можно предположить, что к этому происшествию имел отношение и Брежнев. Постепенное вымывание оставшихся сторонников Хрущева из кабинетов госбезопасности продолжалось периодическими вспышками и затянулось до следующего десятилетия. В июне 1970 года «скоропостижно скончался» генерал-майор Шульженко, заместитель Председателя КГБ Украины, хотя ему исполнилось всего пятьдесят один год. В том же самом месяце генерал-полковника Виталия Никитченко, длительное время возглавлявшего КГБ Украины, освободили от должности Председателя и перевели в управление тюрем, заменив генерал-полковником Федорчуком, сослуживцем Брежнева военного периода. Оба, и Шульженко и Никитченко, принадлежали к сторонникам Хрущева.

Пик напряженности борьбы Брежнева за власть в Кремле, особенно за обладание контролем над госбезопасностью, пришелся на период между маем и июнем 1967 года.

Первым признаком ужесточения такой борьбы явилась серия неожиданных и скоропостижных смертей среди руководства КГБ, МВД и Вооруженных Сил, о чем скупно сообщалось в тогдашней прессе. За тот период из жизни ушло не менее пятнадцати высших военных чиновников, среди которых оказались генерал-майор КГБ Василий Лукшин, начальник военной контрразведки, генерал-майор КГБ Сергей Вишневский, три полковника КГБ и один полковник милиции.

Далее, 26 июня 1967 года было объявлено о награждении Верховным Советом РСФСР Кантемировской бронетанковой дивизии. Причины награждения не пояснялись, к тому же за последнее десятилетие не произошло ни одного мало-мальски значительного события, в котором упомянутое военное соединение принимало бы участие. Однако это была та самая дивизия, которую Политбюро вызвало себе в подмогу против клики Берии ровно четырнадцать лет назад. Но если бы именно акция 1953 года послужила поводом для награждения, то наверняка прозвучали бы какие-то заявления, по крайней мере завуалированные. А поскольку причина награждения держалась в секрете, можно предположить, что кантемировцы по поручению Брежнева выполняли какие-то специальные превентивные мероприятия, направленные на пресечение шелепинской попытки захватить власть в духе Берии.

А к концу лета 1967 года все было кончено — Шелепина перевели на политически совершенно бесперспективный пост председателя Совета профсоюзов. Одновременно его освободили от должности секретаря ЦК КПСС. На самом деле только это отстранение и имело первостепенное значение, поскольку, будучи секретарем, Шелепин осуществлял партийный контроль над всем аппаратом системы безопасности. С его отставкой Брежнев окончательно и бесповоротно взял в свои руки власть над КГБ, ГРУ, милицией, включая, конечно, собственную службу безопасности и личную охрану своих потенциальных соперников.

Но еще до того, как Брежнев одержал окончательную победу в дворцовой сваре за власть, он добился значительных успехов в усовершенствовании собственной мафии — его личной элитной охраны, состоящей из государственных, партийных деятелей, а также аппаратчиков от госбезопасности.

Большинство из них Брежнев знал еще со времен молодости, когда учился в Днепропетровске, а позже занимал пост первого секретаря в местной партийной организации. (В Москве эту команду окрестили «днепропетровской командой».) Первыми членами этой группировки, которым были вверены властные полномочия, стали Щелоков, Цвигун, Цинев, Чебриков — все земляки-украинцы, — Епишев и Ивашутин. Заслуживает внимания тот факт, что пятеро из секстета — за исключением лишь Щелокова — служили в госбезопасности еще при Сталине.

Управляя своей командой и используя ее для достижения собственных политических целей на самом высоком уровне, Брежнев превзошел даже самого Сталина. У него имелось не одно, а целых два «вторых «я». Первым и, пожалуй, менее значимым являлся действовавший под дипломатическим прикрытием офицер разведки Александр Александров-Агентов. Этот «дипломат» с 1966-го по 1969 год служил советским послом по особым поручениям в Сьерра-Леоне. Видимо, свои «особые поручения» он исполнил безукоризненно, поскольку в 1971 году премьер-министр этого государства, Сиака Стивенс, призвал к себе советских «инструкторов» в качестве личных охранников. Этот африканский лидер, видите ли, столкнулся с определенными трудностями после захвата власти.

«Вторым «я» Брежнева — и, несомненно, более значимым — был Георгий Цуканов, еще один выходец с Украины и еще один соученик партийного босса по металлургическому институту. На Брежнева он начал работать с 1958 года. После отставки Хрущева его сделали главой администрации генсека, так называемого «секретариата». Так же, как некогда Поскребышев при Сталине, Цуканов координировал все дела Брежнева, особенно связанные с вопросами безопасности. И, в продолжение сравнения между Поскребышевым и этой брежневской парочкой, следует упомянуть, что оба носили звания помощников Генерального секретаря ЦК КПСС — как и сталинский, подручный.

Хотя Брежнев добился бесспорной власти над Кремлем и госбезопасностью, а также сумел организовать собственную банду для защиты от дворцовых переворотов, его личная охрана оставалась лишь бледным подобием сталинской. Это сказалось — и, несомненно, весьма пугающим образом — в январе 1969 года. Террорист, ни разу не упоминавшийся иначе как Ильин, сумел практически в упор обстрелять кортеж генсека у самых ворот Кремля. Ничего подобного не случалось со времени покушения на великого князя Сергея в 1905 году.

После этого покушения поползли самые разные слухи: что покушение организовано кем-то из Политбюро; что за ним стояли Вооруженные Силы; что это дело рук возмущенных интеллектуалов. Никаких официальных объяснений не последовало, и лишь только несколько месяцев спустя было объявлено, что психиатрическая экспертиза признала Ильина невменяемым и его поместили в сумасшедший дом, излюбленное место заключения диссидентов, имевших несчастье уметь думать. Обвинение в невменяемости освобождало руководство от дачи каких-либо объяснений по поводу покушения.

Однако в апреле и мае 1969 года косвенное подтверждение тому, что инцидент у кремлевских ворот связан с оппозицией режиму в Вооруженных Силах, все же имело место. Только за эти два месяца среди высокопоставленных советских офицеров прошел настоящий мор. Одни «скоропостижно скончались», другие «трагически погибли при исполнении служебных обязанностей». Среди ушедших из жизни оказалось восемь генералов, включая и Валентина Пеньковского, бывшего заместителя министра обороны, командующего Белорусским военным округом и двоюродного деда Олега Пеньковского. (К делу своего родственника он не имел никакого отношения.)

И по сей день не ясны причины резкой вспышки смертности среди высшего офицерского состава. Одно из предположений — в покушении на Брежнева напрямую были замешаны военные, поскольку точно известно, что Ильин являлся офицером Вооруженных Сил. Такая возможность подтверждается неожиданной отменой военного парада в честь Первомая. Если было установлено — или хотя бы предполагалось, — что войска имели отношение к покушению на генсека, то до парада оставалось слишком мало времени, чтобы власти успели провести достаточно основательную чистку Вооруженных Сил и обрести уверенность в невозможности нападения на собравшееся на трибуне Мавзолея руководство.

Несмотря на всю расплывчатость фактов в деле о покушении на Брежнева, за ним последовали весьма определенные изменения в организации службы безопасности. Почти немедленно улыбчивого

Захарова, самого старшего из чиновников, ответственного за случившееся, поскольку в его полномочия входил надзор за Управлением охраны, сослали в провинцию, что следовало сделать значительно раньше. Цвигун, до этого осуществлявший общий контроль над этим управлением, теперь был назначен его официальным руководителем.

После небольшой волны увольнений и вынесения приговоров, — возможно, и нескольких смертных, — низшим и средним чинам службы безопасности, не сумевшим предотвратить проникновение вооруженного злоумышленника к воротам Кремля, Управление охраны снова обрело свою былую мощь и эффективность. Наконец-то до руководства дошло, что сейчас, как и при царизме, покушение возможно не только извне, но и изнутри дворца. К тому же ни для кого уже не являлось секретом недовольство, бродившее к тому времени среди интеллектуалов.

В результате Брежнев довел численность Управления охраны почти до пятнадцати тысяч человек. Была упрочена связь с двумя соседними дивизиями госбезопасности, а также с Кантемировской бронетанковой дивизией, расквартированной под Москвой, хоть официально она и находилась в подчинении Министерства обороны. Наладили также более тесное взаимодействие с милицией и внутренними войсками Щелокова, хотя вряд ли а этом существовала необходимость, поскольку Брежнев и Щелоков жили рядом и часто виделись как по официальным, так и неофициальным поводам. Теперь, когда все силы были сплочены воедино, должно потребоваться немало времени, чтобы другой террорист смог подобраться к Кремлю или советскому иерарху на расстояние выстрела.

Несмотря на подобное усиление службы личной безопасности, в апреле — мае 1970 года вновь вспыхнула борьба за власть. Насколько известно, это была скорее закулисная возня, чем открытая схватка, к тому же положению Брежнева теперь, похоже, вряд ли что угрожало напрямую. Однако все оказалось достаточно серьезно, поскольку явилось причиной отсрочки XXIV съезда КПСС.

Другим косвенным признаком политической свары послужила отставка прежнего коменданта Москвы (без перевода и нового назначения), занимавшего этот пост с момента падения Берии, а также чистка последователей Хрущева среди командного состава КГБ Украины.

И все же борьба, повлекшая за собой все эти изменения, не могла быть достаточно серьезной, поскольку в последнюю неделю 1970 года Брежнев собственноручно торжественно снял покрывало с бюста Сталина — своего до некоторой степени прототипа, — установленного рядом с Мавзолеем Ленина на Красной площади.

А к 1971 году личная политическая безопасность Брежнева, похоже, достигла уровня, сравнимого со сталинской. Единственной неудачей того года было смятение внутри КГБ, когда англичанам удалось выдворить более сотни его сотрудников, действовавших под видом дипломатов и торговых представителей. Однако это выглядело относительно невинным просчетом в организации внешней разведки, а не дефектом всей структуры безопасности, способным принести вред руководству страны.

Таким образом, имея под своим контролем Управление охраны, Вооруженные Силы и другие организации госбезопасности, а также проявлявших определенную вялость политических оппонентов, этот преемник Сталина не побоялся отправиться с государственным визитом в Париж, где он смог насладиться помпезным приемом, оказанным ему президентом Жоржем Помпиду. А в 1972 году он даже позволил себе гарантировать достаточно восторженный прием президенту США Ричарду Никсону.

Приложения

Главное управление охраны

Организация и высшее руководство

Главное управление охраны (ГУО) было, по всей видимости, наиболее эффективным и наисложнейшим в организационном плане учреждением из всех известных нам ведомств, созданных когда-либо для обеспечения личной безопасности руководителей государства и идеологических вождей. Ни одна из других аналогичных систем охраны правителей и политического строя, имевшихся в прошлом или существующих в настоящее время, по степени своей надежности не идет ни в какое сравнение с вышеназванным органом.

В подтверждение данных слов достаточно взять, к примеру, группу сотрудников Секретной службы США, которая непосредственно занята обеспечением безопасности президента, членов его семьи, отдельных сановных лиц и видных зарубежных деятелей во время их пребывания в Соединенных Штатах. Не входя ни в один из главных правоохранительных органов, указанная группа подчиняется непосредственно государственному казначейству, в основные обязанности коего входят регулирование денежного обращения, сбор налогов и других поступлений в государственный бюджет и принятие мер по предотвращению появления в стране фальшивых денег — то есть много чего важного, кроме личной безопасности кого бы то ни было. Поэтому для того чтобы получить информацию относительно потенциальных убийц или взрывоопасных районов, телохранителям из Секретной службы приходится обращаться за помощью к целому ряду учреждений, включая федеральные следственные и разведывательные органы, администрацию различных штатов и, в отдельных случаях, полицию в небольших городах и селениях. Поскольку группа охранников президента США не имеет в своем подчинении никаких вспомогательных служб, при возникновении чрезвычайных обстоятельств ей поневоле приходится полагаться на содействие со стороны независимых от нее организаций, не имеющих зачастую необходимого опыта в такого рода делах. Сложившаяся в США крайне слабая, отставшая от веления времени охранная система неоднократно показывала на практике, что она не в состоянии обеспечить даже президентам собственной страны личную безопасность.

Охрана Сталина в период ее апогея не встречалась с подобными трудностями. Это был его личный орган безопасности, управлявшийся только им и не подчинявшийся никому, кроме него самого. По характеру своей деятельности эта структура являлась не только охранной службой, но и, в случае нужды, орудием принуждения, выполнявшим и карательные функции. Данное ведомство, возвышаясь по занимавшемуся им в стране положению над всеми остальными органами государственной безопасности, получало от них всю связанную с ее работой информацию, причем не по случаю, время от времени, а постоянно, в соответствии с раз и навсегда установленным порядком, безусловно считавшимся как нечто само собой разумеющееся. И хотя по численности личного состава охрана Сталина не превышала соответствующий показатель в остальных подразделениях ГУО, к ее услугам всегда были прекрасно обученные и опытные сотрудники любых спецструктур. Кроме того, она обладала властью, которой не имела никакая другая охрана ни в прошлом, ни в настоящем. На нее, в отличие от аналогичных групп где-либо еще, как уже отмечалось ранее, возлагалась двуединая задача не только защиты вождя, но и ликвидации его противников — как уже имевшихся, так и потенциальных. Этот второй аспект ее деятельности может рассматриваться лишь как дополнительная функция, которая вообще-то не присуща

охранным системам, как таковым, и если и возлагается на них, то лишь в условиях коммунистического или какого-либо еще диктаторского режима.

В сущности, не было никаких объективных причин учреждения в 1947 году Главного управления охраны. Хотя спецслужбы, обеспечивавшие до этого безопасность вождя, и не имели такого многочисленного личного состава, а их сотрудники не отличались столь отличной выучкой и исключительной дисциплинированностью, они тем не менее успешно справлялись со своей двуединой задачей охраны Сталина и ликвидации его соперников. Скорее всего, создание подобной, стоявшей над всеми спецслужбами организации объясняется тем, что по мере того, как сгущались сумерки долгой и кровавой жизни этого деспота, происходило без всяких на то оснований обострение присущей ему подозрительности, что наблюдалось в свое время и у Ивана Грозного. Возможно, неспособность адекватно оценивать обстановку привела в конечном итоге и к тому, что Сталин позволил своим приближенным учинить в 1952 году самую настоящую расправу над его личными телохранителями, ставшими к тому времени профессионалами высшего класса.

В лучшую пору ее деятельности Охрана находилась в личном ведении Грузина, опиравшегося в данном случае на Поскребышева, который так же, как и Сталин, непосредственно контролировал деятельность органов государственной безопасности, замыкал же цепочку высших руководителей этой организации Власик, начальник ГУО. В подчинении у Власика находились секретариат, выполнявший исключительно административные функции, парткомы и комитеты комсомола, занимавшиеся политическим просвещением и идеологической обработкой охранников, четыре отдела — плановый и хозяйственно-организационный отдел, отдел кадров, отдел связи и оперативный отдел, — несколько управлений, представленных комендатурой Кремля, Охраной № 1, Охраной № 2, Управлением оздоровительными зонами Северного Кавказа, Управлением оздоровительными зонами на побережье Черного моря, Управлением оздоровительными зонами в Крыму, Управлением медицинским и санитарным обслуживанием Кремля, а также такие не столь значимые подразделения руководимой им службы, как школа охранников, центр физической подготовки и обучения обращению с оружием, арсенал и санитарная служба.

Помогали Власику в управлении всем этим комплексом четыре главных заместителя: начальник Охраны № 2 (Охрану № 1 возглавлял сам Власик), начальник отдела кадров, начальник оперативного отдела, как называлось эвфемистически данное подразделение, представлявшее собой группу сотрудников, выполнявших спецзадания по захвату и «нейтрализации» противника, и начальник планового и хозяйственно-организационного отдела, что может служить определенным свидетельством большого значения данного подразделения для организации в целом.

Кроме того, Власик имел полное право обратиться за помощью и поддержкой к любому из подразделений Министерства государственной безопасности — он мог использовать отдел «Т» (по борьбе с террором), войска МВД, группу внутренней контрразведки, оперативные и следственные органы и, наконец, архивы и различные сектора, занимавшиеся составлением и хранением личных дел. Причем все они обязаны были немедленно откликаться на просьбу начальника охраны Сталина и делать все от них возможное, чтобы удовлетворить ее. Точно так же Власик мог бы прибегнуть и к помощи армии, однако в годы правления Сталина необходимость принятия подобных крайних мер ни разу так и не возникла.

Численность личного состава Главного управления охраны, являвшаяся тщательно охраняемой государственной тайной, время от времени претерпевала изменения. В свои лучшие времена оно насчитывало в одной только Москве около шестнадцати тысяч офицеров и рядовых служащих — как мужчин, так и женщин. А ведь помимо них имелись еще сотрудники управлений южными здравницами и местных охранных служб, а также несколько тысяч контрактников, нанимавшихся в соответствии с

трудовым соглашением на полный или неполный рабочий день. При определении общей численности служащих, находившихся в ведении ГУО, необходимо учитывать и то обстоятельство, что Дивизии при органах государственной безопасности или входившие в состав внутренних войск представляли собой по сути всего-навсего резервные подразделения данного учреждения. Между тем Первая дивизия имени Дзержинского и Вторая дивизия внутренних войск насчитывали в своих рядах примерно от десяти до двенадцати тысяч человек каждая. Если принять все вышесказанное в расчет, то окажется, что в период с 1947-го по 1952 год в телохранителях Сталина находилось приблизительно пятьдесят тысяч человек.

На столь мощную охранную организацию возлагались многочисленные и разнообразные обязанности.

Большинство из них были широко известны в Советском Союзе. Но некоторые, особенно те, что имели прямое отношение к ликвидации соперников диктатора, держались в строжайшем секрете. Главной официально провозглашенной функцией Охраны № 1 являлось обеспечение личной безопасности Сталина. Основные же обязанности Охраны № 2 заключались в защите прочих советских иерархов, видных деятелей из других стран, лидеров зарубежных коммунистических партий во время их пребывания на территории Советского Союза и наиболее важных партийных и государственных учреждений.

К советским гражданам, находившимся под защитой (или, если выражаться более точно, под неусыпным надзором) Охраны № 2, относились в первую очередь члены или кандидаты в члены Политбюро, секретари Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, включая и тех, кто членами Политбюро не являлся, министры обороны, государственной безопасности, внутренних дел, иностранных дел, начальник Генерального штаба и примерно с полдюжины главных маршалов.

Что же касается столичных лиц, находившихся на более низкой ступени иерархической лестницы и представленных соответственно местным партийным руководством и главами местной администрации, то Охрана № 2 лишь наблюдала за их защитой, обеспечивавшейся местными же органами государственной безопасности.

Под категорию иерархов провинциального значения, за безопасностью коих «присматривали» сверху, попадали первые и вторые секретари партийных организаций, председатели президиумов верховных советов и председатели советов министров пятнадцати союзных республик, а также первые секретари обкомов и крайкомов партии и аналогичных учреждений в автономных республиках. Секретари районных парторганизаций, обладавшие относительно низким общественным статусом по сравнению с перечисленными выше лицами, охранников не имели, что, однако, не исключало того, что местные органы государственной «бдительности» несли ответственность и за их безопасность.

«В число объектов, за которыми надзидала Охрана № 2, входили учреждения, подведомственные ЦК КПСС и Совету Министров, здание Генерального штаба, здание Министерства иностранных дел, занимавшиеся Академией наук строения, такие сверхсекретные лаборатории, как «К-Р» или «100» (и заодно с ними ряд ведущих ученых), жилые дома, предназначавшиеся исключительно для высших сановных лиц, больницы, санатории, дома отдыха и прочие оздоровительные центры в Москве и в ее окрестностях, а также на Кавказе и в Крыму. Практически единственными требовавшими особого внимания объектами, не попадавшими под опеку Охраны № 2, являлись учреждения МГБ и МВД: эти организации в дневное время охранялись их собственным персоналом, а ночью — подразделениями внутренних войск и службы безопасности. Данное обстоятельство мало что меняло в загруженности Охраны № 2, поскольку в период с 1947-го по 1952 год у нее и так было предостаточно забот, связанных с дежурством на улицах столицы. В связи с этим достаточно сказать хотя бы то, что одной из возложенных на нее в указанное время обязанностей являлось осуществление руководства ОРУДом, или Отделом регулирования уличного движения.

Для того чтобы успешно выполнять предписанную ей функцию наблюдения за лидерами, правящих зарубежных партий, Охрана № 2 имела своих людей во всех восточноевропейских и азиатских государствах-сателлитах, находившихся в ту пору под эгидой Сталина. В частности, группам личных телохранителей лидеров упомянутых выше стран придавались советники из числа советских граждан, которые, помимо выполнения своих прямых обязанностей, осуществляли, как правило, и контроль за теми, кого были призваны охранять.

Возвращаясь к Охране № 1, отметим, что управление ей, как и ГУО в целом, осуществлялось фактически не Власиком, а Сталиным (или) Поскребышевым, дававшим номинальному начальнику соответствующие указания относительно надлежащего, как представлялось тому или другому боссу, использования вверенных этому человеку спецслужб.

Уделяя большое внимание повышению морального духа и социального статуса сотрудников своей «дворцовой гвардии», — как, впрочем, и других охранных служб, формально независимых, но в действительности подчинявшихся ей, — Сталин решил, что всего этого можно достичь в результате одной лишь смены названия данного подразделения, что и было им сделано в 1947 году. Несмотря на давнее свое чувство неприязни к такому широко известному в царской России понятию, как Охрана (в народе «охранка»), он заявил, что если бы пекшееся о его безопасности ведомство было названо Охраной, то это придало бы такой организации большой вес. Одновременно с преобразованием «дворцовой гвардии» в Главное управление охраны были переименованы и другие занимавшиеся обеспечением безопасности организации: спецслужбы, ведавшие железнодорожными и водными магистралями и московским метрополитеном, пограничные и внутренние войска, которые также стали отныне называться охранами. Изменения коснулись и званий сотрудников «дворцовой охраны». Те, кто раньше именовался старшим разведчиком, разведчиком первой категории или разведчиком второй категории, теперь уже числились просто офицерами Охраны различных рангов.

В целях обеспечения личной безопасности сотрудников Охраны в учреждениях данного ведомства принимались исключительные меры предосторожности. На его зданиях не имелось каких бы то ни было надписей. Сразу же за входной дверью дежурили вооруженные охранники., Посетитель, кем бы он ни был, предъявлял им в обязательном порядке удостоверение личности с фотографией, и если ему разрешали продолжить свой путь, то лишь в сопровождении дежурного.

Главная штаб-квартира Охраны располагалась в доме № 2 на площади Дзержинского (бывшая и нынешняя Лубянка. — *Ред.*), или, если точнее, на втором этаже основного здания Министерства государственной безопасности. Однако Власик бывал обычно настолько пьян, что редко когда заглядывал в размещившуюся там свою «вотчину», предпочитая находиться возле кабинета Сталина в Кремле или на даче диктатора, куда добирался в любом состоянии. В распоряжении Охраны имелись, кроме того, служебные помещения в доме № 12 по улице Дзержинского, а также различного рода офисы и явочные квартиры, разбросанные буквально по всей Москве и встречавшиеся, кроме того, и в пригородах столицы. На улице Жданова (бывший и нынешний Рождественский бульвар. — *Ред.*), напротив гостиницы «Берлин», расположились партком, комитет комсомола и клуб сотрудников Охраны.

Благодаря вездесущей Охране и другим силам безопасности, буквально опутавшим своей сетью Москву, советская столица состояла фактически из двух различных городов. Первый представлял собой открытый взору каждого столичный город с шестью миллионами жителей. В сознании приезжих, а также и тех, кто черпал свои знания о Москве в основном из газет, он ассоциировался в первую очередь с Большим театром, гостиницей «Интурист», московским метрополитеном, Красной площадью, храмом Василия Блаженного, Мавзолеем и, наконец, в то время закрытым для посторонних Кремлем. Если кому-то из гостей столицы приводило в голову, что Кремль, этот второй город, — подлинный административный

центр советской власти, — то его можно понять.

Однако подобное заключение было бы ошибочным. Второй город занимал несоизмеримо большую площадь и находился под куда более жестким контролем со стороны власть предержащих, чем мог бы представить себе рядовой гражданин, посетивший столицу. Его территория целиком, без всяких исключений, входила в сферу действия невероятно изощренной и сложной системы охраны порядка, значительно превосходившей по степени надежности все то, что было создано ранее для ограждения правящей касты от окружающего мира. Чтобы познакомиться с этим городом в самых общих чертах, достаточно взглянуть на карту Москвы, где четко видны и улицы, расположенные в пределах Садового кольца, и Красная площадь с Кремлем в самом центре столицы. Неподалеку от Кремля — на площади Дзержинского и на улицах Дзержинского, Малая Лубянка и Кузнецкий мост — разместился целый комплекс зданий, занимаемых органами государственной безопасности. Чуть далее, на улице Огарева (ныне Газетный переулок. — *Ред.*), лишь в нескольких кварталах от Большого театра, расположилась штаб-квартира МВД. Несколько улиц, включая и улицу Горького (ныне Тверская улица. — *Ред.*) с жилыми кварталами сотрудников Охраны вдоль нее, отходят от Кремля лучами, словно спицы колеса. Они ведут к Можайскому шоссе, проспекту Мира и улице Арбат. За чертой города, по обе стороны от Дмитровского шоссе, идут открытые пространства. Там-то, уже в Подмоскovie, и проживали некогда со своей челядью Хрущев с Ворошиловым. Нелишне будет упомянуть и о таких занимавшихся Охраной строениях, как подведомственное здание на Болотной улице, дом № 11 в Сиротском переулке (ныне улица Шухова. — *Ред.*), дом № 3 в Еропкинском переулке, строение на углу Старопанского переулка, здания на Ленинском проспекте (прежнее название — Калужское шоссе), откуда спецгруппа Охраны вела наблюдение за Академией наук. В районе Покровского бульвара были размещены казармы дивизии органов государственной безопасности, всегда находившейся в состоянии боевой готовности, чтобы в случае необходимости оказать в Москве поддержку Охране.

Этот второй город являл собою по сути дела «закрытый объект», находившийся в ведении Управления охраны. Он был обеспечен буквально всем. Имел свою собственную электростанцию и автономную систему связи. В пригороде столицы на него же работали подведомственные Охране сельскохозяйственные предприятия и бойни, чью продукцию по одним и тем же маршрутам доставляли ежедневно в Кремль. Кроме того, указанные предприятия обеспечивали продуктами питания свыше тридцати частных и многоквартирных домов, расположенных на территории «закрытого города», резиденции членов Политбюро, гостиницы для представителей зарубежных коммунистических партий и семей покойных коммунистических иерархов, чьи имена продолжали еще упоминаться в официальных изданиях по истории.

В «закрытом городе» имелся и свой собственный обслуживающий персонал, и к тому же весьма многочисленный. В его состав входили сантехники, электротехники, врачи, повара, привратники, подсобные рабочие, домашняя прислуга — короче, все те, кто только мог бы понадобиться (единственными, в ком не испытывалось тут ни малейшей нужды, были адвокаты). У женщин, оказавшихся в рядах сей многоликой, пестрой по своему составу «трудовой армии», был самый широкий спектр занятий — от уборки помещений до щедро оплачивавшейся проституции. Несмотря на исключительное разнообразие обязанностей, выполнявшихся лицами подпадавшими под категорию «обслуживающего персонала», всех их объединяло то, что каждому из них выдавалось удостоверение личности сотрудника Охраны или органов государственной безопасности.

Оперативная работа

Глазами, ушами, мозгом и сердцем системы, занимавшейся обеспечением личной безопасности

Сталина, являлся оперативный отдел, который в силу указанного обстоятельства считался наиважнейшей составной частью Охраны. Данное подразделение, чья деятельность, содержавшаяся в строжайшей тайне, протекала под непосредственным наблюдением Поскребышева, имело в своем составе лишь наиболее опытных и надежных сотрудников службы безопасности.

Оперативный отдел состоял из нескольких секторов. Главные его подразделения обслуживали Кремль, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР, отвечали за порядок на Красной площади и в прилегающем к ней районе, занимались следственной работой, осуществляли наблюдение за вверенными их «попечению» объектами и приводили в исполнение смертные приговоры. На отдел возлагалась также ответственность за проверку благонадежности гражданских лиц, работавших в Кремле, в аппарате ЦК КПСС и в Совете Министров.

В распоряжении сектора наблюдения имелась, помимо собственных бригад, широкая агентурная сеть, насчитывавшая свыше трех тысяч негласных сотрудников различных спецслужб. Этих людей, работавших в особо важных партийных и государственных учреждениях или в районах, которые чаще других посещал Сталин, вербовали обычными методами: угрожая, суля различные блага или пуская в ход самый обычный подкуп. Будучи завербованными однажды, негласные сотрудники — осведомители, если точнее, — поступали под начало курировавших их офицеров ОПЕРОДа, которых в случае установления ими более теплых, чем просто рабочие, отношений с вверенными им агентами, сексотами (секретными сотрудниками), могли подвергнуть административному наказанию и даже уволить из органов. Особенно много таких негласных сотрудников, которых можно для краткости именовать и субагентами, размещалось вдоль улиц и в районах, по которым пролегал маршрут Сталина. В результате никто не мог пройти в подобную зону особого внимания без того, чтобы о нем тотчас же не сообщили в соответствующую инстанцию. Немедленно информировать спецслужбы о появлении на находящейся под строжайшим надзором территории любого незнакомца, не проживавшего в данном районе, даже если он оказался здесь лишь потому, что решил посетить своих друзей или родственников, обязаны были не только пресловутые субагенты, но и все без исключения обычные граждане из местных жителей.

Занимавшиеся наблюдением бригады ОПЕРОДа, находившиеся в прямом подчинении ГУО, устанавливали слежку не только за функционерами из партийных и государственных учреждений и другими лицами, вызывавшими подозрение, но и за сотрудниками самой Охраны. Такие проводившиеся периодически проверки благонадежности служащих обеих главных охранных служб — Охраны № 1 и Охраны № 2 — были призваны получить дополнительную информацию личностного плана или, если называть вещи своими именами, разузнать все, что возможно, и к тому же в деталях, о личной жизни сотрудников, свойственных им наклонностях и об их друзьях. Если выяснялось, что сотрудник поддерживает связи с сомнительными лицами или запятнал себя чем-то еще, пусть даже мелким и незначительным, то его в срочном порядке увольняли из охранников и направляли на другую работу в той же системе государственной безопасности, в то время как его личное поведение или отдельные совершенные им проступки подлежали дальнейшему, более глубокому расследованию.

Однако основная доля нагрузок, падавших на входившие в Охрану бригады наблюдения, была связана с потенциальными прямыми угрозами личной безопасности Сталину. Специальная группа, занимавшаяся именно этой проблемой, работала в тесном контакте с Поскребышевым. Ее сотрудники прочитывали, анализировали и классифицировали всю корреспонденцию, поступающую на имя Сталина и членов Политбюро, пользовавшихся в данный момент особым благорасположением Сталина. Авторы подавляющего большинства писем обращались к столь высоким адресатам со своими просьбами, и хотя содержание таких посланий само по себе было совершенно невинным, по каждому из них проводилось тщательное, скрупулезное расследование. Работа с письмами, в которых, как считали сотрудники Охраны, содержалась выраженная в той или иной форме угроза, проходила по иной, более сложной схеме.

Предпринимавшиеся в связи с ними действия координировались с отделом «Т» (занимавшимся терроризмом) и особым следственным отделением высшего органа (министерства или комитета) государственной безопасности. Отметим попутно, что при советском общественном строе всегда, и особенно в годы правления Сталина, практически любая вещь могла рассматриваться спецслужбами как потенциальная угроза диктатору. И это понятно, если учесть, что ни Поскребышев, ни лично Сталин были просто не способны уразуметь ту простую истину, что в действительности в стране не имелось никаких террористов и ничто не угрожало жизни вождя. Ими обоими просто владела своего рода мания, и поскольку террористы, как таковые, в подлинной жизни советского общества отсутствовали, ОПЕРОДу и прочим органам государственной безопасности поневоле приходилось выдумывать их. В результате приложенных ими немалых усилий в картотеках, учитывавших людей с «террористическими наклонностями», стало насчитываться со временем тысячи разных имен. Фамилии таких «террористов» извлекались не только из писем Сталину и другим иерархам, но и из анонимных доносов. Значительную помощь в «выявлении» подобных людей оказывали также занимавшиеся изо дня в день своей рутинной работой сотрудники служб наблюдения, субагенты и милиция. Кроме того, имелась довольно значительная группа «достопочтенных» граждан, которые по собственному почину сообщали в соответствующие органы об опасности, которую якобы представляли собой те или иные лица. И хотя подобные доносы чаще всего являли собою лишь сознательную злобную ложь, ОПЕРОД, опираясь на них, в срочном порядке «изолировал» (арестовывал, если говорить все, как есть) пресловутых «террористов», после чего приступал к «проведению следственных действий» в отношении попавшихся в его сети ни в чем не повинных бедолаг. Правда, из этого правила делались исключения: в отдельных случаях, когда возбужденное дело казалось следственным органам не столь уж серьезным, жертву доноса «изолировали» лишь после предварительного расследования. Но конечный результат для большинства оказавшихся в руках «правосудия» был обычно один и тот же; несчастных-Людей приговаривали без всякого судебного разбирательства к пятилетнему сроку лишения свободы и отправляли затем или в тюрьмы, или в исправительно-трудовые лагеря. Значительно хуже складывалась судьба у тех, кого следственные органы и впрямь расценивали как «террористов»: их, также без суда, лишали свободы на значительно большие сроки, а то и просто расстреливали.

Деловые встречи с субагентами по вопросам борьбы с «терроризмом» сектор наблюдения проводил в своем главном офисе в штаб-квартире высшего органа (министерства или комитета) государственной безопасности, а также в оперативных пунктах, разбросанных в различных районах Москвы, с тем чтобы охватывать практически все население столицы. Занимавшиеся наблюдением группы могли напрямую связываться по телефону не только друг с другом, но и с городской милицией и облаченными в милицейскую форму сотрудниками Охраны, регулировавшими дорожное движение в Москве.

Данное обстоятельство облегчало им выполнение своих обязанностей по обеспечению личной безопасности Сталина и его приближенных, едущих по Москве или за город, где находились занимавшиеся ими дачи. А когда Грузин отправлялся на юг, чтобы отдохнуть там или провести свой отпуск, вместе с ним устремлялась туда же и половина сотрудников службы наблюдения.

В обязанности групп наблюдения входило также принятие необходимых мер, чтобы уберечь вождя от лицецерения тяжелых, неприятных сторон жизни. Одно из заданий, полученных охранниками в связи с этим, касалось лишившегося ног ветерана Великой Отечественной войны. В 1947 году этот калека на протяжении нескольких вечеров катал свою инвалидную коляску по тротуару возле грузинского ресторана на улице Арбат, по которой регулярно проезжал Сталин, и попрошайничал деньги и папиросы у посетителей сего заведения, рассказывая им о ратных своих подвигах и показывая им врученный ему за боевые заслуги орден Красной Звезды. Сотрудник службы наблюдения, одетый в штатское платье, не раз увещевал инвалида перебраться отсюда куда-нибудь еще, поскольку опасался, что этот человек может

произвести на Сталина плохое впечатление. Но калека был глух к тому, что ему говорили, и тогда в дело вмешались другие сотрудники ОПЕРОДа, которые, не тратя лишних слов, арестовали его. Ветеран, с тех пор уже никогда не появлявшийся более на Арбате, успел-таки в момент схватки с охранниками обозвать своих обидчиков опричниками «Сталина Грозного», после чего швырнул им свой орден в лицо. Чтобы впредь никогда подобного рода лица не создавали угрозу душевному покою вождя, Власик издал распоряжение, призывавшее его подчиненных «проявлять большую бдительность и убирать всех нищих с улиц», по которым пролегал маршрут Сталина и его приближенных.

Допросом всех подвергавшихся задержанию граждан занимался следственный сектор, и если в его распоряжении оказывался какой-либо «компрометирующий» материал или кем-то из подследственных и впрямь был совершен некий противоправный проступок, соответствующие лица подлежали аресту. Вместе с тем одна из главных обязанностей следственного сектора, которыми он должен заниматься изо дня в день, заключалась в составлении списков «подозрительных» лиц и передаче этих списков органам государственной безопасности, где официально регистрировали всех упоминавшихся в подобных бумагах. Для того чтобы оказаться «помеченным», то есть угодить в передаваемые органам безопасности «черные» списки, человеку достаточно было, неразумно проявляя беспечность, побывать два или три раза в «поднадзорной» зоне и провести там более получаса. Имя сей «подозрительный» личности незамедлительно вносилось в картотеку органов государственной безопасности с соответствующей пометкой типа «замечен в зоне особого наблюдения» или «часто появляется неподалеку от мест, находящихся под особой охраной».

Применявшаяся следственным сектором техника допроса «подозрительных» лиц была довольно проста, вполне соответствуя предписаниям самого Ленина, заявлявшего в том духе, что юридические процедуры не означают отказа от террора. Мол, наоборот, процесс должен опираться на террор совершенно открыто. Поскольку проводившие допрос следователи ОПЕРОДа входили в элитарный слой сотрудников органов государственной безопасности, у них никогда не возникало связанных с методикой Их работы вопросов, и они, стараясь вовсю, пошли даже дальше того, что было рекомендовано причисленным к лику святых давно уже почившим вождем.

Следователи ОПЕРОДа всеми правдами и неправдами добивались от заключенных «добровольно-принудительного» признания, что достигалось, использованием «чудодейственной» комбинации самых различных методов, к коим относились проведение с подследственными «душеспасительных» бесед, применявшиеся инквизицией различные способы воздействия на психику и, наконец, допросы с применением пыток. Долгое время внешний мир принимал на веру подобные «признания». Примерно так же обстояло дело и в Советском Союзе. Рядовой советский человек не сомневался в достоверности того, о чем ему говорили. Полагая, что каждый, кто оказался за решеткой, действительно совершил тот или иной тяжкий проступок, обыватель, естественно, считал вполне закономерным, что арестованный признался в своей вине.

Техника допроса обуславливалась одновременно как соответствующими предписаниями Ленина, так и личной мотивацией следователя. При советской системе работы с подследственными сотруднику заранее, когда он только заводил формально дело, поручалось в обязательном порядке обеспечить получение от арестованного признания его вины. Кроме того, в рамках той же системы выдавалось за постулат утверждение, будто органы «никогда не арестовывают невиновных».

Стремление следователя добиваться признания вины лицами, чьими делами он занимался, проистекало, однако, не только из его желания получить повышение или просто сохранить себе жизнь. Он исходил при этом и из практической целесообразности защитить и собственных агентов, и осведомителей, работавших на органы государственной безопасности, которые несли главную ответственность за открытие

того или иного дела. Если сотрудник следственных органов вынужден был во время судебного разбирательства привлекать для дачи свидетельских показаний своих осведомителей, то он тем самым автоматически разрушал отлаженную им агентурную сеть. Поэтому он старался повернуть дело так, чтобы обвиняемый начинал внезапно испытывать настоящий ужас, когда он знакомился с собранными следователем «свидетельствами» его вины и когда до его сознания вдруг доходило, что донес на него кто-то из близких. Сам же следователь, если ему удавалось добиться признания, был вправе хранить в тайне источник полученной им информации.

При проведении следственной работы сотрудник Охраны мог черпать уверенность в том обстоятельстве, что официально выступал от лица Советского государства. А оно никогда не ошибается. В контексте советской действительности из данного утверждения следовало, что если кто-то и допускает ошибки, так только отдельные личности, которые преднамеренно «извращают» или «фальсифицируют» суть ясных коммунистических принципов. Сам же следователь вооружался этими «принципами» еще до того, как впервые встречался с подследственным в камере или комнате для допросов.

Объективности ради отметим, что после смерти Сталина прямое насилие в отношении подследственных стало применяться значительно реже. Однако, несмотря на различные «смягчения» в политической жизни, наблюдавшиеся при преемниках грузинского диктатора, исходные «теоретические» послышки, касавшиеся методов ведения следственной работы, не изменились ни на йоту: от них не отказались ни на практике, ни на словах.

В глазах Поскребышева и Сталина наиболее ценным элементом в структуру охранной службы являлся сектор, занимавшийся приведением смертных приговоров в исполнение. Истинное предназначение данного органа, естественно, никак не отражалось в таком безобидном его названии, как «спецподразделение». Однако, независимо от употреблявшейся в данном случае терминологии, он представлял собой специфичную группу, к которой всякий раз обращались диктатор со своим «Пятницей», когда эта пара принимала решение от кого-то избавиться.

В роли главного палача в период всевластия Сталина выступал полковник Окунев, человек крайне болезненный, которого его сподвижники считали «выдающимся» чекистом. Помимо того что его отличало особое пристрастие к столь необычному ремеслу, как лишение людей жизни, он слыл также заядлым пьяницей, каковым был уже к 1947 году, когда вступил в новую для себя «должность». Настоящий психопат, проявивший себя в полной мере и в предшествующий период, он продолжал вести себя так же, как прежде. Со временем безудержное потребление им алкогольных напитков перешло все мыслимые и немыслимые границы и привело в конечном итоге к нарушению речи, что проявлялось не только в заикании, но и в длительных паузах, делавшихся им поневоле, когда он пытался что-то сказать. После того как этот кровавый «эксекUTOR», лично уничтоживший немало людей, «ушел в отставку», что произошло в 1952 году, он безуспешно пытался устроиться на работу в печально известной лаборатории Министерства государственной безопасности, именовавшейся «камерой». По-видимому, данное учреждение не случайно влекло его к себе: там ставились опыты на живых людях — заключенных и Лицах, приговоренных к смертной казни, — чтобы выявить степень воздействия на человека различных ядов и инъекций, а также определить степень эффективности использования гипноза и наркотиков в процессе допроса. (Хотя указанная лаборатория непосредственно не входила в структуру Управления охраны, «камера» тем не менее рассматривалась всеми как важное, исключительно полезное вспомогательное подразделение в системе органов государственной безопасности, готовое в любой момент оказать охранной организации необходимое содействие.) Занимая пост главного палача Управления, Окунев жил в своем маленьком, замкнутом мире. Его коллеги — другие служащие Охраны — сторонились его, и не из-за отвращения к возложенным на него обязанностям, а лишь потому, что слишком уж часто приходилось им видеть, как

брел он шаткой походкой по коридорам штаб-квартиры охранной службы в здании на площади Дзержинского, держа в руке неизменную бутылку водки и не замечая слюны, стекавшей из его рта.

Одной из первых крупных акций, совершенных для Управления полковником Окуневым, стало убийство выдающегося еврейского актера и режиссера Соломона Михоэлса. Хотя в годы Великой Отечественной войны Михоэлсом, которому удалось привлечь на сторону своей страны граждан США из евреев и представителей других национальностей, был внесен значительный вклад в победу Советского Союза над фашистской Германией, Сталин не только решил, что более Михоэлс ему не нужен, но и задумал по политическим и некоторым иным причинам осуществить целый ряд «мини-погромов». Частью этой антисемитской программы явились Закрытие еврейского Театра Михоэлса в Москве и расправа с такими принадлежавшими к евреям известными почитателями этого деятеля культуры, как жена Молотова, бывший министр иностранных дел Литвинов и его заместитель Лозовский. Что же касается самого Михоэлса, то Поскребышев понимал, что обычная советская процедура устранения неугодных лиц, неотъемлемыми элементами которой были инсценированный «судебный процесс», выбитое силой «признание» и, наконец, вердикт, приговаривавший подсудимого к отбытию того или иного срока в исправительно-трудовом лагере или к смерти, вызовет слишком уж мощную негативную реакцию не только в антисемитской по сути России, но и на Западе. Поэтому было принято решение поручить Окуневу подстроить «трагическую и прискорбную автокатастрофу». Данная операция прошла столь гладко, что по истечении какого-то времени Окунев и его команда были отмечены службой безопасности особыми наградами.

Другими, уже не столь сложными, делами, которые «провернул» в 1949–1950 годах тот же Окунев, стала ликвидация Кузнецова, Вознесенского и Родионова, занимавшего до этого пост Председателя Совета Министров РСФСР. Кузнецов сразу же после ареста был доставлен на Лубянку, где его даже никто не допрашивал. После того как он пробыл в одиночном заключении около трех недель, его вывели во внутренний двор тюрьмы, где Окунев выстрелил ему в затылок. Соблюдение «законности» проявилось при этом лишь в том, что врач Охраны выдал свидетельство о смерти Кузнецова, подписанное Абакумовым и засвидетельствованное Окуневым. Данный документ доставили незамедлительно лично Поскребышеву. Единственным различием в судьбах Кузнецова и Вознесенского было то, что последний провел сперва несколько месяцев под домашним арестом, а затем — еще несколько месяцев в одиночной камере на Лубянке перед тем, как его вывели наружу, чтобы Окунев и его отправил на тот свет. Свидетельство о смерти своей новой жертвы этот полковник снова передал непосредственно Поскребышеву. Родионова тоже казнили примерно так же, как и Кузнецова.

Надо заметить, что отнюдь не все инсценированные Окуневым «автокатастрофы» знаменовались смертельным исходом, как это произошло в случае с Михоэлсом. Особенно безобидной была та из них, которую он подстроил по распоряжению Сталина зимой 1949/50 года, когда «красных» китайских гостей — Мао Цзэдуна и Сопровождавших его лиц — разместили на одной из дач Грузина, находившейся в Липках, неподалеку от Москвы, с которой этот населенный пункт связывало Дмитровское шоссе. Встречаясь неоднократно с гостями, Сталин решил, что ему необходимо в течение часа или двух поговорить с Мао Цзэдуном С глазу на глаз, без присутствия Лю Шаоци, китайского коммуниста № 2 и второго по счету «человека века», который во время предыдущих бесед практически неотлучно находился при своем начальнике. Окунев разрешил возникшую было проблему, организовав столкновение принадлежавшего охранной службе мусоровоза с лимузином, в котором водитель, сотрудник Охраны, вез Лю Шаоци, желавшего попристутствовать на встрече Мао со Сталиным. Окунев выполнил порученное ему задание столь превосходно, что «инцидент» даже не пробудил ото сна высокого гостя, устроившегося на заднем сиденье автомобиля. Однако для завершения милицией всех положенных в подобных случаях формальностей и очистки пути потребовалось два часа — время, достаточное для того, чтобы Сталин смог

наедине побеседовать с Мао Цзэдуном. Последний акт этой «драмы» был разыгран столь же убедительно, как и все предыдущие. Шофер, который вел машину с Лю Шаоци, был уволен с работы, а водитель мусоровоза получил год тюремного заключения. Впоследствии, однако, все было переиграно: шофер лимузина вновь стал возить знатных зарубежных гостей (только не китайцев), а водитель принадлежавшего Охране мусоровоза вскоре был освобожден из заключения и направлен на работу с более высокой зарплатой, чем прежде, в один из районов страны.

В тот же период всеисилия Управления на Дмитровском шоссе произошел инцидент, ставший лишним свидетельством всемогущества ОПЕРОДа. На шоссе практически ежедневно появлялся некий генерал-майор, совершавший поездки между принадлежавшим ему частным домом, находившимся примерно в двенадцати милях от Москвы, и главным зданием Генерального штаба. Этого офицера раздражало ограничение скорости, установленное на использовавшемся им отрезке шоссе, по которому ездили, кстати, Сталин и младшие по отношению к нему иерархи. И генерал постоянно требовал от шофера нарушать правила. Когда же тот так и делал, то чаще всего связанные со службами наблюдения офицеры ОПЕРОДа, которые, облачившись в милицейскую форму, дежурили вдоль всего требовавшего особого внимания маршрута, останавливали машину и проводили беседы с недисциплинированным шофером армейского офицера. Но это мало что меняло; поскольку, как только охранники в милицейской форме отходили от машины, генерал говорил своему шоферу, чтобы он не обращал внимания на претензии со стороны младших чинов. Подобное положение вещей оставалось неизменным до тех пор, пока любивший скорость генерал не приказал своему шоферу обогнать лимузин, ехавший впереди на предельно дозволенной скорости. Однако в обогнанной лихачом машине оказался не кто иной, как Ворошилов, возвращавшийся тем же путем к себе на дачу. На следующий день группа «милиционеров» — сотрудников ОПЕРОДа — остановила машину генерала, арестовала его водителя, которого тут же увезли на допрос, и предоставила высшему офицеру Генштаба полную возможность побывать в положении человека, лишенного транспортных средств. В последовавшем затем разговоре потерпевший обозвал «милиционеров» грязными словами и потребовал от них с почтением относиться к его воинскому званию, на что один из офицеров ОПЕРОДа ответил, что завтрашний день покажет, останется ли «товарищ генерал» генералом или будет разжалован в рядовые.

Об этом происшествии тут же было доложено Власику. Начальник Управления приказал маршалу Александру Василевскому, возглавлявшему в то время Генеральный штаб, поговорить как можно строже с генералом по поводу значительного превышения им максимально дозволенной скорости на шоссе, по которому ездит сам Сталин. Василевский вызвал к себе генерала, отчитал его и потребовал, чтобы тот лично обратился с извинениями к начальнику Московского ОРУДа, находившегося в то время под контролем со стороны ОПЕРОДа. Генерал сперва было отказался просить извинения у какого-то всегонавсего сотрудника «милиции», но Василевский предупредил его, что в таком случае он может лишиться генеральского звания. Тот, оценив реальную обстановку, усмирил свою гордыню и принес в конце концов извинения начальнику управления дорожным движением, который оригинально расквитался с генералом — заставил генштабиста прослушать длинную лекцию на тему о том, как следует вести себя на дорогах. А вскоре несчастного военного перевели из Москвы в какое-то захолустье и предали забвению.

Хотя в 1952 году Главное управление охраны было лишено прежних полномочий (силы), ОПЕРОД вполне определенно не перестал существовать. В 1953 году он был поставлен под контроль органов государственной безопасности как Секретное политическое управление (СПУ) и затем был слит с отделом «Т». Эти два подразделения получили безобидные названия Четвертого и Пятого управления СПУ. А еще позже весь этот конгломерат стал называться Вторым главным управлением (внутренняя контрразведка) КГБ. Именно оно было ответственно за защиту правящего режима и устранение его оппонентов, если в том возникала необходимость.

Личный состав

Подборка всех без исключения офицеров для работы в Главном управлении охраны производилась самим руководством этого ведомства, и таким образом если кого-то брали туда, то вовсе не по его личной просьбе, хотя, как будет сказано ниже, имелись и исключения. В то же время никого из отобранных лиц не принимали на работу в Охрану против его желания. Но кандидаты в будущие сотрудники этой Организации и не думали уклоняться от предоставившейся им возможности служить в данном учреждении, что объяснялось их дисциплинированностью как членов партии или комсомола, высокой зарплатой, которую они стали бы получать, соображениями престижности и, наконец, различными благами, которыми пользовались сотрудники ГУО.

Как правило, Охрана при подборе новых кадров в первую очередь рассматривала кандидатуры, предложенные партийными и комсомольскими организациями и спецслужбами, с которыми она поддерживала тесные отношения. Некоторые кандидаты отбирались также из личного состава таких военизированных служб, как внутренние и пограничные войска и кремлевская комендатура, но только после того, как они отслужили трехлетний срок, установленный для лиц, отбывающих воинскую повинность. Некоторых офицеров сразу же, без соблюдения положенных в таких случаях процедур для обычных кандидатов в сотрудники ГУО, брали на службу в охрannое ведомство, но это происходило только тогда, когда их направляли туда непосредственно ЦК КПСС или министр государственной безопасности, отобравший их из числа служащих различных подразделений подведомственного ему учреждения. Отметим также, что одну из групп кандидатов образовывали лица, обладавшие той или иной редкой и необходимой для ГУО специальностью и работавшие в данный момент в университетах и прочих высших учебных заведениях. Наконец, в виде особого исключения рассматривались и кандидатуры тех граждан, которые, воспользовавшись личными связями с кем-то из сотрудников Охраны, выражали свое желание служить в этом ведомстве.

Претенденты в сотрудники ГУО должны были отвечать определенным требованиям, к коим относились хорошее здоровье, умение вести себя, безупречное прошлое, отсутствие родственников, проживающих за границей, и конечно же неременное членство в коммунистической партии или комсомоле. Иногда, в особо редких случаях, на работу в Охрану брали и беспартийных, за которых ходатайствовали или трое сотрудников органов государственной безопасности, или трое членов партии, однако данное исключение делалось только для специалистов, которым предстояло и впредь заниматься своим специфическим делом, но не для тех, кто желал бы работать охранником.

Обычно раз в году ЦК КПСС издавал по просьбе министра государственной безопасности и начальника Главного управления охраны приказ за подписью Маленкова, предписывавший провести среди членов коммунистической партии и комсомола вербовку в органы государственной безопасности. Численность подлежащих вербовке лиц колебалась, как правило, От пятисот до тысячи двухсот человек.

От Маленкова данное постановление направлялось в Московский городской комитет партии, который в свою очередь рассылал его на предмет исполнения в столичные райкомы. Число кандидатов, которых должен был отобрать каждый район, варьировалось в зависимости от общей численности его населения и от численности проживавших на этой территории членов партии. Больше всего кандидатов подбиралось в таком промышленном районе, как Сталинский, где располагался автозавод, носивший имя диктатора. Наименьшее число кандидатов поступало на рассмотрение ГУО из центральных районов столицы, таких, например, как Свердловский, жители которого были представлены в основном государственными служащими и интеллигенцией. Отбор кандидатов осуществлялся на протяжении всего года, и на проводившихся раз в месяц заседаниях Московского горкома партии непременно

рассматривался вопрос и о том, как проходит данное мероприятие. Обычно подобные заседания проходили под председательством второго секретаря столичного комитета партии, обязанности которого в рассматриваемое нами время исполняла Екатерина Фурцева.

После отбора кандидатов их список направлялся в отдел кадров Главного управления охраны, который проверял не только личные качества отобранных лиц, но и степень их благонадежности, поскольку данное подразделение представляло собой в действительности еще один орган государственной безопасности, но уже при ГУО. Кадровики, рассматривавшие самым тщательным образом все без исключения предложенные им кандидатуры, особое внимание уделяли все же тем из них, кому предстояло стать охранником, тем более если речь шла о потенциальных телохранителях самого Сталина.

Обычно благонадежность кандидата в сотрудники Охраны должна была подтверждаться рядом документов, включая и анкетные данные.

К документам относились в первую очередь рекомендации, личные дела кандидата и заявление от него.

Рекомендация от райкома партии, которую представлял в отдел кадров ГУО отобранный из числа членов партии кандидат, должна была быть подписана и проштампована первым секретарем указанного партийного органа, и содержать примерно следующий текст: «[Такой-то] комитет партии города Москвы принял решение рекомендовать [такого-то], члена партии с [такого-то] года (партийный билет № [такой-то]), на службу в органах государственной безопасности».

Для беспартийных письменные рекомендации от трех членов партии, в которых бы указывалось, сколь давно каждый из них знаком с кандидатом, и говорилось, что их протеже обладает хорошим характером и что он рекомендуется ими для «секретной» или «особой» работы в органах государственной безопасности.

Военнослужащий предоставлял также рекомендацию от политотдела своего подразделения.

Что касается личных дел, то к ним относились в первую очередь подробные характеристики кандидатов, составлявшиеся как соответствующими райкомами комсомола, так и по месту их работы.

В тех случаях, когда не имелось никаких оснований скрывать место будущей работы потенциального сотрудника Охраны, — например, потому, что ему предстояло заниматься самым что ни на есть заурядным делом, — учреждение, в котором он числился, информировалось о том, кто и куда берет их сотрудника, и тогда на папке с его личным делом, хранившимся в данной организации, появлялась надпись: «направить в Главное управление охраны».

Если же из-за предосторожности учреждение, где работал кандидат, не извещалось о планах ГУО в отношении данного человека, возникавшая в связи с этим проблема разрешалась с помощью райкома партии, который, не объясняя причин, обращался к соответствующему учреждению с требованием переслать ему личное дело сотрудника, вошедшего в число кандидатов.

В особых, случаях когда даже райком партии держался в неведении относительно возможных перемен в судьбе того или иного кандидата, «сверху» обращались непосредственно к первому секретарю данного партийного учреждения с тем, чтобы тот «в порядке его обычной работы» переслал наверх личное дело соответствующего лица.

Кандидат в сотрудники Охраны перед тем, как быть зачисленным в ряды работников данного ведомства, должен был подать в отдел кадров заявление за личной подписью, в котором говорилось бы, что он просит органы государственной безопасности принять его на работу. Это делалось для того, чтобы впоследствии нынешний претендент не смог сослаться на то, что его, мол, взяли туда в принудительном

порядке и вопреки его воле.

При приеме на работу того или иного человека учитывались и его родственные связи. Если у кандидата в сотрудники Охраны или у его жены имелись родственники за границей, то ему нечего было рассчитывать попасть в это ведомство. Кандидату отказывали в работе даже тогда, когда лица, состоявшие с ним или его женой в родственных связях, являлись советскими гражданами, работавшими за рубежом в качестве дипломатов, торговых представителей, журналистов и т. д. И конечно же на работу не брали и тех, кто связан родством с кем-либо из заключенных, отбывавших наказание в тюрьме или в исправительно-трудовом лагере.

Кроме рассмотренных выше документов, кандидат заполнял исключительно подробную анкету, в которой указывались социальное происхождение кандидата (или иначе, кем являлись его родители: крестьянами, рабочими, дворянами, буржуями или кулаками), дата и место рождения, его ближайшие родственники, о которых необходимо было сообщить ряд сведений, касавшихся, в частности, рода их занятий или отношения к советскому строю. Кадровики изучали самым тщательным образом полученные характеристики, а также деловые качества, моральный облик, привычки, отношение к спиртному и друзей кандидата. Само собой разумеется, претендент не должен был иметь партийных или административных взысканий. Одновременно с проверкой уже имевшихся сведений о кандидате за ним устанавливалось наблюдение, которое не снималось с него и после того, как его брали на работу. К тому времени, когда предварительная проверка, включавшая в себя и наблюдение за кандидатом и его друзьями, сослуживцами и соседями, уже близилась к завершению, хранившееся в отделе кадров личное дело потенциального сотрудника Охраны разбухало обычно страниц до трехсот.

Отдел кадров, занимаясь изучением предложенной ему кандидатуры, мог обращаться при этом за помощью к оперативным бригадам и другим подразделениям органов государственной безопасности. Однако подобная практика нередко вызывала яростный протест со стороны местных спецслужб, которые жаловались на то, что обращение к ним Главного управления охраны с требованием оказать ему необходимое содействие мешает их собственной работе; Когда межведомственные разногласия принимали исключительно острую форму, в дело вмешивался министр государственной безопасности, который лично приказывал своим подчиненным выполнить все без исключения просьбы ГУО и к тому же в наикратчайший срок — дней за десять, а то и менее того. Подчиняясь подобному распоряжению, жалобщики приостанавливали свою обычную работу до тех пор, пока Главное управление охраны не получало от них все то, что хотело.

Столь тщательное изучение степени благонадежности кандидатов не только сверх всякой меры загружало работой сотрудников отдела кадров, но и одновременно приводило к резкому сокращению списков потенциальных охранников. Было вполне обычным делом, когда в ходе проверки примерно пятисот претендентов кадровики Управления проводили беседы с более чем двумя тысячами граждан. Имея в своем распоряжении довольно объемистый список кандидатов, ГУО могло спокойно отбирать тех, кто отвечал всем предъявлявшимся «новобранцам» требованиям, хотя порою оказывалось и так, что выдержавших все проверки оставалось не так уж и много. В 1950 году, например, сотрудник отдела кадров предписал Свердловскому району Москвы одобрить только пять кандидатур из рекомендованного списка в двадцать человек. И в том же году в Коминтерновском районе столицы, где особенно много театров и различных государственных учреждений, доля нежелательных для ГУО «интеллигентов» в общей численности кандидатов оказалась столь велика, что в конечном итоге Из двадцати граждан, включенных ранее в список, было одобрено лишь семь человек. В тех случаях, когда районные организации Москвы не могли по каким-либо причинам подобрать необходимое число претендентов для последующего отбора из них лиц, полностью соответствовавших требованиям Охраны, свободные вакансии заполнялись кандидатами из пригородных районов, в основном из тех, где были расположены небольшие фабрики и

заводы. (В этой связи нелишним было бы упомянуть об одном эпизоде из истории Охраны. Сразу же после окончания Великой Отечественной войны возникла острая нехватка допущенных к секретной работе кадров, необходимых для замещения уходивших на пенсию охранников. Абакумов разрешил эту проблему: перевел в «дворцовую гвардию» несколько сот человек из контрразведывательных служб наблюдения и транспортной охраны.)

В особо исключительных случаях, когда Москва с Подмосковьем оказывались не в состоянии подобрать достаточное число кандидатов для вербовки, Управление обращало свой взор на пограничные и внутренние войска, кремлевскую комендатуру и даже на республиканские и областные партийные и комсомольские организации. Оценка благонадежности служащих пограничных и внутренних войск и кремлевской комендатуры являлась сравнительно простым делом, поскольку все они уже проходили надлежащую проверку, проводившуюся их собственными ведомствами. Точно так же не столь уж трудно было проверить и кандидатов из других республик и областей, поскольку лица, возглавлявшие органы государственной безопасности в указанных административных единицах, почти всегда входили в состав высшего партийного руководства в соответствующей республике или области. Однако имелась одна весьма сложная проблема, которая значительно затрудняла вербовку «рекрутов» в других республиках и областях и перевод в столицу сотрудников органов государственной безопасности, размещенных в отдаленных районах страны, а именно — нехватка жилья в Москве. В результате старались в первую очередь брать на работу в Охрану лишь холостых или тех, у кого были жены москвички, имевшие жилую площадь в столице. Одиноким мужчинам, которым удавалось перебраться в Москву, неизбежно сталкивались с огромными трудностями, пытаясь обрести крышу над головой. Этим-то в основном и объясняется тот факт, что за редким исключением «дворцовая гвардия» состояла преимущественно из москвичей, в то время как служившие в ней иногородние, которым посчастливилось жениться на москвичках, обеспеченных жилплощадью, составляли ничтожно малое число. И хотя данное обстоятельство упрощало для сотрудников отдела кадров проверку на благонадежность кандидатов в ГУО, дефицит жилья никак не мог содействовать повышению эффективности охранной службы. И все же, судя по всему, подобное положение вещей не заботило никого из властей ни в те годы, ни в предшествовавший период.

Особенно тщательной проверке подвергались те из кандидатов, кому предстояло стать телохранителями.

Что же касается потенциальных сотрудников с самым широким спектром занятий — техников, медицинского персонала, связистов, шоферов и слесарей, строительных рабочих и домашней прислуги, — то их проверяли уже не столь строго. Как правило, работников данной категории переводили или переманивали в Охрану из университетов, технических институтов и различных государственных учреждений, не подведомственных органам государственной безопасности.

Так же как и в других военизированных организациях, при рассмотрении вопроса о приеме на работу того или иного человека сотрудники отдела кадров ГУО учитывали и столь важный фактор, как возраст кандидата. Большинство претендентов, которых в конце концов брали в Охрану, входили в возрастную группу от двадцати до тридцати лет. Это объяснялось в первую очередь тем, что основному контингенту сотрудников данного ведомства приходилось выполнять работу, требовавшую от человека исключительной физической выносливости. Например, многие из облаченных в милицейскую форму или одетых в гражданское платье охранников должны были в течение долгих часов и в любую погоду находиться на улице, стоя на отведенном для них месте или вышагивая по улицам и переулкам. Так, во всяком случае, складывалась судьба у сотрудников наружно-постовой службы, которые оказывались в плане карьеры» тупиковой ситуации, поскольку у них практически не имелось ни единого шанса продвинуться, и самое большее, что ждало их, как правило, впереди, так это уход, в положенное время на

пенсию, если их еще раньше не увольняли в связи с развившимся плоскостопием. Поскольку, обладая хорошим здоровьем, человек, занимающийся подобным, крайне изнурительным делом, должен был еще отличаться и исключительной дисциплинированностью, при подборе кадров именно на эту работу предпочтение отдавалось служащим Вооруженных Сил и резервистам, уже отслужившим трехлетний срок обязательной воинской повинности и расставшимся с армией. Высшая возрастная планка для кандидатов в сотрудники Охраны колебалась от двадцати лет, когда речь шла о тяжелом в физическом отношении труде, до тридцати пяти лет для тех, кто занимался сидячей работой. Впрочем, имелись и исключения из этого правила. Такие специалисты, как строители, врачи, связисты и административные работники, могли быть взяты на работу и в сорок лет. Кроме того, врачей особо редких специальностей брали на службу и в возрасте до пятидесяти пяти, но такое случалось нечасто.

Образование было еще одним важным фактором, учитывавшимся кадровиками, имевшими собственное мнение на сей счет, расходившееся с общепринятой точкой зрения. Другими словами, кандидаты с высоким или сравнительно высоким уровнем образования, за исключением тех из них, кто обладал познаниями в ряде специальных областей, не очень-то устраивали сотрудников отдела кадров. Скорее всего; они опасались (и, вероятно, вполне обоснованно), что вся эта публика не очень-то склонна соблюдать строжайшую дисциплину и к тому же может взять да и отказаться выполнять «грязную» работу, которая могла бы выпасть на ее долю. Несомненно, образовательный уровень охранников повышался с течением времени, однако происходило это крайне и крайне медленно. Самое большее, что оканчивал обычно охранник, служивший в «дворцовой гвардии» накануне Великой Отечественной войны, так это семилетнюю школу. Однако ко времени учреждения ГУО положение изменилось: лица, не окончившие восьми или девяти классов школы, на работу не принимались. Но затем прогресс в этой области, по существу, приостановился по причине, ясно обозначенной в следующей фразе, оброненной заместителем Власика Горышевым: «Образование наших сотрудников не должно превышать десятилетки: образованный человек слишком много думает». Тем не менее к 1950 году в ГУО произошло значительное расширение рядов сотрудников с высшим образованием, но служили они исключительно в оперативном отделе и других подразделениях Управления высокого ранга. Возможно, низкий образовательный уровень подавляющего большинства сотрудников охранного ведомства объяснялся в какой-то мере и тем обстоятельством, что начальник Управления Власик окончил только три класса начальной школы и лишь с трудом мог вывести на бумаге свое имя. Несмотря на то что в целом высшее руководство отрицательно относилось к «высокому уровню» образования, партком и комитет комсомола призывали охранников использовать свое свободное время для дальнейшей учебы. Но Власику подобные вещи не нравились. Если выяснялось, что кто-то из сотрудников посещал занятия на вечерних курсах при высших учебных заведениях, он говорил: «Мы берем людей на работу с тем, чтобы они охраняли наших вождей, а не для того, чтобы повышать их образовательный уровень» — или: «Мы не нуждаемся в гнилой интеллигенции». В то же время охранники получали образование иного типа, и к тому же в избытке. Ежедневно, повышая свой политический уровень, они изучали такие предметы, как история Коммунистической партии Советского Союза, биографии руководителей Советского государства или основы марксизма-ленинизма. Кроме того, их просвещали по ряду вопросов, входивших в тематику политической пропаганды. Занимались же с ними знавшие свое дело партийные активисты, а также профессора из Университета марксизма-ленинизма и других расположившихся в столице партийных институтов.

Отрицательно относясь к повышению образовательного уровня рядового состава, руководство ГУО обращало в то же время большое внимание на физическое состояние телохранителей. Кандидаты в сотрудники данного ведомства должны были обладать отменным здоровьем, которое позволило бы каждому из них служить в армии. Поэтому все они проходили в обязательном порядке центральную медицинскую комиссию органов государственной безопасности, которая и выдавала им справку о

пригодности к воинской службе. Обследование проходило довольно строго, поскольку комиссия заранее уведомлялась о том, что тот или иной кандидат является потенциальным сотрудником Управления. Требования, предъявлявшиеся к здоровью претендента, зависели от того, какого рода работа его ожидала (причем сам обследуемый не ведал, в которое из подразделений ГУО его определят): если человека предполагали взять на работу охранником, включить в состав одной из групп наблюдения или направить в наружно-постовую службу, то он должен был обладать отменным здоровьем, тогда как иного рода деятельность, к коим относились сидячая работа в оперативном отделе, административные или домашние для партийных бонз заботы, вождение машины, ремонт Автомобилей, связь или медицина, никак не были связаны с чрезмерными физическими нагрузками. Зная все это, комиссия оценивала пригодность кандидата к соответствующим специальностям. Например, если кандидат из-за плохого зрения никак не подходил на роль шофера, то врачи могли рекомендовать использовать его как механика или привлечь к какой-либо административно-хозяйственной работе. Если кто-то из-за плоскостопия был непригоден к наружно-постовой службе, то это вовсе не исключало того, что он может полноценно работать, сидя за письменным столом.

Само собой разумеется, комиссия не пропускала кандидатов с такими заболеваниями, как сифилис, туберкулез, шизофрения и нервные расстройства, или тех из них, кто перенес серьезную операцию. Точно так же не могли рассчитывать на работу в спецслужбах и лица с такими физическими недостатками, как отсутствие того или иного органа, или с заразными болезнями, передававшимися в их семьях от поколения к поколению. Те, кто попадал в данную категорию, сразу же «заворачивались» без всякого дальнейшего обследования. Кандидаты с дефектами зрения, корректируемыми очками, могли быть приняты на работу, но только не в качестве охранников. Женщины, которых использовали только как технический, обслуживающий или хозяйственный персонал, подвергались при приеме на работу столь же серьезному медицинскому обследованию, как и мужчины. После того как кандидат признавался физически пригодным к службе в ГУО, здоровье этого человека на протяжении дальнейшей его жизни вплоть до ухода на пенсию оказывалось в значительной степени в руках медицинской комиссии органов государственной безопасности, поскольку это она отправляла сотрудников Управления на курорты для отдыха или лечения, после болезни выписывала их из клиник, подведомственных органам государственной безопасности, и определяла пригодность или, наоборот, непригодность сотрудников к дальнейшему несению службы, если те получали огневые ранения или достигали пенсионного возраста.

Сколь бы курьезно ни выглядело все это, но факт остается фактом: Сталин, грузин; которому Ленин поручил однажды взять на себя заботу о проживавших на территории России национальных меньшинствах, имел явные предубеждения относительно национальной принадлежности своих телохранителей. Понятно, никаких письменных распоряжений такого рода не существовало. И тем не менее в соответствии со спущенными сверху хоть и неписаными, но обязательными для всех правилами при приеме на работу русским отдавалось явное предпочтение. Данная тенденция настолько усилилась со временем, что если в охранную службу и брали кого-то из представителей другой национальности, то только в порядке исключения. В тридцатые годы в «дворцовой гвардии» насчитывалось немало украинцев, но после окончания Великой Отечественной войны картина резко изменилась. Причиной, по которой украинцев не включали в список кандидатов в сотрудники ГУО, послужило то обстоятельство, что их земля была оккупирована немцами. Дискриминация по отношению к ним проводилась столь жестко, что ее жертвами становились даже те граждане, которым во время немецкой оккупации было не более десяти лет. Из тех же точно соображений в охранную службу не брали и граждан из Прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы, и это несмотря на то, что латыши охраняли некогда Ленина и до чисток были представлены и в «дворцовой гвардии». Подобной же дискриминации подвергались также казахи, узбеки, туркмены, таджики и представители других национальных меньшинств, проживавших на территории

советской Средней Азии. Когда было учреждено Главное управление охраны, Сталин сразу же распорядился, чтобы в нем не было ни одного грузина, поскольку опасался, что кто-то из них — пусть всего лишь один человек — мог оказаться ставленником Берии. В результате таких изустных предписаний в Управлении служили практически одни только русские, если не считать составлявших малочисленную группу украинцев, белорусов, армян, татар и мордвы, которых взяли туда, скорее всего, для проформы.

Однако наибольшей дискриминации подвергались все же евреи. До 1949 года в Охране их насчитывалось примерно полторы сотни. Но все они были в одночасье уволены, и после 1950 года действовало негласное правило, запрещавшее брать на работу евреев. Чтобы кадровики неукоснительно следовали этому правилу, согласно которому в списки кандидатов в сотрудники ГУО не должны были включаться евреи и представители других дискриминируемых национальностей, Горышев говаривал отделу кадров не раз: «Мы берем на работу каждого... — при этих словах он многозначительно улыбался, — в основном русских, чуточку украинцев и больше никого».

Несмотря на подобного рода высказывания Горышева, некоторые кадровики из-за давления, оказывавшегося на них высшими чинами, были склонны в нарушение неписаных правил рассматривать предложенные им кандидатуры евреев. Один из таких случаев связан с лейтенантом Шляпинтохом. Его отец, занимавший в Куйбышевской области ответственный партийный пост, отправил некогда своего отпрыска в школу государственной безопасности, которая находилась в Новосибирске. По окончании школы молодого человека направили в Москву, с тем чтобы его в конечном счете внедрили в какую-нибудь еврейскую общину на территории Украины. Отец же, возлагавший на сына слишком большие надежды и соответственно желавший для него нечто значительно большее, написал, не теряя времени, Абакумову, прося его взять юношу в Управление. Письмо, которое так и не поступило к Абакумову, было переслано одному из сотрудников отдела кадров. Тот, хотя и знал о предписаниях, дискриминировавших евреев, занялся рассмотрением просьбы отца, поскольку учитывал и положение, которое занимал автор письма, и тот факт, что послание было адресовано лично Абакумову. Месяца через два он подготовил все необходимые в подобных случаях бумаги и передал их на подпись заместителю министра государственной безопасности. Вместо того чтобы подписать документы, этот «достойнейший» человек обвел чернилами имя кандидата и отправил бумаги назад, в отдел кадров. Оттуда же личное дело лейтенанта поступило к Власику, который заключил в кружок слово «еврей» и обратился к Горышеву за разъяснениями. Заместитель Власика в свою очередь вызвал к себе всех сотрудников отдела кадров и затем спросил в наигранно-шутливой манере нарушившего негласную инструкцию кадровика, с чего это вдруг он стал рассматривать кандидатуру Шляпинтоха. При упоминании фамилии этого еврея остальные сотрудники отдела кадров залились подобострастным смехом и с тех пор стали звать своего заблудшего коллегу не иначе как Шляпинтохом. Не подозревавший, понятно, о существовании устных дискриминационных предписаний, молодой еврей потребовал, чтобы ему объяснили, на каком основании была отвергнута его кандидатура. Все, что он услышал в ответ, сводилось к тому, что в Управлении не оказалось свободных вакансий, которые устроили бы его. Кончилось же все тем, что незадачливый юноша получил назначение в Куйбышев, где ему была отведена роль снабженца в аппарате расположенной там службы государственной безопасности.

Кандидату в сотрудники Управления, успешно преодолевшему барьеры, связанные с национальной принадлежностью, физическим состоянием, образовательным уровнем, местом проживания, социальным и политическим статусом, и степенью благонадежности, следовало, кроме того, отвечать многим политическим и социальным критериям, в том числе и неписаным. Несомненно, он должен был являться горячим сторонником строительства коммунизма, быть воспитан в духе марксизма-ленинизма, проявлять (по крайней мере внешне) надлежащую политическую активность и безграничную любовь к советскому руководству, то бишь к Сталину. Кроме того, претендент должен родиться в Советском Союзе,

принадлежать к наиболее многочисленной нации, быть выходцем из рабочей или крестьянской семьи и таким образом не иметь среди своих предков представителей интеллигенции и тем более «эксплуататорских» классов, ликвидированных «Октябрьской революцией». О том, отвечает ли кандидат всем требованиям такого рода, становилось ясным из его ответов на вопросы, содержащиеся в «анкете специального назначения». Но это еще не все. Необходимо, чтобы его родители или близкие родственники не занимали высоких постов в партийных и государственных учреждениях и в Вооруженных Силах. Он и его родственники никогда не должны были состоять в какой-либо другой, соперничавшей в прошлом с КПСС, партии (особенно в подлинно социалистической) до революции и в первые годы Советской власти или в одной из зарубежных партий. (Отметим попутно, что предпочтение при рассмотрении кандидатур отдавалось членам коммунистической партии, комсомола и профсоюза, особенно тем из них, кто принимал активное участие в деятельности этих организаций.) Кандидат не должен был также проживать никогда, даже в детстве, за пределами Советского Союза. (Детям советских дипломатов вежливо, но решительно отказывали в приеме на работу. Советские армейские офицеры, которые служили за рубежом, могли быть взяты в ГУО, но со многими ограничениями, главным из которых было то, что они никогда не становились телохранителями никого из советского руководства.) Для кандидата считалось также недопустимым, чтобы в годы Великой Отечественной войны он находился на оккупированной немцами территории, попадал в окружение или оказывался отрезанным немецкими войсками от своих. Наконец, имелась еще одна вещь, казалось бы, мало-значимая, но в действительности тоже принимавшаяся в расчет при решении судьбы кандидата, а именно время его вступления в партию или комсомол. Данный вопрос, естественно, имел значение лишь для определенной возрастной группы. Лица, принадлежавшие к ней, должны были вступить в партию или в комсомол не позже 1943 года, поскольку кандидаты, сделавшие это потом, в лучшем случае рассматривались как «приспособленцы» и, как правило, подозревались, что в годы войны они придерживались прогерманских настроений.

Отделу кадров приходилось довольно часто иметь дело с кандидатами в сотрудники ГУО, которые становились жертвами того или иного неписаного правила, и он отлично знал, как управляться с ними. В 1949 году, например, районный комитет партии рекомендовал охранному ведомству взять на работу сына министра финансов. Но его кандидатуру конечно же отвергли. Однако отказ оформили как можно тактичней. Разузнав о характере кандидата все, что было нужно, кадровики поняли, что кандидат питает отвращение к тяжелой работе, и, воспользовавшись этим, сказали ему, что в соответствии с единственными имевшимися в то время свободными вакансиями им нужны лишь «обходчики» — милиционеры и облаченные в гражданское платье охранники, несущие службу на московских улицах. Это отпугнуло сына сановника. И Горышев, подчеркивая сей факт, сказал своим сотрудникам: «Нам не нужны маменькины сынки — отпрыски министров и генералов».

Ранее, сразу же после учреждения Управления, из-за тех же «критериев» попала в крайне тяжелое положение врач Д. После длительной и тщательно проведенной проверки ее наконец взяли на работу и в качестве дегустатора направили на дачу Сталина неподалеку от Сочи. В 1947 году, когда эту женщину взяли в ГУО, данные, которыми располагала военная контрразведка, еще не были систематизированы и изучены до конца (иначе говоря, к тому времени в центральную картотеку успели попасть далеко не все имевшиеся у спецслужб сведения о тысячах военных подразделений, расформированных после окончания войны). Поэтому только в 1948 году соответствующим органам стало известно, что подразделение, в котором служила врач Д., в 1941 году почти два месяца находилось в немецком окружении. Как только выяснилось данное обстоятельство, с ней повторно провели собеседование. Она сказала, что не упомянула об окружении потому, что рассматривала его лишь как один из эпизодов, которых немало случилось во время ее службы в Красной Армии. При этом врач Д. подчеркнула, что в плену она не была. Но это не помогло. По обвинению в сокрытии фактов ее уволили из Управления и посоветовали перебраться на постоянное место

жительства куда-нибудь в Сибирь или Казахстан, а затем исключили из партии. Кадровик, одоббивший кандидатуру врача Д., получил строгий выговор и был переведен на менее ответственный пост в органах государственной безопасности.

Другой случай, свидетельствовавший о том, что документы военного времени Далеко не сразу были приведены в порядок, связан с резервистом капитаном Б., который желал устроиться в Управление в качестве инструктора по физической подготовке. Во время рассмотрения его кандидатуры обнаружилось вдруг, что в годы Великой Отечественной войны он был приговорен к восьмилетнему тюремному заключению за дезертирство. И это все, о чем говорилось в бумагах, которыми располагали кадровики. Между тем тюремное заключение было заменено службой в штрафном батальоне в течение трех месяцев. А позже, ввиду проявленного им мужества на поле боя и отмеченных боевыми наградами ратных подвигов, совершенных этим человеком во время его пребывания в дисциплинарных подразделениях, с него сняли судимость. Впоследствии он вступил в партию и до того, как обратился в Управление, работал физруком в одном из московских вузов. Капитана Б. уже оформляли в штат ГУО, но, как только стало известно о его дезертирстве, ему было отказано. И это — несмотря на многочисленные боевые заслуги капитана.

Случаи с врачом Д. и капитаном Б. были приведены здесь вовсе не для того, чтобы создать у читателя впечатление, будто бы чуть ли не все кандидаты в сотрудники ГУО пытались обманывать кадровиков или скрывать от них какие-то сведения. Они свидетельствуют лишь о том, что нередко причиной осложнений, возникавших у кандидатов, являлись война и связанная с ней неразбериха, невольными жертвами которой становились совершенно разные люди, даже не подозревая подчас об этом.

В подтверждение сказанного сошлюсь еще на один случай. У некоего кандидата имелось много родственников, один из которых нарушил какое-то то ли писаное, то ли неписаное правило и тем самым предрешил его судьбу, хотя сам кандидат так и не узнал о причине отказа в приеме на работу. Поскольку такие вещи происходили сплошь и рядом, кадровики, стремившиеся не только упростить свою работу, но и избежать возможных неприятностей, предпочитали иметь дело с людьми еще не женатыми и имевшими из родственников только родителей и брата или сестру. Ведь каждому понятно — чем многочисленнее родня, тем выше вероятность того, что кто-то из родственников по каким-то причинам сделает кандидатуру претендента (а у женатого человека таких шансов вдвое больше!) неприемлемой для Охраны.

Ежегодно, после того как группа кандидатов примерно из пятисот человек преодолевала последний отборочный барьер, личные дела большинства из них с самыми последними записями направлялись заместителю министра государственной безопасности для окончательного рассмотрения кандидатур и утверждения их. Однако в тех случаях, когда претенденту предстояло находиться в непосредственной близости к Сталину то ли в роли телохранителя, то ли как врач или просто прислуга, окончательное решение в отношении его должен был принимать сам министр государственной безопасности, что он и делал, но только после того, как обсуждал в деталях с Власиком и Поскребышевым предложенную ему кандидатуру.

Лица, которых брали в Охрану, не упускались сотрудниками отдела кадров из виду на протяжении всей их службы: наблюдение за ними не прекращалось практически никогда. Поскольку под вечным надзором, одной из целей которого была проверка благонадежности буквально всех без исключения, находились не только молодые, но и старые сотрудники Управления, связанная с этим работа превращалась в нудное, рутинное занятие. Чтобы облегчить участь кадровиков, каждый сотрудник Управления был обязан своевременно сообщать им обо всех изменениях в своем семейном положении, о судебных разбирательствах и даже о заболеваниях родственников. Все подобного рода сообщения подлежали проверке, и если в ходе ее обнаруживалось нечто, говорящее не в пользу сотрудника, ставился

вопрос о его дальнейшей судьбе. Наименьшее наказание, которому подвергался тот, кто представил в отдел кадров неверные сведения о себе, заключалось в понижении в должности. К мерам, которые могли быть приняты в той же связи, относились также перевод сотрудника в другие органы государственной безопасности и даже увольнение его с «волчьим билетом».

«Волчий билет» — это образное понятие, означавшее по сути клеймо, которое ставилось на человека и сохранялось на нем в течение всей его последующей жизни. Помимо лиц, заподозренных в неблагоденности, он «вручался» также и всем тем, кто совершил какой-то позорный поступок, потерял бдительность или просто выразил желание уйти из Управления, что воспринималось как самое настоящее преступление, поскольку «свидетельствовало» о том, что сотрудник не желает охранять «дорогого товарища Сталина».

Получение «волчьего билета» автоматически влекло за собой исключение из партии или комсомола и к тому же с самой отрицательной характеристикой. Об изгое немедленно сообщалось в Министерство государственной безопасности, вслед за чем в отдел «Т» поступало распоряжение держать его под наблюдением как «антисоветского элемента», возможно, с «террористическими наклонностями». Кроме того, этот отверженный заносился в черный список по месту прежней службы. Он не мог устроиться на работу ни в одном государственном учреждении или предприятии, поскольку с ним как «помеченным» органами попросту боялись иметь дело. Немалую роль в этом играло также то обстоятельство, что начальники отделов кадров во всех советских учреждениях и на производственных предприятиях были штатными или внештатными сотрудниками органов государственной безопасности.

Не выдержав подобных воистину невыносимых испытаний, многие из получивших от Управления «волчьи билеты» кончали жизнь самоубийством. Такие вещи происходили с бывшими сотрудниками и Охраны № 1, и Охраны № 2. От подобных ударов судьбы не был застрахован никто. В частности, в исключительно тяжелом положении оказались телохранители Кузнецова и Вознесенского, которым после ареста их хозяев предложили на выбор или работать охранниками в исправительно-трудовых лагерях в Сибири, или оказаться в числе уволенных с «волчьим билетом». Далеко не все согласились отправиться в Сибирь, судьба же тех, кто принял это предложение, сложилась по-разному: одни покорно тянули лямку, другие же вскоре свели счеты с жизнью. Однако большая часть самоубийств приходилась на другие подразделения Управления. Несомненно, причина этого кроется в том, что многие из их сотрудников, будучи людьми более образованными, осознавали в конце концов, на какого рода службу они поступили.

Что бы там ни было, основная масса «трудящихся», которых никто не принуждал поступать на работу в Управление, покорно несли свое бремя, занимаясь лишь порученным им делом и стараясь избегать неприятностей. Они несли дежурство на ночных московских улицах и на безлюдных дорогах, которые вели к дачам иерархов. Из года в год сидели за станковыми пулеметами, установленными в Нижних ярусах Мавзолея Ленина и предназначавшимися для шествовавших по Красной площади «ликующих народных масс», воздерживались от спиртных напитков в рабочее время и никогда никому не говорили о том, чем они занимаются, в надежде отбарабанить двадцать пять лет и уйти спокойно на пенсию, равняющуюся примерно восьмидесяти процентам от уровня их заработной платы. Однако чаще всего случалось другое: их, со ссылкой на сфабрикованное врачами медицинское заключение, увольняли раньше срока (Советское правительство не любило раздавать слишком много пенсий) и в лучшем случае пристраивали затем в одно из подразделений отдела снабжения, обслуживавшего членов Политбюро и их домочадцев, для которых всегда тут имелись охотничьи ружья, икра, телевизоры и прочие предметы потребления. Охранники не могли рассчитывать на сколь-либо значительное повышение в звании к тому времени, когда встанет вопрос об уходе на пенсию: лишь единицы из них дослуживались до майора.

Если охранник попадал в неприятную историю и, как следствие, оказывался уволенным еще до того,

как отслужил положенный срок, он не мог надеяться на пересмотр дела: любое обращение в любые инстанции, как хорошо было известно всем, только ухудшило бы его Положение. Тем не менее некий лейтенант Матвеев, уволенный из Охраны, пренебрег данным обстоятельством. Его беды начались после того, как было обнаружено спецслужбой, что его жена переписывается со своей тетушкой, проживающей в Бельгии. Данный факт послужил достаточным основанием для увольнения Матвеева, о чем ему прямо сказали. В течение последующих двух месяцев он не только безуспешно пытался устроиться куда-нибудь на работу, но и постоянно обращался и в органы государственной безопасности, и к партийному руководству с заявлениями, в которых утверждал, что переписка его жены к нему лично не имеет никакого отношения. Однако все протесты, как и следовало ожидать, были проигнорированы. Не зная, что делать, и находясь фактически на грани голодной смерти, он заявился в состоянии, близком к умопомешательству, в американское посольство и обратился к его сотрудникам с просьбой хоть о какой-нибудь помощи, если предоставить ему политическое убежище они не в их силах. Возможно, это был один из тех периодов, когда США из соображений высшей политики снова делали вид, что стоят за дружбу с Советами, хотя нельзя исключать и того, что официальные лица в посольстве вполне обоснованно заподозрили, что обращение к ним сотрудника Охраны всего лишь игра. Как бы там ни обстояло в действительности дело, кончилось все тем, что посольство отказалось сделать что-либо для Матвеева и, по существу, выставило его на улицу. Поскольку служба наблюдения выследила лейтенанта, он сразу же, как только за ним захлопнулась дверь, был арестован, после чего, в крайне спешном порядке, его заключили в тюрьму на пять лет.

Другой случай увольнения сотрудника Управления из-за родственников был еще более трагичным, поскольку выставленный из Охраны человек во время поступления на службу, где его ждала рутинная «наружно-постовая» работа, ничего не знал о «преступлении» родственника, как, впрочем, об этом не было известно и тем из отдела кадров, кто изучал его личное дело и проверял кандидата на благонадежность. Впоследствии, однако, и офицер и, независимо от него, Управление обнаружили, что его сестра замужем за человеком, побывавшим в немецком плену. В результате, несмотря на то, что сам сотрудник Охраны отличился во время войны, «сокрытия сведений» ему не простили. (Как ни иронично это звучит, но если бы он сам рассказал обо всем сотрудникам отдела кадров, конечный итог для него был бы тот же самый.) Оказавшись «на улице», офицер пытался объяснить, как обстояло дело, и руководству службы безопасности, и партийным «боссам», однако это ему все равно ничего не дало. Когда же его сбережения подошли к концу, а жена должна была вот-вот родить, его охватило отчаяние. Не выдержав нервного напряжения, он ворвался в Московский горком партии, швырнул партбилет на стол и с вызовом спросил аппаратчиков, что скажут они на это. Представитель Комитета партийного контроля незамедлительно обратил внимание Горышева на поведение бывшего сотрудника Управления. Горышев тут же высказал мнение, что такие люди представляют собой реальную опасность для партии, и приказал установить за ним специальное наблюдение. После того как это было сделано, «хвосты» регулярно стали докладывать вверх о том, что их «объект» при каждом удобном случае говорит о якобы допущенной в отношении его несправедливости и рассказывает всем и каждому, что он выбросил свой партбилет. Зная точно, что за ним наблюдают, бывший сотрудник Управления вырвал у женщины сумочку, после чего позволил Схватить себя на месте преступления. Но совершил офицер ограбление не ради денег, которые могли бы оказаться в сумочке и которые ему, несомненно,годились бы, воспользуйся он ими. Его целью было попасть в тюрьму или исправительно-трудовой лагерь не в качестве политзаключенного, а как обычный уголовник, который имел все основания надеяться на лучшее обращение с собой, чем «политический». Все так и вышло, как он рассчитывал. За хищение сумочки его приговорили к трем годам лишения свободы. В общем, получалось так, что ему «припаяли» значительно меньший срок по сравнению с тем, который он мог бы получить за остальные свои «преступления».

Но хуже всего сложилась судьба у сотрудника, входившего в бригаду охранников, несших дежурство на одной из московских улиц, по которым проезжали иерархи. Однажды, когда группа машин с членами Политбюро мчалась в сопровождении приданного им Управлением эскорта через участок, за которым этот сотрудник надзирал, какой-то гражданин выскочил внезапно на проезжую часть и побежал. Его тотчас пристрелили, против сотрудника же было выдвинуто обвинение в грубейшем нарушении долга. В обвинительном заключении конечно же ни слова не было сказано об убитом мужчине, зато говорилось о том, что сотрудник, по существу, пренебрег своими обязанностями, позволив неизвестно кому сойти с тротуара на мостовую в самый что ни на есть ответственный момент. Не желая дожидаться неизбежного исхода этого дела, охранник покончил с собой.

Все без исключения подобные случаи фиксировались в отделе кадров. Там же хранились и личные дела сотрудников Управления. В этих персональных досье содержалось буквально все, что могло бы представить хоть какой-то интерес: подробные записи о приеме сотрудника на работу, о повышении или понижении в должности, о наградах, взысканиях, очередных отпусках и отпусках по болезни, а также сведения о его отставке и пенсионных правах. В каждом личном деле находились две фотографии паспортного размера: на одной сотрудник был снят в форме, на другой — в гражданском костюме. Всякий раз, когда происходило изменение в звании сотрудника, в досье добавлялись два новых фотоснимка.

Из чисто административно-организационных соображений отдел кадров был разбит на семь основных секторов. Первый, само собой разумеется, занимался Охраной № 1, второй и седьмой, которые мало чем отличались один от другого, обслуживали Охрану № 2, в которой насчитывалось значительно больше различных подразделений, чем в Охране № 1. Третий был связан с кремлевской комендатурой, четвертый — с хозяйственно-управленческими службами ГУО, пятый — с Отделом регулирования уличного движения, чьи сотрудники дежурили на улицах столицы в милицейской форме.

Горышев, который исполнял одновременно обязанности и заместителя Власика, и начальника отдела кадров, возглавлял также особый, своего рода «секретный» сектор того же отдела — специальную инспекцию, прозванную сотрудниками Управления «черной камерой». Подобное неофициальное название она носила потому, что являлась элитным подразделением, которое занималось рассмотрением заводившихся на сотрудников дел, связанных с нарушениями долга и прочими провинностями, и представляла наверх рекомендации относительно мер наказания, если только не решала, что виновный должен предстать перед судом. Обычно стоило только «черной камере» заняться сотрудником, как его тотчас же высылали за пределы Москвы, увольняли из охранников или заключали в тюрьму. Однако сама по себе специальная инспекция не была всемогущим органом: ее решения претворялись в жизнь лишь с санкции Власика и министра государственной безопасности.

Охрана № 1

Занятая обеспечением личной безопасности Сталина, она являлась элитным подразделением Управления. Данное обстоятельство не исключало того, что Охрана № 1 была в то же время самой малочисленной из основных спецслужб, бравших под свою защиту советское руководство. Однако эффективность этой организации определялась отнюдь не численностью ее личного состава, представленного практически лишь телохранителями диктатора и сравнительно небольшой группой телохранителей его сына и дочери: она всегда могла рассчитывать на поддержку со стороны Охраны № 2, других подразделений ГУО и Министерства государственной безопасности, которые готовы были в любой момент оказать ей содействие, в том числе и по части обеспечения всем, в чем возникала потребность. Необходимо также отметить, что, сколь бы ни была мала Охрана № 1, в ней насчитывалось раз в пять больше телохранителей, чем в командах, занимавшихся обеспечением личной безопасности других

иерархов.

При выполнении своих служебных обязанностей телохранители Сталина, прямо скажем, не сталкивались с теми трудностями, которые приходилось преодолевать их коллегам из службы безопасности, охранявшим президентов США и лидеров других западных стран. Это объяснялось положением, которое занимал Грузин в обществе, свойствами его натуры и спецификой советского строя. Круг лиц, с которыми встречался Сталин, был крайне узок. Он мало с кем поддерживал личные, не связанные с его служебными обязанностями отношения и никогда не бывал на массовых митингах. Если он и появлялся на людях, то лишь на съездах партии (в период же с 1939-го по 1952 год имел место только один такой форум), на сессиях Верховного Совета и на ежегодных празднествах по случаю Первого мая и Седьмого ноября, проводившихся на Красной площади, причем на последних двух мероприятиях он присутствовал отнюдь не всегда. Если смотреть на вещи трезво, то реально диктатора приходилось охранять только в Кремле или на одной из его подмосковных дач, а также во время его ежегодных поездок на юг, где он регулярно проводил свой отпуск. Сталин никогда не останавливался в таких общественных местах, как гостиницы. Никогда не участвовал в предвыборных кампаниях и таким образом избегал необходимости совершать неизбежные с ними поездки и встречаться с людьми. Никогда не бывал ни в церкви, ни на каких бы то ни было спортивных мероприятиях. Никогда не навещал родственников (если не считать его престарелой матери, к которой он ездил в сопровождении надежной охраны) или друзей. Он не проводил пресс-конференций, не выступал по телевидению. Если и совершал прогулки, то лишь внутри Кремля или в лесу на одном из своих дачных участков. И даже его эпизодические появления на Красной площади ни в коей мере не были связаны с риском для жизни, чего не скажешь о церемониальных поездках лидеров западных стран, которые они совершали в открытых лимузинах, с трудом прокладывавших себе дорогу сквозь толпы людей. Когда Сталин соизволял взирать на демонстрацию с трибуны на Мавзолее Ленина, то это ничем не угрожало ему. Да и как же иначе? Ведь каждый правофланговый в рядах, шествовавших мимо него, независимо от того, кто вышагивал в строю — рабочие ли, спортсмены, молодежь: или военнослужащие, — был сотрудником органов государственной безопасности; на нижних ярусах Мавзолея скрытые щитами стояли, оцетинившись стволами, станковые пулеметы, — помимо тех, что разместились на кремлевских стенах, а на крышах примыкавших к Красной площади строений и в самих зданиях находились снайперы. Кроме того, на трибуне рядом со Сталиным можно было видеть и его телохранителей, облаченных на этот раз в офицерскую форму, которых участники демонстрации принимали за обычных военных.

Точно так же диктатор мог чувствовать себя в полной безопасности и на фактически закрытых официальных мероприятиях. Даже в тех случаях, когда он должен был присутствовать на проходивших в Кремле съездах партии или сессиях Верховного Совета, здание, в котором они проводились, и прилегающие к нему строения осматривались самым тщательным образом, чтобы, даже проникнув в них за несколько часов или дней до открытия таких заседаний, никто не смог бы остаться там незамеченным. Проверив все до единого здания с подвалов и до крыш, охранники занимали свои места с таким расчетом, чтобы ничто не ускользало из их поля зрения.

Чтобы успешно справляться с возложенными на нее обязанностями, Охрана № 1 довела в одно время численность своего личного состава до четырехсот шести человек. Звания ее сотрудников варьировались от младшего лейтенанта до генерала, причем большинство их составляли капитаны и майоры. Свыше двухсот офицеров были телохранителями в подлинном смысле этого слова. Остальные же работали в качестве шоферов, поваров, официанток, садовников, горничных, дворников, уборщиц и так далее, представляя собой таким образом ту категорию, которую можно отнести с полным правом к обслуживающему персоналу. Хотя все эти лица по характеру выполнявшихся ими функций никак не могли считаться охранниками, они тем не менее в дополнение к обычным своим обязанностям должны были

быть также глазами и ушами спецслужб, обеспечивавших личную безопасность вождя. (Находившиеся в Москве дипломаты из стран свободного мира, расселявшиеся по квартирам в соответствии с правилами, установленными администрацией диктатора, и вынужденные довольствоваться домашней прислугой, которую им направляли государственные учреждения, находившиеся под контролем органов государственной безопасности, могут, основываясь на собственных наблюдениях, засвидетельствовать тот факт, что под видом обслуживающего персонала к ним приставлялись сотрудники спецслужб.) Помимо лиц, которые изо дня в день находились непосредственно при Сталине и таким образом в первую очередь отвечали за его жизнь и здоровье, имелись, несомненно, и сотни других людей, также занимавшихся обеспечением безопасности вождя, к каковым относились гражданские лица, команды кинологов с собаками, служащие хозяйственно-снабженческих и административных отделов различных военных или военизированных организаций, сотрудники спецслужб и транспортные работники, обслуживавшие дачи генсека как в Подмосковье, так и на юге, и следившие также за тем, чтобы во время поездок ничто ему не угрожало. Отметим попутно, что обеспечение безопасности вождя, когда тот выезжал куда-то, возлагалось на Охрану № 2 и некоторые другие подразделения ГУО и на органы государственной безопасности.

Столь же сложной была и управленческая структура Охраны № 1. Подлинным начальником ее, бесспорно, был сам Сталин, опиравшийся в случае чего на Поскребышева, своего главного помощника в данных делах. В непосредственном подчинении у Поскребышева находился Власик, номинальный глава Управления. Роль же подручного Власика во всем, что касалось Охраны № 1, исполнял полковник Раков, который, однако, сам ничего не мог предпринять без санкции Сталина и Поскребышева. Хотя Власик и возглавлял формально Главное управление охраны, фактически большую часть своего времени он проводил, когда не был пьян, в кабинете Поскребышева или в прихожей у Сталина, что вошло у него в привычку еще до того, как Грузин присвоил себе диктаторские полномочия.

То обстоятельство, что Охрана № 1 подразделялась на несколько команд (практически отделов или подразделов), в значительной мере объяснялось склонностью Сталина жить жизнью знатной особы свидетелем чему могут служить находившиеся в полном его распоряжении несколько дач в одном только Подмосковье и с полдюжины их, расположенных на юге страны, в курортно-оздоровительных зонах. На каждой из таких его фактически усадеб имелся комендант с целым штатом прислуги, в обязанности которых входило поддерживать порядок на даче и следить за тем, чтобы диктатор и члены его семьи ни в чем не испытывали недостатка. Каждый комендант возглавлял самостоятельный, по существу, сектор и подчинялся непосредственно Ракову. Но ни один из комендантов не нес прямой ответственности за безопасность Сталина: за это отвечали телохранители из кремлевской резиденции вождя и его дачи в Кунцеве, которые повсюду сопровождали Хозяина, куда бы тот ни направлялся. Помимо упомянутых выше, имелись также и коменданты, отвечавшие за безопасность детей Сталина — Василия и Светланы. К обоим отпрыскам диктатора были приставлены их собственные телохранители, которых другие сотрудники Охраны называли между собой «подвесками» или «хвостами». Эти стражи с офицерскими званиями всегда находились при детях, причем в их обязанности входило не только охранять своих подопечных, но и составлять им компанию и в случае чего развлекать ребятишек. Кроме того, само собой разумеется, за Василием и Светланой приглядывали также их няни, домоправительницы и личная их прислуга, которые все как один являлись сотрудниками Охраны, получавшими весьма высокую зарплату и пользовавшимися к тому же еще и различными немалыми льготами.

Все эти усадьбы, обслуживавшиеся комендантами, охранниками и домашней прислугой, именовались государственными дачами и домами отдыха, хотя предназначались они исключительно для личного пользования одного лишь Сталина и членов его семьи. Расходы по содержанию дач в надлежащем порядке и на оплату обслуживающего персонала и различных хозяйственных нужд покрывались из фондов, находившихся в распоряжении Охраны. Некоторые из таких дач практически

никогда не использовались Грузином, другие же он посещал самое большее раз в году, а в прочих принимал от случая к случаю своих ближайших сотрудников или известных советских писателей, артистов и ученых. Но независимо от того, бывал ли Сталин на этих дачах или нет, обслуживающий персонал в своем полном составе должен был из года в год безотлучно, круглые сутки, находиться на них. Иногда в таких шикарных резиденциях вождь принимал важных иностранных персон. Так случилось, в частности, в 1949–1950 годах, тогда органы государственной безопасности установили около пятидесяти микрофонов на сталинской даче в Липках, в которой разместили гостей из «Красного Китая», — Мао Цзэдуна и сопровождавших его лиц из высшего руководства Китайской коммунистической партии.

Было в порядке вещей, что коменданты, назначавшиеся из числа сотрудников Охраны № 1, столь же часто сменялись, как и их начальники в Управлении и других органах государственной безопасности. Исключение составлял лишь Сергей Ефимов, бывший комендантом дачи, на которой обычно проживал со своей семьей Сталин. Он ухитрился дожить до того же примерно возраста, что и диктатор. После Великой Отечественной войны он получил генеральское звание, возглавил один из отделов Министерства государственной безопасности, ведавший вопросами, связанными с заработной платой и пенсионным обеспечением сотрудников, уходящих в отставку, и, имея в Москве собственную квартиру и дачу в окрестностях столицы, по уровню и образу жизни ничем не отличался от министров. Однако позже, когда в последний год жизни диктатора Берия вплотную занялся Охраной, Ефимов лишился прежнего благорасположения со стороны вождя. Дочь Сталина Светлана писала позже в данной связи: «Впав в немилость, он был буквально растерзан своими же сослуживцами — генералами и полковниками милиции, которые составляли весьма своеобразный «двор» моего отца».

Из других не занимавших командных высот сотрудников Охраны № 1 очень близкими Сталину людьми являлись его шоферы. Всего их было пять: трое при нем и двое в резерве. Они имели звание майора или по крайней мере капитана. Им всем был установлен довольно высокий оклад — потому, вероятно, что Сталин понимал, что от них в большей степени, чем от других охранников, зависела жизнь и его самого, и членов его семьи. Старшие шоферы получали пять тысяч рублей в месяц. Кроме того, их конечно же обеспечивали формой, квартирой и питанием. Если суммировать все это, то окажется, что их совокупный доход будет не ниже, чем у армейских генералов. Относясь к высокооплачиваемой категории служащих, они в то же время не были перегружены работой. Сталин обычно совершал лишь две поездки в течение суток — от своей кунцевской дачи до Кремля и затем в обратном направлении. Например, после одиннадцати утра его везли в Кремль, а около шести вечера снова отвозили в Кунцево, чтобы он мог отдохнуть и пообедать, причем трапезничал вождь нередко в компании со своими ближайшими помощниками. Затем, примерно в одиннадцать ночи, а то и в полночь, он возвращался в Кремль, где работал часов до четырех утра, после чего его снова доставляли на дачу. Хотя Сталин не менял своего привычного распорядка, он тем не менее требовал, чтобы у него всегда был под рукой водитель. В результате шоферы (по Инструкции — Двое), которые должны были обслуживать его в данную смену, проводили большую часть времени в ожидании, когда же наконец они станут нужны, тогда как остальные и вовсе сидели без дела, если не считать того, что просто ошивались возле дверей кремлевского кабинета Сталина или у парадного входа на кунцевской даче.

Как отмечалось ранее, Охрана № 1 была небольшой организацией главным образом потому, что она всегда могла обратиться за содействием по части материального обеспечения всех своих подразделений к многочисленной когорте служащих других государственных учреждений, выполнявших, по существу, роль вспомогательных служб. Начнем с того, что непосредственно на Сталина работала огромная масса людей. На его дачах трудился специально выделенный для этого обслуживающий персонал, колхозники производили для его стола мясо и другую сельскохозяйственную продукцию, рабочие на одном из московских заводов создавали и поддерживали в надлежащем состоянии его личные машины, одни

портные шили ему форменную и штатскую одежду, другие занимались одеждой для его отпрысков, столяры, плотники, электротехники, водопроводчики, каменщики, кровельщики и стекольщики поддерживали в порядке его дачи и в Подмосковье, и на юге страны, специалист по табачным изделиям обеспечивал его табаком и курительными трубками, ювелир чистил время от времени его часы и следил за их ходом. Все эти люди значительно облегчали телохранителям выполнять свои обязанности по обеспечению безопасности вождя. Кроме того, практически в полном распоряжении Охраны № 1 находились контр-разведывательные службы и все техническое оборудование, которым располагали органы государственной безопасности не только в Москве, но и на остальной территории Советского Союза. Вокруг Кремля и в других местах, где появлялся Сталин, оперативный отдел Управления разместил разветвленную сеть субагентов, которые поставляли «дворцовой гвардии» необходимую информацию. И конечно же Охране № 1 оказывали также помощь облаченные в милицейскую форму сотрудники ГУО, несшие дежурство на всем протяжении пути от Кремля до Кунцева. Всякий раз, когда диктатор изъявлял желание совершить поездку по железной дороге, Охрана № 1 привлекала к своей работе по обеспечению безопасности Сталина и такие подразделения, как Управление железнодорожной охраны и транспортный отдел ГУО.

Содействие, которое получала Охрана № 1 во время железнодорожных поездок вождя, было столь велико, что в это трудно поверить. Как только становилось известно, что Сталин намеревается отправиться на юг, так тотчас же прекращались текущие занятия в различных школах внутренних, пограничных и прочих войск органов государственной безопасности. Примерно от двадцати пяти до тридцати тысяч молодых курсантов отрывались от своих дел, чтобы расположиться друг от друга в пределах видимости вдоль всей железнодорожной линии от Москвы до оздоровительной зоны на Кавказе или в Крыму, выбранной диктатором. Каждая железнодорожная стрелка заранее крепко-накрепко запиралась и, пока Сталин не проезжал мимо нее, находилась под строгой охраной, так же как и любое разветвление и станции, мимо которых пролегал его маршрут. При приближении поезда со Сталиным все остальные составы, как пассажирские, так и товарные, отводились на запасные пути.

Для подобных, отнюдь не деловых поездок Грузина требовалось одновременно три полностью оборудованных поезда. Первый — головной — занимали министр железнодорожного транспорта, техники и механики и группа в несколько человек из «дворцовой гвардии» Сталина. За первым следовал основной поезд, в котором ехали Сталин, Власик, министр государственной безопасности, охранники и прислуга из Охраны № 1. В третьем, хвостовом поезде, замыкавшем «кавалюаду», размещались основной состав «дворцовой гвардии», обычная и железнодорожная милиция и сотни субагентов в гражданском платье — последние для того, чтобы перекрыть все подходы к южной резиденции Сталина. По прибытии поездов в пункт назначения сопровождавшая вождя милиция замещала местных стражей правопорядка и брала под свой контроль дорожное движение, которое, впрочем, не отличалось в тех краях особой интенсивностью, поскольку автотранспорт, двигавшийся по тамошним дорогам, был представлен в основном одиночными грузовиками и совхозными или колхозными тракторами.

Столь же тщательно разработанной, хотя, ввиду значительно, более коротких расстояний, и не столь грандиозной по своим масштабам, была и система обеспечения безопасности вождя во время его ежедневных поездок между Кремлем и Кунцевом. Охрана № 1 и в данном случае прибегала к помощи других ведомств. Вдоль обычного маршрута Сталина, который, начинаясь от Троицких ворот Кремля, проходил по проспекту Калинина (ныне — Новый Арбат), Кутузовскому проспекту — уже по ту сторону Москвы-реки и далее по личной, полностью закрытой для посторонних дороге, которая вела к так называемой ближней даче Сталина, дежурило, как правило, не менее полутора тысяч человек: охранников в штатском и милиционеров.

Когда Сталин выезжал из Кремля или, наоборот, возвращался туда из Кунцева, милиционерам (из

сотрудников Охраны), которые, находясь в будках, с помощью светофоров регулировали дорожное движение на улицах, лежавших на пути следования диктатора, подавался вспышкой специальный сигнал. Все фонари моментально переключались на желтый свет, который горел до тех пор, пока машина вождя не проезжала мимо. В том же случае, если сигнал по какой-то причине не поступил в будку регулировщика движения, автомобиль со Сталиным и машины из эскорта давали гудок, какой могли издавать только они, поскольку подобного типа клаксонов больше не было ни у кого, и милиционер зажигал желтый свет.

Во время поездок Сталина в автомобиле также использовались всегда три машины — головная, основная и хвостовая. В головной сидели, как правило, заместитель начальника «дворцовой гвардии» и несколько других сотрудников Охраны № 1. В основной машине на заднем сиденье располагался Сталин, место же рядом с водителем занимал Власик, Раков или кто-то еще из руководства ГУО. В третьей машине ехали сотрудники Охраны № 1, вооруженные пистолетами и пулеметами-автоматами, и запасной водитель для машины Сталина. Поскольку Грузин отдавал предпочтение быстрой езде, обычно кортеж мчался по московским улицам со скоростью пятьдесят миль в час, хотя максимально разрешенная скорость в столице составляла в то время лишь двадцать.

Поскольку все передвижения Сталина в пределах городской черты держались под строгим секретом, единственными признаками, по которым рядовые граждане узнавали о приближении кортежа диктатора, являлись внезапное включение желтого света на светофорах, установленных на перекрестках, скрип шин мчавшихся на бешеной скорости автомобилей да рев сверхмощных двигателей. Ехавший в хвостовой машине охранник из «дворцовой гвардии» обрушивался с бранью на людей, которые, как казалось ему, слишком близко подошли к автоколонне, и даже плевал им в лицо.

Те же, в кого плевали, могли с полным на то основанием считать, что им здорово повезло: как-никак они не попали под колеса «ЗИСов», которые ни при каких обстоятельствах не останавливались в пути. Сидевшие в тех машинах не испытывали ни малейшего волнения, если искалечили кого-то или раздавили насмерть. Ярким примером бездушия этих людей может служить один случай, когда пешеход был задавлен сталинской автоколонной, а дежуривший в штатском охранник, который отвечал за соответствующий участок дороги, покончил с собой. Тело несчастного пешехода сразу же, как только машины исчезли вдали, было отправлено в морг другими сотрудниками Охраны, несшими свою «вахту» на этой же улице. И, что также ужасно, никто даже не попытался узнать, кто же был погибший, и известить о смерти этого человека его родственников.

Примерно в то же время произошел еще один случай, но на этот раз жертвами стали уже четыре армейских офицера. Вероятно находясь в состоянии легкого опьянения, они вывели свой армейский джип на один из перекрестков на проспекте Калинина несмотря на то, что горел желтый свет. Реакция сотрудников Охраны № Досидевших в хвостовой машине сталинской автоколонны, была мгновенной: на злополучный автомобиль обрушился ливень пулеметных пуль, тотчас же сразивших всех четверых военных. Кортеж верховного иерарха, само собой разумеется, спокойно продолжил свой путь, а по прошествии всего лишь каких-то пяти минут на месте трагедии уже не было ни тел погибших, ни изрешеченного свинцовым дождем джипа.

Вероятно, к счастью для граждан, пользовавшихся услугами авиатранспорта или беззаботно разгуливавших по земле непосредственно под воздушными трассами, Сталин почти никогда не летал на самолетах. В конце тридцатых годов ЦК КПСС издал специальное распоряжение, запрещавшее Генеральному секретарю товарищу Сталину летать на самолетах из соображений безопасности. Однако, согласно имеющимся сведениям, реальной причиной данного постановления был попросту панический страх, который диктатор, бывший некогда грузинским крестьянином, испытывал, подобно любому крестьянину, перед самолетами. Единственный случай, когда он нарушил запрет, был связан с его полетом

из Баку в Тегеран для участия в работе конференции руководителей трех союзных во Второй мировой войне держав и возвращением оттуда на родину. Насколько известно, тогда в воздухе рядом не оказалось никаких других самолетов, как не обнаружилось и посторонних людей возле самолета вождя, так что в тот раз все обошлось без крови: бдительным охранникам просто не в кого было стрелять.

Ввиду занимавшегося ими привилегированного положения, а также благодаря невмешательству Сталина в дела подобного рода и фактическому попустительству со стороны Поскребышева и Власика, на охранников из «дворцовой гвардии» не распространялись, по существу, строгие правила поведения в общественных местах, установленные как для остальных сотрудников Охраны, так и для личного состава органов государственной безопасности. Довольно высокий статус, которым они обладали, позволял им практически безнаказанно творить все, что хотелось. В результате обычным делом для них, как и для опричников Ивана Грозного, были публичные ссоры, уличные драки, пьянство, сквернословие и вообще все то, что никак не красит человека.

Типичный при данных обстоятельствах случай произошел летом 1950 года в Сочи, когда несколько охранников из «дворцовой гвардии» «расслабились» после, прямо скажем, своих не столь уж тяжелых обязанностей. Прогуливаясь по городскому рынку после изрядных возлияний, эти представители «образцовой» кремлевской стражи, решив поразвлечься, начали приставать к женщинам, торговавшим овощами и фруктами. Один из местных жителей, не оценив реальной обстановки, попытался вступить за них, но тут же был убит ударом в шею неким Колбасиным, звероподобным охранником шести футов шести дюймов (примерно один метр девяносто пять сантиметров. — *Ред.*) роста и с лапами, как у медведя. Инцидент должен был «расследовать» Власик. Выслушав версию Колбасина, начальник Управления сказал охраннику, что за такие вещи положена высшая мера наказания — смертная казнь, и затем добавил: «Но ты прикончил его с одного удара. И это неплохо: Нам и нужны вот такие люди, умело пускающие в ход кулаки».

Двумя годами раньше в окрестностях того же Сочи попойка с участием опять-таки сотрудников Охраны привела к бессмысленной и также оставшейся безнаказанной гибели четырех офицеров из «дворцовой гвардии», ну а то, что при этом не пострадало безвинно ни одно гражданское лицо, было лишь счастливой случайностью. Началось все с того, что начальник агентов, в чьи обязанности входило дежурить, переодевшись в гражданское платье, на улицах, и начальник транспортного подразделения в сопровождении других охранников заявили в ресторан на вершине горы отметить день рождения одного из друзей. Устроив пирушку, они, несомненно, не рассчитали своих возможностей и выпили больше, чем надо. В результате никто не стал отговаривать начальника транспортного подразделения от его решения самому усесться за руль на обратном пути. Ведя машину на огромной скорости, он, как и следовало ожидать, не сумел справиться с крутым поворотом, и машина свалилась в ущелье. Начальник дежуривших, на улицах агентов, двое других офицеров и шофер разбились насмерть, и только пьяный водитель, начальник транспортного подразделения, остался в живых. Когда врачи поставили его более или менее на ноги, то он был обвинен в преступной небрежности и в вождении машины в пьяном виде, и Сталин лично распорядился отправить его в тюрьму. Но, поскольку начальник транспортного подразделения являлся закадычным другом Власика, этот приговор так и не был приведен в исполнение.

Сталин, по-видимому, не стал в данном случае заострять внимание на непослушании Власика, поскольку аналогичные проблемы с пьянством возникали всякий раз, когда он принимал у себя на даче своих ближайших соратников. В те дни, когда в резиденции диктатора проводились подобные «мероприятия», территорию вокруг дачи буквально наводняли телохранители, патрулировавшие с автоматами в руках армейские офицеры, команды кинологов с собаками, усиленные наряды переодетых в гражданское платье агентов и сотрудники Охраны № 2, сопровождавшие своих хозяев. Зная сам меру, Сталин любил наблюдать, как его прихвостни, упившись до чертиков, начинали дурачиться. Большинство

таких вечеров кончалось обычно тем, что телохранители буквально вытаскивали из-за столов своих хозяев и, впихнув кое-как их в машины, развозили затем по домам.

Хотя многие из сотрудников Охраны № 1 вели себя в свободное от работы время крайне непристойно, отбор кандидатов в телохранители Сталина производился исключительно тщательно и значительно более осторожно, чем кандидатов в другие категории сотрудников Управления. Как правило, после дополнительной серьезнейшей проверки телохранителями Сталина становились в конечном итоге сотрудники других подразделений ГУО. Прежде чем перевести офицеров в Охрану № 1, где им предстояло находиться, в непосредственной близости к Сталину, за ними, даже если они выполняли обязанности официанток, устанавливалось на срок от трех до пяти лет наблюдение как в рабочие часы, так и во внеслужебное время. Кроме того, даже с честью выдержав эту проверку, они, за редким исключением, должны были также пройти собеседование с Власиком и, в особо важных случаях, с Поскребышевым. Далее кандидаты снова подпадали под наблюдение, длившееся на этот раз несколько недель, и только после этого принималось окончательное решение. За всеми без исключения охранниками, включенными в состав «дворцовой гвардии» Сталина, периодически, каждые три месяца, устанавливалось наблюдение длительностью от нескольких дней до, недели. Наиболее внимательно надзирали за охранниками во время отпуска, особенно если они проводили его за пределами Москвы.

Одним из ярких примеров перестраховки, имевшей место при отборе телохранителей Сталина, может служить случай с лейтенантом Л., дежурившим на Арбате агентом в штатском. После того как он стал кандидатом в сотрудники Охраны № 1, лейтенант был поставлен под круглосуточное наблюдение как на работе, так и вне ее. По службе у него все было в полном порядке, собеседование также прошло как нельзя лучше, проверка его жены, тещи и соседей не выявила ничего, что могло бы характеризовать кандидата с отрицательной стороны. И все же в конечном итоге ему поставили оценку со знаком минус — за не приносившую никому никакого вреда его «слабость», которую он проявлял по окончании рабочего дня. «Слабость» же эта выражалась в следующем. Он жил примерно в пятнадцати милях от Москвы и обычно ездил на работу и с работы на пригородном поезде. Сотрудники Службы наблюдения заметили, что, возвращаясь домой, он неизменно заходил в привокзальный буфет и «опрокидывал» стопку водки, запивая ее томатным соком или закусывая соленым огурцом. Остальных посетителей данного заведения, таких же пассажиров, как и их «подопечный», агенты не знали. Составляя свои рапорты о результатах наблюдения за лейтенантом Л., «хвосты» добросовестно отмечали, что выпивал он в станционном буфете только одну стопку, но затем добавляли, что при этом их «объект» «находился в обществе сомнительных, вызывающих подозрение личностей». Одного этого факта оказалось достаточно, чтобы лишить молодого человека каких бы то ни было шансов перейти в «дворцовую гвардию» Сталина. Ему разрешили, однако, по-прежнему дежурить на Арбате, но предупредили, чтобы впредь он и близко не подходил к станционному буфету.

Другой такой же точно облаченный в штатское агент из Охраны № 2, который являлся, даже не подозревая об этом, одним из кандидатов в сотрудники «дворцовой гвардии» Сталина, не был взят туда лишь потому, что его судьба оказалась в руках людей, достойных того, чтобы отнести их к психопатам. У этого невезучего парня имелись блестящие, безупречные характеристики, составленные на него не только в Охране № 2, но и в кремлевской комендатуре, где он ранее служил. Кроме того, кандидат сам, лично, доложил добросовестно в отдел кадров о своем «проступке», из-за которого его кандидатура в охранники «дворцовой гвардии» и была тотчас же решительно и бесповоротно отвергнута. Его злоключение началось во время одного из дежурств неподалеку от Крымского моста. Юная девушка, явно не пользовавшаяся особым успехом у ровесников, наблюдала от нечего делать из окна своей квартиры в близлежащем доме за этим охранником, который вышагивал взад-вперед по вверенному ему участку. Когда же он проходил мимо ее окна, она махала ему рукой, пока, наконец, парень не ответил ей тем же. Обрадовавшись

оказанному знаку внимания, девушка тут же написала ему записку с предложением встретиться в метро и попросила своего младшего брата передать ее по назначению. По окончании смены агент проинформировал свое начальство об инциденте — единственном, происшествии за весь рабочий день, рутинный и безрадостный, — и отдал ему записку. Его начальники, отлично зная о том, что кандидатура их подчиненного как потенциального служащего «дворцовой гвардии» рассматривается в данное время в верхах, раздули из мухи слона и завели целое дело. За квартирой девушки было установлено наблюдение, а юному офицеру приказали дать положительный ответ на ее записку. Когда мечтавшая о любви девушка явилась на место встречи, понравившегося ей парня там не оказалось, но зато находились облаченные в милицейскую форму сотрудники Управления, которые и арестовали ее. Во время допроса, длившегося довольно долго, девушка сказала, что она испытывала исключительно дружеские чувства по отношению к молодому человеку и, кроме того, сочувствовала ему, наблюдая, как он патрулировал по своему участку в любую погоду. Поскольку все, что говорила девушка, не давало оснований подозревать ее во лжи, а проводившееся в связи с инцидентом расследование не выявило ничего предосудительного относительно семьи и знакомых задержанной, ей сообщили, что агент свяжется с ней, если захочет, и предупредили, чтобы впредь она не писала ему никаких записок. После этого сотрудник Охраны № 2, вновь действуя по указанию сверху, позвонил девушке и сказал, что об их дружбе не может быть и речи, поскольку он женат. Что же касается дальнейшей судьбы молодого человека, то, несмотря на все положительные отзывы о нем и то обстоятельство, что он сам уведомил обо всем отдел кадров, его кандидатура, как уже говорилось выше, была в конечном итоге отвергнута, а парня на всякий случай перевели на другой участок. Но данная история имела продолжение и для девушки. Допрашивавшие ее следователи пришли в ходе беседы с ней к заключению, что по натуре она человек исключительно общительный, не прочь сунуть нос в чужие дела и если и страдает из-за чего-то, так только из-за неудовлетворенной жажды любви. Ознакомившись с ее данными, оперативный отдел завербовал девушку в качестве осведомителя, или негласного агента, с тем чтобы она шпионила за своими соседями.

Однако, пожалуй, наиболее строгий отбор проходили все же не кандидаты в сотрудники «дворцовой гвардии», а лица, которым предстояло трудиться в составе обслуживающего персонала на дачах Сталина. Об этом можно судить хотя бы на примере Зины, работавшей официанткой в одном из государственных ресторанов в Москве, когда она попала в поле зрения спецслужб, занимавшихся подбором кадров для Охраны. Выбор пал на нее потому, что она отличалась уравновешенным характером, вела себя вежливо по отношению к клиентам, не была ни уродиной, ни красавицей, проживала в небольшой московской квартире вместе со своей вдовствующей матерью (ее отец погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны) и, что самое главное, у нее не оказалось ни братьев, ни сестер, ни других каких-либо родственников. Девушка имела также блестящую рекомендацию от райкома комсомола, и, кроме того, ее кандидатура была поддержана двумя членами партии. Во время первой официальной встречи с Зиной сотрудники спецслужб сообщили, что ее решили взять на работу в органы государственной безопасности. Однако данное известие не произвело на нее особого впечатления, поскольку она не желала менять своих жизненных планов, в которые входила и учеба в вечерней школе. Но как только ей сказали, что ее зарплата будет в три раза превышать ту сумму, которую она получает сейчас, отношение Зины к сделанному предложению тотчас же изменилось, поскольку она нуждалась в деньгах, чтобы хоть как-то помочь своей матери, обладавшей слабым здоровьем. Первые два года она проработала официанткой в ресторане для сотрудников Охраны, находясь все это время под постоянным наблюдением. Когда же сочли, что она вполне подходит для Охраны № 1, Зине сказали, что ее должны перевести в одно место за пределами столицы. (Тому, кого предполагали включить в персонал, обслуживавший дачи Сталина, никогда не сообщали до самого последнего момента, где именно расположено место их будущей работы или чем предстоит им там заниматься.) Услышав это, она опять ответила отказом, ссылаясь на то, что не может оставить свою больную мать одну и, кроме того, хотела бы окончить спокойно вечернюю школу, в которой

училась. Но в конце концов она согласилась после того, как ее заверили, что размер заработной платы возрастет в два раза по сравнению с нынешним уровнем и что ей предоставят машину с шофером, который будет привозить Зину на работу и отвозить домой, к матери и в школу. Вскоре после того, как она начала работать в качестве прислуги на одной из подмосковных дач Сталина, она влюбилась в сотрудника Охраны, чья служба протекала не на дачном участке, а на прилегавшей к нему территории, и вышла за него замуж. Из-за женитьбы этого сотрудника, хотя он и не входил в личную охрану Сталина и никогда не оказывался в непосредственной близости к диктатору, перевели куда-то в другое место и на другую охранную службу, поскольку, согласно правилу, близким родственникам — мужьям и женам, братьям и сестрам, отцам и сыновьям — не разрешалось работать в одном и том же подразделении Охраны или в одном и том же месте. Когда же Зина попросила, чтобы и ее перевели на новое место службы мужа, то ей было отказано, и не только в силу вышеупомянутого правила или на том основании, что она работает как-никак у самого Сталина, но и потому, что просто не могли ей найти подходящую замену. Зину предупредили также, чтобы она как можно дольше избегала заводить детей. В случае же, если она забеременеет, ей в дальнейшем запретят работать в доме вождя и что ее или вовсе уволят из Охраны, или переведут в какое-нибудь другое место, но только не туда, где работает ее муж. Заметим в связи с этим, что женщинам из обслуживающего персонала Охраны разрешалось возвращаться на работу в резиденцию Сталина по окончании декретного отпуска только в особых, исключительных случаях. Эти исключения распространялись лишь на действительно незаменимых людей или тех, по отношению к которым диктатор испытывал личные симпатии.

Хотя, как и в случае с Зиной, подавляющее большинство сотрудников сталинской охраны сперва проходили своего рода испытательный срок в одном из других подразделений Управления и только затем переводились в Охрану № 1, имелись определенные группы охранников, из которых никого ни при каких обстоятельствах не брали в «дворцовую гвардию». Это касалось, в частности, телохранителей других иерархов, поскольку имела реальная опасность тот, что они и после перехода на новую работу могли сохранить верность своим «хозяевам» — потенциальным соперникам Грузина — или просто установить с ними близкие, дружеские отношения. Так, например, если тот или иной офицер был телохранителем Молотова, то его кандидатура даже не рассматривалась, когда речь заходила о новом пополнении в «дворцовую гвардию» Сталина.

Исключение сотрудника Охраны № 1 из личного состава «дворцовой гвардии» ставило его в положение не только довольно неприятное, но и весьма опасное. За небольшой проступок или недостойное поведение Охранника переводили в хозяйственно-снабженческое подразделение Охраны или в московскую милицию. Если же, однако, он обвинялся в потере бдительности или в более серьезных вещах, а то и просто подпадал под подозрение, его отправляли в провинцию, где он, находясь под постоянным надзором, мог служить в одном из органов государственной безопасности или в милиции. Каждый, кто подвергался подобному роду наказания, независимо от характера его провинности, заносился в черный список который направлялся в отдел («Т») Министерства государственной безопасности, а тот в свою очередь должен был организовать непрерывное наблюдение за оступившимся человеком. Кроме того, уволенным из «дворцовой гвардии» запрещалось посещать место своей прежней работы или поддерживать отношения с бывшими сослуживцами. Нарушение последнего запрета, даже если оно происходило случайно, влекло за собой интенсивный допрос провинившегося и, в отдельных случаях, даже его арест.

У сотрудников Охраны № 1, которым довелось стать телохранителями Сталина, была примерно та же незавидная судьба, как и у личных шоферов диктатора: повседневная рутинная служба с бесконечным сидением без дела в ожидании, когда же наконец соизволит вождь вспомнить о них. Однако было бы неверно утверждать, будто они находились в худшем положении, чем иерархи при «дворе» Сталина. Никто

из членов Политбюро не смел покинуть своего кабинета, пока Сталин, у которого давно уже вошло в привычку работать не только в послеобеденное время, но и по ночам, находился в Кремле. Точно так же должны были поступать и министры, начальники отделов, старшие сотрудники и, наконец, рядовые служащие, занимавшие низшую ступень иерархической лестницы. Телохранители «младших» иерархов, которые, преисполнившись чувством долга, следовали во всем примеру начальства, не составляли в этом отношении исключения. Однако у личных охранников диктатора дежурство не растягивалось до бесконечности, поскольку рабочий день у данной категории сотрудников ГУО был ограничен восемью часами, как, скажем, у тех же водителей. Что же касается остальных охранников, то заставлять их просиживать впустую долгими часами не имело никакого смысла. И тем не менее все обстояло именно так.

Отбывая нудную, нескончаемую, как казалось им, повинность, одни просто сидели, уставившись тупо в стены, другие же в это время читали, играли в шахматы или обменивались анекдотами. И все же рано или поздно конец наступал. Большинство младших офицерских чинов покидали дежурное помещение вскоре после полуночи, остальные, а также старшие по должности офицеры — примерно в три утра, в то время как Власик и его заместители оставались сидеть в ожидании, когда же Сталин отправится наконец к себе в Кунцево, а это случалось обычно часа в четыре утра, и только после отъезда вождя расходились по домам или позволяли себе предаться привычным для них занятиям, среди коих первенство держали пьяные дебоши.

Единственные просветы в скучной, монотонной и пустой в целом жизни сотрудников Охраны № 1, занимавшихся сидячей работой, наступали только тогда, когда диктатор отправлялся отдыхать куда-нибудь к Черному морю. Оставшиеся в Москве офицеры впервые за долгое время получали возможность по-настоящему насладиться жизнью: ведь теперь они могли покидать свои кабинеты еще до полуночи. Для телохранителей, которые сопровождали Сталина сохранялась, однако, все та же рутинная, если не считать, конечно, того, что на юге им не всегда приходилось дежурить до бесконечности долго, как во время пребывания Грузина в Кремле.

Охрана № 2

Охрана № 2 по численности личного состава была значительно более крупной организацией, чем элитная «дворцовая гвардия». Она также имела в своих рядах телохранителей — около тысячи человек, занимавшихся обеспечением безопасности советских руководителей, находившихся в непосредственном подчинении Сталина. И это — не считая контингента охранников при партийных и государственных учреждениях. Однако основной состав ее, сотрудников был представлен все же солдатами, выполнявшими при «дворцовой гвардии» роль вспомогательной силы, и значительно более многочисленным обслуживающим персоналом, трудившимся в резиденциях «младших» иерархов.

В структурном отношении Охрана № 2 формально состояла из четырех отделов, а фактически — из двух пар взаимно дополнявших друг друга подразделений. Первый отдел обеспечивал телохранителями «младших» иерархов и прочих партийных сановников, которых, как считалось, следовало защищать, хотя, если называть вещи своими именами, в данном случае речь шла вовсе не о защите этих людей, а о наблюдении за ними. Третий отдел также имел в своем составе охранников, которые должны были присматривать за партийными и государственными учреждениями и конечно же заботиться о личной безопасности их высшего начальства. Во «втором отделе» насчитывалось примерно две тысячи агентов в штатском, дежуривших на московских улицах, — в первую очередь на тех из них, по которым чаще всего проезжали Сталин и его приближенные. Четвертый отдел, численность личного состава которого достигала одно время около трех тысяч человек, имел в своих рядах служивших в Москве милиционеров (на самом

деле — сотрудников Охраны), которые, поддерживая порядок в столице, работали в тесном контакте с агентами в штатском из второго отдела.

За пятилетний период истории Управления на посту начальника Охраны № 2 побывало два человека. Оба они были генерал-майорами, и каждый из них плохо кончил. Первым занял эту должность Дмитрий Шадрин, прослуживший уже немало лет в органах государственной безопасности. Когда в конце Второй мировой войны ему поручили создать специальную службу телохранителей для Тито, то он столь успешно справился с данным заданием, что после разрыва Сталиным отношений с югославским «отступником», в 1948 году, советским агентам так и не удалось, несмотря на все их старания, внедриться в эту организацию, охранявшую общепризнанного балканского лидера. За проявленное им чрезмерное усердие Шадрин был обвинен в «титоизме», лишился своей дачи, построенной на деньги Тито неподалеку от Москвы, и затем, с трудом сохранив жизнь, отправился в ссылку в провинцию. Кузьмичев, закадычный друг Берии, возглавивший после Шадрина Управление, после падения своего приятеля был объявлен преступником и вскоре казнен.

Первый отдел подразделялся на сектора, представленные самостоятельными командами телохранителей, обеспечивавшими безопасность «младших» иерархов. Хотя звания начальников секторов колебались от старшего лейтенанта до генерала, в большинстве случаев эти посты занимали все же генералы или полковники. Обычно, но не всегда, возглавляли телохранителей более старых членов Политбюро старшие офицеры. Например, начальником охранников Кагановича был генерал, Молотова — сперва генерал, а затем полковник, Берии и Хрущева — полковники. Генерал, который стоял во главе телохранителей Молотова, в течение нескольких лет занимал также пост заместителя начальника первого отдела. Численность сотрудников Охраны № 2, выделявшихся иерархам, отражала их статус в сложившейся в стране общественно-политической обстановке. К Молотову, к примеру, было приставлено примерно сто двадцать человек, к Берии — около ста, к Булганину, Маленкову и Хрущеву — от семидесяти пяти до ста, — и это в то время, когда у маршала Жукова Их насчитывалось неполных два десятка, а у Абакумова — и того меньше, всего лишь какая-то дюжина.

Точно так же и число телохранителей, обеспечивавших личную безопасность «младших» иерархов, которые находились в действительности не только под защитой, но и под наблюдением приставленных к ним лиц, варьировалось в зависимости от положения, занимавшегося этими сановниками в социальной структуре общества. Те, кто находился повыше, имели около шестидесяти телохранителей, тогда как менее важным персонам выделялось не более тридцати пяти человек. Но численность обслуживающего персонала, состоявшего из сотрудников Охраны № 2 и распределявшегося между сановными лицами, была обычно одной и той же у всех без исключения «младших» иерархов независимо от занимавшихся ими постов. Иными словами, в дополнение к телохранителям в их распоряжение поступали еще комендант (он же — начальник соответствующего сектора телохранителей, а также практически домоправитель), экономка, дворник или привратник, истопник, один или двое садовников, повара, подавальщицы, от двух до трех горничных и от трех до четырех шоферов.

Как правило, сотрудники первого отдела проживали в многоквартирных зданиях на улицах Серафимовича и Грановского (ныне Романов переулок. — *Ред.*) и в нескольких некогда частных московских домах, предназначавшихся членам Политбюро и прочим «младшим» иерархам. Когда же находившиеся под их защитой и наблюдением сии достославные мужи отправлялись на свои дачи, располагавшиеся в лесу или возле рек и водохранилищ, оживлявших окрестности столицы, то рядом с ними были всегда и сотрудники Охраны № 2. Во время пребывания там этих знатных вельмож офицеры в штатском, вооруженные парой пистолетов и финкой, и группы кинологов с собаками денно и ночью обходили дозором прилегавшие к дачам места, оказывая тем самым определенную помощь оснащенной ручными пулеметами постоянной дачной охране.

Помимо здравствовавших сановников и членов их семей, первый отдел опекал также и семьи почивших партийных боссов, — разумеется, только тех, кто не был еще развенчан. В частности, Охрана № 2 предоставляла вдове Дзержинского, канонизированного основателя советской службы государственной безопасности, шофера с машиной и домашнюю прислугу. Аналогичную заботу проявляла она и о семьях Жданова, Щербакова, Калинина, Орджоникидзе и многих других реликтах прошлого времени. Но, как ни казалось бы на первый взгляд это странным, телохранителей к ближайшим родственникам усопших иерархов не приставляли. Несомненно, это объясняется в первую очередь тем, что они не представляли собой никакой угрозы для Сталина, а то, что у них было не меньше причин опасаться, что на них нападут, чем у пресмыкавшихся перед Грузином лизоблюдов и их домочадцев, едва ли особенно волновало вождя.

В дополнение к секторам, на которые возлагалась забота о «младших» иерархах, в распоряжении первого отдела имелось также и весьма своеобразное подразделение, известное как «резервная группа». Этот подотдел был обязан выполнять одновременно две задачи: надзирать над подпадавшими под «юрисдикцию» Охраны № 2 районами, в которых появлялись время от времени члены Политбюро, и брать на заметку оказавшихся там других советских граждан, а также «обеспечивать безопасность» руководителей зарубежных коммунистических стран. Подобного рода «защита» распространялась во время их пребывания в Советском Союзе в качестве гостей и на лидеров зарубежных коммунистических партий, не стоявших у власти, — в частности, на политических деятелей, возглавлявших коммунистическое движение в Италии, Франции и Германии. Сотрудники «резервной группы» были не только глазами и ушами Сталина, но и, если в том возникала нужда, его «длинной рукой»: они не колеблясь выполняли любые распоряжения диктатора, когда тот считал необходимым непосредственно вмешиваться в дела таких послушных своих марионеток, как, например, тот же Ульбрихт из Восточной Германии, Ракоши из Венгрии или Готвальд из Чехословакии.

В отличие от тех оперативников, что служили в «резервной группе», положение начальников телохранителей, как, впрочем, и их подчиненных, в обязанности которых входило обеспечивать безопасность приближенных Сталина, было довольно шатким. Их судьбы находились в прямой зависимости от политических судеб тех, кого они охраняли. Кроме того, телохранители всегда могли стать жертвами обычных капризов и своеволия иерархов, находившихся под их защитой, а то и просто невезения. Судя по всему, особенно трудно было ладить со своими хозяевами охранникам Ворошилова, Молотова и маршалов Жукова, Тимошенко и Рокоссовского. Однако случалось и такое, правда, очень и очень редко, что отдельные иерархи приходили на помощь своим телохранителям, когда те оказывались в трудном положении.

Наиболее яркими свидетельствами столь редких, как уже было отмечено нами, взаимоотношений между телохранителями и их «подопечными» служат два случая, связанные непосредственно с Молотовым. Когда этот иерарх, занимавший в ту пору пост министра иностранных дел, находился на конференции ООН, проходившей в 1947 году в Сан-Франциско, один из его телохранителей за какую-то провинность был отправлен назад на свою родину, где ему предоставили сравнительно низкооплачиваемую работу в местных органах государственной безопасности. Однажды вечером, вскоре после возвращения из США, Молотов поинтересовался, куда девался охранник, с которым он обычно играл в бильярд. Узнав, что в его отсутствие постоянный партнер по игре был наказан, самый близкий и к тому же старейший друг Сталина пришел в ярость. В результате на следующий же вечер опальный офицер, вернувшись на свое прежнее место, смог снова составить компанию Молотову.

Еще более благородно поступил Молотов со своим главным телохранителем генерал-майором Василием Погудиным. Этот сотрудник Охраны, став хроническим алкоголиком, нередко напивался так, что скорее не он «опекал» Молотова, а Молотов его. Решив наконец расстаться с этим охранником, Молотов проследил, чтобы Погудина, предоставив ему хорошую квартиру в Москве, отправили с почетом в отставку,

что и Произошло в 1951 году. Однако полковник Александров, преемник Погудина, оказался в куда более сложной ситуации, типичной, впрочем, для телохранителей. Он получил свое новое назначение незадолго до того, Как Молотов впал у Сталина в немилость. Горышев, заместитель Власика, сказал в ожидании обычной в таких случаях развязки; «Ну что ж, если они тронут Молотова, мы уберем Александрова», — и затем приказал одному из своих подчиненных порыться в личном деле Александрова в поисках какого-нибудь компромата, который позволил бы в случае чего, обвинив бедолагу в «троцкизме», разделаться с ним. Однако Молотову удалось-таки, хотя и с трудом, избежать, казалось бы, неминуемого конца. А вместе с ним уцелел и Александров.

Значительно меньше повезло начальнику охраны Ворошилова, пострадавшему в 1948 году из-за того, в чем он лично не был повинен, хотя «первый красный офицер» сделал все, что мог, чтобы не дать его в обиду. Беда подстерегла этого человека в канун Нового года. Во время детских игр вокруг праздничной елки на даче Ворошилова, которая находилась примерно в двадцати милях от Москвы, вспыхнул огонь. Произошло это исключительно по вине внуков маршала. Пожар случился глубокой зимой, к тому же необычайно суровой, так что вода замерзала в насосах и брандспойтах. Противопожарное же оборудование, высланное из Москвы, прибыло на место уже после того, как дача сгорела дотла. Огонь попортил все ордена и медали Ворошилова, наградные сабли и шашки, а также и знаки отличия, полученные им от советского руководства и правительств зарубежных стран. Сталин, сам не свой от охватившего его гнева, когда он услышал о том ущербе, который был нанесен разбушевавшимся пламенем самому послушному его приспешнику, распорядился дать начальнику охраны Ворошилова, начальнику хозяйственно-снабженческого подразделения Охраны и инспектору противопожарной службы Охраны от трех до семи лет тюремного заключения за якобы допущенную ими халатность, несмотря на тот факт, что ни одного из них не было на месте происшествия в то время, когда там начался пожар. Только спустя примерно три года по настоянию Ворошилова и конечно же без ведома Сталина все трое «преступников» были освобождены и вернулись в Управление, но с понижением в должности.

Наибольшие проблемы у Охраны № 2 возникали в ту пору с маршалом Жуковым, хотя при этом ни один из охранников не сломал себе шею. Опасаясь прославленного героя войны и делая все возможное, чтобы дискредитировать его, Сталин отправил маршала сначала на сравнительно скромное место в Одессу, а затем на столь же малозначительный пост на востоке Урала, в Свердловске (ныне Екатеринбург. — *Ред.*) Когда к Жукову впервые приставили телохранителей, он был достаточно наивен, чтобы думать, будто это еще один знак внимания, оказанный ему благодарным Сталиным. И только спустя какое-то время, избавившись от этого заблуждения, осознал, что сотрудники Охраны № 2 были скорее не телохранителями как таковыми, обеспечивавшими его безопасность, а надзирателями, следившими за каждым его шагом. Сделав это открытие, маршал начал нервничать и нередко набрасывался на своих тел охранителей, — хотя и понимал, что они глубоко уважают его, относятся к нему исключительно доброжелательно, а если что и не так, то они лишь выполняют свой долг. Жуков жаловался — и с полным на то основанием, — что в то время как его охранники могут ездить в Москву и обратно, он — Маршал Советского Союза — не может этого делать. Однажды, находясь в смятенном состоянии чувств, Жуков повернулся внезапно к подавальщице и закричал: «Почему ты следишь все время за мной?» Он сетовал также на то, что как-то раз сотрудник Охраны, ведавший транспортными средствами, не смог предоставить в его распоряжение достаточно машин для его многочисленных юных подружек. (То обстоятельство, что он заводил связи с представительницами прекрасного пола где-то на стороне, объясняется, по-видимому, тем, что горничные из Охраны отвергали его домогательства.) Характеризует состояние маршала также и то, что, желая избавиться от одного из начальников приставленной к нему охраны, он выдвинул против него вымышленное им же самим обвинение в нарушении субординации. Тот же был лишь рад, когда его перевели в другое место, тем более что высокое начальство, отлично зная Жукова, никак не наказало

охранника за этот инцидент. Затем, в 1950 году, Жукову вздумалось вдруг появиться на проходившей в Свердловске областной партийной конференции, на которой он выступил с небольшой речью. Хотя слова маршала не содержали ничего мало-мальски важного, делегаты в течение пяти минут; стоя аплодировали ему. Появление опального героя войны на столь многолюдном собрании уже само по себе такое событие, которое власть предержащие не могли проигнорировать. Когда Сталина, ревностно относившегося к маршалу, известили о «возмутительной выходке» строптивца, — в том же, что сообщение об этом моментально было передано в Кремль, можно не сомневаться, — начальник телохранителей Жукова оказался в весьма сложном положении. Однако, поскольку почти всем было ясно, сколь трудно иметь дело с ссыльным, по существу, маршалом, и к тому же не нашлось готовой замены начальнику охраны, тот отделался выговором. Что же касается Жукова, то ему ясно дали понять, чтобы впредь он не появлялся более таким вот образом на публике. Телохранители в свою очередь стали внимательно следить за тем, чтобы маршал никогда не нарушал этого распоряжения.

Телохранители маршала Тимошенко не сталкивались с подобными политического характера проблемами, поскольку их «подопечный» безропотно воспринял тот «факт», что это Сталин, а не Красная Армия, одержал победу в войне во благо Советскому Союзу. Однако он имел склонность компенсировать Свою послевоенную участь под властью Грузина тем, что прикладывался к бутылке с горячительным напитком чаще, чем положено. Его продолжительные запои не были ни для кого секретом, и так как Тимошенко отдавал предпочтение водке, приставленные к нему охранники должны были обладать недюжинным здоровьем, поскольку их хозяин попросту приказывал им участвовать в попойке. Подобные пиршества длились порой по несколько дней. Как они проходили, можно судить хотя бы по тому, что одного из начальников охраны пришлось срочно переводить в Москву после того, как он во время ночного кутежа ударил бутылкой адъютанта Тимошенко.

Точно так же не носили политической окраски и «фокусы», которые «выкидывал» маршал Рокоссовский. И тем не менее у первого отдела возникало немало проблем, связанных с его «подопечным», которому он должен был обеспечивать «защиту». Если отвлечься от военных характеристик этого современного проконсула в Польше (подобно Дзержинскому и Менжинскому, Рокоссовский был поляком), то можно смело сказать, что он являл собой самый что ни на есть образ классического распутника. Мало того что этот офицер, кавалер многих орденов, имел массу неизвестно откуда взявшихся «жен», ему надо было еще поставлять целые толпы девиц, готовых разделить с ним досуг. Подобное его увлечение носило столь шокирующий характер, что в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС то и дело поступали жалобы. На него с обращенными к Сталину просьбами лично вмешаться в безобразие, которое творит этот человек. Но поскольку Рокоссовский в политическом отношении беспокоил Сталина значительно меньше, чем Жуков или Тимошенко, он оставлял эти просьбы без внимания. Однажды, например, перелистав бегло очередную докладную записку о беспутстве маршала, Грузин отшвырнул ее в сторону и произнес: «У меня нет Суворова, Рокоссовский же — мой Багратион». (Сравнение Рокоссовского с этим выдающимся русским полководцем, прославившимся в эпоху наполеоновских войн, является самым что ни на есть пустословием, впрочем, Сталин ведь не был военным историком.)

Сотрудники второго отдела, представленные агентами в штатском, были своего рода пехотой в сталинской охранной системе. И сколь бы простой ни казалась работа, которой они занимались, нельзя забывать и о том, что агенты выполняли также и функции глаз и ушей, а при случае и «длинной руки» Управления. Этих людей, которые если и могли кого-то ввести в заблуждение своим гражданским одеянием, так только наиболее наивных туристов, расставляли на всех перекрестках, возле учреждений, в парках и зонах отдыха, но особенно много их было у почтамтов, магазинов, ресторанов, кафе и парикмахерских по всей Москве. Жители столицы, разбиравшиеся в методах работы

коммунистических органов государственной безопасности несопоставимо лучше, чем остальные советские граждане, распознавали с первого же взгляда, кто переодетый в штатское агент, а кто — добропорядочный обыватель: Для того чтобы агенты не успели примелькаться местным жителям, их то и дело переводили с места на место, обычно из города в пригороды и — наоборот. Дежурство на каждом из установленных постов велось круглосуточно, в три смены.

Эти люди, о которых сейчас идет речь, были все как один меткими стрелками и отлично владели приемами джиу-джитсу и другими видами борьбы. Вооружены они были пистолетами и ножами, но агентов наставляли в первую очередь пускать в ход ножи, если, конечно, обстоятельства позволяют сделать это: чем меньше шума, тем лучше.

Находясь на дежурстве, они следили буквально за каждым, кто попадал в их поле зрения. Особую бдительность проявляли агенты в зонах повышенного внимания, или в районах, где, хотя бы и нечасто, появлялись Сталин и прислуживавшие ему иерархи. Любой, кто оказывался там, сразу же брался на заметку, а если он к тому же еще оставался на «поднадзорной» территории свыше тридцати минут, то агент приказывал ближайшему милиционеру (сотруднику четвертого отдела Охраны № 2) проверить удостоверение личности «подозрительного» человека. И это несмотря на то, что проходили годы, а никого, кто попадал в категорию «подозрительных», так и не задержали. Но порядок есть порядок, и человека, вторгшегося в район, где он не был желанным гостем, просили пройти дальше, если даже он никому ничем не мешал. Единственным положительным результатом подобной системы контроля являлось то, что в зонах повышенного внимания не наблюдалось никаких нарушений общественного порядка. По вечерам, когда магазины и большинство учреждений прекращали работу, дежурным агентам из числа сотрудников Охраны, буквально наводнявшим улицы столицы, приходилось выполнять еще одну обязанность — входить в здания закрывавшихся на ночь «объектов», осматривать их с подвалов до чердаков и наблюдать за тем, как тамошние служащие запирают наружные двери.

Ежедневно, перед тем как агенты покидали штаб-квартиру, чтобы заступить на дежурство, их знакомили с последней сводкой, показывали им фотоснимки и давали описание лиц, которые подозревались в совершении преступления или разыскивались органами «правопорядка» по причинам, не связанным, как правило, с безопасностью иерархов. Подобная практика позволяла Сталину держать столицу чистой от подозрительных личностей и нежелательных элементов всех без исключения категорий. Говоря об огромной роли, которую играли постовые агенты в поддержании порядка в Москве, необходимо также отметить, что их работа никак не ограничивалась тем, чем они занимались во время дежурства: вернувшись в штаб по окончании рабочего дня, они обязаны были перед тем, как отправиться домой, составить подробный письменный отчет, в котором бы сообщалось обо всех негативных происшествиях, имевших место на их участке, и о замеченных ими «подозрительных» лицах.

Если упомянутые в подобных докладных «нежелательные» элементы проживали на «поднадзорной» территории, то их обычно переселяли в какой-нибудь другой район Москвы, подальше от зон повышенного внимания, или в один из пригородов столицы. Существенную помощь агентам в выявлении «нежелательных» лиц оказывали осведомители из местных жителей. Заметим попутно, что все до единого дворники, работавшие в данных зонах, официально являлись осведомителями второго отдела.

Во втором отделе насчитывалось тринадцать секторов. Каждый из них, за исключением одного, о котором мы расскажем чуть позже, курировал «свою», вверенную его попечению территорию. Например, сотрудники первого сектора дежурили у кремлевских стен и на Красной площади, в то время как сотрудники второго и третьего секторов несли свою вахту на Арбате и далее, вплоть до Кутузовского проспекта, по которому неизменно пролегал маршрут Сталина, когда он возвращался к себе на дачу. Упомянутое же нами исключение представлял собой двенадцатый сектор, не имевший никакого

отношения к делению Москвы на закреплявшиеся за другими секторами участки. Данное подразделение, именовавшееся группой подземного и надземного хозяйства, проверяло чердаки, подвалы, телефонные будки, водопроводы, канализацию, электроэнергетическую систему и люки на московских улицах. Этот сектор должен был первым давать заключение о всех новых строительных объектах и заботиться о своевременном проведении профилактических мероприятий и ремонтных работ по поддержанию в надлежащем состоянии различных сооружений коммунального назначения. И это по его распоряжению и под его надзором в конце сороковых на Арбате развернулись грандиозные, невиданные в этих местах работы по укладке солидного слоя бетона на всем протяжении улицы, что делало невозможным минирование пути, по которому ездил Сталин.

Несмотря на напряженный характер работы, которой занимался второй отдел, во главе его никогда не стояли выдающиеся личности. Первым начальником данной службы был заядлый выпивоха, оказавшийся среди тех, кто погиб в 1948 году в окрестностях Сочи, отважившись отправиться в пьяном виде по горной дороге в машине, которая, как и следовало ожидать, (свалилась в конце концов в пропасть. Слабостью его преемника полковника Георгия Комарова были женщины, в результате чего в 1951 году его за моральное разложение перевели с понижением в должности в милицию. По той же причине и в том же 1951 году сместили с занимаемого им поста и преемника Комарова полковника Василия Шаталова.

Хотя к тому времени, когда встал вопрос об увольнении Комарова, у Управления уже имелся достаточно богатый опыт по части избавления от неугодных лиц, которые не устраивали этот орган по тем или иным причинам, его сотрудникам пришлось изрядно повозиться, прежде чем им удалось наконец подкопаться под начальника второго отдела. Несмотря на все свое распутство, Комаров не сделал ничего такого, что позволяло бы снять его с должности, пока наконец не допустил ошибку, спутав свою слабость со своей работой. Случилось же это тогда, когда, безумно влюбившись в привлекательную юную особу, он решил, что не может жить без нее и должен всегда ее видеть — и днем и ночью. Чтобы так оно и было, Комаров сообщил в отдел кадров о необычайных способностях девушки и сказал, что она стала бы ценным приобретением для штаба Охраны. По прошествии какого-то времени, после того как девушка прошла надлежащую проверку и оказалась «чистой» по всем статьям, ее приняли на работу в одно из подразделений ГУО в качестве секретарши. Однако во время дополнительной проверки на благонадежность было обнаружено, что она — подружка Комарова. А несколько позже, когда ее уже перевели в центральный офис Охраны, в ходе обычного наружного наблюдения выявилось и то, что, куда бы ни шла девушка после работы, туда же направлялся и Комаров. О данном совпадении маршрутов двух этих сотрудников и об их личных связях, о которых стало известно в результате проверки степени благонадежности девушки, было доложено уже неоднократно упоминавшемуся нами Горышеву, начальнику отдела кадров. Изучив представленные ему бумаги, Горышев вызвал к себе своего адъютанта и сказал: «Комаров — тупой сукин сын, от которого мне хотелось бы как можно скорее избавиться. Он женат, так что у нас есть за что зацепиться». Адъютанту было приказано составить докладную, в которой бы обстоятельно, без всяких там упущений, сообщалось о том, чем занимаются во внерабочее время Комаров и его подруга, и содержались пикантнейшие подробности, касающиеся самых что ни на есть интимных сторон их легкомысленного поведения. Докладная была подготовлена в рекордно короткие сроки, за какие-то несколько дней. И делу сразу же дали ход. Однажды, где-то вскоре после полуночи, насмерть перепуганную девушку арестовали и доставили в кабинет Горышева в штабе Охраны для очной ставки с Комаровым. Оба тотчас же признались в своей любовной связи. Девушку незамедлительно уволили, предупредив предварительно, чтобы держала рот на замке и не вздумала никогда никому рассказывать о том, в каком месте она служила и что с ней случилось потом. С Комаровым же обошлись несколько лучше. Как только по завершении очной ставки подружку начальника второго отдела увели из кабинета, Горышев повернулся к Комарову: «Сами подумайте, что произойдет, если я сейчас позвоню вашей жене и попрошу

ее приехать сюда, чтобы...» Вероятно, мольбы Комарова о снисхождении возымели действие — во всяком случае он отделался тем, что был переведен в милицию.

Служить в третьем отделе было еще более тягостно, чем во втором, даже несмотря на то, что его работники носили щеголеватую форму сотрудников органов государственной безопасности, что позволяло им в значительной мере избегать насмешек со стороны гражданского населения, которой порою было не прочь поразвлечься, поддевая агентов в штатском, дежуривших на улицах Москвы.

Хотя сотрудники третьего отдела тоже числились телохранителями, по существу, они были всего лишь привратниками, сторожами и консьержами, пусть и несколько более высокого ранга. Их можно было увидеть буквально во всех важных партийных и государственных учреждениях, в том числе таких, как ЦК КПСС, размещавшийся на Старой площади, Совет Министров СССР, расположившийся на проспекте Маркса (ныне Охотный ряд. — *Ред.*), Академия наук СССР, специализированные институты по ядерным исследованиям и лаборатория «К-Р», названная так по начальным буквам фамилий работавших там супругов — докторов наук Нины Ключевой и Григория Роскина, которые из года в год безуспешно проводили исследования по лечению рака под бдительным оком сотрудников Охраны, не спускавших с них глаз. Комендантами и охранниками в перечисленных выше учреждениях, как и во многих других, независимо от их профиля, были сотрудники третьего отдела. Проходившие там службу офицеры были обязаны дежурить в дневное время на контрольно-пропускных постах и периодически обходить коридоры, подвалы, чердаки, туалетные комнаты и пустые кабинеты. Что же касается ночного времени, то некоторым из них поручалось присматривать за уборщицами и другим обслуживающим персоналом, занимавшимся своей работой в столь поздние часы.

Четвертый отдел, представленный милицией, был включен в структуру Управления и подчинявшейся ему Охраны № 2 скорее просто на всякий случай, чем в соответствии с каким-то заранее продуманным планом или с целью пополнения за счет его личного состава рядов телохранителей. В 1947 году на органы государственной безопасности обрушился целый шквал сообщений о том, что группа офицеров милиции — в то время самостоятельной организации, находившейся в ведении МВД, — замышляла совершить нападение на некоторых членов Политбюро, в частности, на тех, кто, как и Сталин, регулярно проезжал по Арбату. Хотя все эти «уведомления» не имели ничего общего с действительным положением вещей, милиция тем не менее подверглась массовой чистке, в результате которой около тысячи двухсот человек были или посажены в тюрьму, или, в лучшем случае, уволены с работы. Кроме того, тогда же ОРУД (Отдел регулирования уличного движения) был передан в ведение Охраны № 2, в то время как остальные подразделения милиции в стране вышли из-под командования МВД и поступили под контроль МГБ.

К тому времени, когда перетряска кадров подошла к концу, моральный дух успешно прошедших чистку сотрудников милиции был крайне низок, и Управление, чтобы поднять его в столице, включило всех ее милиционеров в четвертый отдел Охраны, что влекло за собой повышение зарплаты, улучшение жилищных условий и предоставление им различных дополнительных льгот. Однако при этом не все прошло гладко. Перевод в только что сформированный четвертый отдел также и кадровых сотрудников Охраны вызвал у них понятное в какой-то мере возмущение, поскольку они восприняли это как понижение своего статуса до уровня обычных милиционеров. Результатом подобной реакции явились взаимная отчужденность и неприязнь, которые стали определять дальнейшие отношения между этими двумя группами — кадровыми сотрудниками Охраны и «новичками». Подобное противостояние не могло не отразиться на москвичах: милиция стала хуже работать, а ее сотрудники в общении с гражданами не проявляли должного такта и недоброжелательно относились чуть ли не со всем, кто к ним обращался. О низкой эффективности работы московской милиции можно судить хотя бы по тому, что в столице с ее значительно меньшей интенсивностью дорожного движения, чем в других крупных городах мира, фиксировалось «на душу населения» намного больше дорожных происшествий, чем в остальных

мегаполисах. Вождение машины в нетрезвом виде, превышение скорости и переход через улицу в неположенном месте были обычным явлением. Кончилось же все тем, что многие москвичи при виде милиционеров начинали размахивать кулаками и осыпать их бранью, даже не подозревая о том, что имеют дело с сотрудниками Охраны. Роль четвертого отдела как одного из оперативных подразделений Управления резко упала, поскольку его сотрудники, перебранываясь то и дело с гражданами и придираясь к ним по пустякам, были, естественно, не в состоянии уделять должное внимание выполнению возложенных на них обязанностей стражей порядка, обеспечивающих безопасность советского руководства. Между прочим, заметим попутно, противостояние между гражданами и милиционерами продолжалось довольно долго и после того, как Управление было расформировано, а милиция поступила в распоряжение другого ведомства. И если в Америке полицейских награждают такими безобидными в целом словами, как, скажем, «свинья», эпитеты, коими нередко наделяют милиционеров в Советском Союзе, не относятся к печатным словам.

Эти сбои в работе четвертого отдела в какой-то мере прикрывались и компенсировались сотрудничеством с дежурившими в гражданской одежде агентами из второго отдела. Милиция, опираясь на их помощь и поддержку, более или менее справлялась с такими своими обязанностями, как проверка документов у «подозрительных лиц», попавших в поле зрения сотрудников второго отдела, и переключение светофора на желтый свет, когда Сталин и его приспешники проезжали по городу.

Однако относительно такой возложенной, на милицию функции, как организация дорожного движения, можно сказать только одно: она не имеет ничего общего с задачами, которые ставятся во всем мире перед органами государственной безопасности. Проверка водительских прав, регулирование уличного движения, выписывание штрафов или передача в суд дел, заведенных на нарушителей дорожных правил, — это ли должно входить в прямые обязанности сотрудников охранных ведомств? Пожалуй, единственным светлым пятном в истории четвертого отдела является тот факт, что начальником его был Николай Борисов, обаятельный человек из старослужащих, проработавший в милиции четверть века и знавший столицу столь хорошо, что историки то и дело обращались к нему за советом.

Хозяйственно-снабженческая служба

Исключительно важным подразделением Главного управления охраны являлась хозяйственно-снабженческая служба. Она обеспечивала оказывавшихся на ее попечении граждан буквально всем, в чем только может нуждаться человек. На нее возлагалась обязанность удовлетворять все мирские потребности Сталина, членов его семьи, приближенных диктатора и членов их семей. Тех, кого вверяли ее заботам, она опекала буквально от колыбели и до могилы. Данное обстоятельство не только приводило к формированию из советских иерархов «нового класса», описанного Милованом Джиласом, но и позволяло им жить в своем собственном мире, самодостаточном и изолированном от рядовых граждан.

В те времена, когда Управление переживало свою лучшую пору, у москвичей в ходу был анекдот, в котором в довольно язвительной форме воспроизводилась воображаемая телевизионная передача под названием «День в Москве», состоявшая из двух коротеньких сцен. На первой из них телезрителям демонстрировалась столица в семь утра, когда улицы были запружены тысячами неряшливо одетых, усталых людей, спешивших на работу. «Это, — возглашал диктор, — хозяева страны — народ». На второй же, появившейся на экране уже в десять утра, по тем же улицам мчался мощный поток ведомых шоферами роскошных лимузинов «ЗИС-110», в которых, важно развалившись, сидели упитанные сверх всякой меры мужчины в меховых шапках и таких же пальто. «А это, — продолжал вещать диктор, — слуги народа». Измученные до предела люди, которым довелось жить под игом коммунизма, стремились такими вот юморесками хоть как-то смягчить свою участь. Распространявшиеся в их среде анекдоты как нельзя лучше

отражали советскую действительность. И если в приведенном выше анекдоте и было что-то неправдой, так только то, что подобные сценки в сопровождении соответствующего дикторского текста никак не могли появиться на телеэкранах. В этом изустном рассказе весьма точно отображен короткий миг из той жизни, которую вели заевшиеся, не знавшие, чего еще пожелать, опекавшиеся хозяйственно-снабженческой службой вельможи, которые несмотря ни на что никогда не отказывались от своей давно уже разоблаченной рядовыми гражданами претензии на то, что они — слуги народа.

В структурном отношении хозяйственно-снабженческая служба состояла из шести секторов, занимавшихся соответственно продовольствием, финансами, одеждой и обувью, строительством, транспортом и жильем. Ни у одного из этих секторов не было названия, которое отражало бы истинное положение дел. Отметим лишь, что продовольствие находилось в ведении первого сектора, финансы — второго и одежда — третьего.

Такого богатого продовольственного склада, который имелся у первого сектора, не было больше ни в одной стране мира. В нем хранилось буквально все, что касалось продуктов питания и напитков: икра, превосходнейшие вина отечественного и зарубежного производства, всевозможные виды мяса, птицы и рыбы, фрукты и овощи в любое время года, бакалейные товары и даже специальные продукты для иерархов, соблюдавших диету. Все это совершенно бесплатно предоставлялось привилегированным клиентам и к тому же в неограниченном количестве. Единственное, с чем вынуждены были считаться сановники, пользуясь складом, так только с особенностями своего организма, в частности, с характером обмена веществ и емкостью желудка.

Чтобы прокормить эту прожорливую, ненасытную свору, первому сектору приходилось связываться напрямую с подмосковными земледельческими хозяйствами и бойнями, совхозами, разводившими в прудах и озерах рыбу, и располагавшимися на юге колхозами. (Некоторые из таких южных колхозов находились в Абхазии, славящейся на весь мир долгожителями, которые, вероятно, благодаря тому обстоятельству, что они исправно поставляли продукты питания к столам Сталина и его прихвостней, имели все шансы еще прожить Бог знает сколько.)

Центральный распределитель первого сектора находился на Бережковской набережной, неподалеку от Киевского вокзала. Именно здесь начальник охраны при резиденции иерарха, а отнюдь не жена сановной особы или кто-то еще из его домочадцев, получал все необходимые продукты питания. Отметим кстати, что семьям иерархов запрещалось производить закупки в государственных магазинах и на рынках, как делали это рядовые граждане — «хозяева страны». Тем не менее отдельные гурманы, не знавшие предела в своих гастрономических устремлениях, не могли удержаться от соблазна купить в обычных магазинах что-либо из провизии. Но это им мало что давало: в подобных случаях сотрудники Охраны, действуя строго по инструкции, внимательно следили за тем, чтобы подобные покупки никогда не попадали на стол.

Еще одна «точка», находившаяся в ведении первого сектора и именовавшаяся «Кремлем», представляла собой своего рода диетический ресторан, располагавшийся, впрочем, не за стенами древней крепости, как можно было бы подумать, учитывая его название, а на Калининском проспекте, неподалеку от многоквартирных домов на улице Грановского, где проживали менее значимые советские руководители. Если у «слуги народа» и его супруги возникало желание воспользоваться услугами «Кремля», им тотчас же доставляли прямо на дом заказанные блюда, приготовленные в соответствии с предписаниями персонального врача из сотрудников Охраны, приставленного к данному вельможе. Иерархи, которые хотели бы пообедать на сей раз где-то вне дома или просто принять гостей, отправлялись в «Кремль». Довольно часто в этот ресторан заходили, чтобы отобедать вместе, члены Политбюро, министры и даже их заместители, и когда такое случалось, каждому клиенту подавались

предписанные ему диетические блюда. «Кремль» имел все, что было необходимо, чтобы обслуживать на самом высоком уровне столь специфическую, капризную клиентуру. Он располагал огромным помещением, имел многочисленный персонал. Одних только поваров, одновременно дежуривших на кухне, насчитывалось не менее тридцати человек. У всех них имелись описания диетологических особенностей питания иерархов, и еженедельно составлялись меню для каждой сановной особы. Если в том возникала нужда, то в любой момент можно было позвонить в ресторан по телефону и попросить внести в меню соответствующие изменения. Что же касается сотрудников Охраны, то и о них позаботились: они имели возможность питаться бесплатно в столовых и ресторанах, размещавшихся в различных офисах и штабах.

Чтобы, не дай Бог, в бездонные желудки иерархов не попало ничего такого, что могло бы привести к нежелательным последствиям, включая и летальный исход, в распоряжении первого сектора имелся многочисленный штат микробиологов, химиков и токсикологов, располагавших на Кузнецком мосту собственной лабораторией, где образцы всего того, что предназначалось для высших сановных лиц, подвергались анализу или испытывались на морских свинках и других животных. Ни одна долька фрукта, ни одна бутылка вина, ни один кусочек мяса или хлеба не попадали на стол Сталина или его прихвостней до тех пор, пока специалисты по ядам не убеждались окончательно, после тщательной проверки, в том, что все это абсолютно безвредно.

Как и можно было ожидать, начальник этого исключительно важного первого сектора был близким другом Власика и Поскребышева. Одного он обеспечивал горячительными напитками, поступавшими к тому нескончаемым потоком, а другого, обладавшего более тонким вкусом и с большим вниманием относившегося к своему пищеварительному тракту, — различными деликатесами. И они не оставались у него в долгу, делая все возможное, чтобы не дать никому усомниться в его соответствии «высоким партийным принципам» и в якобы отличавшем его «высоком моральном уровне», хотя тот был уже трижды женат и, как говорится, не пропускал ни одной юбки. Однако, как ни обидно было этой парочке, в 1949 году им все же пришлось расстаться со своим Приятелем после того, как у него обнаружили сифилис и, естественно, отстранили сию «достоинейшую» личность от любых контактов с продуктами питания, предназначавшимися для иерархов, а затем и вовсе сослали в провинцию, где он стал заместителем начальника местного органа государственной безопасности. Подобное перемещение его никак не устраивало: жизнь вдали от ярких огней столичного града — вовсе не то, что ему хотелось. Но тут уже ничего нельзя было поделать: даже после того, как Власик с Поскребышевым по личной просьбе своего приятеля взяли его обратно в Охрану, Поскребышев не позволил ему работать в Москве или Сочи, компенсируя свой запрет тем, что назначил его заместителем коменданта предназначавшегося для Сталина оздоровительного центра в Крыму, который, однако, сам диктатор так и не удосужился посетить. На своем новом посту бывший «провиантмейстер», пользовавшийся некогда всеобщим почитанием, оставался еще долгое время и после кончины «верховного правителя».

На протяжении не одного года второй сектор представлялся многим сказочной сокровищницей, из которой как из рога изобилия сыпались на иерархов «звонкие монеты», отпускавшиеся им на личные расходы из нелимитированных денежных фондов. Однако после ужесточения системы контроля за финансовой дисциплиной, что было осуществлено весной 1952 года, размер подобных «вспомоществований» в денежной форме был «сокращен» до «каких-то» тридцати тысяч рублей в месяц, предназначавшихся официально для покрытия «непредвиденных» расходов прикрепленных к этой кормушке персон, а в действительности представлявших собой самые обычные «карманные» деньги. И это в то время, как рядовой советский гражданин зарабатывал в среднем от семидесяти до девяноста рублей в месяц, не имея при этом никаких дополнительных источников существования. Отметим также, что подобное сокращение размеров денежных «пособий», отпускавшихся на пресловутые «непредвиденные»

расходы, не слишком уж ощутимо ударило по карманам иерархов, поскольку на их личные банковские счета переводились все денежные средства, вырученные от продажи их «литературных трудов», — занудных речей и пропагандистских книжек и брошюр, издававшихся миллионными тиражами. Кроме того, они не платили подоходного налога и, в отличие от рядовых советских граждан, были освобождены от необходимости подписываться на систематически выпускавшиеся режимом «чрезвычайные займы» для покрытия государственных расходов. Нельзя забывать и о том, что государство и так совершенно бесплатно обеспечивало иерархов буквально всем, в чем они нуждались или что им хотелось бы иметь: закрытого типа спецшколами, где могли учиться только их дети, продуктами питания, одеждой, квартирами, дачами, автомобилями, медицинским обслуживанием, курортами и прочим, и прочим. И конечно же всякий раз, когда они проводили отпуск на Кавказе или в Крыму, Охрана обеспечивала их дополнительной прислужкой и телохранителями, чтобы они и там продолжали пользоваться всевозможным комфортом и вообще жить в условиях, которые могли бы позволить себе разве что герцоги и прочая великосветская знать.

Третий сектор заменял иерархам, их женам и дочерям Париж, но с тем, однако, существенным отличием, что в сталинскую эпоху дело с моделированием как штатских костюмов для мужчин, так и одежды для женщин обстояло из рук вон плохо, что объяснялось в какой-то степени пристрастием Сталина к военной форме. Однако все, что изготавливалось лично для него, — и форменная одежда, в которую он любил облачаться, и ботинки с сапогами на высоких каблуках, как нельзя лучше подходившие для диктатора, не отличавшегося высоким ростом, — выделялось отменным качеством и свидетельствовало о тонком вкусе мастеров, отлично разбиравшихся в фасонах. Примерно то же можно было бы сказать и о военной форме, которую носили сотрудники Охраны. Хотя внешне она мало чем отличалась от форменной одежды командного состава Советской Армии, ее шили из лучшего материала и, как правило, в индивидуальном порядке. Помимо верхней одежды и обуви, на складах данного сектора имелись также значительные запасы нижнего белья, полотенец, простыней и скатертей, а также, вполне понятно, и всевозможной детской одежды. Благодаря неустанным заботам близких по духу третьего и первого секторов иерархи получали возможность, не тратя при этом ни единой копейки из собственного кошелька, «отовариваться» в ведомственном магазине и «сотой» секции ГУМа исключительно богатых по ассортименту имевшихся в них товаров, причем там уж им никак не угрожала опасность столкнуться нечаянно с «простолюдином».

Наиболее широкий круг обязанностей выпадал на долю четвертого, или строительного, сектора. Он не сооружал для советской аристократии ни Версалеи, ни Петергофов, но зато возводил для них жилые здания и дачи и следил заодно за поддержанием их в надлежащем состоянии. Кроме того, примерно та же работа осуществлялась им и для сотрудников самой Охраны. Численность находившегося в его распоряжении штата колебалась в зависимости от характера и объема выполнявшейся им в данный момент работы — от пятисот до трех с лишним тысяч человек. Эта сравнительно небольшая строительная армия состояла из плотников, столяров, сварщиков, электротехников, каменщиков, землекопов, садовников и специалистов по планировке садов и парков, представляя собой, таким образом, наиболее пестрое по своему составу подразделение во всем Управлении, нуждавшемся в работниках самого различного профиля. На работу в ГУО строителей брали, как правило, из московских строительных организаций. Работая в Охране, они получали более высокую зарплату, чем на прежнем месте, и, кроме того, пользовались некоторыми из дополнительных благ, которые предоставлялись сотрудникам данного ведомства. Перед тем как их принимали на работу в Охрану, строители должны были пройти исключительно тщательную проверку на благонадежность — особенно это касалось тех, кому предстояло трудиться в служебных помещениях или в квартирах и на дачах иерархов, — и, сверх всего прочего, с них требовали также расписку о неразглашении того, чем они занимаются.

Пятый, или транспортный, сектор являлся в первую очередь огромным автохозяйством с водителями, механиками и мастерскими, занимавшимися уходом за машинами, включая их ремонт. Кроме того, одно из входивших в его состав подразделений ведало иными, помимо автомобилей, средствами передвижения, в основном железнодорожным транспортом. Всякий раз, когда Сталин и другие иерархи совершали поездки по железной дороге, указанное подразделение в тесном взаимодействии с железнодорожной охраной следило за тем, чтобы в пути не было никаких неожиданностей. Хотя в распоряжении Сталина имелось целых три поезда, «младший» иерарх мог рассчитывать только на то, что ему, да и то в лучшем случае, выделят лишь отдельный вагон. Сектор имел также дело и с авиатранспортом, но, поскольку у Сталина было резко отрицательное отношение к самолетам, воздушные машины редко когда предоставлялись и «младшим» иерархам, разве что только при возникновении чрезвычайных ситуаций да для зарубежных поездок. Точно также сектор почти никогда не имел дела с внутренними водными путями, но не из-за каких-то рескриптов, запрещавших пользоваться ими, а исключительно потому, что речные суда передвигались довольно медленно, в то время, как правило, вдоль водных артерий были проложены железнодорожные линии, позволявшие совершать поездки со значительно меньшими потерями времени. Когда же иерархи пользовались все же пароходами для отдыха или инспекционных поездок, сектор прибегал к помощи охраны водных путей. Больше всего проблем возникало у сектора из-за того, что он вынужден был предоставлять в личное пользование находившиеся в его ведении машины юным отпрыскам иерархов, уже достигшим водительского возраста и решившим на этом основании усесться за руль. Молодые люди не только портили автомобили, мчась подолгу на бешеной скорости, но нередко и разбивали их вдребезг. Когда же случалось такое, искореженную машину доставляли в мастерскую и тут же обменивали ее на новый автомобиль. Наиболее преуспели в приведении в негодность выделявшихся сектором машин сыновья Микояна.

По существу, сотрудники шестого сектора мало чем отличались от обычных конторских служащих, типичных фактически для всех жилищных ведомств, где бы они ни располагались, зато квартиры, которые данный сектор распределял среди иерархов и сотрудников ГУО и за сохранность которых он же и отвечал, отличались и своим многообразием, и высочайшим качеством: даже самая скромная из них выглядела просто сказочной по сравнению с тем жильем, которое предоставлялось в Советском Союзе угнетенным народным Массам. И как повсюду у занимающихся «квартирным вопросом» организаций, у этого сектора вечно не хватало подлежавшего распределению жилья, несмотря на упорную работу строительного сектора. Жилищная проблема, с которой сталкивались спецслужбы, приняла столь острые формы, что в 1947 году даже вышло специальное постановление, согласно которому впредь в каждом новом доме, сдававшемся в эксплуатацию, сотрудникам органов государственной безопасности — в их число, само собой разумеется, входили и сотрудники Охраны — должно было отводиться от трех до пяти квартир. Однако и данное распоряжение не смогло разрешить проблемы, в результате чего многие сотрудники Охраны вместе со своими семьями по-прежнему были вынуждены ютиться в одной лишь комнате, которую снимали или у москвичей, проживавших в отдельных квартирах, или у подмосковных колхозников, располагавших собственными избами.

Но иерархам, будьте спокойны, не приходилось сталкиваться с подобными трудностями. Они занимали непомерно просторные квартиры и в Домах, находившихся на территориях Кремля и в разместившихся за его стенами уютных особняках, в которых когда-то жили дворяне, и в высившихся на улицах Грановского и Серафимовича двух великолепных зданиях с дежурившими у парадной двери сотрудниками Охраны № 2, облаченными в прекрасно сидевшую на них форму. Каждая из этих «многоэтажек» практически являла собой своего рода небольшой, но «самодостаточный» городок — с собственным театром, кинотеатром, детским садом, прачечной, химчисткой и магазинами, в которых было все, что угодно. В описываемую нами эпоху квартиры в здании на улице Грановского считались более

«фешенебельными», чем имевшиеся в доме на улице Серафимовича.

Этот же жилищный сектор предоставлял иерархам и подмосковные дачи: кому — одну, кому — две, а кому — и того больше. Эти загородные дома, укрывшиеся, как правило, в сосновых или смешанных лесах, обычно располагались по берегам рек, озер или прудов, к которым и близко не подпускались «посторонние лица». Иерархи — «во имя служения всеобщему благу» — проводили на дачах большую часть своего времени: просто отдыхали, ничего не делая, совершали небольшие прогулки, занимались охотой или рыбной ловлей, но чаще всего предавались попойкам.

Кремлевская комендатура

На протяжении достаточно долгого периода из года в год происходило сокращение численности кремлевских охранников, и к тому времени, когда было учреждено Управление, их осталось столь мало, что было бы просто наивно ожидать от этих ребят чего-то еще, кроме участия в церемониальных действиях, призванных украсить древнюю крепость. Они, как и следовало ожидать, поступили под административный контроль Управления. Практически все функции по обеспечению безопасности иерархов во время их пребывания в Кремле, которые когда-то возлагались на кремлевских охранников, были переданы ГУО. И хотя служащих комендатуры все еще можно было видеть и на кремлевских стенах и башнях, и на внутренних площадях, где размещались их посты, это мало что меняло: фактически они представляли теперь собой не более чем резерв для сотрудников Охраны № 1, занимавшихся обеспечением безопасности Сталина, и для сотрудников Охраны № 2, на чьем попечении находились проживавшие в Кремле другие иерархи. Однако данный резерв никто никогда не востребовал. И, как следствие этого, входившие в его состав охранники по роду своих занятий во многом стали напоминать тех сотрудников Охраны № 2, которые оберегали партийные и государственные учреждения или, красуясь в ладно пригнанной форме, выполняли, по существу, — правда, исключительно добросовестно, — малопrestiжные обязанности сторожей, привратников или консьержей.

Но, что бы там ни было, организационная структура комендатуры была довольно сложной. Главными ее подразделениями являлись отдельный офицерский батальон, полк спецназначения, рота спецназначения и отдел связи. Далее шли отдел вооружения и амуниции, хозяйственно-снабженческий сектор, бюро пропусков и, наконец, обычный для подобных ведомств административный отдел, а также партком и комитет комсомола.

Служащие отдельного офицерского батальона несли охранную службу во всех правительственных учреждениях, находившихся на территории Кремля. Хотя особенно много офицеров дежурило конечно же у кабинета Сталина, кабинеты Молотова и Кагановича также находились под надежной охраной. Кроме того, усиленные наряды выставлялись у Троицких ворот, поскольку именно через них проезжал Сталин, в то время как у Спасских и Боровицких ворот, которыми пользовались остальные иерархи, охрана была уже не столь многочисленной.

К другим основным обязанностям служащих батальона относились сопровождение лиц, допущенных на территорию Кремля, и дежурство в бюро пропусков и на контрольно-пропускных постах. (В те дни Кремль был закрыт для обычных граждан, включая и туристов, решивших посетить Москву. И даже в период «оттепели», наступившей после смерти Сталина, граждане, получившие разрешение на посещение этого исторического места, могли проходить в ворота только группами, к которым вполне официально прикреплялся экскурсовод.) Офицеры, дежурившие на контрольно-пропускном посту у Спасских ворот, должны были проверять по утрам документы у всех административных работников и обслуживающего персонала, направлявшихся в Кремль на работу, и следить, чтобы они не пронесли с собой чего-либо неположенного, а по вечерам выяснять, все ли покинули древнюю крепость по окончании рабочего дня.

Остальным категориям граждан, даже родственникам и друзьям иерархов и членам их семей, было довольно трудно получить пропуск в Кремль. В любом случае лицо, желающее пройти на эту «закрытую» территорию, обращалось предварительно по телефону или каким-то еще путем к администрации Кремля с просьбой выдать ему пропуск. После того как на руках у гражданина оказывался наконец заветный документ, один из дежурных, встречавший посетителя у контрольно-пропускного поста, провожал его по дорожкам и переходам до указанного в пропуске места — отдела или кабинета, а затем, когда тот завершал свои дела, сопровождал его уже в обратном направлении, до самых ворот. Особенно много работы у сотрудников контрольно-пропускной службы было во время съездов, конференций и других мероприятий, довольно часто проводившихся в Кремле. Офицеры проверяли участников всех подобных собраний и при входе, и при выходе, сопровождали их, когда те шли по заповедной кремлевской территории, и конечно же наблюдали за ними. Если они замечали что-либо запрещенное или подозрительное, то могли, имея на то полное право, сделать посетителю соответствующее замечание, кем бы он ни был, и в исключительных случаях даже арестовать его. Кроме того, офицерам, дежурившим у ворот, вменялось в обязанность следить за тем, чтобы никто не пронес в Кремль фотоаппарат, бинокль или нечто подобное, не говоря уже об оружии. Все вещи, которые не разрешалось проносить в «заповедную зону», надо было сдать в камеру хранения в здании ГУМа, расположенного напротив Кремля, по ту сторону Красной площади.

Тысяча двести офицеров и рядовых полка специального назначения несли круглосуточное патрулирование на территории Кремля. И из служащих этой же части брались охранники, дежурившие в Мавзолее Ленина, причем также все двадцать четыре часа. Входившие в состав полка отдельные подразделения были оснащены легкими пушками и станковыми и ручными пулеметами. Согласно официальным бумагам, артиллерия предназначалась для защиты иерархов от «врагов», однако наделе она использовалась для производства салютов в дни празднеств. Сходная ситуация складывалась и вокруг станковых пулеметов, укрывшихся за искусно замаскированными бойницами в кремлевских стенах: предназначавшиеся для защиты руководителей от участников демонстраций, проходивших по Красной площади, они так и не были никогда использованы по прямому назначению. Зато перед стрелками, вооруженными ручными пулеметами, ставилась более реалистичная задача — патрулировать в ночное время по территории Кремля.

Рота специального назначения являлась еще одним из многочисленных примеров того, что названия, дававшиеся отдельным службам или подразделениям, никак не отражали действительного положения вещей и могли любого сбить с толку. Практически единственная ее обязанность, которую выполняла она во имя безопасности вождей, заключалась в проверке угля, дров, печей и каминов, дабы убедиться в том, что в них не заложена взрывчатка. Иначе говоря, это была несшая круглосуточное дежурство своего рода, пожарная команда, которая занималась также мелким ремонтом отопительных систем и принятием противопожарных мер.

Отдел связи занимал в организационной структуре комендатуры особое, элитарное место, что и понятно, если учесть, что в его ведении находились телефонная система и радиослужба Кремля. В частности, это он надзирал за «кремлевкой» — автономной телефонной системой, которая не только обеспечивала бесперебойную телефонную связь между иерархами во время их пребывания в Кремле, но и благодаря специальным, закрытым для посторонних телефонным линиям позволяла сразу же устанавливать связь с первыми лицами в партийном и государственном аппарате даже тогда, когда они находились вне стен Кремля. (Заметим попутно, что у Кремля было два источника получения электроэнергии: московская городская электросеть и собственные генераторы, установленные там на непредвиденный случай.) Кроме того, на этот же отдел возлагалась обязанность проводить все профилактические и ремонтные работы на проходившем через территорию Кремля участке московской

телефонной сети, поскольку, из соображений безопасности, работники московской телефонной службы к этому не допускались.

Из прочих, вспомогательных по существу, подразделений комендатуры наибольшего внимания заслуживает отдел снабжения. Как свидетельствует само его название, он обеспечивал комендатуру продуктами питания, обмундированием и некоторыми иными вещами. Но это — лишь одно направление его деятельности, другим же являлся надзор за строительным батальоном. Это подразделение не только строило и поддерживало в надлежащем состоянии служебные помещения комендатуры и жилые дома внутри Кремля и за его стенами, но и следило за сохранностью находившихся на его территории бесценных памятников культуры, включая и исторические здания. Изо дня в день отряд высококвалифицированных рабочих занимался ремонтом и реставрацией дворцов, храмов и другие древних строений. Когда же столь деликатная работа близилась к завершению, в дело вступали приглашенные со стороны художники и специалисты некоторых других профилей.

В завершение данного раздела остановимся вкратце на лечебно-санитарном управлении Кремля. Несмотря на свое название, это учреждение не только не входило в организационную структуру комендатуры, но и никогда не располагалось внутри кремлевских стен. Указанное управление было обязано обеспечивать медицинским обслуживанием всю советскую верхушку — Сталина и окружавших его высших партийных и государственных чинов, а также членов их семей. В его ведении находились больницы, поликлиники, аптеки, дома отдыха, санатории и прочие оздоровительные центры в Подмосковье, В Крыму и на Северном Кавказе с его Черноморским побережьем. Из соображений исключительно административного характера управление было приписано к Министерству здравоохранения, хотя в действительности оно находилось в прямом подчинении Главного управления охраны. Все сотрудники лечебно-санитарного управления Кремля перед тем, как быть взятыми на работу, проходили в обязательном порядке проверку на благонадежность, которая проводилась ОПЕРОДом.

Вспомогательные звенья в организационной структуре Охраны

Отдел обслуживания

Учитывая характер работы данного подразделения, подчинявшегося непосредственно Власику и его заместителю Линько, эту структуру следовало бы назвать не «отделом обслуживания», а «отделом планирования и взаимодействия с другими организациями». Поскольку руководство Управления обращалось к услугам отдела обслуживания нечасто, лишь в случае крайней необходимости, его штат насчитывал менее чем двадцать человек.

Отдел нес ответственность за разработку различных программ и планов, касавшихся обеспечения безопасности Сталина и прочих иерархов во время их поездок или присутствия на Красной площади и в других общественных местах. Кроме того, он устанавливал взаимодействие с зарубежными спецслужбами, чтобы посещение Советского Союза крупными политическими и государственными деятелями и прочими видными лицами из других стран прошло без всяких эксцессов. Понятно, что все разработки, которые готовились им для подобных случаев, направлялись в соответствующие подразделения Охраны для претворения их в жизнь.

Но это — не все. На отдел возлагалась еще одна, пустяковая в целом, обязанность — выдавать пропуска на Красную площадь во время проведения там праздничных мероприятий.

Отдел связи

Находившиеся в распоряжении ГУО коммуникационные системы были не только весьма сложными в техническом отношении, но и самыми совершенными из имевшихся в то время в мире. Управлением использовались следующие шесть систем связи:

1. *Обычная гражданская телефонная служба.* Хотя ею пользовались только в том случае, когда разговор не носил секретного характера. Из предосторожности, однако, ремонтом и профилактическим осмотром телефонного оборудования, установленного в помещениях, находившихся в ведении Управления, занимались исключительно сотрудники Охраны, а не мастера из телефонного узла.

2. *Ведомственная телефонная служба органов государственной безопасности.* Представляя собой внутреннюю телефонную систему, она связывала Управление с органами государственной безопасности и близкими к ним учреждениями. Набрав номер телефониста, пользователь этой системы мог подключиться через него к обычной гражданской телефонной сети. Но через гражданскую телефонную сеть добиться соединения с телефонами, подключенными к внутренней телефонной системе органов государственной безопасности, было нельзя.

3. *Правительственная высокочастотная радиотелефонная связь.* Данная система, исключавшая, как предполагалось, возможность подслушивания, позволяла иерархам и начальникам отделов и прочих основных подразделений Управления связываться с любыми областями Советского Союза и со странами, шедшими в фарватере советской политики.

4. *«Кремлевка».* Данная система телефонной связи находилась в ведении кремлевской комендатуры.

5. *Система телефонной связи «Управление — Кремль».* Телефонные линии данной системы отличались исключительно надежной защитой от подслушивания, так что в случае возникновения чрезвычайной ситуации связь между Управлением и Сталиным, если он будет находиться в это время у себя в кабинете или в своей квартире в Кремле, должна была бы поддерживаться только с их помощью. Пользователь этой системы мог подключиться к московской городской телефонной сети или к служебным линиям милиции и органов государственной безопасности лишь в том случае, если он предварительно получил на это соответствующее разрешение от самых верхов.

6. *Внутренняя телефонная сеть, связывавшая между собой руководство Управления, высшее руководство органов государственной безопасности и иерархов.* Аппараты, подключенные к этой сети, не имели циферблатов, и, кроме того, оповещение о том, что кто-то выходит на связь, осуществлялось не с помощью традиционного телефонного звонка, а световым сигналом. Подобные телефоны могли подключаться к другим системам.

Управление оздоровительных центров на побережье Черного моря

Поскольку Сталин обычно проводил свой отпуск в окрестностях Сочи, где к тому же любил бывать и Берия, черноморский сектор Охраны был крупнейшим из его подразделений, ведавших оздоровительными центрами. Потребность в охранниках в этом районе возрастала и в силу того, что там же имелось немало различных санаториев и коттеджей, в которых размещались прочие иерархи, желавшие позагорать под тем же солнцем, что и их вождь. В общем, обычная для России история — придворные исстари следовали за своими правителями, будь то цари или диктаторы, когда те отправлялись на морские курорты.

В силу вышесказанного местной охране постоянно приходилось заботиться о том, чтобы многочисленные, поражавшие своей роскошью усадьбы и гостиницы, расположенные в окружении парков и цитрусовых посадок, всегда были готовы принять именитых гостей, если правителю и его сановной челяди вздумается вдруг посетить этот край. Когда наконец этот «двор» прибывал, — само собой разумеется, в сопровождении внушительной свиты телохранителей, — сотрудники черноморского отделения данного ведомства обязаны были обеспечивать безопасность всей этой публики в местах увеселений, а также следить за тем, чтобы в поле зрения ни одного из вельмож не попали проживавшие чуть поодаль простолюдины из крестьян.

Управление оздоровительных центров в Крыму и Кисловодске (Северный Кавказ).

Обязанности сотрудников Охраны, служивших в этих местах, были во многом схожи с теми, что возлагались на их черноморских коллег. Но поскольку Сталин никогда не отдыхал на Северном Кавказе и лишь дважды почтил своим посещением Крым, — один раз — по случаю Ялтинской конференции, в которой, кроме него, принимали участие также Рузвельт и Черчилль (безопасность обоих западных лидеров, как и следовало ожидать, обеспечивалась сталинскими телохранителями), — численность сотрудников местных подразделений охраны была значительно меньше, чем их сослуживцев в упомянутом выше крае. Каждая из этих двух оздоровительных зон — в Крыму и Кисловодске — так же, как это наблюдалось и на Черноморском побережье, имела постоянный штат своих собственных охранников: ведь никогда нельзя было быть абсолютно уверенным в том, что Сталин не нагрянет туда.

Северокавказские оздоровительные центры использовались, как правило, только «младшими» иерархами, и не для отдыха во время отпуска, а для лечения. В большинстве имевшихся там санаториев были из глубинных земных недр источники целебных, как считалось, вод, что отразилось и в названиях таких местных населенных пунктов, как Кисловодск, Железноводск и Минеральные Воды. Объективности ради заметим также, что наблюдалось и обратное явление, когда сами минеральные воды назывались в честь населенных пунктов, возле которых они выходили на поверхность земли, примером чему могут служить те же «Боржоми» или «Ессентуки».

Единственным из всей правящей верхушки, кто довольно часто наведывался в Крым, прихватывая с собой и своих домочадцев, был Молотов.

Школа охранников

В данное учебное заведение направлялись, как правило, «новобранцы» Охраны. Учеба в нем продолжалась от трех до двенадцати месяцев в зависимости от потребностей отдела кадров в сотрудниках той или иной категории и способностей самих курсантов. Иногда, в исключительных случаях, срок обучения сокращался до трех недель.

В период учебы курсанты не носили формы, во всем же остальном они практически ничем не отличались от курсантов обычных военных училищ и так же, как и они, получали стипендии и различные надбавки к ней. По окончании школы все те, кто не был еще офицером, получали звание младшего лейтенанта и направлялись во второй, третий или четвертый отделы Охраны № 2 или в какое-либо иное подразделение, сотрудники которого не имели прямых контактов с иерархами.

В обычный курс обучения входили такие дисциплины, как обращение с различными видами оружия (от ножа до пулемета), рукопашная схватка, приемы самозащиты, основные правила наблюдения, принятые в органах государственной безопасности, и методы ведения следственной работы. Много времени отводилось также физической подготовке, особенно джиу-джитсу и другим видам борьбы. И конечно же все без исключения курсанты были обязаны изучать историю ЦК КПСС и биографии иерархов,

которых впоследствии им придется охранять.

В школе имелось также специальное отделение, где проходили обучение не «новобранцы», как в других отделениях, а кадровые, имевшие уже офицерские звания сотрудники Охраны, из которых готовили кинологов.

Этот учебный центр, в котором преподавали старые, опытные офицеры, находился в Москве.

Сектор оружия и амуниции

Этот сектор не только обеспечивал Управление различными видами воинского снаряжения, но и систематически проверял, чтобы оружие содержалось в порядке и неизменно находилось в состоянии боевой готовности. Кроме того, в его обязанности входило также заботиться о том, чтобы в распоряжении иерархов всегда имелось всевозможное спортивное оборудование. Двое сотрудников данного подразделения занимались исключительно тем, что готовили патроны для дробовиков «их сиятельств» и следили за состоянием рыболовных снастей, которыми тешили себя время от времени сановные особы. А еще двое должны были круглосуточно дежурить в конторе, присматривая при этом за складом, чтобы никто не похитил хранившиеся там предметы. И это — при том, что его штат насчитывал всего-то человек двенадцать.

Сектор физической и боевой подготовки

Всем тем представителям Запада, которые ратуют за то, чтобы на Олимпийских играх и других международных спортивных состязаниях выступали одни лишь спортсмены-любители, и безуспешно жалуются на высокий профессионализм, отличающий спортсменов из коммунистических стран, не мешало бы познакомиться с занятиями по физической подготовке в учебно-тренировочном подразделении Охраны. И не только потому, что занятия по физической подготовке сотрудников Управления вели многие советские чемпионы в том или ином виде спорта: дело еще в том, что сотрудники этого ведомства лично участвовали в футбольных матчах, столь популярных во всех странах мира за исключением разве что Соединенных Штатов Америки. Достаточно хотя бы сказать, что знаменитая футбольная команда всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо» целиком состояла из офицеров Охраны. Единственное, чем занимались они, так это футболом, и тем не менее их имена числились тайно в платежной ведомости Управления, которое выплачивало им также, помимо основной заработной платы, и различные надбавки.

К другим видам спорта, занятия которыми включались в физическую подготовку действительных сотрудников Охраны, относились ходьба на лыжах, прыжки, бег, спортивная ходьба, волейбол, баскетбол и борьба.

Много времени уделялось огневой подготовке. Иногда это происходило в форме соревнования. Состязания между сотрудниками в стрельбе из нагана, пистолетов и мелкокалиберных винтовок проводились в крытом тире неподалеку от Кремля. Еще один тир, также крытый, находился в окрестностях столицы и предназначался для повышения мастерства охранников в стрельбе из станковых пулеметов, автоматов и крупнокалиберных ружей.

Медицинский сектор

Это подразделение относилось к тем службам, чьи названия никак не отражали их сущности. В действительности данный сектор представлял собой небольшой коллектив, следивший только за

санитарной обстановкой в подведомственных Управлению служебных и жилых помещениях и практически не занимавшийся больше ничем. В его штате численностью примерно двадцать человек имелось лишь несколько врачей и медсестер, большинство же его сотрудников являлись обычными санитарными инспекторами. Сектор никак не был связан с медико-технической (токсикологической) группой при хозяйственно-снабженческой службе. Во главе же его стоял человек, единственной обязанностью которого было брать пробы воздуха, которым дышал Сталин.

Когда же сотрудники Охраны действительно нуждались в медицинской помощи, то они всегда могли обратиться в больницу или одну из трех поликлиник, которые находились в ведении органов государственной безопасности и располагались в Москве. Сотрудники Управления и члены их семей обслуживались в этих учреждениях совершенно бесплатно, если не считать крайне мизерных сумм, которые взимались с них за рецепты и лекарства.

Секретариат

По функциям, выполнявшимся этим структурным подразделением Охраны, секретариат представлял собой своего рода штабную роту с тем лишь отличием, что его личный состав был сформирован не из рядовых или младших командиров, а из старших офицеров.

Будучи главным административным органом Управления, он курировал все входящие и исходящие документы, снимал с них, как и с приказов, копии, издавал распоряжения, которые доводились им до сведения офицерского состава Охраны, и периодически проверял наличие хранившихся у него сверхсекретных и просто секретных документов, имевших прямое отношение к различным подразделениям ГУО и к органам государственной безопасности. В распоряжении секретариата всегда имелись машинописное бюро и группа стенографистов.

Секретариат просматривал также списки дежурных офицеров, составлявшиеся всеми подразделениями Охраны. И это вполне понятно: ведь в случае, если по какой-то причине начальников отделов, их заместителей или руководителей секторов не оказывалось на рабочих местах, их обязанности брали на себя дежурные офицеры.

Парткомы и комитеты комсомола

Хотя теоретически партии принадлежала главенствующая роль буквально во всем, что происходило в Советском Союзе, в действительности же дело обстояло далеко не так. В частности, об этом можно судить на примере того же Управления, где при решении вопросов, касавшихся оперативной работы Охраны, решающий голос был отнюдь не у партии.

Особенно ясным истинное положение партийных организаций в охранной системе становилось тогда, когда какой-нибудь недалекий, назойливый, словно муха, и любивший всюду совать свой нос партийный работник, действуя от лица Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, пытался — весьма безуспешно, кстати, — провести идеологическое инспектирование парткомов Охраны, которому время от времени, согласно официальным заявлениям, должны были подвергнуться в обязательном порядке все без исключения партийные организации в Советском Союзе. Если такому аппаратчику и удавалось проникнуть в штаб-квартиру Охраны, то ненадолго: как только становилось известно о цели визита незваного гостя, его тут же вышвыривали за дверь.

Фактически, что бы там ни говорилось, парткомы и комитеты комсомола в структуре Управления были не более чем идеологическими ширмами, существуя в основном для проформы. И это вполне закономерно, поскольку Сталин был истинным богом, а Поскребышев и Власик — его главными ангелами-

хранителями. Известен только один случай, когда Московскому горкому партии, в подчинении у которого находились формально парткомы и комитеты комсомола, имевшиеся в различных подразделениях Управления, было дозволено рассмотреть дело, касавшееся сотрудника Охраны. Но это произошло, когда некоего офицера с позором изгнали из данного ведомства. Тогда горкому позволили обрушить на голову изгоя новый поток клеветы и в заключение, чтобы добить его окончательно, отобрать у него партийный билет.

И все же, отвлекаясь от чисто идеологических аспектов деятельности парткомов и комитетов комсомола в ГУО, мы должны объективности ради отметить, что, несмотря ни на что, эти общественные органы приносили руководству Охраны и определенную пользу. Дело в том, что начальство, не очень-то склонное заниматься обычной для всех общественных организаций пустой болтологией, пусть и с приправой из идеологических постулатов, использовало их в качестве инструмента, призванного помогать ему воспитывать своих подчиненных в духе безграничной преданности Сталину и содействовать повышению уровня их политической сознательности и укреплению дисциплины.

Главное управление охраны

Должностные оклады и прочие выплаты

Должностной оклад

Занимаемая должность	Рублей в месяц
Офицер Охраны	1200
Старший офицер Охраны (начальник смены)	1400
Оперуполномоченный	1700
Старший уполномоченный	1900
Заместитель начальника отделения	2100
Начальник отделения	2200
Заместитель начальника отдела	2400–2600
Начальник отдела	2800–3200
Заместитель начальника управления	3400–3800
Начальник управления	3800–4200
Заместитель начальника главного управления	4000–4600
Начальник главного управления	4600–5000

Оклад в соответствии со званием

Звание	Рублей в месяц
Младший лейтенант	400
Лейтенант	500
Старший лейтенант	600
Капитан	700
Майор	900
Подполковник	1100
Полковник	1300
Генерал-майор	1600
Генерал-лейтенант	1900

Продовольственный паек

Лица, имеющие право на получение прод. пайка	Рублей в месяц (в денежной форме)
Все сотрудники Охраны	250–300

Надбавки за выслугу лет

Служебный стаж	Размер надбавки в % от должностного оклада
От 3 до 5 лет	5
От 5 до 10 лет	10
От 10 до 15 лет	15
От 15 до 20 лет	20
Свыше 20 лет	25

Надбавки за секретность

Категории служащих	Размер надбавки в процентах от должностного оклада
Охранники Сталина	30
Охранники других иерархов	20
Большинство остальных сотр. Охраны	10

Дополнительные выплаты за службу в охране

Категории служащих	Размер надбавки в % от должностного оклада
Охранники Сталина	5
Остальные сотрудники Охраны	3

Пенсионное обеспечение

Категории служащих	Расчет служебного стажа для начисления пенсии
Охранники Сталина	Один год службы приравнялся к трем годам
Остальные сотрудники Охраны	Один год службы приравнялся к двум годам

В соответствии с указанными выше должностными окладами и прочими выплатами телохранитель члена Политбюро в звании лейтенанта, выполнявший секретные задания офицера разведки и уже отслуживший пять лет, получал в конечном итоге 2730 рублей в месяц. Правда, из этой суммы как у холостяка, так и у женатого. человека, имевшего на своем иждивении одного или двух детей, вычитался налог в размере тринадцати процентов от совокупного дохода, и только отец троих и большего числа детей освобождался от налога. Кроме того, нельзя забывать и о том, что государство практически непрерывно выпускало все новые и новые займы, на которые каждый благоразумный сотрудник «добровольно» подписывался на сумму в размере его должностного оклада за период от одного до трех месяцев.

Совокупный доход лейтенанта Охраны, сколь бы огромным ни выглядел он по сравнению со средней заработной платой советских рабочих и служащих, в действительности не шел ни в какое сравнение с суммами, вручавшимися руководству Главного управления охраны. Например, тот же Власик получал что-то около пятнадцати тысяч рублей в месяц, и это при том, что он не был ограничен в расходах из государственных средств и обеспечивался бесплатным питанием и одеждой. Общая сумма различного рода выплат, причитавшихся его заместителям, колебалась в зависимости от трудового стажа от десяти до

двенадцати тысяч в месяц.

Для служащих средней категории весьма важным материальным подспорьем являлось бесплатное обеспечение всех без исключения сотрудников Охраны одеждой. Об этом можно судить хотя бы по тому, во что обходилась государству данная статья расходов: даже охранник с низшим офицерским званием получал обмундирование стоимостью 7500 рублей в год, причем в соответствии с чисто условными ценами, если же исходить из тех цен, по которым аналогичные вещи продавались в государственных магазинах, то эта сумма возрастала уже до десяти — двенадцати тысяч в год.

Всем сотрудникам Охраны, независимо от звания, каждые два года выдавалось по два комплекта форменной одежды и по два гражданских костюма. Выполнявшие же тайные задания офицеры разведки получали за тот же период по два комплекта штатского платья.

Более или менее ясное представление об этих рассчитанных на два года комплектах дают следующие данные.

В набор для сотрудников Охраны, ходивших в форменной одежде, включались меховая шапка, фуражка, шинель, китель, две пары брюк, мундир, две пары галифе, две пары кожаных сапог, ремни, перчатки, носки и три смены нижнего белья. Таким образом, в данный комплект входили те же самые предметы, которые выдавались и армейским офицерам, однако охранники получали их в несколько большем количестве, и, кроме того, эти вещи, бесспорно, отличались и лучшим качеством. Офицерам, занимавшимся некоторыми специфическими видами службы, предоставлялись также плащи с капюшоном, овчинные тулупы, галоши и валенки.

В набор для сотрудников Охраны, ходивших в штатском платье, включались меховая шапка, шляпа или кепка, пальто (или соответствующий пошивочный материал), костюм (или соответствующий пошивочный материал), две пары сапог или ботинок, рубашки, носки, нижнее белье, носовые платки, полотенца. Обслуживающий персонал, не имевший воинского звания, получал только штатскую одежду — в том же количестве, что и офицеры, но несколько худшего качества.

Сотрудникам Управления охраны предоставлялось также бесплатное жилье, но далеко не всем. Если говорить о телохранителях Сталина и «младших» иерархах, то они все как один обеспечивались теми или иными видами жилья: женатые — отдельными квартирами или несколькими комнатами в «коммуналках», холостяки — местом в общежитии. Наиболее щедро наделялся жильем офицерский состав кремлевской комендатуры, что объяснялось не только заботой коменданта о своих подчиненных, но и тому обстоятельству, что у него имелся свой собственный строительный батальон. По-иному складывалась судьба у тех сотрудников Управления, которым не столь повезло. Сталкиваясь, как и рядовые жители столицы, с ощущавшейся в Москве острой нехваткой жилья, они вынуждены были беспрестанно хлопотать о предоставлении им крыши над головой. И только сравнительно высокая заработная плата, которую они получали, позволяла им как-то смягчать стоявшую перед ними жилищную проблему.

«Младшие» иерархи, находившиеся под защитой охраны № 2 (1947–1952)

Абакумов Виктор Семенович.

Андреев Андрей Андреевич.

Берия Лаврентий Павлович.

Буденный Семен Михайлович.

Булганин Николай Александрович.

Василевский Александр Михайлович.

Вознесенский Николай Алексеевич.

Ворошилов Климент Ефремович.

Вышинский Андрей Януарьевич. Димитров

Георгий.

Жданов Андрей Александрович.

Жуков Георгий Константинович. Каганович

Лазарь Моисеевич.

Косыгин Алексей Николаевич.

Круглов Сергей Никифорович.

Кузнецов Алексей Александрович.

Куусинен Отто Вильгельмович. Маленков

Георгий Максимилианович. Меркулов

Всеволод Николаевич. Микоян Анастас

Иванович.

Молотов Вячеслав Михайлович. Патоличев

Николай Семенович. Пономаренко

Пантелеймон Кондратьевич. Попов

Георгий Михайлович. Рокоссовский

Константин Константинович. Серов Иван

Александрович. Соколовский Василий

Данилович. Суслов Михаил Андреевич.

Тимошенко Семен Константинович.

Хрущев Никита Сергеевич.

Чойбалсан Хорлогийн.

Шверник Николай Михайлович.

Организационная структура подразделений по охране руководителей Советского государства

(1917–1972)

Подразделения	Начальники	Коменданты Кремля
Бронечасть ВЧК	Аванесов Варлаам А. Быков Ф. П.	Мальков П. Д. (Смольный институт в Петрограде, ноябрь 1917 года — март 1918 года)
Латышские стрелки ноябрь 1917 года — декабрь 1918 года	Берзин Эдуард П.	(Московский Кремль, март 1918 года — апрель 1920 года) Помошник — Мартынов М. И.
Первые московские пулеметные курсы 1918 год — февраль 1921 года	Никитин И.И. (начальник) Борисов И. И. (комиссар)	Петерсон Р. А. 1920—1935
ОСНАЗ (Отряд особого назначения) февраль 1918 года — 17 июня 1924 года	Беленький А. Я.	
ЧОН (Части особого назначения) 1919—1925		
Первая объединенная военная школа ВЦИК	Лашук П. М. 1921—1929	

Подразделения	Начальники	Коменданты Кремля
Бронечасть ВЧК	Аванесов Варлаам А. Быков Ф. П.	Мальков П. Д. (Смольный институт в Петрограде, ноябрь 1917 года — март 1918 года)
Латышские стрелки ноябрь 1917 года — декабрь 1918 года	Берзин Эдуард П.	
Первые московские пулеметные курсы 1918 год — февраль 1921 года	Никитин И.И. (начальник) Борисов И. И. (комиссар)	(Московский Кремль, март 1918 года — апрель 1920 года) Помошник — Мартынов М. И.
ОСНАЗ (Отряд особого назначения) февраль 1918 года — 17 июня 1924 года	Беленький А. Я.	Петерсон Р. А. 1920—1935
ЧОН (Части особого назначения) 1919—1925		
Первая объединенная военная школа ВЦИК	Лашук П. М. 1921—1929	

Шестое управление НКГБ	Капанадзе А. П. Власик Н. С. Кузнецов А. К.	
Управление охраны № 1	Раков А. М.	
Управление охраны № 2 1946 — 1947	Шадрин Д. Н.	
Главное управление охраны Февраль 1947 года — май 1952 года	Начальник — Власик Н. С. Заместители — Линько В. С., Горышев С. В., Гришков Игнатьев С. Д.	
Управление охраны Май 1952 года — март 1953 года	Мартынов Новик Н. П.	
Девятое управление	Кузьмичев С. Ф. Ленев А. М.	Веденин А. Я. 1953 — 1967
Девятое управление	Устинов В. И. Захаров Н. С. Чекалов А. М.	
Управление охраны	Цвигун С. К. С 1967 года	Шорников С. С. С 1967 года

Охрана Сталина (1947–1952)

